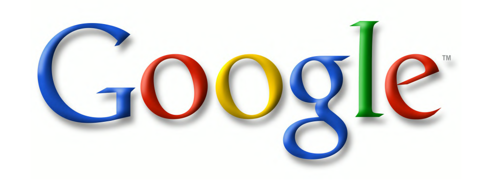
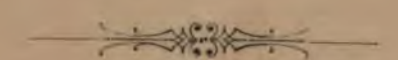

АРХИВЪ

СЕЛА

МИХАЙЛОВСКАГО

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1898.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 ЛИН. № 28
2610

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ I томѣ „Архива“ помѣщены фотографическіе снимки:

1. Портретъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго.
2. Группа, изображающая семью В. В. Шереметева.
3. Портретъ М. С. Бахметевой.
4. Снимки съ автографовъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, графини А. А. Орловой-Чесменской, М. С. Бахметевой и А. С. Шереметевой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894 г. напечатана статья подъ заглавіемъ: „Графъ Орловъ-Чесменскій въ Карлсбадѣ“, въ которой сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи его заграницей послѣ 1797 года.

Въ концѣ статьи, упоминая о М. С. Бахметевой, П. И. Бартеневъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Марья Семеновна Бахметева, близкая пріятельница гр. Алексѣя Григорьевича. Говорятъ, сохранились ея письма къ нему; онѣ должны быть любопытны, какъ все, относящееся къ этому необыкновенному человѣку“ [1]).

Для болѣе точнаго представленія о личности М. С. Бахметевой и о сношеніяхъ ея какъ съ графомъ Орловымъ, такъ и съ разными лицами, предлагается нынѣ переписка, хранящаяся въ семейномъ архивѣ, часть котораго находится въ с. Михайловскомъ, Московской губ., нѣкогда принадлежавшемъ М. С. Бахметевой. Письма эти, а равно и нѣкоторые другіе документы, представляющіе если не историческій, то бытовой интересъ, предположено издавать постепенно подъ общимъ заглавіемъ „Архивъ с. Михайловскаго“. Въ настоящій выпускъ входятъ:

1) Письма графа А. Г. Орлова къ М. С. Рожину.

2) Путевой журналъ графини А. А. Орловой-Чесменской.

3) Письма графини А. А. Орловой-Чесменской къ М. С. Бахметевой.

---

[1]) Русскій Архивъ 1894 г., кн. II, стр. 267.

4) Письма ея же къ Е. В. Шереметевой.

5) Переписка М. С. Бахметевой съ разными лицами.

6) Письма А. С. Шереметевой къ сестрѣ М. С. Бахметевой и сыну С. В. Шереметеву.

Переписка относится къ концу XVIII в. и началу XIX вѣка. Письма печатаются съ сохраненіемъ подлинной орѳографіи, какъ весьма типичной и характеристичной и для самихъ корреспондентовъ, и для того времени. Текстъ подготовленъ къ печати отчасти А. П. Барсуковымъ и окончательно А. О. Круглымъ. Имъ же принадлежатъ и примѣчанія за иниціалами „А. Б.“ и „А. К.“. Графъ А. Г. Орловъ является въ предлагаемой нынѣ перепискѣ центральнымъ лицомъ, около котораго группируются почти всѣ остальныя.

Къ первому тому приложены слѣдующіе фототипическіе снимки, исполненные въ художественной фототипіи А. И. Вильборга:

1) Портретъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго. Фотографическая копія съ оригинала, хранящагося въ Карлсбадѣ и подареннаго городу самимъ графомъ. Копія для настоящаго изданія доставлена А. П. Сабуровымъ.

2) Группа, изображающая семью В. В. Шереметева. Семья окружаетъ памятникъ графа А. Г. Орлова. Снимокъ съ оригинала, принадлежащаго нынѣ внуку Василія Владимировича Борису Сергѣевичу Шереметеву.

3) Портретъ М. С. Бахметевой. Снимокъ съ современнаго портрета масляными красками, хранящагося нынѣ у внучатнаго племянника Бориса Сергѣевича Шереметева.

4) Снимки съ автографовъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, графини А. А. Орловой-Чесменской, М. С. Бахметевой и А. С. Шереметевой.

Александръ Круглый.

Графъ
Алексѣй Григорьевичъ
Орловъ-Чесменскій.

АЛЕХАНЪ.

„И онъ говоритъ, что нашъ Алеханъ безсмертною славою покрылся, а мы говоримъ, что тотъ Алеханъ нашъ усердный другъ и ревностный сынъ отечества“.
Екатерина II

Личность Орлова-Чесменскаго настолько самобытна, что заслуживаетъ особаго вниманія и помимо его историческаго значенія.

Коренной русскій человѣкъ, подобно многимъ другимъ сподвижникамъ императрицы Екатерины II, онъ представляетъ изъ себя живой и народный типъ, не обезличенный подражательностью последующихъ поколѣній. Окончивъ свое политическое поприще, графъ Алексѣй Григорьевичъ зажилъ подъ Москвою, съ увлеченіемъ предаваясь любимымъ своимъ занятіямъ: такъ усовершенствовалъ онъ породу рысистыхъ лошадей, поддерживалъ и развивалъ конный заводъ, получившій впослѣдствіи большую извѣстность.

Вотъ какъ описываетъ день, проведенный у графа Алексѣя Григорьевича, и обстановку его дома подъ Москвою англійскій путешественникъ Коксъ:

„Домъ графа Орлова находится на краю города, на возвышенномъ мѣстѣ, а потому изъ него очень хорошій видъ на обширный городъ Москву и на окрестности. Вокругъ него расположены многія отдѣльныя зданія, занимающія большое пространство. Помѣщенія служащихъ, конюшни, берейторская школа и другія отдѣльно стоящія зданія, всѣ построены изъ булыжника. Фундаментъ и ниж-

ній этажъ графскихъ хоровъ также изъ того же матеріала; верхъ же деревянный (многіе въ этой странѣ думаютъ, что деревянные дома теплѣе и здоровѣе каменныхъ и кирпичныхъ, а потому многіе дворяне строятъ ту часть дома, въ которой живутъ сами, изъ дерева) и очень красиво выкрашенъ въ зеленую краску.

„Мы передали графу рекомендательное письмо князя Станислава Понятовскаго, племянника польскаго короля. Графъ принялъ насъ съ большимъ чистосердечіемъ и съ привѣтливостію и удержалъ насъ у себя къ обѣду. Онъ предложилъ намъ бросить всѣ церемоніи, причемъ убѣждалъ насъ, что онъ человѣкъ вполнѣ прямодушный, безъ комплиментовъ, что онъ очень высоко цѣнитъ англійскую націю и что ему доставитъ удовольствіе во время нашего пребыванія въ Москвѣ служить намъ чѣмъ только можетъ. Мы впослѣдствіи часто у него обѣдывали и всегда бывали принимаемы самымъ любезнымъ образомъ.

„Повидимому, графъ живетъ вполнѣ по обычаю древняго русскаго гостепріимства. Онъ держитъ открытый столъ, обставленный всегда различными греческими винами, привезенными имъ съ своего похода въ Архипелагъ.

„Я долженъ упомянуть объ одномъ блюдѣ, подаваемомъ за его богато убраннымъ столомъ, потому что я едва-ли гдѣ пробовалъ лучшаго, развѣ только его превосходитъ наша жареная дичь. То была четвертая часть астраханской баранины, замѣчательная какъ по количеству, такъ и по превосходному вкусу жира. (На дворѣ у дома видѣлъ я много такихъ барановъ, бродящихъ вокругъ своихъ стойлъ. Они были до того приручены, что давали намъ себя гладить. Величиною они были почти съ краснаго звѣря, но на короткихъ ногахъ, съ рогами, съ длинными висящими ушами; вмѣсто хвоста виситъ у нихъ большой комъ жира, который иногда вѣситъ до 30 фунтовъ).

„Во время стола играла музыка, которая вообще занимаетъ часть разговора за столомъ у здѣшняго дворянства. Мы замѣтили и другой признакъ общественной пышности у дворянъ—это многочисленная дворня, которая, смѣшиваясь съ прислугою, нерѣдко содѣйствовала ей при исполненіи своихъ обязанностей. Они держались обыкновенно вокругъ сидѣнія своего господина и казались

особенно обрадованными, когда онъ отличалъ ихъ отъ толпы наклоненіемъ головы или улыбкой.

„Въ свитѣ графа находился также нѣкій армянинъ, недавно только прибывшій изъ странъ горъ Кавказскихъ и по обычаю своей страны жившій въ шатрѣ, разбитомъ въ саду и покрытомъ чѣмъ то въ родѣ толстаго войлока. Одежда армянина состояла изъ длиннаго бѣлаго кафтана, опоясаннаго ремнемъ, изъ шароваръ съ сапогами. Волосы были кругло обстрижены по татарски. Его оружіе состояло изъ кинжала, лука и изъ турьяго рога съ такими же стрѣлами. Армянинъ былъ очень преданъ своему господину. Когда онъ къ нему впервые явился, то добровольно произнесъ присягу, выражаясь преувеличенно, по восточному обычаю, что готовъ напасть на всѣхъ враговъ графа, и въ доказательство тому, какъ серьезно онъ смотритъ на свою клятву—предложилъ самому себѣ отрѣзать уши! Также высказалъ онъ желаніе, чтобъ всѣ болѣзни, которыя когда либо могли застигнуть его господина, перешли бы въ него.

„Онъ подробно осмотрѣлъ наши одежды и казался очень довольнымъ сознаніемъ, что его одежда покойнѣе. Съ необычайною ловкостью становился онъ въ разныя позы и предложилъ намъ ему подражать. Протанцовалъ казацкій танецъ, причемъ напрягалъ всѣ мускулы и усиленно растягивалъ свое тѣло, не трогаясь съ мѣста. Наконецъ онъ подалъ намъ знакъ послѣдовать за нимъ въ садъ, гдѣ съ большимъ самодовольствомъ показывалъ намъ свой шатеръ и свое оружіе, причемъ пустилъ нѣсколько стрѣлъ удивительно высоко.

„Мы много наслаждались безъискусственнымъ обращеніемъ этого армянина, который похожъ былъ на дикаря, только что начинающаго сообразоваться съ нашими нравами.

„Графъ Орловъ, большой знатокъ верховаго искусства, владѣетъ, если не обширнѣйшимъ, то наилучшимъ заводомъ въ Россіи. Онъ былъ настолько любезенъ, что вполнѣ удовлетворилъ нашему любопытству тѣмъ, что взялъ насъ въ свое имѣніе, отстоящее отъ Москвы приблизительно около шести нѣмецкихъ миль, чтобы показать намъ свой заводъ.

„Мы отправились туда въ его собственномъ экипажѣ, запря-

женномъ шестернею, а за нами ѣхалъ другой парадный экипажъ, пустой, но также запряженный шестерикомъ; рядомъ съ нами скакало четыре гусара и вышеописанный армянинъ со своимъ колчаномъ со стрѣлами. Отъ радости онъ постоянно хлопалъ въ ладоши. Иногда подъѣзжалъ совсѣмъ близко къ экипажу, вдругъ останавливался и съ необыкновенною быстротою вращался вправо или влѣво—кругообразно.

„По дорогѣ на заводъ мы проѣхали мимо многихъ большихъ монастырей, которые, подобно многимъ въ этой странѣ, окружены высокими стѣнами съ башнями, на подобіе небольшихъ крѣпостей. Два раза переправилися черезъ Москву и прибыли черезъ два часа на круглую, ровную поляну, съ наилучшимъ подножнымъ кормомъ, посреди которой находился одинокій холмикъ; на послѣднемъ былъ расположенъ графскій домъ. Съ этого дома красивый видъ на окружающую равнину, омытую Москвою-рѣкою и окаймленную небольшими холмиками, по скатамъ коихъ роскошно разстилаются рощи, поля и выгоны.

„Большая часть лошадей паслась на равнинѣ; среди нихъ было не мало весьма красивыхъ жеребцовъ; болѣе 60 кобылъ, при чемъ у большинства были жеребята. Эти лошади привезены изъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта, а именно изъ Аравіи, Турціи, Татаріи, Персіи и изъ Англіи. Арабскихъ пріобрѣлъ онъ во время своей экспедиціи въ Архипелагъ, частью въ подарокъ отъ Алибея, частію покупкою или же добычею отъ Турокъ. Изъ нихъ цѣнились особенно четыре лошади (изъ коихъ двухъ мы видѣли въ его берейторской школѣ въ Москвѣ) настоящей Кохлинской породы, столь цѣнимой даже въ Аравіи и столь рѣдко встрѣчающейся внѣ своего отечества.

„Послѣ того какъ графъ со всею любезностью провелъ насъ по заводу и по сосѣднимъ угодіямъ, угостилъ онъ насъ прекраснымъ обѣдомъ, пріятность котораго онъ увеличилъ своею оживленною бесѣдою.

„На обратномъ пути сдѣлали мы небольшой крюкъ по направленію къ небольшой деревушкѣ въ разстояніи 4 верстъ отъ столицы, гдѣ императрица построила лѣтній домъ подъ именемъ Царицына. Послѣднее состояло изъ восьми или десяти отдѣльныхъ зданій въ

готическомъ вкусѣ при главномъ зданіи, которыя всѣ весьма прилично разбросаны по принадлежащей къ сему землѣ. Мѣстоположеніе этого лѣтняго жилища — романтическое: легкая поднимающаяся высота, за которою лѣсъ, а у подошвы ея озеро.

„Я долженъ здѣсь упомянуть о чертѣ, по истинѣ восточной— тароватости, поводомъ къ которой вскорѣ послужило это посѣщеніе.

„Въ одно утро слѣдующей затѣмъ зимы, проведенной нами въ Петербургѣ, прислана была лорду Герберту одна изъ красивѣйшихъ арабскихъ лошадей, особенно ему понравившаяся въ Москвѣ, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

„Милордъ! Я замѣтилъ, что вамъ лошадь эта понравилась; приглашаю васъ посему принять ее въ собственность. Я получилъ ее въ подарокъ отъ Алибея. Это чистокровная арабская лошадь кохлинской породы; въ послѣднюю войну мнѣ ее привезли на русскомъ кораблѣ изъ Аравіи, пока я былъ въ Архипелагѣ. Желаю, чтобы она вамъ такъ же сослужила, какъ и мнѣ. Остаюсь съ почтеніемъ вашъ покорный слуга графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій.

„Эта драгоцѣнная лошадь перевезена была изъ Петербурга водою въ Англію и теперь принадлежитъ графу Пемброку.

„Въ заключеніе послѣ одного обѣда графъ Орловъ доставилъ англичанамъ другого рода удовольствіе: онъ показалъ имъ кулачный бой, бывшій въ то время въ большомъ ходу у русскаго простонародья.

„Мы пошли вь берейторскую школу, гдѣ нашли собравшихся до 300 мужиковъ. Они раздѣлились на двѣ группы, причемъ каждая выбрала себѣ предводителя, который вызывалъ бойцовъ и ставилъ ихъ другъ противъ друга.

„Въ одно время между собою могли бороться только двое. Они не раздѣвались, какъ у насъ; на рукахъ у нихъ были одѣты толстыя кожаныя перчатки, съ отдѣльнымъ мѣстомъ для кисти руки, но безъ раздѣленій для пальцевъ. Кожа этихъ перчатокъ до того была тверда, что они едва могли согнуть руку въ кулакъ и многіе изъ нихъ боролись открытою рукою. Положенія у нихъ были совсѣмъ иныя, чѣмъ у борцовъ въ Англіи. Они стояли съ выдвинутою лѣвою ногой и лѣвой стороной, протягивали лѣвую

руку къ сторонѣ противника, чтобы удержать его удары, а правую колеблящуюся держали въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣвой. Вообще мѣтили они по направленію циркулеобразному на лицо и на голову, но никогда на грудь или на бока и казалось, что они не имѣли понятія о прямомъ направленномъ ударѣ. Когда же иной боецъ своего противника валилъ на землю, то его объявляли побѣдителемъ и тотчасъ же прекращалась борьба этой пары. Во время нашего пребыванія видѣли мы до 20 послѣдовательныхъ боевъ; иные изъ бойцовъ отличались необычайной силой, но ихъ обычай въ бою мѣшалъ несчастному случаю. Также мы не замѣтили перелома руки и ноги, ни иныхъ опасныхъ нажимовъ, которыми обыкновенно кончаются бои въ Англіи. Обѣ стороны отстаивали своихъ бойцовъ очень горячо. Казалось, иногда желали придти имъ на помощь, но при малѣйшемъ поползновеніи къ ссорѣ или дракѣ графъ Орловъ останавливалъ ихъ ласковымъ словомъ или жестомъ.

„Доброе слово, даже одно движеніе головы прекращало всѣ споры. Когда онъ далъ имъ понять, что желалъ бы прекратить игру, они очень усердно его просили, чтобы онъ еще нѣкоторое время удостоилъ ихъ своимъ присутствіемъ; получивъ согласіе, они поклонились ему въ поясъ и казались такими довольными, какъ будто имъ оказана была величайшая милость.

„Вообще графъ очень крестьянами своими любимъ и въ его присутствіи суровыя ихъ лица всегда оживляются“ [1]).

Вотъ какъ описываетъ графа Орлова другой чужестранецъ, англійскій посланникъ Каткартъ:

„Графъ Алексѣй Орловъ гигантскаго роста, но прекрасно сложенъ; у него очень благородное лицо, несмотря на значительный шрамъ поперекъ лица, полученный имъ въ молодости во время борьбы; манеры его необыкновенно просты, не лишены однако того достоинства, которое сопровождаетъ значительное состояніе, а также необычайной скромности. Онъ любимъ всѣми сословіями и въ счастіи ведетъ себя такимъ образомъ, что не возбуждаетъ зависти.

---

[1]) William Coxe. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. London. 1784, p. 281—286.

„Онъ не говоритъ по-французски. „Онъ отличался“—говоритъ біографъ его брата, графа Влад. Григорьевича—„исполинскимъ ростомъ, богатырскою силой“. Иностранные дипломаты, характеризуя въ своихъ депешахъ графа Алексѣя Григорьевича, признавали въ немъ всѣ главныя качества государственнаго человѣка: „большое спокойствіе въ обсужденіи дѣла со всѣхъ сторонъ, ясность взгляда, рѣшительность и неуклонность въ преслѣдованіи своихъ цѣлей“ [1]).

„Всѣ пятеро“—пишетъ въ своихъ мемуарахъ академикъ Тьебо—„были громаднаго роста и необычайной силы, какую рѣдко встрѣтишь, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ. Второй братъ былъ самый красивый, а третій (Алексѣй) самый сильный изъ всѣхъ. Шрамъ на его лицѣ былъ послѣдствіемъ спора объ закладъ, предложеннаго имъ въ лѣта своей молодости, съ вызовомъ драться одновременно противъ нѣсколькихъ гренадеровъ, которыхъ онъ и одолѣлъ, получивъ однакожъ рану въ лицо, оставившую слѣдъ на всю его жизнь“ [2]).

Но послушаемъ отзывъ императрицы Екатерины II, который она дѣлаетъ въ своемъ письмѣ къ графу Станиславу Понятовскому:

„Les Orloff brillent par l'art de savoir régir les esprits, par une prudente hardiesse, par les grands et petits details, par une grande présence d'ésprit et par l'autorité que cette conduite leur a donnée. Ils ont beaucoup de bon sens, un courage généreux; patriotes jusqu'à l'enthousiasme, et fort honnêtes gens; attachés avec passion à ma personne, et unis entre eux comme jamais frères ne l'ont été“ [3]).

Блестящее время братьевъ Орловыхъ началось съ 1762 года. Алексѣй Григорьевичъ, какъ вѣрный другъ, не покидалъ своего старшаго брата и служилъ ему надежнымъ совѣтникомъ во времена его славы. Не покинулъ онъ его и тогда, когда наступила пора разочарованій, когда поднялась звѣзда Потемкина.

---

[1]) Графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ. Біографическій очеркъ графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. I, стр. 12—13.

[2]) Русская Старина 1878 г., т. XXIII, стр. 591. По словамъ Гельбига „гр. А. Г. Орловъ былъ умнѣе брата Григорія“. Русская Старина 1886 г., т. LII, стр. 9.

[3]) Mémoires de l'impératrice Catherine II. Londres. 1859, pg. 368.

Извѣстные наѣздники, оба брата Орловы участвовали въ знаменитой каруселя 1765 года.

„Князь Григорій Григорьевичъ появился во главѣ Римской кадрили, графъ Алексѣй Григорьевичъ во главѣ Турецкой. Каждая кадриль имѣла свою особую музыку. Восемь дамъ, изъ коихъ по двѣ принадлежали къ каждой кадрили, появились каждая въ открытомъ экипажѣ, который везъ кавалеръ. Дамы были въ полномъ военномъ вооруженіи, въ платьяхъ съ драгоцѣнными бриллiантами. Ихъ лошади, подобно лошадямъ ихъ рыцарей, были прекрасно и ослѣпительно разукрашены.

„Среди плаца карусельнаго была устроена особая эстрада для верховнаго судьи, которымъ былъ 60-лѣтній старецъ фельдмаршалъ графъ Минихъ.

„Лучшій призъ получила графиня Наталья Петровна Чернышова, меньшая дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора графа Петра Григорьевича Чернышова.

„Судьи не были согласны, кому изъ братьевъ Орловыхъ, получившихъ одинакое число призовъ, предоставить первый призъ. Тогда они появились на слѣдующій день въ полномъ вооруженіи... и передъ глазами монархини и собранной публики рѣшеніе участи и полученіе перваго приза достигнули взаимнымъ состязаніемъ въ быстротѣ скачки. Оба доказали одинаково весьма большую ловкость. Призъ вмѣстѣ съ лавровымъ вѣнкомъ достался генералъ-фельдмаршалу князю Гр. Гр. Орлову“... [1]).

Въ томъ же 1765 г. С. А. Порошинъ въ своемъ дневникѣ такъ описываетъ проведенный вечеръ у графа А. Г. Орлова:

„Января 25, послѣ обѣда, поучась, изволилъ Государь поѣхать на новоселье къ гр. А. Г. Орлову, въ Вульфовскій домъ, что̀ на набережной... часу въ восьмомъ изволила прибыть туда и Ея Императорское Величество. Изволила сѣсть играть въ лом-

---

[1]) Ср. Прибавленіе къ № 51 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1766 г. Портреты обоихъ братьевъ Орловыхъ въ костюмахъ кадрили находятся нынѣ въ Гатчинскомъ дворцѣ. По оконча̀ніи карусели оба брата сняли съ себя портреты въ человѣческій ростъ. Эти чудныя картины до нынѣшняго времени хранятся въ Эрмитажѣ рядомъ съ портретомъ императрицы Екатерины II, на которомъ она верхомъ въ гвардейскомъ мундирѣ, во время восшествія на престолъ (Русская Старина 1886 г., т. LII, стр. 5).

беръ. Въ залѣ изволилъ и Его Высочество къ столу игорному сѣсть и понтировать. Нарочно для него банкъ сдѣлали. Въ девятомъ часу зажгли приготовленный передъ домомъ на Невѣ фейерверкъ, который сдѣланъ былъ и горѣлъ весьма изрядно. Какъ за вензелевымъ именемъ Его Высочества огненныя колеса весьма быстро вертѣлись, то изволилъ сказать Великій Князь, *„вотъ видно, что Мелиссино* (артиллерійскій полковникъ, который оный фейерверкъ дѣлалъ) *меня знаетъ и видалъ, какъ я у себя прыгаю. Окружилъ имя мое рѣзвыми колесами"*. Прежде нежели зажгли фейерверкъ, подносилъ хозяинъ описаніе его на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Послѣ, какъ подошелъ Государь къ столу, гдѣ множество оныхъ описаній лежало, изволилъ сказать, что онъ и еще экземплярецъ хотѣлъ бы взять, то графиня Прасковья Алексѣевна Брюсша, взявъ одинъ, поднесла ему. Увидѣвъ, что написано по-нѣмецки, изволилъ Его Высочество сказать ей: *„Извольте этотъ у себя удержать; я бы лутче арабской взялъ, естьлибъ былъ, нежели нѣмецкой"*. Часу въ десятомъ сѣли ужинать. Сидѣли по билетамъ. Его Высочество изволилъ сидѣть съ графиней Варварой Алексѣевной Шереметевой. Между нимъ сидѣлъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Ея Величество подлѣ себя въ парѣ указала сѣсть хозяину, графу Алексѣю Григорьевичу. Въ одиннадцатомъ часу, вставъ изъ-за стола, изволилъ Его Высочество тотчасъ поѣхать во дворецъ. Ея Величество тутъ еще изволила остаться" [1]).

„Въ 1765 г. окт. 27 императрица Екатерина II пожаловала Л. Г. Преображенскаго полка маіору графу Алексѣю Орлову село Островъ и село Бесѣды съ причисленными къ онымъ деревнями, приселками, всего на 3 ревизіи 1500 д.; февр. 3 д. 1767 г. повелѣно отдать Островъ и Бесѣды адъютанту Алексѣю Орлову безъ всякаго зачету въ полномъ составѣ въ потомственное и вѣчное владѣніе" [2]).

---

[1]) Записки С. А. Порошина. С.-Пб. 1881 г., ст. 251—252.

[2]) Въ Москвѣ у графа Алексѣя Григорьевича было два дома: одинъ находился въ 3-мъ кв. Басманной части, въ ур. Пастемкахъ, что̀ въ Елоховѣ, другой - въ 4-мъ кв. Серпуховской ч., подъ № 4, на Калужской части, въ приходѣ Ризоположенской церкви. Здѣсь прилегалъ къ саду лугъ, на которомъ графъ потѣшалъ народъ зрѣлищемъ пѣтушиннаго боя. Родовой же домъ находился въ приходѣ Егорія, что̀ на

За годъ до этого пожалованія, а именно 14-го декабря 1766 г., обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ, возвѣщавшій о собраніи въ Москву со всей имперіи депутатовъ. Императрица Екатерина II объявляла въ томъ манифестѣ, что она поставила себѣ цѣлью узнать этимъ путемъ „нужды и чувствительные недостатки нашего народа“.

Первые выборы состоялись въ домѣ гр. Строгановыхъ у Полицейскаго моста 15-го января 1767 г. Большинство голосовъ получило 19 человѣкъ, „между ними первымъ былъ гр. А. Г. Орловъ“.

19-го января повторились выборы для жителей Литейной и Выборгской частей. Въ числѣ 15 лицъ, получившихъ большинство—седьмымъ былъ графъ П. Б. Шереметевъ.

На четвертомъ собраніи 22-го января для жителей Васильевской части выбранъ былъ графъ Ив. Гр. Орловъ. Такимъ образомъ состоялось избраніе 105 повѣренныхъ, которые 27-го января собрались для выбора головы „депутата“. Выбранъ былъ Н. И. Зиновьевъ, но по причинѣ болѣзни его, онъ не могъ явиться въ церковь, а потому повелъ ихъ старшій по немъ по большинству шаровъ генералъ-поручикъ Е. И. В. генералъ-адъютантъ графъ А. Г. Орловъ.

По возвращеніи изъ церкви въ залу была учинена присяга и голова предложилъ избрать депутата. Большинствомъ голосовъ избранъ былъ графъ А. Г. Орловъ, который получилъ отъ головы и отъ всего собранія поздравленіе съ сею должностью. Съ своей стороны графъ изъявилъ имъ свою благодарность за оказанное ему городомъ довѣріе, присоединивъ къ тому, что онъ употребитъ готовность и стараніе по мѣрѣ силъ своихъ исполнить все, что отъ согражданъ будетъ поручено его попеченію.

Когда депутаты въ количествѣ 460 человѣкъ прибыли въ Москву, сенатъ донесъ о томъ императрицѣ. Императрица Екатерина II торжественно вступила изъ Головинскаго дворца въ Кремль—было 10 часовъ утра, когда въѣздъ совершился. Карета,

---

Всполье. Въ немъ жилъ старшій братъ Иванъ. Еще въ 1745 г. въ исповѣдныхъ росписяхъ значится въ этомъ году „Д. С. С. Григорій Орловъ съ дѣтьми“. Самый храмъ построенъ вспомоществованіемъ Орловыхъ, причемъ особенное участіе принималъ графъ Ив. Гр. Орловъ. (Рукопись: „Матеріалы для исторіи церкви Егорія на Всполье“).

въ которой ѣхала государыня, была запряжена цугомъ въ 8 лошадей, взводъ кавалергардовъ сопровождалъ ее, во главѣ ихъ ѣхалъ шефъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Депутаты взошли въ Успенскій Соборъ по два въ рядъ, по порядку губерній. Передъ ними съ маршальскимъ жезломъ былъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій. Послѣ литургіи — молебенъ и присяга, затѣмъ въ залѣ дворца императрица Екатерина II принимала депутатовъ у трона... На столѣ, покрытомъ бархатомъ, лежалъ „Наказъ".

Генералъ-прокуроръ подошелъ къ подножію трона и именемъ сената доложилъ, что имѣетъ счастье представить прибывшихъ по Высочайшему повелѣнію депутатовъ со всѣхъ краевъ обширной ея державы.

Тогда отъ лица депутатовъ вступилъ митрополитъ Новгородскій Димитрій (Сѣченовъ) и сказалъ слово:

„Боже! утверди сіе", — говорилъ онъ — „еже явилъ еси въ дни наша дѣло, и премудростью своею устрой, да изъ сего произыдетъ вкупѣ слава Твоя, слава Монархини нашея, слава любезнаго отечества нашего" [1]).

Именемъ императрицы Екатерины II князь Голицынъ отвѣчалъ депутатамъ рѣчью, въ которой говорилъ:

„Начинайте сіе великое дѣло и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ.

„Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ и пріобрѣсти себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ.

„Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы... идите къ сему съ міромъ" [2]).

Вслѣдъ затѣмъ императрица Екатерина II вручила Наказъ. На другой день—первое засѣданіе въ Грановитой палатѣ. Избрали мар-

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. IV, стр. 38.

[2]) Ibid., стр. 39.

шала. Большинство шаровъ получили графъ Гр. Гр. Орловъ и Зах. Чернышевъ. Затѣмъ Бибиковъ. Императрица Екатерина II рѣшаетъ такъ: „Какъ графъ Орловъ насъ просилъ о увольненіи, а графъ Чернышевъ обязанъ многими дѣлами, то быть предводителемъ Костромскому депутату Александру Бибикову. 2-го августа 1767. Москва" [1]).

Тогда генералъ-прокуроръ князь Вяземскій вручилъ свой жезлъ избранному предводителю и приступлено было къ чтенію Наказа. Читали: Григорій Орловъ, Елагинъ и Волковъ. Оно закончено было во второмъ засѣданіи.

На третьемъ, 7-го августа, маршалъ Бибиковъ обратился къ собранію съ такою рѣчью: „Принявъ жезлъ маршала, получилъ я достоинство предводителя. Высочайшая воля Великой нашей Самодержицы сію должность на меня возлагаетъ. Почтенно и славно для меня стать предводителемъ знаменитаго Государственныхъ чиновъ собранія. Восхищаюсь, усматривая общее всѣхъ усердіе видѣть утверждаемое въ Россіи благоденствіе установленіемъ ясныхъ, полезныхъ, давно намъ нужныхъ и всѣми желаемыхъ законовъ.

„Колико счастливы и благополучны мы, имѣя таковую государыню, что главнымъ предметомъ чтитъ народа своего счастье"! [2]).

Въ числѣ депутатовъ находились всѣ четыре брата Орлова. Насколько серьезно относились графы Григорій и Алексѣй Григорьевичи Орловы къ новымъ своимъ обязанностямъ, видимъ изъ письма его, сообщеннаго однимъ изъ депутатовъ, Беклемишевымъ, по поводу бывшихъ толковъ и предположеній объ избраніи его маршаломъ.

Императрица Екатерина II жила въ то время въ селѣ Коломенскомъ, что̀ было послѣднимъ царскимъ тамъ пребываніемъ. При императорѣ Александрѣ I историческое зданіе Коломенскаго дворца прекратило свое существованіе. Уцѣлѣли донынѣ только храмы и ворота... Изъ оконъ церковныхъ чудный видъ на Москву и цѣло еще мѣсто Тишайшаго царя, обращенное къ Перервѣ и заливнымъ лугамъ у Москворѣчья... Все заглохло и заросло въ Коломенскомъ и дождется ли оно когда-нибудь обновленія?..

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. IV, стр. 55.
[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. IV, стр. 57—58.

Въ 1767 г. графъ А. Г. Орловъ въ Островѣ принималъ цесаревича Павла Петровича. Еще въ 1764 г. С. А. Порошинъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ: „Сент. 26. Воскресенье. Передъ обѣдней подарилъ Его Высочеству гр. А. Г. Орловъ конской уборъ, выложенной хрусталями, топазами и композиціями съ фабрики господина Ломоносова: цѣнили оной уборъ рублей въ тысячу“ [1]).

Съ признательностью вспоминаетъ объ Орловѣ въ своихъ запискахъ Державинъ. „Державинъ безъ протектора всегда оставался рядовымъ... (въ 1763 г.), рѣшился онъ прибѣгнуть подъ покровительство маіора своего, графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Вслѣдствіе чего, сочинивъ къ нему письмо, съ прописаніемъ наукъ и службы своей... пошелъ къ нему и подалъ ему письмо, которое прочетши, онъ сказалъ: „хорошо, я разсмотрю“. Въ самомъ дѣлѣ и пожалованъ онъ въ наступившій праздникъ въ капралы“ [2]).

Державинъ не забылъ этой услуги и всегда принадлежалъ къ числу сторонниковъ графа Орлова; въ стихахъ своихъ онъ не разъ его прославлялъ.

Благодаря тому же графу А. Г. Орлову прославился въ это время знахарь Ерофеичъ, тотъ, по словамъ Г. Р. Державина, „извѣстный славный шарлатанъ Ерофеичъ, который вылѣчилъ графа А. Г. Орлова отъ весьма опасной болѣзни, отъ которой всѣ лучшіе доктора отказались“ [3]).

Объ этомъ Ерофеичѣ имѣется слѣдующій разсказъ: Графъ Орловъ (тотъ самый, который прославилъ Русскій флотъ въ войну 1769 г.) заболѣлъ томительной болѣзнью (maladie de langueur), отъ которой отказался весь факультетъ. Придворный генералъ г-нъ Бецкій предложилъ ему услуги шарлатана, именуемаго Ерофеичемъ, служившаго въ качествѣ лѣкаря въ Академіи Художествъ. Орловъ былъ въ положеніи не бояться риска; онъ согласился.

Этотъ Ерофеичъ путешествовалъ внутри Сибири и на Китайской границѣ пріобрѣлъ себѣ большую книгу, наполненную указаній и рецептовъ, исключительно простыхъ. Вызванный къ графу,

---

[1]) Записки С. А. Порошина. С.-Пб. 1881 г., ст. 10.
[2]) Сочиненія Державина. Ред. Я. К. Грота. Т. VI, стр. 439.
[3]) Ibid., стр. 458.

онъ собралъ справки о его болѣзни, поспѣшилъ у себя набрать свѣдѣній въ толстой книгѣ, взялся лѣчить графа и ему посчастливилось его вылѣчить.

Вотъ событіе, которое прославило Ерофеича и способствовало упроченію за нимъ состоянія, котораго, быть можетъ, съ трудомъ добился бы ученый.

И. И. Бецкій, не любившій докторовъ, былъ въ восхищеніи отъ выздоровленія своего друга, столь постыдно посрамившаго факультетъ. Императрица, весьма привязанная къ своему адмиралу, вызвала ко двору новаго врача, котораго она благодарила, пила за его здоровье и наградила его значительной суммой. Графъ Орловъ, вѣроятно, разстроилъ свое здоровье переутомленіями, главнымъ образомъ, физическаго свойства: онъ былъ необыкновенной силы и часто любилъ ею щеголять.

Ерофеичъ не умѣлъ читать. Когда къ нему являлся больной, онъ въ подробностяхъ начиналъ разспрашивать его о болѣзни, потомъ призывалъ своего мальчика, который былъ у него въ услуженіи и который умѣлъ читать. Если болѣзнь была обыкновенная— указаніе давалось очень скоро: заглавія въ книгѣ сокращали время розысковъ; но когда дѣло касалось болѣзни рѣдкой или неизвѣстной — нужно было молодому человѣку иной разъ перелистывать всю книгу, прежде чѣмъ найти нужное, если только найти было возможно.

Они составляли вмѣстѣ и наугадъ во многихъ случаяхъ специфику изъ многихъ простыхъ средствъ, часть которыхъ предназначена была къ кипяченію для внутренняго употребленія, причемъ соки смѣшивались съ водою, остальная же часть служила мѣстнымъ лѣкарствомъ. Не слишкомъ ли строго судятъ о Ерофеичѣ, который лѣчилъ травами, добытыми въ Сибири, гдѣ и донынѣ пользуются довѣріемъ буряты, прибѣгающіе къ подобнымъ средствамъ [1])?

---

[1]) Въ записной книгѣ рецептовъ, принадлежавшей пріятелю графа А. Г. Орлова В. В. Шереметеву, сохранился рецептъ настойки, носившей наименованіе „Ерофеичъ". Настойка эта неизмѣнно подавалась въ семьѣ его. Сообщаемъ регистръ травамъ для пользы отъ лихорадки и многихъ другихъ болѣзней.

Появленіе Потемкина на политическомъ горизонтѣ совпало съ воцареніемъ императрицы Екатерины II. Орловы ему покровительствовали, не предугадывая будущаго его значенія. Императрица Екатерина II остановила на немъ свой проницательный взоръ, хотя сердцемъ ея господствовалъ тогда Григорій Орловъ. Отношенія Орловыхъ къ Потемкину въ началѣ не были враждебны.

---

1. Латотысячнику 3 пучка. 2. Дойной. 3. Звѣробою. 4. Буковицъ. 5. Почечуйнаго. 6. Полыни. 7. Мяты.	оныхъ всѣхъ по двѣ горсти.
8. Шалфею. 9. Понечишинику (?!) 10. Чернобыльникъ. 11. Укроповой. 12. Анису. 13. Зорнаго огороднаго сѣмени. 14. Полевой зори коренья. 15. Можжевеловыхъ ягодъ.	оныхъ всѣхъ по одной горсти.

Конецъ силы травамъ.

Всѣ травы изрѣзавъ положить въ четверть бутылки верной и налить анисовою водкою или какою другою водкою-жъ, или хорошимъ простымъ виномъ, крѣпко закупоря, и поставить въ теплое мѣсто на одни сутки и потомъ пить, по половинѣ наливать въ рюмку съ тою-же водкою или виномъ предъ обѣдомъ и ужиномъ заранѣе кушанья.

Отъ какихъ болѣзней:

1) Умѣренно слабитъ, острыя макроты съѣдаетъ (?!), желудокъ въ крѣпости содержитъ.

2) Затменіе головное разгоняетъ.

3) Почечуй отворяетъ

4) Потъ производитъ.

5) Хмель сокрушаетъ и похмелье облегчаетъ.

6) Сонъ наводитъ.

7) Камень раздробляетъ, въ песокъ производитъ и вонъ выгоняетъ.

8) Кручину искореняетъ.

9) Ослабившую плоть согрѣваетъ.

10) Женамъ всѣмъ въ полезномъ плодородія приноситъ.

„Сей рецептъ точнаго изданія здѣшняго лекаря главнаго русскаго Ерофѣевича". (На пачкѣ, въ которой находился выписанный рецептъ, рукою В. П. Шереметевой написано: „Покойнаго батюшки Василья Владиміровича Шереметева". А выше этой надписи неизвѣстною рукою: „Разныя нужные рецепты. Пересматривали 1798 года, апрѣля 1 дня". (Изъ бумагъ В. В. Шереметева. Архивъ с. Михайловскаго).

Племянникъ Потемкина, графъ Самойловъ, повѣствуетъ о немъ слѣдующее: „При первомъ появленіи его на сценѣ придворной, будучи 22-хъ лѣтъ, имѣлъ онъ случай показать смѣлость свою, присутствіе духа и остроту ума. Однажды, по должности дежурнаго камеръ-юнкера, во время стола, сидя противъ самой государыни, Ея Величеству угодно было отозваться къ нему на французскомъ языкѣ, на что онъ отвѣтствовалъ на русскомъ.

„Тогда нѣкто знатнѣйшій чиновникъ, не пропуская сего обстоятельства и въ порицаніе ему, сказалъ, что на какомъ языкѣ государь предлагаетъ рѣчь подданному, на томъ самомъ онъ долженъ отвѣтствовать; но Григорій Александровичъ, нимало не смущаясь, отвѣтствовалъ ему слѣдующее:

„А я напротивъ того думаю, что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ можетъ вѣрнѣе мысли свои объяснить: русской же языкъ учу я слишкомъ 22 года“ [1]).

Въ 1763 году Потемкинъ окривѣлъ, довѣрившись какому-то знахарю. Въ то время „Ерофеичъ“ былъ въ славѣ. Онъ лѣчилъ графа А. Г. Орлова и весьма удачно. Его имя увѣковѣчилось въ названіи извѣстной водочной настойки [2]).

Лѣченіе Г. А. Потемкина не удалось. Онъ окривѣлъ, впалъ въ уныніе, чудилъ и долго не ѣздилъ ко двору. Въ это время врачи не бездѣйствовали. Императрица Екатерина II желала знать, въ чемъ дѣло. Тогда „кн. Гр. Гр. Орловъ, коего честность и возвышеніе духа (котораго) всѣмъ извѣстны, испросилъ дозволеніе у императрицы поѣхать съ братомъ его графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и представить Ея Величеству уединившагося Потемкина. Итакъ, сіи извѣстные великодушіемъ, заслугами, приверженностью и вѣрностью къ государынѣ два брата пріѣхали къ нему неожидаемо и для предупрежденія, чтобъ не допустить его скрыться отъ нихъ, вошли въ его спальну разными дверьми. Первое слово князя Орлова было: „Тезка, государыня приказала мнѣ глазъ твой посмотрѣть“. Но при всемъ благоговѣніи своемъ къ монархинѣ

---

1) Русскій Архивъ 1867 г., ст. 597—598.
2) Ibid., ст. 599, прим. 27.

Григорій Александровичъ не желалъ сему повиноваться. Между тѣмъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, предъусмотря сіе прежде и условясь съ братомъ заблаговременно, имѣя, какъ всѣмъ извѣстно, отъ природы силу чрезъестественную, зашелъ сзади Григорія Александровича, схватилъ его поперекъ, и какъ онъ не могъ сопротивляться, то князь Григорій Григорьевичъ, снявъ съ глазу платокъ и видѣвъ на ономъ бѣльмо, сказалъ: „Ну, тезка, мнѣ не такъ про тебя говорили, и всѣ сказывали, что ты проказничаешь; изволь одѣться: государыня приказала привезти тебя къ себѣ“ [1]).

Императрица Екатерина II помнила ту помощь, которую оказалъ ей Алексѣй Орловъ въ 1762 году, и никогда имъ не пренебрегала, даже и тогда, когда онъ сошелъ съ политическаго поприща. О положеніи графа Орлова при дворѣ узнаемъ изъ дневника С. А. Порошина. Послѣдній всегда былъ вѣренъ брату Григорію, о которомъ мимоходомъ говоритъ дневникъ: „1765, 25 февраля ввечеру приходилъ гр. Гр. Гр. Орловъ: онъ сегодня лишь пріѣхалъ изъ деревни своей Ропши. Сказывалъ, какъ онъ тамъ убилъ медвѣдя и принялъ его самъ на рогатину“ [2]).

Передъ тѣмъ отъ 22-го февраля Порошинъ записываетъ: „Изволила Ея Величество во внутреннихъ своихъ покояхъ играть въ билліардъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Оборотясь ко мнѣ, изволила улыбаючись сказать: *„Я чаю, вамъ въ нынѣшнее время безъ маскарадовъ и скушно“* [3]), и въ томъ же 1765 году въ октябрѣ: „Пошли мы къ государынѣ. Ея Величество очень скоро изволила выйтить и пойтить въ провожаніи Его Высочества и многихъ придворныхъ въ парадные Его Высочества покои смотрѣть кукольной комедіи. По окончаніи комедіи изволила возвратиться къ себѣ и играть въ билліардъ двѣ партіи съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Его Высочество стоять тутъ изволилъ“ [4]).

Живя въ Петербургѣ, Орловъ оставался кореннымъ москвичемъ, какъ и вся семья его—дѣти Григорія Ивановича Орлова.

---

[1]) Русскій Архивъ 1867 г., ст. 602—603.
[2]) Записки С. А. Порошина. С.-Пб. 1881, ст. 264.
[3]) Ibid., ст. 259.
[4]) Ibid., ст. 463.

Онъ все болѣе и болѣе привязывался къ пожалованному ему государыней Острову.

Вокругъ старшаго брата Ивана собиралась семья въ родовомъ его московскомъ домѣ у Егорія на Всполье.

„Адамъ Васильевичъ", — пишетъ императрица Екатерина II Олсуфьеву отъ 8-го сентября 1767 г. — „прикажи сдѣлать золотой кубокъ тысячи въ двѣ съ моимъ медальономъ и подписать такъ, какъ въ старину подписывали, что оной кубокъ мною пожалованъ гвардіи Преображенскаго полку графу Алексѣю Орлову на новоселье въ село Островъ и прикажи скорѣе сдѣлать. Екатерина" [1]). Съ каждымъ годомъ Островъ становится ему дороже. Позднѣе онъ послужилъ ему убѣжищемъ и отрадою.

Начавшаяся въ 1768 году Турецкая война поглощала все его вниманіе. Онъ сознавалъ свою силу и предложилъ свои услуги правительству. Онъ отдалъ себя въ распоряженіе той, которая еще такъ недавно созывала депутатовъ и созданіемъ Наказа стяжала себѣ неувядаемую славу. Онъ горѣлъ желаніемъ прославить новое царствованіе путемъ забытымъ со временъ Великаго Петра. Онъ обратилъ вниманіе на русскій флотъ. Поѣздка его въ Вѣну и въ Италію имѣла политическую цѣль, которую онъ выполнилъ безукоризненно.

Мысль послать эскадру въ Архипелагъ принадлежитъ графу А. Г. Орлову. „Графу Орлову одолжена я частію блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣтовалъ послать флотъ въ Архипелагъ" [2]).

При открытіи войны съ Турками онъ находился въ Италіи для излѣченія болѣзни [3]).

По всей вѣроятности, изъ Венеціи, гдѣ пребываніе его было продолжительно, графъ А. Г. Орловъ писалъ то письмо, о которомъ упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ князь Юр. Вл. Долгоруковъ. Въ немъ между прочимъ говорится: „Или ѣхать, и ѣхать до Константинополя и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ подъ ига *татарскаго*, которое они терпятъ, и скажу такъ, какъ въ грамотѣ государь Петръ Первый сказалъ, а ихъ невѣрныхъ магометанъ согнать въ поля и степи пустыя и песча-

---

[1]) Русскій Архивъ 1863 г., ст. 448.

[2]) А. М. Грибовскій. Записки о имп. Екатеринѣ Великой, стр. 40.

[3]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 2, прим. 1-е.

ныя на прежнія ихъ жилища. А тутъ опять заведется благочестіе, и скажемъ слава Богу нашему и всемогущему" [1]).

Императрица Екатерина II тотчасъ же воспользовалась предложеніемъ графа А. Г. Орлова и писала ему: „Чѣмъ больше учиненное Намъ отъ васъ представленіе о употребленіи себя къ службѣ отечества вмѣстѣ съ православными греческими и славянскими народами можетъ способствовать успѣхамъ оружія Нашего противу турковъ, съ тѣмъ вящимъ благоволеніемъ и милостію пріемлемъ мы оное и воздаемъ достохвальному вашему усердію полную и совершенную справедливость" [2]).

„Въ сіе время"—разсказываетъ князь Юр. Вл. Долгоруковъ—„графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, находясь для леченія болѣзни въ Италіи и въ Венеціи, разговаривая (съ) славянами, венеціанскими подданными, съ нами единовѣрными, увѣрился, что они недовольны своимъ правленіемъ, также и ихъ сосѣди черногорцы, турецкіе подданные, даже Греки въ Архипелагѣ преданы двору россійскому; посему графъ Орловъ писалъ ко двору, дабы наши народы (sic!) и обстоятельства дѣлать свое вниманіе, и онъ представляетъ свои услуги, если присланъ будетъ флотъ и войско...

„...Подъ именемъ россійскихъ купцовъ отправились мы въ Италію. Доѣхавъ въ Пизу, тутъ я вручилъ бумаги графу Орлову и притомъ записку, что весьма скоро къ нему придутъ девять линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ и пять тысячъ человѣкъ десантнаго войска. Мы ожидали скораго прибытія сего флота, но, съ одной стороны, неопытность нашихъ морскихъ начальниковъ, а съ другой—нежеланіе воевать, была причина ихъ медленности.

„Флотъ нашъ зашелъ въ Аглинской портъ, гдѣ простоялъ семь мѣсяцевъ, яко-бы за починкою кораблей, а самая причина, что адмиралъ все твердилъ: „авось помирятся"; по сей причинѣ мы въ недѣйствіи весьма скушно проводили (время)...

„Въ одно утро графъ Алексѣй Григорьевичъ мнѣ говоритъ, будто братъ его къ нему приступаетъ и требуетъ ѣхать въ Черную гору, но вотъ его слова:

---

[1]) Записки князя Ю. В. Долгорукова. Русская Старина 1889 г., т. LXIII стр. 492.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр.2.

— „Ты знаешь, что братъ мой не имѣетъ способности, а притомъ всѣми ненавидимъ, то во избѣжаніе дурныхъ слѣдствіевъ, возьми сію экспедицію на себя.

„Я согласился и въ нѣсколько дней собрался“ [1]).

Императрица Екатерина II не ошиблась, назначая Алексѣя Орлова: Чесменская великая побѣда воодушевила современниковъ.

„По сигналу вступили мы въ атаку“—разсказываетъ участникъ Чесменскаго боя, князь Юр. Вл. Долгоруковъ.—„Первый корабль Европа, пришедъ въ дистанцію, поворотилъ вдоль турецкаго флота, производилъ пальбу; за онымъ корабль Евстаѳій—тоже, а потомъ Януарій. Европа, пришедъ противъ капитанъ-пашинскаго корабля, увидѣлъ передъ собою мель; опасаясь потерять корабль, повернулъ назадъ. Потомъ Евстафій думалъ то-же дѣлать, но его паруса были весьма повреждены — начало корабль дрейфовать на капитанъ-пашинскій, и думали, что будетъ ручной бой. Адмиралъ и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ сѣли въ шлюпку и погребли на фрегаты, стоящіе въ отдаленіи отъ флота, забывъ на кораблѣ: адмиралъ своего сына, а графъ Орловъ своего друга князя Козловскаго. Нашъ корабль сцѣпился съ турецкимъ; капитанъ Крузъ, увидя турецкій корабль пустой, послалъ на послѣдней, при немъ имѣющейся, шлюпкѣ адмиральскаго сына къ графу Алексѣю Григорьевичу съ поздравленіемъ, что онъ взялъ турецкій корабль, но когда наши взошли на корабль, увидѣли внизу дымъ и второпяхъ не старались гасить, а перебѣжали на свой корабль. Вскорѣ турецкій корабль былъ весь въ огнѣ, и наши люди въ изумленіи ожидали своего жребія, какъ вдругъ турецкаго корабля мачта упала на нашъ корабль и искры упали въ крюйтъ-камеру, которая была открыта по причинѣ сраженія, и мгновенно нашъ корабль подняло совсѣмъ на воздухъ, и на обломки попали капитанъ Крузъ, штурма(нъ) и человѣка четыре; прочіе всѣ погибли и князь Козловскій, а потомъ и турецкій корабль сгорѣлъ и тоже на воздухъ взлетѣлъ, а турки всѣ (съ него) перебрались на берегъ. Третій корабль изъ авангарда, Януарій, еще прежде поворотилъ изъ бою вонъ.

[1]) Записки князя Ю. В. Долгорукова. Русская Старина 1889 г., т. LXIII, стр. 491—493.

„Дѣйствія коръ-де-баталіи. Первый корабль „Трехъ Святителей“ прошелъ сквозь турецкую линію, а „Три іерарха“ и „Ростиславъ“ (съ) своей стороны повернулись противъ турецкаго флота и чрезвычайную, въ ближнемъ разстояніи, произвели пальбу, которая не очень долго продолжалась и турки обрубили якоря и въ большомъ безпорядкѣ вошли въ глухой бассейнъ при Чесмѣ...

„...Ночью, подъ прикрытіемъ корабля „Европы“ капитанъ Клокачевъ вошелъ и сталъ на якорь въ самой ближней дистанціи на турецкомъ флотѣ. Еще съ перваго сраженія (турки) не опомнились и великая суматоха (была), такъ что иной корабль кормой къ намъ стоялъ. Съ нѣсколькихъ выстрѣловъ брандскугелями Клокачевъ предалъ огню весь турецкій флотъ...

„Почти не можно себѣ вообразить сего ужаснаго зрѣлища, кое мы видѣли въ Чесменскомъ портѣ. Начать (съ того), что вода, смѣшанная съ кровью и съ золою, получила прескверный видъ; люди обгорѣлые, разнымъ видомъ лежащіе между обгорѣлыхъ обломковъ, коими такъ портъ наполнился, что едва на шлюпкѣ мы могли проѣзжать“ [1]).

Графъ А. Г. Орловъ слѣдилъ за боемъ и когда увидѣлъ, „какъ корабль нашъ взорвало, онъ бросилъ имѣвшую(ся) въ рукахъ его брилліантовую табакерку и только выговорилъ: „Ахъ, братъ!“ На этомъ суднѣ былъ братъ его Ѳеодоръ, съ которымъ онъ былъ друженъ. „Скоро потомъ“,—говоритъ князь Долгоруковъ,—„адмиральскій сынъ пріѣхалъ и извѣстилъ, что его отецъ и графъ Орловъ уѣхали съ корабля прежде. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, Грейгъ и я поѣхали ихъ отыскивать, нашли графа Орлова—въ одной рукѣ шпага, а въ другой ложка съ яичницей, адмирала съ превеликимъ на груди образомъ (и) большая рюмка водки въ рукахъ. Мы взяли ихъ и перевезли къ себѣ на корабль...“ [2]).

27-го іюня 1770 г., въ день Полтавской побѣды, изъ подъ острова Хіо, пишетъ графъ Алексѣй Григорьевичъ брату своему Григорію:

---

[1]) Записки князя Ю. В. Долгорукова. Русская Старина 1889 г., т. LXIII, стр. 498—500.

[2]) Ibid., стр. 499.

„Государь братецъ, здравствуй! Скажу тебѣ немного о нашемъ плаваніи: Морею принуждены были оставить, зажогши вездѣ огонь; со флотомъ за непріятелемъ пошли, до его дошли, къ нему подошли, схватились, сразились, разбили, побѣдили, поломали, потопили, сожгли и въ пепелъ обратили. Азъ, вашъ слуга покорный, здоровъ и братъ (графъ Ѳедоръ Орловъ) тако-жъ, чего и вамъ оба желаемъ, и остаюсь вѣрный навсегда вашъ слуга графъ Алексѣй Орловъ.

„Со всѣмъ же вышеписаннымъ Васъ поздравляю, а что впредь Богъ дастъ—не знаю. Вотъ этотъ камушекъ у меня на шеѣ былъ, о которомъ я къ вамъ изъ Италіи прежде писалъ шутя. Мнѣ стало полегче, какъ онъ у меня свалился. Не знаю, каково то теперь тебѣ?“ [1])

Свидѣтель и участникъ Чесменскаго боя, князь Юр. Вл. Долгоруковъ старается умалить заслуги графа А. Г. Орлова подъ Чесмою. „Все, что я по службѣ получилъ“,—говоритъ онъ,—„я могу сказать, а что они, графы Орловы, если отбирать то, что они не заслужили, тогда едва останутся ли на нихъ кафтаны и что я на весь флотъ ссылаюсь, что кромѣ Грейга и меня имѣлъ ли кто участіе въ сей славной побѣдѣ“ [2]). Если диспозиція и исполненіе принадлежать Грейгу, то отъ Орлова зависѣлъ выборъ лица, которому онъ давалъ просторъ, не заслоняя его собою, какъ человѣка болѣе опытнаго въ морскомъ дѣлѣ. Нельзя забыть услугу, оказанную Орловымъ подъ Чесмой. „Для пресѣченія многихъ недоразумѣній и великаго числа въ обѣихъ эскадрахъ непорядковъ“, — писалъ графъ А. Г. Орловъ къ императрицѣ отъ 20-го іюня 1770 г.,—„для приведенія къ одной общей цѣли обѣихъ эскадръ, для сохраненія дисциплины и для отвращенія унынія и неудовольствій, съ общаго согласія, принужденнымъ нашелся взять команду надъ обѣими эскадрами, поднять кейзеръ-флагъ и отдать приказъ повелительный, чтобы всѣ слушали того корабля, на которомъ онъ“ [3]). Такое объединеніе было необходимо для прекращенія

---

[1]) Русская Старина 1873 г., т. VIII, стр. 708.

[2]) Записки князя Ю. В. Долгорукова. Русская Старина 1889 г., т. LXIII, стр. 501.

[3]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 51, примѣчаніе.

пагубныхъ пререканій. Предоставленіе извѣстнаго простора, при соблюденіи главнаго условія — единства дѣйствій и отвѣтственности, уже есть заслуга и помимо обаянія личности Алексѣя Орлова. Не будь его, и флота нашего не было бы подъ Чесмою.

„Велико было Наше удовольствіе", — писала императрица Екатерина II графу А. Г. Орлову отъ 22-го сентября 1770 года— „когда изъ Мальты отъ маркиза Кавалькабо получили Мы первое извѣстіе о знатномъ на морѣ бою, подъ предводительствомъ вашимъ...

„Сіе въ рѣдкихъ вѣкахъ едва случившееся происшествіе служитъ новымъ доказательствомъ, что побѣждаетъ не число, но единственно мужество и храбрость... Блистая въ свѣтѣ не мнимымъ блескомъ, флотъ нашъ, подъ разумнымъ и смѣлымъ предводительствомъ вашимъ, нанесъ сей разъ наичувствительнѣйшій ударъ Оттоманской гордости...

„Объявляемъ вамъ Наше благоволѣніе, милость и обязанность на сію знаменитую услугу..." [1])

Императрица Екатерина II сознавала все значеніе Чесменской побѣды и не хотѣла оставаться въ долгу.

„Кавалерскій нашъ военный орденъ святаго великомученика и побѣдоносца Георгія"—пишетъ она въ томъ же письмѣ графу А. Г. Орлову — „установленъ для того, чтобъ отличены были тѣ, кои мужествомъ, храбростью, искусствомъ и смѣлостью пріуготовляютъ или получаютъ побѣду; вамъ онъ нынѣ по справедливости принадлежитъ, и для того посылаемъ къ вамъ знаки онаго ордена кавалеръ перваго класса...

„Мы дали указъ, чтобъ кейзеръ-флагъ, который вы столь разумно умѣли употребить, при васъ остался во всю жизнь вашу, съ позволеніемъ поднять оный на корабляхъ нашихъ; сверхъ того, дозволяемъ вамъ сей флагъ поставить въ гербѣ вашемъ" [2]).

Императрица Екатерина II отпраздновала побѣду съ небывалою торжественностью, съ придачею ей особаго политическаго оттѣнка.

14-го числа сентября посланы были повѣстки, „что на слѣдующій день имѣетъ быть въ морской церкви торжественное мо-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 54—57.
[2]) Ibid., стр. 58.

лебствіе о побѣдѣ и истребленіи въ Левантѣ всего Турецкаго флота, а на завтра, т.-е., 15 числа, въ Петропавловскомъ соборѣ соборная панихида по государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, въ честь и поминовеніе его, яко основателя и перваго по тому виновника сего великаго и славнаго происшествія морскихъ Россійскихъ силъ.

„Въ началѣ 12-го часа передъ полуднемъ Ея Императорское Величество въ придворномъ штатѣ соизволила шествовать параднымъ выходомъ въ Соборную церковь Богоявленія Господня, что въ Морской". Здѣсь при въѣздѣ въ ограду ее встрѣтили морскіе кадеты, „отдавая честь Ея Величеству ружьемъ и барабаннымъ боемъ, а на крыльцѣ у дверей церковныхъ встрѣчена Ея Величество Его Императорскимъ Высочествомъ, яко главный комендантъ надъ флотомъ и съ нимъ флота генералитетъ и прочіе штабы, а въ церкви Святѣйшаго Сѵнода члены Молдавскій митрополитъ.... съ прочимъ духовенствомъ въ церковномъ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ.

„И, въ предшествіи духовенства, императрица Екатерина II слѣдовать соизволила въ верхнюю церковь, и когда стала на императорское свое мѣсто, началась Божественная литургія, которую отправляли архіепископъ Гавріилъ С.-Петербургскій и Ревельскій съ двумя архимандритами и священниками. А по литургіи преосвященные и всѣхъ церквей священники отправляли Всевышнему Богу о истребленіи всего Турецкаго флота молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ; а предъ начатіемъ онаго полученная реляція читана была сенаторомъ и кавалеромъ его превосходительствомъ И. П. Елагинымъ".

По окончаніи молебна, архіепископъ Гавріилъ „говорилъ краткую поздравительную рѣчь".

Въ тотъ же день былъ при дворѣ обѣдъ, „съ знатными обоего пола въ 22-хъ персонахъ". Къ столу кушанье подаваемо было на золотомъ сервизѣ.

„При столѣ пили здоровье слѣдующее: „Въ находящемся въ Россійскомъ флотѣ въ Мореѣ всѣхъ господъ командующихъ съ желаніемъ благополучнаго успѣха"; при чемъ съ Адмиралтейской крѣпости выпалено изъ 31 пушки".

На слѣдующій день 15-го сентября императрица Екатерина II,

„сѣвъ въ шлюпку, идти соизволила въ крѣпость". Здѣсь, въ Петро-Павловскомъ соборѣ она была встрѣчена Гавріиломъ, архіепископомъ Санктпетербургскимъ, Иннокентіемъ, еп. Псковскимъ и Рижскимъ и др.

Тогда же „по прибытіи Ея Величества въ церковь, приличную для похвалы блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государю императору Петру Великому, начальнику Россійскаго флота, проповѣдь говорилъ Его Императорскаго Высочества богословія учитель Святѣйшаго Сѵнода членъ и Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандритъ Платонъ" [1]).

Эта „приличная проповѣдь" заключала въ себѣ извѣстное воззваніе къ императору Петру. Посреди слова Платонъ внезапно сошелъ съ амвона, подошелъ къ памятнику Петра и, ударивъ по немъ посохомъ, воскликнулъ: „Возстань теперь великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое", на что, какъ извѣстно, лукавый графъ Кириллъ Разумовскій не замедлилъ шепнуть: „Чего вінъ его кличе? Якъ встане, то всімъ намъ достанетця" [2]).

За проповѣдью слѣдовала литургія, которую отправлялъ Иннокентій Псковскій; „по окончаніи оной преосвященнымъ съ архимандриты и всѣхъ церквей священниками отправлялась панихида, при которой первенствовалъ архіепископъ Гавріилъ".

Вечеръ этого дня прошелъ тихо, „обѣденное кушанье соизволила кушать въ 10 персонахъ, а въ вечеру, какъ обыкновенно, съ кавалерами соизволила забавляться въ карты" [3]).

Самое главное торжество происходило 19-го сентября. Въ этотъ день императрица Екатерина II прибыла къ обѣду въ адмиралтейскую коллегію, прослѣдовавъ въ каретѣ мимо глассисовъ, при звукахъ трубъ и литавровъ. Вся адмиралтейская коллегія съ своимъ президентомъ встрѣтила ее и поздравлена была „изъ подъ флага", потомъ съ яхтъ, стоящихъ на Невѣ рѣкѣ..... На крѣпости взвился штандартъ при крикахъ „ура".

---

[1]) Журналъ Камеръ-фурьерскій 1770 г., стр. 207—211.

[2]) И. М. Снегиревъ. Жизнь московскаго митрополита Платона. М. 1891, стр, 26.

[3]) Журналъ Камеръ-фурьерскій 1770 г., стр. 211—212.

лебствіе о побѣдѣ и истребленіи въ Левантѣ всего Турецкаго флота, а на завтра, т.-е., 15 числа, въ Петропавловскомъ соборѣ соборная панихида по государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, въ честь и поминовеніе его, яко основателя и перваго по тому виновника сего великаго и славнаго происшествія морскихъ Россійскихъ силъ.

„Въ началѣ 12-го часа передъ полуднемъ Ея Императорское Величество въ придворномъ штатѣ соизволила шествовать парад-нымъ выходомъ въ Соборную церковь Богоявленія Господня, что въ Морской". Здѣсь при въѣздѣ въ ограду ее встрѣтили морскіе кадеты, „отдавая честь Ея Величеству ружьемъ и барабаннымъ боемъ, а на крыльцѣ у дверей церковныхъ встрѣчена Ея Величество Его Императорскимъ Высочествомъ, яко главный комендантъ надъ флотомъ и съ нимъ флота генералитетъ и прочіе штабы, а въ церкви Святѣйшаго Сѵнода члены Молдавскій митрополитъ.... съ прочимъ духовенствомъ въ церковномъ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ.

„И, въ предшествіи духовенства, императрица Екатерина II слѣдовать соизволила въ верхнюю церковь, и когда стала на императорское свое мѣсто, началась Божественная литургія, которую отправляли архіепископъ Гавріилъ С.-Петербургскій и Ревельскій съ двумя архимандритами и священниками. А по литургіи преосвященные и всѣхъ церквей священники отправляли Всевышнему Богу о истребленіи всего Турецкаго флота молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ; а предъ начатіемъ онаго полученная реляція читана была сенаторомъ и кавалеромъ его превосходительствомъ И. П. Елагинымъ".

По окончаніи молебна, архіепископъ Гавріилъ „говорилъ краткую поздравительную рѣчь".

Въ тотъ же день былъ при дворѣ обѣдъ, „съ знатными обоего пола въ 22-хъ персонахъ". Къ столу кушанье подаваемо было на золотомъ сервизѣ.

„При столѣ пили здоровье слѣдующее: „Въ находящемся въ Россійскомъ флотѣ въ Мореѣ всѣхъ господъ командующихъ съ желаніемъ благополучнаго успѣха"; при чемъ съ Адмиралтейской крѣпости выпалено изъ 31 пушки".

На слѣдующій день 15-го сентября императрица Екатерина II,

„сѣвъ въ шлюпку, идти соизволила въ крѣпость". Здѣсь, въ Петро-Павловскомъ соборѣ она была встрѣчена Гавріиломъ, архіепископомъ Санктпетербургскимъ, Иннокентіемъ, еп. Псковскимъ и Рижскимъ и др.

Тогда же „по прибытіи Ея Величества въ церковь, приличную для похвалы блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государю императору Петру Великому, начальнику Россійскаго флота, проповѣдь говорилъ Его Императорскаго Высочества богословія учитель Святѣйшаго Сѵнода членъ и Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандритъ Платонъ" [1]).

Эта „приличная проповѣдь" заключала въ себѣ извѣстное воззваніе къ императору Петру. Посреди слова Платонъ внезапно сошелъ съ амвона, подошелъ къ памятнику Петра и, ударивъ по немъ посохомъ, воскликнулъ: „Возстань теперь великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое", на что, какъ извѣстно, лукавый графъ Кириллъ Разумовскій не замедлилъ шепнуть: „Чего вінъ его кличе? Якъ встане, то всімъ намъ достанетця" [2]).

За проповѣдью слѣдовала литургія, которую отправлялъ Иннокентій Псковскій; „по окончаніи оной преосвященнымъ съ архимандриты и всѣхъ церквей священниками отправлялась панихида, при которой первенствовалъ архіепископъ Гавріилъ".

Вечеръ этого дня прошелъ тихо, „обѣденное кушанье соизволила кушать въ 10 персонахъ, а въ вечеру, какъ обыкновенно, съ кавалерами соизволила забавляться въ карты" [3]).

Самое главное торжество происходило 19-го сентября. Въ этотъ день императрица Екатерина II прибыла къ обѣду въ адмиралтейскую коллегію, прослѣдовавъ въ каретѣ мимо глассисовъ, при звукахъ трубъ и литавровъ. Вся адмиралтейская коллегія съ своимъ президентомъ встрѣтила ее и поздравлена была „изъ подъ флага", потомъ съ яхтъ, стоящихъ на Невѣ рѣкѣ..... На крѣпости взвился штандартъ при крикахъ „ура".

---

[1]) Журналъ Камеръ-фурьерскій 1770 г., стр. 207—211.

[2]) И. М. Снегиревъ. Жизнь московскаго митрополита Платона. М. 1891, стр. 26.

[3]) Журналъ Камеръ-фурьерскій 1770 г., стр. 211—212.

Въ комнатахъ, гдѣ бываетъ присутствіе коллегіи, за приготовленнымъ великолѣпно столомъ, сдѣланнымъ на подобіе якоря..... „соизволила кушать обѣденное кушанье“. Присутствовали Цесаревичъ, обоего пола персоны, чужестранные министры, всего 53 куверта. Въ другихъ комнатахъ, за двумя столами на 112 кувертовъ.....

За столомъ поочередно пили здоровье императрицы, цесаревича, раздавались выстрѣлы, пили „за благополучное и долголѣтнее царствованіе“ 51 в., „за счастливое оружіе“ 31 в., „за находящихся въ Средиземномъ морѣ побѣдителей“ 51 в., и все закончилось здоровьемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, 51 выстрѣлъ.

Предпослѣднимъ тостомъ былъ слѣдующій: за „прославившаго на вѣки флотъ Ея Императорскаго Величества“, при чемъ съ крѣпости раздались 31 выстрѣлъ. Въ тоже время, какъ и всякій разъ, „играно на трубахъ съ литаврами и отъ стоящихъ на валу матросовъ восклицаемо „ура“ [1]).

Кто знаетъ, не переносилась ли въ это время мысль императрицы Екатерины II къ утру 28-го іюня 1762 г., о которомъ она сама говоритъ: „Je me trouvais presque seule à Péterhof . . . Le 28, à six heures du matin, Alexis Orloff entre dans ma chambre, m'éveille et me dit avec une grande tranquillité: „Il est temps de vous lever; tout est prêt pour vous proclamer“ [2]).

При пушечной пальбѣ, въ сопровожденіи генералитета, императрица Екатерина II сѣла въ карету и вернулась въ Зимній дворецъ.

На слѣдующій день былъ балъ, при чемъ „поутру Ея Императорское Величество соизволила быть въ робѣ, а на балъ въ русскомъ платьѣ“. Въ этотъ день у нея обѣдали: „статсъ-дама графиня М. А. Румянцова, дежурныя фрейлины, фельдмаршалъ графъ К. Г. Разумовскій, фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ, графъ Н. И. Панинъ, графъ Минихъ, графъ З. Г. Чернышовъ, графъ Г. Г. Орловъ, графъ П. Г. Чернышевъ, графъ П. Б. Шереметевъ, графъ М. К. Скавронскій, оберъ-шенкъ А. А. Нарышкинъ, Л. А. Нарышкинъ, графъ К. Е. Сиверсъ, С. И. Мордвиновъ, Н. И. Чичеринъ, А. И. Бибиковъ, Салдеръ, В. Р. Польманъ, вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ, Остервальдъ, князь

---

[1]) Журналъ Камеръ-фурьерскій 1770 г., стр. 215—219.
[2]) Mémoires de l'impératrice Catherine II. Londres. 1859, p. 361.

А. А. Вяземскій, Н. И. Зиновьевъ, гофмаршалъ князь Н. М. Голицынъ, Г. Н. Орловъ, камергеръ И. В. Обуховъ, камергеръ В. И. Бибиковъ, камеръ-юнкеръ Щепотьевъ, камеръ-юнкеръ Ржевскій“ [1]).

Поэты того времени превозносили Чесменскую побѣду. Искренній и лично сочувствующій графу А. Г. Орлову В. И. Майковъ такъ воспѣлъ его:

Лишенъ нашъ врагъ сталъ флота нами,
Лишенъ оружія и стрѣлъ,
И надъ восточными странами
Летаетъ сѣверный орелъ [2]).

За нимъ и Херасковъ высокопарно восхвалялъ побѣду:

Доколѣ будетъ Понтъ въ брегахъ своихъ шумѣть,
Чесменскій станутъ бой морскія Нимфы пѣть [3]).

Въ пространной его поэмѣ встрѣчается слѣдующее изображеніе графа А. Г. Орлова:

Геройство на челѣ его изображенно,
Въ немъ сердце ревностью къ отечеству разженно,
Перунъ въ его рукѣ [4])...

На театрѣ давались представленія для увѣковѣченія его побѣдъ. Выбиты были медали съ изображеніемъ графа А. Г. Орлова въ видѣ бога войны. Въ Царскомъ Селѣ воздвигались памятники... Дворецъ „Kikerikxino“ (лягушечье обиталище) названъ былъ „Чесме“. Въ Царскосельскомъ дворцѣ и донынѣ хранятся вазы Императорскаго фарфороваго завода, съ крышкой, увѣнчанной каской „орломъ“. По туловищу, мѣстами росписанному подъ мраморъ, рельефныя золоченыя гирлянды лавровъ и львиныя головы по бокамъ съ лавровыми вѣтками въ пасти. На туловищѣ съ каждой стороны два медальона, писанные сѣро-зеленоватой краской, на одномъ портретъ графа А. Г. Орлова и надпись: „Гр. А. Орловъ, побѣдитель и истребитель турецкаго флота“, на другомъ — планъ Чесменской битвы и надпись: „И бысть Россіи радость и веселіе.

---

[1]) Журналъ Камеръ-фурьерскій 1770 г., стр. 223—225.
[2]) Сочиненія и переводы В. И. Майкова. С.-Пб. 1867. стр. 67.
[3]) Творенія М. Хераскова. Изд. 2-е. Ч. III, стр. 118.
[4]) Ibid., стр. 83.

Чесьма іюня 2—26". На другой вазѣ, съ одной стороны тотъ же портретъ Орлова, съ другой—видъ Метелина и надпись: „И бысть Россіи новая радость и веселіе. Метелинъ. Ноября 13. 1771 г. Работа французскаго мастера на Императорскомъ заводѣ.... вышина 1 арш. 3 вершка" [1]).

Самъ графъ А. Г. Орловъ лично заказалъ въ Ливорно извѣстному тогда художнику Гекерту (Hackert) 4 картины изъ Чесменскаго боя.

3-го октября 1770 г. императрица Екатерина II писала графу А. Г. Орлову: „Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Какъ скоро услышала я, что у васъ пропалъ перстень съ моимъ портретомъ въ Чесменскую баталію, тотчасъ заказала сдѣлать другой, который при семъ прилагаю, желая вамъ носить оный на здоровье. Потерявъ перстень, вы выиграли баталію и истребили непріятельскій флотъ..... Какъ вы весьма хорошо управляете моимъ флотомъ, то посылаю къ вамъ компасъ, вдѣланный въ трость. Прощайте, любезный графъ! Я желаю вамъ счастія и здоровья и всякаго благополучія, и прошу Всевышняго, да сохранитъ васъ цѣлымъ и невредимымъ" [2]).

Громъ Екатерининскихъ побѣдъ оглушилъ „стараго Ирода", и онъ спѣшитъ съ своимъ посредничествомъ въ лицѣ Генриха Прусскаго. Императрица Екатерина II такъ выражается о послѣднемъ въ томъ-же письмѣ къ графу А. Г. Орлову: „Вчерась былъ въ первой во дворцѣ прусскій принцъ Генрихъ, и онъ при первомъ свиданіи такъ былъ Намъ легокъ на рукѣ, какъ свинцовая птица, а что уменъ, то ужъ очень уменъ, и сказываютъ, что какъ приглядится, то онъ будетъ обходителенъ и ласковъ; но первый разъ онъ былъ такъ штейфъ, что онъ Мнѣ наипаче надоѣлъ, но при томъ должно ему ту справедливость отдать, что штейфъ одна фигура его, а впрочемъ онъ все то дѣлалъ, что надлежало съ большой ко всѣмъ атенціею, только наружность его такова холодна, что на крещенскіе морозы похожа. И онъ говоритъ, что Нашъ Алеханъ безсмертною славою покрылся, а

[1]) Григоровичъ, Д. В. Царское Село. Опись предметамъ, имѣющимъ преимущественно художественное значеніе. С.-Пб. 1888, стр. 199.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 61.

Мы говорили, что тотъ Алеханъ Нашъ усердный другъ и ревностный сынъ отечества“ [1]).

По одному этому письму можно судить, какъ умѣла императрица Екатерина II примѣняться къ людямъ, къ ихъ склонностямъ и характеру, она владѣла даромъ поощренія, задѣвала за живое и заставляла людей работать на пользу родины, прославляя ея имя:

Екатерины вѣкъ, ея роскошный дворъ,
Созвѣздіе именъ, сопутниковъ Фелицы,
Народной повѣсти блестящія страницы,
Сановники, вожди, хоръ избранныхъ пѣвцовъ,
Глашатаи побѣдъ: Державинъ и Петровъ,—
Все облекалось въ жизнь, въ движенье и въ глаголы [2]).

Императрица Екатерина II понимала, что „Алеханъ“ былъ въ истинномъ смыслѣ народный человѣкъ, и не потому, чтобы старался понравиться народу, а въ силу того, что у него съ народомъ были общіе вкусы, общія радости, общія стремленія и общія вѣрованія. Ему не приходилось ни ломать себя, ни прикидываться. Онъ былъ слишкомъ крупенъ и самобытенъ.

„Онъ любилъ“—говоритъ современникъ—„простую русскую жизнь, пѣсни, пляски и всѣ другія забавы простонародья; онъ любилъ все истинно русское, дыша, такъ сказать, русскимъ, онъ любилъ до страсти и всѣ отечественные обряды, нравы и веселости. Бойцы, борцы, силачи, пѣсельники, плясуны, скакуны и ѣздоки на лошадяхъ, словомъ все то стекалось въ его домъ, что только означало мужество, силу, твердость, достоинство и искусство Русскаго.

„Но рядомъ съ этимъ онъ полагалъ первѣйшимъ удовольствіемъ даже предупреждать просьбы ищущихъ его покровительство“ [3]).

При той дружбѣ, которая существовала между братьями Орловыми понятна и та радость, которая ихъ объяла при вѣсти о Чесменской побѣдѣ.

„Братцы, голубчики, здравствуйте!“—пишетъ отъ 7-го января Алексѣю и Ѳеодору меньшой братъ ихъ Владиміръ Григорьевичъ.

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 62.
[2]) Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго. Т. XI, стр. 352—353.
[3]) Н. Страховъ. Мои петербургскія сумерки. Ч. II. С.-Пб. 1810, стр. 22—23.

„Отъ васъ, братцы, и по сію пору нѣтъ извѣстія обстоятельнаго чрезъ курьера. Дожидаемся какъ воронъ крови. Подлинно, Алеханъ, описанъ ты въ англійскихъ газетахъ. Я не знаю, свѣдомо-ли тебѣ. Конечно такъ хорошо, что едва можно тебя между людьми считать. Заключеніе въ описаніи: „Изъ всѣхъ, кого я знаю, какъ чрезъ книги, такъ и персонально, нѣтъ, говоритъ сочинитель, ни одного, который бы такъ близко къ совершенству подходилъ, какъ ваше сіятельство“..... .....Еслибъ я Алеханъ, тебя описывалъ, то не прогнѣвайся, чтобъ я вообще сказалъ: Федя тебѣ ни въ чемъ не уступитъ, развѣ въ одномъ упрямствѣ...

„21 января. Милость твою, Алеханъ, вознесутъ до небесъ и здѣсь о твоихъ поступкахъ, въ разсужденіи турокъ, всѣ безъ ума.... Прощайте, сударики!“.

„28 января. Съ отмѣнною радостью слышалъ, что отецъ той дѣвушки, которой ты перстень брилліантовый подарилъ и отпустилъ въ Царьградъ, отзывается о тебѣ, Алеханъ, такъ, что онъ вѣкъ не забудетъ отмѣннаго твоего одолженія къ нему и чтобъ онъ за первое благополучіе почелъ, когда бы могъ тебѣ отслужить“.

„10 февраля. Братцы, сударики, здравствуйте! Ай, Алеханъ, какой ты нравоучитель сталъ! Я уже тебя почти и не узнаю. Послѣднее твое письмо полно нравоученія. Было времячко, что и тебѣ нравоученіе очень надобно было..... Мнѣ кажется, Алеханъ, съ твоимъ нравоученіемъ немножко и плутовство смѣшано“ [1])...

Изъ этихъ писемъ видна близость отношеній и тѣсная дружба между братьями. Недаромъ говорила императрица Екатерина II: „Unis entre eux comme jamais frères ne l'ont été“ [2]). У каждаго было свое прозвище. Старшаго брата Ивана они называли „старинушка“. Ѳедора Орлова прозваніе было „Дунайко“. Князь Григорій былъ для нихъ „Грицъ“.

Въ то самое время, когда императрица Екатерина II писала Вольтеру объ Алексѣѣ Орловѣ, что „герои родятся для великихъ происшествій“, вице-канцлеръ Остерманъ именемъ ея объявляетъ:

„Всемилостивѣйшая Государыня со всегдашнимъ своимъ бла-

---

[1]) Графъ Орловъ-Давыдовъ. Op. cit., стр. 228—229, 234.
[2]) Mémoires de l'imperatrice Catherine II. Londres. 1859, p. 368.

говоленіемъ ко всѣмъ и каждому вѣрноподданному ея повелѣваетъ обнадежить ихъ о непрестанномъ своемъ попеченіи о благѣ общемъ и частномъ, которое было всегда да и впредь непоколебимо пребудетъ главнымъ предметомъ царствованія ея, надѣясь притомъ, что Государя Императора Петра Великаго въ подобномъ случаѣ данныя мудрыя правила и наставленія будутъ твердо сохраняемы въ памяти, чтобъ благодарить Бога, не ослабѣвать въ мирѣ, о воинскомъ дѣлѣ трудиться о общемъ добрѣ, о умноженіи торговли, мореплаванія и о народномъ облегченіи".

Но императрицѣ предстояли въ то время сложныя и трудныя испытанія: Московская чума и Пугачевъ. Тогда же, почти одновременно, огласилось и имя Таракановой. При этомъ послѣднемъ имени набѣгаетъ тѣнь на память графа Орлова-Чесменскаго; но опредѣлится она вполнѣ только тогда, когда все дѣло Таракановой будетъ доступно и вполнѣ выяснено. Пока оно еще подъ спудомъ и многое недоговорено, но во всякомъ случаѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ въ судѣ не участвовалъ. Умирающая женщина пишетъ императрицѣ Екатеринѣ II изъ Петропавловской крѣпости:

„Наконецъ, находясь при смерти, я исторгаюсь изъ объятій смерти, чтобъ у ногъ Вашего Императорскаго Величества изложить мою плачевную участь. Ваше Священное Величество меня не погубите, но напротивъ того прекратите мои страданія. Вы увидите мою невинность..... Я на колѣняхъ умоляю Ваше Священное Величество выслушать лично все. Вы отмстите вашимъ врагамъ и будете моимъ судьею..... Мое положеніе таково, что природа содрагается. Я умоляю Ваше Императорское Величество во имя Васъ самихъ благоволить меня выслушать..... Да смягчитъ Господь Ваше великодушное сердце въ разсужденіи меня, и я посвящу остатокъ моей жизни Вашему Высочайшему благополучію и Вашей службѣ" [1]).

Отвѣта не послѣдовало. 6-го декабря 1775 г. С.-Петербургскій оберъ-комендантъ Андрей Чернышевъ доносилъ князю Голицыну:

„Декабря 4-го числа, пополудни въ 7 часу, означенная жен-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 191.

щина, отъ показанной болѣзни волею Божіею умре, а пятаго числа, въ томъ же равелинѣ, гдѣ содержана была.... глубоко въ землю похоронена....

„Караульнымъ, сержанту, капралу и рядовымъ тридцати человѣкамъ по объявленіи... присяги о сохраненіи сей тайны отъ меня съ увѣщеваніемъ наикрѣпчайше подтверждено“ [1]).

Императрица Екатерина II въ это время находилась въ Москвѣ.

Въ декабрѣ 1773 г. отъ 12-го числа графъ В. Г. Орловъ писалъ своему старшему брату:

„Папинька, сударушко, здравствуй!... Братъ Алексѣй еще здѣсь... Алеханъ по временамъ веселъ, недавно очень сурну (sournois) наворотилъ было, можетъ быть не совсѣмъ правъ, теперь получше“ [2])...

Что Алексѣй Григорьевичъ могъ быть въ это время „сурну“, это весьма понятно. Въ 1772 г. состоялась извѣстная поѣздка князя Григорія въ Фокшаны. Когда Алексѣй Орловъ вернулся въ Петербургъ, онъ уже ясно видѣлъ измѣнившееся положеніе. „Тезка“, покровительствуемый когда-то Орловымъ, уже достаточно опредѣлился. Понятно, что Орловы не могли къ нему относиться сочувственно. Между тѣмъ приближалась пора мирныхъ переговоровъ. Къ этому времени относится слѣдующее письмо графа А. Г. Орлова къ Г. А. Потемкину изъ Тулы отъ 1774 года:

„Поздравляю съ выгоднымъ и полезнымъ миромъ, такъ какъ соотчича и вѣрнаго слугу Всемилостивѣйшей Нашей Государыни! Тоже и всѣхъ съ онымъ поздравляю, кто честно думаетъ и кто вѣрно объ ономъ старался. Теперь поздравляю васъ я персонально съ чиномъ генералъ-аншефа.... Желаю, чтобы вы и впредь навсегда милость государскую носили....

„Зная же всегда вашу ко мнѣ любовь, въ такомъ случаѣ не могу вамъ о себѣ много добраго сказать; и никто столько не радъ миру, какъ я: потому что болѣзненные во мнѣ припадки совсѣмъ мое тѣло разрушили и всю силу отняли такъ, что я едва-ль нахожу въ себѣ способность какую-нибудь службу впредь нести,

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 193.
[2]) Графъ Орловъ-Давыдовъ. Op. cit. T. I, стр. 276—277.

потому что недѣлю кажусь быть здоровъ, а двѣ и три недѣли меня разные припадки угнетаютъ, и особливо во внутренности множество обструкціевъ чувствую, хотя и всѣ способы противу онаго употребляю приниманіемъ лекарствъ и черезъ день ѣзжу въ баню. Только со всѣмъ онымъ почти облегченія никакого себѣ не чувствую, а единая только надежда впредь Божеское спасеніе и милость государская. Я-жъ остаюсь вашъ, государя моего, покорный и вѣрный слуга графъ Алексѣй Орловъ.

„PS. Что вы пишете о полку Преображенскомъ, что вы объ немъ ваше попеченіе имѣете и постараетесь упущенное возставить, о томъ я не мало не сумнѣваюсь; и осталось мнѣ только радоваться, что я товарища хорошаго и попечительнаго имѣю и я во всемъ полную надежду на васъ имѣю и желаю вамъ всякаго счастія и благополучія... Что вы-жъ пишите о Пугачевѣ:... я все еще подозрѣваю и причины имѣю подозрѣвать, не французы-ли этой шуткѣ причина. Я въ бытность мою въ Петербургѣ осмѣлился докладывать, но мнѣ не вѣрили. А вотъ теперь еще стали и насъ пробовать о вѣрности, о чемъ я и въ теперешнемъ случаѣ Ея Величеству доносилъ. И такъ, буде бы оный злодѣй пойманъ былъ, не дурно бы было распросить его о всѣхъ обстоятельствахъ, и нѣтъ ли при немъ кого изъ чужестранныхъ? А какъ вы на мѣстѣ, то можете лучше дѣло знать и по оному поступать. Я только то знаю, что для нашего отечества великіе недоброхоты французы“ [1]).

Со своей стороны императрица Екатерина II писала графу А. Г. Орлову отъ 28-го іюля 1774 г. изъ Ораніенбаума:

„Вчерашній день здѣсь у меня ужиналъ весь дипломатическій корпусъ и любо было смотрѣть, какія были рожи на друзей и недрузей.... Въ Россіи же повсюда радость весьма примѣтна; въ простомъ народѣ говорятъ, что Турки поздались. Прощайте и будьте здоровы и веселы! Я же здорова. Сына графа Румянцева я брякнула изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры“ [2]).

Празднованіе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира совпало съ рѣ-

---

[1]) Русскій Архивъ 1876 г., кн. II, стр. 5—6.
[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 100.

Императрица была очень взволнована этими, какъ выразился Гаррисъ, „странными“ словами.

„Она благодарила его въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ и просила не уѣзжать изъ Петербурга. Потемкинъ сталъ вдругъ необыкновенно вѣжливъ“ — продолжаетъ Гаррисъ — „Алексѣй Орловъ молчитъ“ [1]).

Въ маѣ того же года графъ В. Г. Орловъ писалъ старшему брату Ивану въ Москву: „Алеханъ скоро, я думаю, отсюда уберется, болѣе недѣли, я думаю, не проживетъ“ [2]).

Не легко было императрицѣ разстаться съ Орловыми. Велико было ихъ обаяніе, но она уже отдалась Потемкину. Борьба была неравная и примиреніе было невозможно. Она должна была сознать безполезность убѣжденій, она слишкомъ хорошо знала братьевъ Орловыхъ, она знала, что „Алеханъ“ не измѣнитъ „Грицу“. Не даромъ же она говорила: „Unis entre eux, comme jamais frères ne l'ont été“....

Вотъ какъ изображаетъ графа А. Г. Орлова докторъ Циммерманъ: „Онъ при первой встрѣчѣ тотчасъ же произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе; мнѣ казалось, что я вижу одного изъ героевъ древней Греціи. Онъ, впрочемъ, не въ такой мѣрѣ, какъ братъ, привлекалъ меня къ себѣ, и я его не столько полюбилъ, какъ князя, но спокойствіе и величіе въ его лицѣ, красота глазъ, рта, лаконическая, мягкая бесѣда, величавость его колоссальнаго стана — все это дало мнѣ убѣжденіе, что такіе люди, какъ братья Орловы, могутъ родиться лишь въ томъ царствѣ, которое въ настоящее время сдѣлалось предметомъ удивленія всѣхъ и каждаго..... Съ тѣхъ поръ какъ я читалъ записки барона Тотта о Туркахъ, я, смотря на медаль, выбитую въ память Чесменской битвы, говорю про себя: вотъ рука, которая водрузитъ знамя Россіи на стѣнахъ Константинополя“ [3]).

Рядомъ съ такимъ человѣкомъ лицомъ къ лицу и во весь ростъ выдвигался соперникъ, будущій „великолѣпный князь Та-

---

[1]) Diaries and correspondence of James Harris First lare of Malmesbury. London. 1844. T. I, p. 204—206.

[2]) Графъ Орловъ-Давыдовъ. Op. cit. T. I, стр. 290.

[3]) Русская Старина 1887 г., т. LIV, стр. 388.

вриды“. Предъ возрастающимъ, неотразимымъ вліяніемъ Потемкина графъ Алексѣй Орловъ долженъ былъ сознать всю безполезность борьбы. Богатыри помѣрялись силами и поняли другъ друга,—но вмѣстѣ имъ было тѣсно—Орловъ это созналъ и посторонился. Въ ноябрѣ 1775 года онъ пишетъ императрицѣ Екатеринѣ II:

„Всемилостивѣйшая Государыня! Во все время счастливаго государствованія Вашего Императорскаго Величества службу мою продолжалъ сколько силъ и возможности моей было, а понѣ пришедъ въ несостояніе, разстроивъ все мое здоровье и, не находя себя болѣе способнымъ, принужденнымъ нахожусь пасть ко освященнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и просить отъ службы увольненія въ вѣчную отставку“ [1]). Того же года 11-го декабря на это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Генералъ графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій, изнемогая въ силахъ и здоровьѣ своемъ, всеподданнѣйше просилъ насъ о увольненіи его отъ службы. Мы, изъявивъ ему наше монаршее благоволеніе за столь важные труды и подвиги его въ прошедшей войнѣ, коими онъ благоугодилъ намъ и прославилъ отечество, предводя силы морскія, всемилостивѣйше снисходимъ и на сіе его желаніе и прошеніе, увольняя его по онымъ навсегда отъ всякой службы“ [2]).

Императрица Екатерина II не удерживала графа А. Г. Орлова, но продолжала съ нимъ считаться. „Былъ очень уменъ“, говоритъ она, „князь Орловъ, который подущаемъ братьями, шелъ противъ Потемкина.... Ѳедоръ Орловъ не такъ уменъ, а Алексѣй Орловъ—совсѣмъ другого сорта“.

Удаленіе графа Гр. Гр. Орлова повлекло за собою рѣшеніе его брата и вѣрнаго друга. Онъ покинулъ дворъ, но не для бездѣйствія и праздности. Сохраняя весь почетъ, отнынѣ онъ держится въ сторонѣ, но съ нимъ считаются. Не легко было императрицѣ Екатеринѣ II согласиться на отставку графа А. Г. Орлова. „Отставка, посланная ей Алексѣемъ Орловымъ отъ всѣхъ званій, возбудила ее до того, что она занемогла“, — говоритъ Оаксъ. Тотъ же Оаксъ пишетъ 12-го ноября 1776 года:

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 166.
[2]) Ibid., стр. 167.

Почти одновременно съ Григоріемъ уѣхалъ заграницу и Алексѣй.

„Твое письмо“—пишетъ ему графъ В. Г. Орловъ—„получили изъ Ливорно въ декабрѣ 1774 г. Бѣгъ у насъ сдѣланъ противъ нашего двора на Невѣ, охотники собираются, только безъ атамана Алехана, и въ половину веселья нѣтъ“ [1]). Въ слѣдующемъ 1775 году онъ пишетъ: „Послѣднія твои письма насъ очень веселили. Они наполнены дружескимъ чувствомъ, которое цѣннѣе намъ всего“..... Старинушка въ нынѣшній пріѣздъ доволенъ чрезвычайно братьями... Однако онъ усталъ, какъ собака, отъ занятій дѣлами брата Григорія“.... Недовольный расходами его говоритъ, „что принужденъ платить по княжески, а мошна у него дворянская“ [2]).

Добровольно удалившись отъ службы государственной, графъ Алексѣй Григорьевичъ всецѣло погрузился въ работы хозяйственныя, сосредоточивъ все вниманіе свое на знаменитомъ своемъ заводѣ. Въ то же время онъ все болѣе и болѣе привязывался къ своему острову и къ Хотуни, часть которой онъ уступилъ меньшому брату. Заграничныя путешествія не отвлекали его въ сторону. Онъ навѣщалъ своего больного брата и возвращался въ Москву, гдѣ и поселился и зажилъ своею своеобразною жизнью въ постоянномъ общеніи съ братьями, усиленно занимаясь улучшеніемъ своего любимаго завода. Въ то время заводъ графа Орлова-Чесменскаго уже получилъ широкую извѣстность.

Мы находимъ объ немъ свѣдѣнія въ отзывахъ современниковъ: „Великій его духъ искалъ для жатвы своей серпа достоинствъ, а не фортуны... Любя истинно все коренное русское, онъ переселился въ сосѣдство древнихъ сыновъ отечества. Ему послѣдовали достопочтенные его братья; рядъ домовъ ихъ составилъ цѣлую улицу, а желаніе имѣть сосѣдство съ сынами отечества доставило Москвѣ новую и украшенную часть домовъ, которые представляютъ собой рѣдкое сочетаніе красотъ природы съ прелестями вымысла, вкуса, богатства и ума!“ [3]) Орловы уѣхали

---

[1]) Графъ Орловъ-Давыдовъ. Op. cit., Т. I, стр. 314.
[2]) Ibid., стр. 324 - 325.
[3]) Н. Страховъ. Мои петербургскіе сумерки. Ч. II, стр. 23.

Alexis Orlof a écrit en Italie pour faire venir la Corilla et Nardini“ [1]). Гриммъ отвѣчаетъ:

„Corilla est toute prête à voler aux pieds de l'auguste Catherine, mais Nardini ayant un vieux père à soigner, ne peut l'accompagner. Cependant elle veut partir. Je crois, que vu sa pauvreté, Votre Majesté pourrait ordonner au baron de Frépderichs de lui établir un crédit chez messieurs Calamai à Livourne, et que vu la noblesse et l'élévation de son âme, car celle-là a un cœur aussi, ce crédit pourrait être illimité, qu'elle n'en abuserait pas Elle serait seulement vaine de cette marque de confiance, elle prendrait tout juste l'argent nécessaire à son voyage et en rendrait compte à M. le comte Álexis, son protecteur“ [2]).

18-го мая 1779 г. императрица Екатерина II отвѣчала:

„Pour dame Corilla l'Olympique, puisqu'elle a envie de venir grelotter avec nous, je ne l'en empêche pas... je m'en vais en écrire au comte Alexis, par qui la proposition de la dame m'est parvenue“ [3]).

Въ 1786 г. Гриммъ еще пишетъ императрицѣ Екатеринѣ II о Кориллѣ:

„Comme nous n'avons rien de caché pour notre Impératrice, je lui envoie la lettre de Corilla au souffre-douleur telle qu'elle est, et recommande à sa puissante protection celle qui est destinée au Comte Alexis Orlof, et j'offre à son excellence mon couvert s'il veut répondre à son ancienne amoureuse et s'il ne se rappelle plus les adresses, dont il se servait ci-devant“ [4]).

Но Орлову было тогда не до Кориллы. Этотъ годъ былъ годомъ смерти его жены.

Такимъ образомъ отставка графа Алексѣя Григорьевича не лишала его возможности сноситься съ императрицею, сохранявшей къ нему тѣ особыя отношенія, которыя связывались памятью прошлаго. Такъ въ одномъ изъ писемъ Гримма отъ 15-го іюня 1781 г. изъ Парижа читаемъ:

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. XXIII, стр. 110—111.
[2]) Ibid., т. XLIV, стр. 52.
[3]) Ibid., т. XXIII, стр. 140.
[4]) Ibid., т. XLIV, стр. 352.

„Il est arrivé un cruel malheur à la ville de Gera, qui a été brûlée de fond en comble.... Cette ville, située sur les confins de la Saxe, était très industrieuse et très commerçante par conséquent remplie de la gloire de Catherine. Le comte Alexis Orlof, en allant de Pétersbourg dans la Méditerranée ou en revenant, s'y arrêtait toujours et commandait des ouvrages pour l'Impératrice" ¹).

Смерть княгини Орловой была решающимъ ударомъ для князя Григорія. По поводу ея писала Гримму императрица Екатерина II 9-го августа 1781 г.:

„J'apprends que le prince Orlof, après son malheur, a pris la route de Pétersbourg, et que les comtes Ivan et Alexis sont venus à sa rencontre" ²).

Возвращеніе „Гриши" причинило братьямъ не мало заботъ. Старшій изъ нихъ, „старинушка" былъ истиннымъ главою семьи, всегда чуждался общественной и государственной дѣятельности и жилъ безвыѣздно въ Москвѣ въ своемъ родовомъ гнѣздѣ въ приходѣ Егорія на Всполье.

Среди заботъ и волненій наступилъ 1782 годъ; но въ семьѣ Орловыхъ годъ этотъ ознаменовался счастливымъ и радостнымъ событіемъ. Утомленный холостою жизнью, графъ Алексѣй Григорьевичъ рѣшился съ нею покончить. Еще въ 1775 году графъ В. Г. Орловъ въ письмѣ къ брату Ивану намекаетъ на перемѣну, хотя врядъ ли этотъ намекъ касался того же лица.

1782 годъ—знаменательный въ жизни графа Алексѣя Григорьевича. Въ этомъ году онъ женился на Евдокіѣ Николаевнѣ Лопухиной. Свадьбу пировали въ Островѣ, гдѣ онъ угощалъ всю Москву.

Почти вся Москва была свидѣтельницей торжества, продолжавшагося нѣсколько дней. Это было въ августѣ мѣсяцѣ. Предварительно графъ Алексѣй Григорьевичъ обратился за согласіемъ на бракъ къ императрицѣ и Екатерина II отвѣтила ему слѣдующимъ письмомъ:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Письмо ваше отъ 19-го апрѣля

¹) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. XLIV, стр. 190.
²) Ibid., т. XLIV, стр. 200.

я приняла изъ рукъ братца вашего князя Орлова. Онъ вамъ сообщитъ и мой отвѣтъ на ваше предложеніе, и не осталось мнѣ кромѣ того, что желать вамъ всякаго счастія и благополучія въ принятомъ вами намѣреніи.... Екатерина. Апрѣля 28-го 1782 г.“ [1]).

Въ 1785 году родилась у него дочь—Анна. По этому поводу императрица Екатерина II пишетъ доктору Циммерману 5-го іюля:

„Я свидѣлась въ Москвѣ съ героемъ Чесмы, славнымъ графомъ Орловымъ. Онъ ухаживалъ за своею молодой супругой, лежавшей въ родахъ первымъ ребенкомъ; къ несчастію, у него родилась дочь: я не считаю его особенно способнымъ воспитывать дѣвочекъ и поэтому желала ему сына, которому онъ могъ бы служить примѣромъ“ [2]).

Онъ былъ вдвое старше своей жены: ему тогда уже минуло 50 лѣтъ. Въ 1783 году скончался братъ его Григорій. Онъ тотчасъ же извѣстилъ о томъ императрицу, которая собственноручно написала ему: „Я имѣла въ немъ друга; вмѣстѣ съ вами оплакиваю его, чувствую въ полной мѣрѣ цѣну потери и никогда не забуду его благодѣяній“. Всего четыре года продолжалась семейная жизнь графа Алексѣя Григорьевича. Въ 1785 году у него родился сынъ Иванъ, вскорѣ умершій, вслѣдъ за нимъ умерла и Евдокія Николаевна (21-го августа 1786 г.), 25 лѣтъ. Ее похоронили въ родовой усыпальницѣ Лопухиныхъ, въ Спасо-Андроньевомъ монастырѣ. На рукахъ у графа Алексѣя Григорьевича осталась единственная его дочь Анна, на которую отнынѣ онъ и обратилъ всѣ свои попеченія и заботы. Жизнь графа Алексѣя Григорьевича опять неожиданно приняла новый оборотъ. Онъ былъ еще въ полномъ цвѣтѣ силъ, и богатырская натура его жаждала дѣятельности и подвиговъ. Крѣпче и крѣпче привязывался онъ къ Москвѣ, гдѣ жилъ подъ Донскимъ въ своемъ домѣ близъ Воробьевыхъ горъ. „Не рѣдко“—говоритъ современникъ—„въ кругу друзей своихъ представлялъ онъ собою чудеса той мощности, которою Творецъ благословилъ любезнѣйшему изъ его чадъ—Русскому народу [3]).

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 108.
[2]) Русская Старина 1887 г., т. LV, стр. 283.
[3]) Н. Страховъ. Мои петербургскія сумерки. Ч. II, стр. 23.

„Передъ домомъ своимъ каждый годъ въ зимнее время учреждалъ онъ лошадиный бѣгъ, который еженедѣльно по воскресеньямъ занималъ не токмо жителей, но и со всей Россіи съѣхавшихся дворянъ. Въ лѣтнее время Москва обязана ему была учрежденною передъ домомъ его скачкою на лошадяхъ и всегдашней прогулкой въ наипрелестнѣйшемъ англинскомъ саду“ [1]).

Мать жены графа Алексѣя Григорьевича, Анна Алексѣевна, урожденная Жеребцова, принадлежала къ семьѣ дружественной Шереметевымъ. Кромѣ того Владимиръ Ѳедоровичъ Шереметевъ, какъ сынъ Мавры Сергѣевны Лопухиной, приходился отцу графини Евдокіи Николаевны Орловой троюроднымъ братомъ. Къ числу ближайшихъ къ графу Алексѣю Григорьевичу лицъ принадлежалъ и Василій Владимировичъ Шереметевъ. Сынъ Владимира Ѳедоровича и Марьи Андреевны, урожденной княжны Хованской, онъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Семеновнѣ Львовой. Отсюда сближеніе графа Алексѣя Григорьевича съ семьею своей жены, съ Жеребцовыми, съ Шереметевыми, съ Львовыми, слѣдовательно и съ Марьею Семеновною Бахметевой. Она была дочь князя Семена Сергѣевича Львова и княгини Екатерины Никитишны, дочери Ирины Андреевны Іевлевой, урожденной Толстой. Сестра ея Анна Семеновна была женою Василія Владимировича Шереметева. Обѣ въ молодости отличались красотой, но судьба ихъ очень различна. Безмятежное счастіе семейной жизни было удѣломъ Анны Семеновны, Марья Семеновна вышла за А. П. Бахметева и была очень несчастлива. Они разошлись. Впервые упоминается имя М. С. Бахметевой въ запискахъ Болотова за 1784 годъ. Она была тогда еще дѣвицей и жила съ родителями [2]) въ Калугѣ, въ родовомъ ихъ имѣніи, въ селѣ Кожуховѣ.

---

[1]) Н. Страховъ. Op. cit.. Ч. II, стр. 23.

[2]) Отецъ Марьи Семеновны, князь Семенъ Сергѣевичъ Львовъ, служилъ въ то время въ Калугѣ прокуроромъ. Онъ былъ сыномъ князя Сергѣя Яковлевича Львова, который въ 1743 г. значится „маэоромъ“ 76 лѣтъ. Марта 22, „по доношенію маэора князя Сергія княжъ Яковлева сына Львова, на первой смотръ представленъ сынъ его князь Семенъ 8 лѣтъ отъ роду. Обучается россійской грамотѣ. Недвижимаго имѣнія за онымъ его отцемъ имѣется въ Галицкомъ, въ Кинешемскомъ, въ Лебедянскомъ, Ярославскомъ 977 душъ. (Рукопись „Архива Министерства Юстиціи“). По сему доношенію „учинено того-жъ числа оной князь Семенъ Львовъ для обученія россійской грамотѣ твердо читать и чисто писать отданъ оному отцу его князь Сергію Львову и въ томъ дамъ пашпортъ, въ которомъ написано,

А. Т. Болотовъ попадаетъ въ 1784 г. въ Калугу на балъ къ Ивану Дмитріевичу Шепелеву, племяннику тульскаго и калужскаго намѣстника М. Н. Кречетникова. „Ввечеру“—пишетъ Болотовъ—„былъ балъ и ужинъ у Ивана Дмитріевича Шепелева, гдѣ также было превеликое собраніе... Имѣлъ я тогда случай видѣть все калужское дворянство обоего пола и насмотрѣлся танцевъ, а особливо славной танцовщицы княгини Львовой, сдѣлавшейся потомъ очень славною по фавору къ ней покойнаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова“ [1]).

„Фаворъ“, о которомъ говоритъ Болотовъ, начался позднѣе и причинилъ не мало заботъ въ семьѣ; но крѣпкая дружба, соединявшая Орлова съ близкою ему семьею, отъ этого не пострадала.

Выяснивъ родственныя отношенія между Бахметевыми, князьями Львовыми и Шереметевыми, мы можемъ теперь перейти къ разсмотрѣнію лежащей передъ нами переписки Анны Семеновны Шереметевой съ ея пріятельницею Анной Артамоновной Паниной. Эта переписка живо рисуетъ ту среду, въ которой вращался графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Но прежде чѣмъ коснуться этихъ писемъ, намъ нужно вернуться къ 1785 году, когда на-

---

что онъ вышеописанному былъ обученъ и на второй смотръ представленъ, какъ состоявшійся въ прошломъ 1742 г. дек. 11 дня указъ повелѣваетъ“. (Рукопись „Архива Министерства Юстиціи“).

Подъ симъ подпись другою рукою: „Подлинный пашпортъ и онаго сына своего, князя Семена, маэоръ князь Сергій княжъ Яковлевъ сынъ Львовъ съ вышеописаннымъ обязательствомъ взялъ и на второй смотръ представлю, въ томъ и обязуюсь“.

Послужной списокъ князя Семена Сергѣевича таковъ: въ службу вступилъ 1752 въ артиллерію капраломъ, 1753 — сержантомъ, 1757 — флигель-адъютантомъ, 1758—артиллеріи поручикомъ, 1759—отставленъ тѣмъ же чиномъ.

Отставка продолжалась до 1775 года, когда онъ былъ назначенъ провинціальнымъ прокуроромъ въ Тамбовскую губернію. 23-го декабря 1775 г. въ присутствіи герольдмейстерскихъ дѣлъ докладывано: „На имѣющіяся въ Арзамасѣ прокурорскія ваканціи опредѣлены прокурорами въ Арзамасъ - артиллеріи поручикъ князь Семенъ Львовъ“.

Въ 1778 г. князь Семенъ Семеновичъ назначенъ былъ надворнымъ совѣтникомъ въ Калужскій Верхній земскій судъ прокуроромъ. Въ 1779—опредѣленъ въ Тульское намѣстническое правленіе совѣтникомъ. Намѣстникомъ тогда былъ М. Н. Кречетниковъ. Въ 1780 г. князь Семенъ Сергѣевичъ состоитъ губернскимъ прокуроромъ. 22-го декабря 1784 г. былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, а съ декабря 1793 г.—въ статскіе совѣтники.

[1]) Жизнь и приключенія А. Т. Болотова. С.-Пб. 1872. Т. III, ст. 1200.

двигалась вторая турецкая война и когда графъ Алексѣй Григорьевичъ, находившійся тогда въ исключительномъ положеніи, едва не былъ вовлеченъ вновь въ государственный и политическій водоворотъ. Въ то время всесильный князь Тавриды стоялъ во главѣ всѣхъ дѣлъ. Императрица Екатерина II, плѣненная его дарованіями, предоставила ему полный просторъ, пренебрегая его слабостями. Среди двора императрицы Екатерины II, графъ Орловъ Чесменскій стоялъ особнякомъ, предпочитая союзу съ Потемкинымъ вѣчную отставку.

Смѣна любимцевъ и вербованіе новыхъ не могло быть дѣломъ Орловыхъ. Подчиняться произвольнымъ требованіямъ они не могли и удалились. Старшій братъ не выдержалъ такого перелома и лишился разсудка. Графъ Алексѣй Григорьевичъ нашелъ успокоеніе въ новой дѣятельности и въ народномъ сочувствіи. Конечно, онъ относился отрицательно ко многому, что́ дѣлалось, но это не касалось личныхъ его отношеній къ той, которой онъ помогъ взойти на престолъ. Служеніе ей онъ понималъ, какъ служеніе отечеству. Кто врагъ отечества, тотъ былъ врагомъ и Орлова. Потемкина любить онъ не могъ, не могъ мириться и съ его пріемами; но онъ лучше другихъ долженъ былъ признавать его несомнѣнныя дарованія.

Такъ разошлись навсегда соперники, которыхъ недоброжелательно прозывали „le borgne et le balafré“. Извѣстно, что Потемкинъ былъ кривой, а у графа А. Г. Орлова былъ шрамъ еще со временъ молодости. Это послѣдствіе ссоры въ домѣ виноторговца Ueberkampf'a, жившаго въ Петербургѣ, на Большой Милліонной. Когда Алексѣй Григорьевичъ былъ еще сержантомъ гвардіи, онъ поссорился съ рядовымъ изъ лейбъ-кампаніи Шванвичемъ. Послѣдній его ранилъ по лѣвую сторону рта. Раненый Алексѣй Григорьевичъ былъ отвезенъ къ извѣстному доктору Kaaw-Boerhave и тамъ его перевязали [1]).

Вторая турецкая война была рѣшена. Могла ли императрица Екатерина II не подумать о побѣдителѣ при Чесмѣ? Предполага-

[1]) Русская Старина 1886 г., т. LII, стр. 2—3. Германъ Каавъ, лейбъ-медикъ великаго князя Петра, былъ племянникъ извѣстнаго Бергаве, фамилію котораго онъ принялъ. Каавъ-Бергаве жилъ въ домѣ графа Шереметева на Милліонной улицѣ. (Ibid.).

лось дать новое назначеніе флоту и имя графа Орлова тѣмъ болѣе напрашивалось. Въ 1786 г. графъ Орловъ овдовѣлъ, 21-го октября 1787 г. императрица Екатерина II написала ему слѣдующее письмо:

„Любя пользу Имперіи, при подписаніи знатнаго морского вооруженія—нельзя, чтобъ не пришло мнѣ на умъ имя и дѣянія графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго и брата его, графа Федора Григорьевича Орлова. Кому неизвѣстно, что они впервые морскими нашими силами врагу имени христіанскаго нанесли страхъ, трепетъ и сильные удары, паче же разореніемъ флота его при Чесмѣ посреди морей, до того россійскому орлу неизвѣстныхъ; что народная довѣренность тамо ихъ встрѣчала; что за ними по слѣдамъ шла побѣда? Неоспоримая правда, что имя ваше прибавитъ моему морскому вооруженію еще вѣсъ и мѣру въ ужасъ врагу, во одобреніе своимъ, кои подъ вами достигли до побѣдъ и награжденій. Въ дружественномъ письмѣ не повелѣвается, но спрашивается запросто: во-первыхъ, склоненъ ли графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменской взять охотно паки команду надъ флотомъ?... Второе, графъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ поѣдетъ ли съ нимъ?... О семъ отписавъ къ вамъ дружески, пребываю къ вамъ, какъ всегда, весьма доброжелательна. Екатерина“ [1]).

Письмо это не могло быть написано безъ вѣдома Потемкина, котораго императрица предупредила о своемъ желаніи письмомъ отъ 24-го сентября 1787 г.:

...„Ты пишешь, чтобъ Грейга послать съ флотомъ — я его пошлю, но не громче ли было(бы) имя Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго? Однако сіе между нами, и ни онъ не отзывается, ни я, а отъ изобилія мыслей написала, что̀ на умъ пришло“ [2]).

Потемкинъ не возражалъ и императрица Екатерина II ему пишетъ:

...„Съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ и о его поѣздкѣ освѣдомлюсь, а Грейгу, конечно, ѣхать съ нимъ или и безъ него. Конечно, лучше было естьли бы equinoxe (равноденствіе) пропустили“ [3])...

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 109—110.
[2]) Русская Старина 1876 г., т. XVI, стр. 247.
[3]) Ibid., стр. 250—251.

Далѣе Гарновскій записываетъ:

„На сихъ дняхъ ожидаютъ сюда графа Алексѣя Григорьевича (Орлова-Чес)менскаго.

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ-Чес)менскій пріѣхалъ сюда ноября 30-го дня. Его сіятельство отъ начальства надъ флотомъ, отправляющимся въ Средиземное море, отказался, потому что дворъ не согласился дать ему фельдмаршальскаго чина, въ которомъ хотѣлось ему быть старѣе его свѣтлости. Вскорѣ его сіятельство отправился отсель обратно въ Москву и женился тамъ на дѣвицѣ Николаевой“ [1]).

„Графъ Чесменскій ѣздилъ недавно въ Кронштадтъ для осмотра пріуготовляющихся къ походу кораблей, хотя онъ, впрочемъ, и отказался отъ принятія надъ оными команды. Его сіятельство принятъ при дворѣ весьма хорошо; однакожъ говорятъ, что сколько его ни ласкаютъ, но онъ конмандовать флотомъ и впредь не согласится. Сей графъ не доброхотствуетъ графу Александру Андреевичу (Безбородко) и къ масляной возвратится въ Москву“ [2]).

Подъ 14-мъ января 1788 г. Гарновскій записываетъ:

„Графъ А. Г. (Орловъ) отправился уже въ Москву. Говорятъ, что его сіятельство намѣренъ предпринять путешествіе въ чужой край. Сей графъ до отъѣзда своего проговорилъ въ одномъ мѣстѣ за обѣдомъ:

— „Уже слишкомъ двадцать дней прошло, какъ нѣтъ никакихъ отъ одного фельдмаршала извѣстій“.

„Вотъ небольшое доказательство, что и сія фамилія доброжелательствовать его свѣтлости не намѣрена, сколько бы его свѣтлость добра ей ни желалъ. Ожидаютъ сюда графа Федора Григорьевича (Орлова)... Господинъ Архаровъ сюда пріѣхалъ. И сей чуждается теперь извѣстнаго общества.

„Чортъ ихъ знаетъ, что имъ сдѣлалось. Всѣмъ имъ неловко, да и сами-то между собою перессорились. Перестану къ нимъ ходить, а особливо одинъ изъ этихъ господъ окруженъ все такими канальями, что гадко на нихъ и глядѣть. Это правда, что Орловъ

---

[1]) Русская Старина 1876 г., т. XVI, стр. 487, 494—495.
[2]) Ibid., стр. 498.

Не могъ Потемкинъ радоваться этому обращенію, но онъ напрасно тревожился. „Графы Орловы“—писала императрица Екатерина II Потемкину отъ 13-го января — „отказались ѣхать во флотъ, а послѣ сего письменнаго отрицанія по причинѣ болѣзни графъ Алексѣй Григорьевичъ сюда пріѣзжалъ и весьма заботился о семъ отправленіи флота и его снабженіи; но какъ они отказались отъ той службы, то я не разсудила за нужное входить уже во многія подробности, но со всякой учтивостью отходила отъ всякихъ объясненій, почитая за ненужное толковать о томъ съ неслужащими людьми. Потомъ просилъ паспортъ ѣхать за границу къ водамъ, но, не взявъ оной, уѣхалъ къ Москвѣ... Adieu mon cher ami, portéz vous bien — estampe — къ тебѣ посылаю кіевскаго портрета“ [1]).

Понятно, что вопросъ о возможности возврата графа А. Г. Орлова сильно занималъ современниковъ и раздражалъ сторонниковъ Потемкина. Мы можемъ прослѣдить за этими движеніями по отзывамъ креатуры Потемкина—Гарновскаго.

Вотъ что онъ записываетъ подъ 23-мъ октября 1787 г.:

„Третьяго дня отправленъ къ графу А. Г. Орлову-Чесменскому, съ письмомъ отъ графа Александра Андреевича (Безбородко), нарочный курьеръ. Сіе подало поводъ публикѣ думать, что графа Чесменскаго приглашаютъ паки къ командованію флотомъ; освѣдомясь ближе о семъ, не могъ я узнать, съ чѣмъ курьеръ отправленъ, однакоже знаю, что не съ инвитомъ“ [2]). Въ декабрѣ 1787 г. Гарновскій записываетъ:

„Недавно государыня изволила вопросить пришедшихъ къ Ея Императорскому Величеству на поклонъ:

— Что въ городѣ новаго слышно?

На сіе отвѣтствовано: „Говорятъ, что графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій скоро сюда будетъ“.

— „Да слышно, что онъ и флотомъ въ Архипелагѣ командовать будетъ“—изволила сказать государыня [3]).

---

[1]) Русская Старина 1876 г., т. XVI, стр. 447.
[2]) Русская Старина 1876 г., т. XV, стр. 476.
[3]) Ibid., стр. 486.

Далѣе Гарновскій записываетъ:

„На сихъ дняхъ ожидаютъ сюда графа Алексѣя Григорьевича (Орлова-Чес)менскаго.

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ-Чес)менскій пріѣхалъ сюда ноября 30-го дня. Его сіятельство отъ начальства надъ флотомъ, отправляющимся въ Средиземное море, отказался, потому что дворъ не согласился дать ему фельдмаршальскаго чина, въ которомъ хотѣлось ему быть старѣе его свѣтлости. Вскорѣ его сіятельство отправился отсель обратно въ Москву и женился тамъ на дѣвицѣ Николаевой“ [1]).

„Графъ Чесменскій ѣздилъ недавно въ Кронштадтъ для осмотра пріуготовляющихся къ походу кораблей, хотя онъ, впрочемъ, и отказался отъ принятія надъ оными команды. Его сіятельство принятъ при дворѣ весьма хорошо; однакожъ говорятъ, что сколько его ни ласкаютъ, но онъ командовать флотомъ и впредь не согласится. Сей графъ не доброхотствуетъ графу Александру Андреевичу (Безбородко) и къ масляной возвратится въ Москву“ [2]).

Подъ 14-мъ января 1788 г. Гарновскій записываетъ:

„Графъ А. Г. (Орловъ) отправился уже въ Москву. Говорятъ, что его сіятельство намѣренъ предпринять путешествіе въ чужой край. Сей графъ до отъѣзда своего проговорилъ въ одномъ мѣстѣ за обѣдомъ:

— „Уже слишкомъ двадцать дней прошло, какъ нѣтъ никакихъ отъ одного фельдмаршала извѣстій“.

„Вотъ небольшое доказательство, что и сія фамилія доброжелательствовать его свѣтлости не намѣрена, сколько бы его свѣтлость добра ей ни желалъ. Ожидаютъ сюда графа Федора Григорьевича (Орлова)... Господинъ Архаровъ сюда пріѣхалъ. И сей чуждается теперь извѣстнаго общества.

„Чортъ ихъ знаетъ, что имъ сдѣлалось. Всѣмъ имъ неловко, да и сами-то между собою перессорились. Перестану къ нимъ ходить, а особливо одинъ изъ этихъ господъ окруженъ все такими канальями, что гадко на нихъ и глядѣть. Это правда, что Орловъ

---

[1]) Русская Старина 1876 г., т. XVI, стр. 487, 494—495.
[2]) Ibid., стр. 498.

поѣдетъ въ чужіе края и въ Италіи будетъ... Но я дамъ себя повѣсить, если онъ флотомъ командовать будетъ. Онъ отъ сего совершенно отказался, и этотъ нажаловался государынѣ на многихъ. Что онъ думаетъ? Повѣрятъ ему? — Вздоръ! На князя (Потемкина) говорили, говорили, что денегъ много истрачено попустому, теперь государыня сама видѣла Херсонъ и разныя въ тѣхъ мѣстахъ заведенія, то можетъ ли кто ее послѣ сего увѣрить, что деньги истрачены даромъ. Тоже надобно разумѣть и о прочихъ намѣстникахъ, которыхъ онъ почти всѣхъ ввелъ въ подозрѣніе" [1]).

Видимо, графъ А. Г. Орловъ не давалъ покоя своимъ недоброжелателямъ, несмотря на свой отказъ. 19-го іюля 1788 г. Гарновскій записалъ:

„19-го іюля пріѣхалъ сюда нечаянно графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ), который того же дня обѣдалъ во дворцѣ вмѣстѣ съ членами совѣта и началъ твердить попрежнему, что, занимаясь дѣлами на полднѣ, привели государство въ совершенную разстройку и что столица здѣшняя находится въ совершенной опасности. Сей разъ этотъ гость государынѣ въ тягость, 1-е потому, что многіе еще до пріѣзда его сіятельства пѣли Ея Величеству подобныя его пѣснямъ; 2-е, что опасность со стороны Шведовъ почти миновалась" [2]).

Тревожно слѣдитъ Гарновскій за дѣйствіями Орлова:

„Іюля 29. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ нанялъ домъ, слѣдовательно, располагается здѣсь пожить. Весь городъ говоритъ, что онъ призванъ сюда по именному указу, но ближайшіе и близкіе къ трону утверждаютъ, что сей графъ, безпрестанно государственное наше правленіе въ черномъ видѣ представляющій государынѣ, крайне скученъ" [3]).

Далѣе подъ 1-мъ августа Гарновскій записываетъ:

„30-го іюля приступалъ графъ Чесменскій къ государынѣ съ новыми доказательствами о безпорядкахъ, въ государствѣ нашемъ существующихъ, а особливо сей разъ критиковалъ болѣе прочихъ

---

[1]) Русская Старина 1876 г., т. XV, стр. 693, 698.
[2]) Ibid., стр. 28.
[3]) Ibid., стр. 30.

часть воинскую и доносилъ, между прочимъ, что солдаты наши ни ходить, ни стрѣлять не умѣютъ, ружья имѣютъ негодныя и вообще войска наши въ одеждѣ и во всемъ никогда такъ дурны не были, какъ теперь. Весь сей доносъ расположенъ былъ такъ, чтобъ внушить государынѣ, что всему сему причиною его свѣтлость (кн. Потемкинъ). Случившіеся тутъ графъ Алексѣй Матвѣевичъ Мамоновъ и Михаилъ Сергѣевичъ (Потемкинъ) принялись горячо оспаривать таковой несправедливый доносъ и умѣли дать оному такой толкъ, что государыня, почтя себя доносомъ Чесменскаго лично оскорбленною, дала съ негодованіемъ чувствовать, что, царствуя 25 лѣтъ, никогда она по своей должности упущенія не сдѣлала и что съ сожалѣніемъ взираетъ на заблужденія, въ которыхъ графъ Чесменскій находится. Это было графу Чесменскому очень непріятно.

„31-го іюля графъ Чесменскій предпріялъ путешествіе въ Ораніенбаумскій уѣздъ, неизвѣстно куда именно и зачѣмъ“ [1]).

Но Гарновскій скоро самъ себя успокаиваетъ по поводу этой поѣздки:

„16-го августа 1788 г. графъ Чесменскій ѣздилъ въ Ораніенбаумскій уѣздъ для свиданія съ прежнею любовницею своею, супругой Петра Григорьевича Демидова, Екатериной Алексѣевной Жеребцовой. Возвратясь сюда, дѣлалъ онъ новыя покушенія переначить дворъ въ расположеніяхъ онаго къ его свѣтлости и настроить оный такъ, какъ хотѣлось социетету, когда его сіятельство выписанъ былъ нарочно къ такому времени, когда овладѣвшія дворомъ безпокойствія обѣщали имъ въ проискахъ ихъ наиболѣе успѣховъ. Къ социетету принадлежитъ также камеръ-фрейлина Анна Никитишна Протасова, безстыдно иногда горланящая, и цесарскій посолъ Кобенцель“ [2]).

Языкъ Гарновскаго обличаетъ характеръ этого человѣка. Но не ясно ли, что графъ Орловъ, будучи въ вѣчной отставкѣ, своимъ присутствіемъ заставлялъ волноваться даже сильнѣйшихъ міра сего. Императрицѣ Екатеринѣ II приходилось съ нимъ считаться.

---

[1]) Русская Старина 1876 г., т. XVI, стр. 207—208.
[2]) Ibid., стр. 210.

12-го марта 1789 года пишетъ графу Алексѣю Григорьевичу братъ его Владиміръ:

„Вотъ тебѣ, сударикъ Алеханъ, наипріятнѣйшее извѣстіе для всей моей семьи, слѣдовательно и для тебя“, слѣдуютъ подробности о помолвкѣ его дочери съ графомъ Н. П. Панинымъ. „Повергни меня“ — кончаетъ Владиміръ Григорьевичъ — „и всю семью къ священнымъ стопамъ государыни, матери и благодѣтельницы нашей. Испроси на то ея благоволеніе. Съ нетерпѣніемъ ожидать буду твоего отвѣта“ [1]).

Отвѣтъ не замедлилъ. Отъ 2-го апрѣля 1789 г. императрица Екатерина II писала:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Изъ письма вашего, отъ 28 марта, я съ удовольствіемъ вижу, что вы благополучно до Москвы доѣхали и нашли братій вашихъ здоровыми. Касательно же женитьбы сына графа Петра Ивановича Панина, который беретъ за себя дочь графа Владиміра Григорьевича Орлова, о чемъ желаете имѣть мое дозволеніе, имѣю вамъ объявить, что я на сіе охотно соизволяю и желаю вамъ оный бракъ совершить въ радости и утѣшеніи участвующихъ родственниковъ. Впрочемъ остаюсь, какъ и всегда, къ вамъ весьма доброжелательна. Екатерина“ [2]).

Послѣднее десятилѣтіе царствованія императрицы Екатерины II графъ А. Г. Орловъ продолжалъ по преимуществу жить въ Москвѣ и подъ Москвою въ своихъ подмосковныхъ имѣніяхъ, въ Островѣ и въ Хатунѣ. Онъ не тяготился своимъ положеніемъ, усиленно занимался хозяйствомъ и своимъ любимымъ заводомъ, наслаждаясь близостью дорогихъ ему людей, гостепріимно принимая у себя дорогихъ гостей, все болѣе и болѣе сосредоточивая свои заботы на своей ненаглядной дочери. Но онъ не могъ оставаться равнодушнымъ при извѣстіи объ успѣхахъ нашего оружія, о новыхъ подвигахъ флота, ему столь дорогого. Онъ не приминулъ поздравить съ этими успѣхами государыню.

А. В. Храповицкій подъ 9 іюля 1790 г. записалъ:

„Показывать изволила собственноручное письмо къ графу А. Г.

---

[1]) Графъ Орловъ-Давыдовъ. Op. cit., т. II, стр. 102-103.
[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 110.

Орлову-Чесменскому, въ отвѣтъ на его поздравленіе съ побѣдами. Тутъ Чичаговъ названъ послѣдователемъ примѣра, побѣдителемъ при Чесмѣ показаннаго" [1]).

Вотъ отрывокъ изъ этого письма: „Не дивлюсь" — писала императрица Екатерина II — „твоей при семъ случаѣ, въ письмѣ твоемъ ко мнѣ изъясненной, радости: ты показалъ путь, по которому шествуютъ твои храбрые и искусные послѣдователи" [2]).

Отказъ графа А. Г. Орлова не имѣлъ вліянія на отношенія къ нему императрицы Екатерины II. Тѣмъ онъ былъ и опасенъ, что, не будучи любимцемъ, не подвергался полному охлажденію.

Въ это время Шереметевы жили въ своемъ подмосковномъ имѣніи, въ селѣ Спасскомъ (Уборы тожъ), Звенигородскаго уѣзда, на берегу Москвы рѣки. Родовое имѣніе переходило по наслѣдству отъ дьяка думнаго Елизарія Вылузгина, дочь котораго вышла за Ивана Петровича Шереметева. Село Уборы досталось Владиміру Ѳедоровичу Шереметеву, одному изъ депутатовъ Екатерининской Комиссіи.

Послѣ смерти Владиміра Ѳедоровича многочисленная его семья приступила къ сложному и непріятному раздѣлу, при чемъ Уборы достались Василію Владиміровичу, а Лопухинское-Покровское брату его старшему Петру Владиміровичу Шереметеву.

Переписка Анны Семеновны Шереметевой съ Анной Артамоновной Паниной [3]) до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія живо переноситъ читателя въ интересы и заботы того времени, освѣщая домашній бытъ близкой Орлову семьи.

---

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго. С-Пб. 1874 г., стр. 341.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 111.

[3]) Анна Артамоновна Панина, рожденная Корякина, въ первомъ бракѣ за Тутолминымъ, во второмъ бракѣ была за Иваномъ Александровичемъ Панинымъ. Овдовѣвши во второй разъ, она жила въ Москвѣ въ семействѣ графини Софьи Владиміровны Паниной, дочери графа В. Г. Орлова, и у А. С. Шереметевой. А. А. Панина погребена въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, подъ однимъ памятникомъ съ дочерью Ольгой Ивановной Каблуковой и рядомъ съ племянницей Акилиной Ѳедоровной Палицыной, подъ № 63, близъ запасныхъ дверей соборнаго храма.

У Анны Артамоновны были двѣ дочери: Ольга и Варвара. Ольга Ивановна Панина была замужемъ за Василіемъ Георгіевичемъ Каблуковымъ; они вѣнчались въ Хотавкахъ въ 1800 году. В. Г. Каблуковъ служилъ въ то время въ Тулѣ. Варвара Ивановна Панина была замужемъ за д. с. с. Давыдомъ Давыдовичемъ Сиверсъ и была бездѣтна.

Къ сожалѣнію, на многихъ письмахъ нѣтъ годовъ, и лишь приблизительно можно опредѣлить время, когда писались эти письма къ А. А. Паниной.

„Матушка, душа моя, Анна Артамоновна!", такъ начинаетъ обыкновенно свои письма къ А. А. Паниной Анна Семеновна Шереметева. „Новаго тебѣ скажу только то мое удовольствіе, что батюшка [1]) здѣсь былъ и сестру видѣлъ и простилъ, и къ графу ѣздилъ и позволилъ ей быть лѣтомъ къ нему въ Кожухово, то теперь мы гораздо спокойнѣе и вездѣ выѣзжаемъ. Въ субботу праздновали у графа Алексѣя Григорьевича именины Ѳедора Григорьевича и обѣдали, а сестра провожала батюшку и пріѣхала послѣ обѣда. И ѣздили вмѣстѣ въ концертъ Сартіевъ, гдѣ было около 2000 человѣкъ, по 5 руб. за билетъ. Думаю, что у васъ не такъ то денежны" [2]).

Здѣсь рѣчь идетъ о Марьѣ Семеновнѣ, подвергшейся родительскому гнѣву. Повидимому, отношенія въ началѣ были натянутыя. Объ этомъ можно судить по строгимъ письмамъ къ ней матери ея княгини Екатерины Никитишны Львовой. Хотя содержаніе этихъ писемъ сбивчиво, однакоже ясно видно неудовольствіе:

„Ты въ послѣднемъ письмѣ пишешь, что отдаешь себя на наше расположеніе. Поздно, мой другъ! Ужъ нѣтъ нашего ума загладить то, что не можно возвратить... Богъ одинъ защитникъ можетъ поправить твое здоровье и оправдать предъ свѣтомъ... Въ семъ ты не виновна, а родительское сердце не перестанетъ страдать... не гнѣвомъ, но жалостью, а ты та-же дочь, которую я 20 лѣтъ имѣла въ моихъ рукахъ. Кромѣ утѣшенія не находила въ сравненіе...

Василій Григорьевичъ и Ольга Ивановна Каблуковы имѣли двоихъ дѣтей, сына Александра и дочь Екатерину.

Е. В. Каблукова вышла замужъ въ 1822 году за капитана Павла Ѳеодоровича Шандоровскаго. Дочь ея Ольга Павловна Шандоровская и есть владѣтельница настоящей переписки Анны Семеновны съ Анной Артамоновной; за сообщеніе этихъ писемъ приношу ей глубокую свою благодарность.

Семейное преданіе Паниныхъ приписываетъ Орловымъ и Корякинымъ одно происхожденіе будто бы „отъ Орла и Коряки". Между Иваномъ Александровичемъ Панинымъ было дальнее родство съ братьями Петромъ и Никитою Паниными. (Сообщеніе О. П. Шандоровской).

[1]) Князь Семенъ Сергѣевичъ Львовъ.

[2]) Рукопись: „Переписка Анны Семеновны Шереметевой съ Анной Артамоновной, Варварой и Ольгой Паниными". Письмо № 5.

несчастное замужество, все отъ него, а стала одна паратченья... Тебѣ приказываю себя беречь, чтобъ прійти въ крѣпость. И я не ѣду въ Москву для того, что ты нездорова. То чтобъ не сдѣлать тебѣ больше своимъ свиданьемъ, а ты, знавъ мою къ вамъ горячность, не можешь сомнѣваться... Я затѣмъ не ѣду, чтобъ сколько можно пройти время себя оправить" [1]).

Письмо очень не разборчиво подъ титлами, безъ числа, но ясно то, что княгиня Е. Н. Львова почитаетъ источникомъ всему горю „несчастное замужество". 14-го іюня 1791 г. пишетъ Анна Семеновна Шереметева изъ Уборъ:

„Мы живемъ въ селѣ Уборахъ очень весело и спокойно, только еще не раздѣлились, а думаю скоро. Части Петра и Александра [2]) купили, Грибоѣдовъ [3]) тоже далъ слово, то теперь Василій Владимировичъ экономіей больше занимается. Покровское Петръ Владимировичъ купилъ по 200 рублей душу. Мое же упражненіе, по твоей милости, шью платье и очень хорошо, полу почти вышила и юбку начали, шью самъ пятъ; только жаль, что къ Петрову дню не поспѣетъ, однако спроси, матушка, не надобно ли кому будетъ, и послѣ также не закажутъ ли по атласу этимъ узоромъ... Женщины мои очень желаютъ шить, только все мнѣ надобно начинать самой. Время у насъ такъ хорошо, что давно такого не было. У меня еще новая забава: ѣзжу верхомъ всякій день по двору, а вчерашній день ѣздила на новой лошади на промѣнъ чубарой. Графъ Алексѣй Григорьевичъ прислалъ лошадь, отмѣнно хорошо выѣзжанную. На прошедшей недѣлѣ у меня была сестра и, поѣхавши отъ меня, въ Москвѣ встрѣтила на крымскомъ броду своего сокола, то закричалъ только: „Ба! ба!" и она такъ испугалась, что и теперь не можетъ оправиться, а въ это время Василій Владимировичъ ѣздилъ на два дни въ Москву. Когда она у меня была, то пріѣхалъ онъ и мнѣ сказывалъ. Пишешь матушка, что ты увидишься съ братомъ, то ежели еще увидишь его, то скажи ему нашъ поклонъ, а затѣмъ къ нему не пишемъ, что нечего писать, а упражненіе наше увидитъ изъ твоего письма...

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.
[2]) Петра и Александра Владимировича Шереметевыхъ.
[3]) Грибоѣдовъ былъ женатъ на дочери Владимира Ѳедоровича Шереметева.

„Пишешь, матушка, объ Марьѣ, то дай Богъ! Можетъ быть и мы съ тобой скорѣе увидимся. Сейчасъ у меня была Марья Ѳадѣевна и удивилась, какъ услышала объ тебѣ. „Какъ же“, — говоритъ — „она мнѣ сказала, что смерть ее съ тобою разлучитъ“, какъ ей сказала причину, то она была согласна. Принесла земляники отмѣнной, и мы тебя всякій обѣдъ помнимъ. Простокваши наладили дѣлать и я думаю, что, матушка, въ большомъ свѣтѣ этого не всегда найдешь. Передъ поѣздомъ нашимъ ко мнѣ пріѣзжала прощаться твоя матушка Варвара Ивановна и какъ была довольна. Я было хотѣла за ней этотъ день послать, но она сама выпросила и я приказала благодарить графиню... Пишешь, матушка, обѣщаешь прислать узоръ, то, пожалуй, подпиши, гдѣ чѣмъ шить. Пожалуй, постарайся, матушка, запродать мои платья, а цѣна, какую ты хочешь, и что̀ будутъ давать, а мнѣ ты на эти деньги купишь кружева нитянаго. Кажется, все написала и какъ прочитала свое письмо, то увидѣла, что точно брежу, что встрѣчалось въ мысль, то и писала. Затѣмъ прости матушка, будь здорова и покойна, въ чемъ и не сумнѣваюсь. Пребуду навсегда вѣрный другъ и готовая къ услугамъ Анна Шереметева“ [1]).

Изъ Петербурга А. А. Панина пишетъ Аннѣ Семеновнѣ отъ 22-го января 1795 года:

„Получила ваше письмо въ ту минуту, какъ посылать на почту... Порадовалась сердечно, что вы, мои благодѣтели, въ добромъ здоровьѣ. Не думала, чтобы письмо ваше меня здѣсь нашло. Такъ то моя мать—скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается: до сихъ поръ живу здѣсь. Теперь, кажется, все къ отъѣзду готово и повозки куплены, а нельзя сказать, что скоро выѣду. Говорятъ, что въ исходѣ нынѣшняго мѣсяца, чему однако-жь повѣрить нельзя. Со стороны графа увѣряютъ, что ѣдутъ, а прочіе всѣ только удивляются, куда ѣдутъ, эдакъ громко никто не уѣзжалъ, какъ мы. Такъ же боюсь, чтобъ и мой выѣздъ не сглазили. Кого не увижу, всѣ спрашиваютъ, когда ѣду? Вы не повѣрите, какъ скучно цѣлый годъ все ѣхать, ѣхать и ни съ мѣста долой. Уже и многіе на нашъ счетъ шутятъ. Боюсь того, что доведутъ ѣхать

---

[1]) Рукопись: „Переписка Анны Семеновны Шереметевой“ Письмо № 6.

въ концѣ зимы, а мнѣ въ Москвѣ жить негдѣ. У графа Владимира Григорьевича признаюсь, не хочется, а куда дѣваться, не знаю"......

Письмо это пишетъ не она сама, а дочь и добавляетъ:

„Мать моя, Анна Семеновна! Маменька зачала къ вамъ писать, но очень занемогла спазмами, вотъ уже шестой день, и ничто не помогаетъ: ни клистиры не дѣйствуютъ, ни лѣкарства, и съ постели не сходитъ" [1])...

Третья турецкая война не могла не привлекать къ себѣ вниманія графа Алексѣя Григорьевича. Теперь уже ему не предлагали непосредственнаго въ ней участія, но недоброжелатели его не дремали и все чего-то опасались, зная особенное къ нему вниманіе императрицы. Къ числу такихъ недоброжелателей слѣдуетъ причислить и А. В. Суворова. Въ письмѣ его 1791 года сквозитъ это недоброжелательство. 8-го августа 1791 г. изъ Кюмень города Суворовъ пишетъ къ своимъ роднымъ:

„На послѣднія ваши, но и на всѣ, хотя зрѣло разсуждать; токмо полно, тяжело за отлучкою; догмы на противосостоянія требуютъ ежевременнаго частнаго раздробленія, для мгновеннаго по сихъ производства, подобно какъ фортуна на быстромъ лету имѣетъ на лбу длинные волосы—лови, затылокъ голъ—не поймаешь... К. П. не о К. К.—К. Г.—это малость, на сихъ патріотъ не стой, иди далѣе, онъ колоссъ! Непріятно, слухъ уменьшаетъ побѣду к(нязя) Н. В. Р(епнин)а, перевѣсу нѣтъ; армія побьетъ визиря—онъ генералиссимусъ; Г. А. Г. О(рловъ) Ч(есменскій), Ѳ—ъ паче какъ миръ, Г. А. А. Б(езбородк)о канцлеръ, вотъ и тріумвиратъ... [2]).

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ:

„Постигнуть:..... Стремленіе мое сюда подъ праздники удаленіе (давно Г. А. Г. О. Ч. со мной одну штуку игралъ) [3]).

Въ обычныхъ суворовскихъ иносказаніяхъ звучитъ недоброжелательство къ графу А. Г. Орлову. Великій полководецъ былъ и „отмѣнный штукарь". Лѣтомъ 1791 г. графъ А. Г. Орловъ прибылъ въ Петербургъ и присутствовалъ въ Петербургѣ на празд-

---

[1]) Рукопись: „Переписка Анны Артамоновны Паниной". Письмо № 33.

[2]) Русская Старина 1872 г., т. VI, стр. 413.

[3]) Ibid., стр. 415.

нованіи восшествія на престолъ. Въ этомъ году умеръ Г. А. Потемкинъ. Графъ А. Г. Орловъ говорилъ тогда очень свободно съ императрицей и напомнилъ ей обѣщаніе по совершеннолѣтіи великаго князя Павла привлечь его къ дѣламъ. Неизвѣстно, что̀ она ему на это отвѣчала; но результатъ показалъ, что предложеніе его не имѣло успѣха.

Не къ этому ли времени относится слѣдующій разсказъ о графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ:

„Ходилъ по городу слухъ, что однажды, прежде чѣмъ государыня вышла къ столу, гости пошли къ закускѣ, въ томъ числѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Сей послѣдній въ общей бесѣдѣ о войнѣ говорилъ, что изъ арміи не было извѣстій, и Репнинъ ничего не дѣлаетъ. Орловъ молча подобралъ къ себѣ всѣ ножи со стола и потомъ просилъ Нарышкина отрѣзать ему чего-то кусокъ. Тотъ туда и сюда, нѣтъ ножа. Такъ-то и Репнину, когда ничего не даютъ ему, нечего дѣлать—сказалъ Орловъ“ [1]).

Отношенія между Орловымъ и Потемкинымъ не мѣнялись. Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются, и между ними ничего не могло быть общаго.

Повидимому, независимое положеніе графа А. Г. Орлова внушало недовѣріе Г. А. Потемкину. За нимъ учиненъ былъ негласный надзоръ. Вотъ что̀ по этому поводу разсказываетъ въ своихъ запискахъ Ѳ. П. Лубяновскій:

„Знаменитый въ свое время начальникъ полиціи въ Москвѣ (Архаровъ) былъ очень вхожъ въ домъ къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову. Подмѣтили и графу сказали, что онъ былъ шпіономъ за нимъ отъ князя Потемкина. Не повѣрилъ: сталъ однако-же всматриваться; вышелъ потомъ изъ терпѣнія и однажды послѣ обѣда повелъ гостя въ кабинетъ къ себѣ. Сѣли одинъ противъ другого къ столу, на которомъ лежали два пистолета. Графъ велѣлъ ему выбрать, какой онъ хотѣлъ пистолетъ, взялъ у него, выстрѣлилъ и, пробивъ пулею стѣну перегородки: „Видишь“, — сказалъ ему, — „другая пуля такъ пойдетъ тебѣ въ сердцѣ, если

[1]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ 1872 г., ст. 138.

не скажешь правды: шпіонъ ли ты за мной отъ Потемкина?" Признался и выболталъ всю подноготную. „Простилъ я проказника"—говорилъ графъ—и приказалъ ему быть „издали шпіономъ отъ меня за Потемкинымъ" [1]).

Въ 1791 г. скончался старшій братъ Орловыхъ графъ Иванъ Григорьевичъ. Смертью „старинушки" братья были глубоко огорчены. Храповицкій отмѣчаетъ въ дневникѣ своемъ:

„Спокойно писали съ моей руки къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому о пріемлемомъ соучастіи въ печали, по смерти брата его графа Ивана Григорьевича Орлова, случившейся 16-го ноября" [2]). Письмо было отъ 29-го ноября 1791 г. слѣдующаго содержанія:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Къ сожалѣнію моему, увѣдомилась я чрезъ московскаго губернатора о кончинѣ брата вашего, графа Ивана Григорьевича и, изъявляя соучастіе въ печали вашей, мною пріемлемое, пребываю навсегда вамъ доброжелательная Екатерина.

PS. „Братцамъ вашимъ прошу кланяться и сказать имъ мое сердечное сожалѣніе" [3]).

Потемкинъ, конечно, давно сознавалъ, что положеніе его пошатнулось. Онъ видѣлъ, что „воспитанникъ" императрицы Екатерины II готовъ былъ заступить его мѣсто. Онъ презиралъ этого „воспитанника" и не могъ допустить возвышенія ничтожности. Проѣздомъ въ Петербургъ на праздникѣ въ Кусковѣ онъ былъ мраченъ и говорилъ графу Н. П. Шереметеву, что ѣдетъ вырвать „зубъ" [4]). Въ Петербургѣ ему все стало ясно... и онъ спѣшитъ назадъ на югъ къ тѣмъ берегамъ, съ которыхъ нѣкогда указывалъ императрицѣ Екатеринѣ II „путь въ Византію".

Но этихъ береговъ онъ не достигаетъ:

„Чей одръ—земля; кровъ—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, Счастья. Славы сынъ.

[1]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ 1872 г., ст. 132—133.
[2]) Дневникъ А. В. Храповицкаго. С.-Пб. 1874 г., стр. ?84.
[3]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. I, стр. 111.
[4]) Со словъ Т. В. Шлыковой, свидѣтельницы пріема его въ Кусковѣ.

Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?..“ [1]).

Когда и какимъ образомъ дошла эта вѣсть до графа Алексѣя Григорьевича Орлова—мы не знаемъ, но она должна была возбудить въ немъ много сложныхъ чувствъ... и образъ безвременно погибшаго брата долженъ былъ оживиться въ его памяти, а съ нимъ и все прошлое первыхъ годовъ царствованія императрицы Екатерины II.

Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Москву императрица Екатерина II посѣтила графа А. Г. Орлова. „Долго ли тебѣ жить въ такомъ домѣ?“ — спросила она, находя, что домъ его недостаточно пышенъ.

„Изволишь знать, матушка, русскую пословицу: не красна изба углами, а красна пирогами; у меня же ихъ много по твоей милости“.

А. Я. Протасовъ пишетъ графу А. Р. Воронцову изъ Москвы отъ 27-го іюня 1795 г.:

„Hier était le jour de la bataille de Tchesmé. Il y ait un grand festin ici chez le comte Alexis Orloff et après dîner course de cheveaux. Dans cette course le comte Alexis a perdu un pari de mille r. contre un fameux coursier qu'un certain Mossoloff a acheté pour 15 mille r.“ [2]).

Не даромъ въ 1796 году Державинъ воспѣваетъ:

Его покой — движенье,
Игра—борьба и бѣгъ,
Забавы—пляска, пѣнье
И сельскихъ тьма утѣхъ.

Но онъ отмѣчаетъ и другую черту въ Орловѣ:

Его былъ домъ — друзей,
Кто приходилъ для дѣла,—
Не запиралъ дверей;
Души и сердца пища
Его—несчастнымъ щитъ [3]).

---

[1]) Сочиненія Державина. Ред. Я. К. Грота. Т. I, стр. 474.
[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. XV, стр. 65—66.
[3]) Сочиненія Державина. Ред. Я. К. Грота. Т. I, стр. 769—770.

„Въ прошедшій вторникъ была въ клопе“ — пишетъ Анна Семеновна Аннѣ Артамоновнѣ Паниной — „и не могу сказать, чтобы была весела, что то очень постно, а было 636 человѣкъ. Сегодня ѣдемъ обѣдать къ Загряжскимъ, а именинницъ всѣхъ оставили. А на вечерѣ у графа смерть Ивана Григорьевича очень было его разстроила, однако теперь получше, только кашляетъ... Пишешь матушка, что лишены видѣть славнаго спектакля. Думаю, что обидно, только не тебѣ. А у насъ здѣсь балансіоръ всѣмъ головы кружитъ, а мы еще все собираемся ѣхать. Сказываютъ, что отмѣнный штукарь старшій нашъ родственникъ [1]) удалился въ Останкино и еще театру не давалъ, да думаю, не много и дастъ“ [2]).

Дѣла по раздѣлу имѣнія продолжали заботить Анну Семеновну: „Домъ“ — пишетъ она — „мы продали за 7750 р. въ надеждѣ, что купимъ Сумарокова, но вмѣсто того домъ гнилъ и мы продавши думали ѣхать въ Спасское, но графу было угодно, чтобъ мы переѣхали жить къ сестрѣ, говоря, что его чувствительно одолжимъ. Итакъ теперь живемъ здѣсь съ дѣтьми. Исполовина, думаемъ, часть имѣнія — другая Петра Владимировича... Ты себѣ не можешь вообразить, какъ хлопотно. Дѣти всякій день у графини, учителя къ нимъ ѣздятъ, сегодня поутру былъ танцмейстеръ, то графиня у насъ была утѣшана, что графъ очень доволенъ, и сколько его милости какъ къ намъ, такъ и къ дѣтямъ, то описать не могу. Въ именины мои мы обѣдали дома и онъ у насъ съ гостьми и съ братьями и Владимиръ Григорьевичъ очень извинялся, что не зналъ, что именины, а свѣдалъ у брата и былъ не одѣтъ. Батюшка и матушка пріѣхали и здоровы, только бабушка [3]) очень слаба... Благодарю душенька за твое письмо, которое я получила съ графомъ... Въ самый тотъ день, какъ былъ концертъ у отца, я пріѣхала; графиня мнѣ сказываетъ, что я увижу тѣхъ, которыхъ не воображаю и я подлинно не могла вздумать, и графиня твоя [4]) такъ худа стала,

---

[1]) Здѣсь Анна Семеновна говоритъ о графѣ Н. П. Шереметевѣ, у котораго жилъ въ то время Николай Владимировичъ Шереметевъ и которые съ братьями вели споръ изъ за наслѣдства Владимира Өедоровича Шереметева.

[2]) Рукопись: „Переписка Анны Семеновны Шереметевой съ Анной Артамоновной, Варварою и Ольгой Паниными“. Письмо 23-е.

[3]) Ирина Андреевна Іевлева.

[4]) Графиня Наталія Владимировна Панина.

что узнать нельзя, да не только я, а всѣ кто былъ. А Со: Пе: удостоилась видѣть въ клопе, только не кланяется. Со: Вла: мнѣ отдала твое письмо, также и посылку, за которую покорно, моя душа, благодарю" [1])...

Приближались послѣдніе годы императрицы Екатерины II. „Это было въ Таврическомъ дворцѣ въ 10 ч. утра"... говоритъ Грибовскій, описывающій первый свой пріемъ у императрицы.— „Когда я хотѣлъ выйти, она сказала: „Позовите сюда графа Алексѣя Григорьевича и взглянула на противоположную дверь, изъ кабинета вышелъ я въ уборную, гдѣ тогда давно находились уже въ собраніи всѣ бывшіе при собственныхъ Ея Величества дѣлахъ, или имѣвшіе для доклада дѣла, или по другому случаю.

„Пріѣхавшія особы были: графъ Безбородко, Поповъ, Трощинскій, Турчаниновъ и между ними у камина стоялъ посѣдѣвшій Чесменскій богатырь съ шрамомъ на щекѣ, въ военномъ отставномъ мундирѣ.

„Всѣ они не мало удивились, что я вышелъ изъ кабинета, въ который не знали, какъ я вошелъ. Хотя я никогда не видалъ еще графа Орлова, но не могъ ошибиться: по высокому росту и нарочитому въ плечахъ дородству, по шраму на лѣвой щекѣ, я тотчасъ узналъ въ немъ героя Чесменскаго; на немъ былъ генеральскій мундиръ безъ шитья (хотя тогда и отставные шитье могли носить); сверхъ онаго Андреевская лента, а подъ нимъ Георгіевская первой степени. Подойдя къ нему, сказалъ я съ большой вѣжливостью: „Государыня проситъ Ваше Сіятельство къ себѣ". Вдругъ лицо его возсіяло, и онъ, поклонясь мнѣ, очень привѣтливо пошелъ въ кабинетъ. Черезъ нѣкоторое время графъ встрѣтясь со мной во дворцѣ, спросилъ меня: „Вы обо мнѣ государынѣ доложили, или сама она изволила приказать вамъ меня къ себѣ просить?" Съ того времени при всякой встрѣчѣ показывалъ онъ мнѣ знаки благосклонности... Но у князя П. А. Зубова никогда онъ не бывалъ" [2]).

Графъ А. Г. Орловъ повезъ въ Петербургъ свою ненаглядную дочь, чтобы представить ее императрицѣ... „Видѣлъ я",—го-

---

[1]) Рукопись: „Переписка А. С. Шереметевой". Письмо 25-е.

[2]) Записки о императрицѣ Екатеринѣ Великой А. М. Грибовскаго. М. 1864 г., стр. 47—49.

воритъ Грибовскій—„когда онъ представилъ государынѣ въ зимнемъ дворцѣ дочь свою графиню Анну. Отецъ былъ въ военномъ аншефскомъ мундирѣ съ шитьемъ, а дочь въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и брилліантахъ. Государыня приласкала ее рукою за подбородокъ, похвалила и въ щечку поцѣловала. Когда они вышли, то государыня сказала бывшимъ тутъ: „эта дѣвушка много добраго обѣщаетъ". Представленіе въ уборной почиталось знакомъ особенной милости царской. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, хотя былъ и въ отставкѣ и обыкновенно жилъ въ Москвѣ, но находился въ особой милости у государыни, писалъ къ ней письма, въ которыхъ называлъ ее иногда добрымъ молодцомъ, и всегда получалъ собственноручные отъ нея отвѣты" [1]).

Еще въ 1794 году Анна Артамоновна Панина, жившая въ то время у графа Н. П. Панина, женатаго на дочери графа В. Г. Орлова, писала Аннѣ Семеновнѣ Шереметевой:

„Хозяинъ мой, [2]) слава Богу, избавился отъ своей болѣзни, которая продолжалась 15 дней, и горячка была преопасная. Вы знаете, что я не труслива за больными, а были такіе часы, что отчаявалась въ его жизни. Софья В(ладимировна), слава Богу, этого не чувствовала, чѣмъ боленъ былъ. Занемогъ 17 мая, а еще и по сю пору слабъ. Пять дней, какъ началъ самъ ходить, а сначала все носили какъ ребенка. Три дня какъ переѣхали на дачу [3]) по приказу доктора Круза, чтобъ поскорѣе справиться. Тутолмины мои въ Царскомъ селѣ. Царица дала домъ, въ которомъ они живутъ... Ник(олай) Вл(адимировичъ) [4]) не перестаетъ васъ безпокоить. Вотъ Богъ послалъ бичъ, нигдѣ не даетъ покоя. Сдѣлай милость, увѣдомь, чѣмъ это кончится... Графъ Алексѣй Григорьевичъ присылалъ Алексѣя Петрова провѣдать моего хозяина...

„Новаго у насъ, что польскій городъ Краковъ взятъ прусскими войсками безъ всякаго штурму, сами поляки отворили ворота. При дворѣ новопожалованныхъ: Велеурской [5]) камергеромъ. И

---

[1]) Записки о имп. Екатеринѣ Великой А. М. Грибовскаго, стр. 49—50.

[2]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ.

[3]) Ему на Петергофской дорогѣ принадлежала дача Ульянка, въ которой нѣкогда живалъ Н. П. Панинъ.

[4]) Николай Владимировичъ Шереметевъ, спорившій съ братьями о наслѣдствѣ.

[5]) Юрій Михайловичъ Велеурскій.

дѣтей своихъ всѣхъ перевелъ въ нашъ законъ, которыхъ царица сама крестила. Въ камеръ-юнкеры пожалованы: Юшковъ [1]), Настасьи Петровны сынъ, Оболенской [2]), что женатъ на Масловой, Демидовъ [3]) за строеніе корабля, который стоитъ ему 100.000, пожалованъ камеръ-юнкеромъ. Такъ обрадовался чину, что въ обморокѣ былъ нѣсколько время" [4]).

Анна Семеновна пишетъ въ Петербургъ Аннѣ Артамоновнѣ Панниной:

„Пишешь, матушка, сомнѣваешься, не брюхата ли я, то сумнѣнія твои пустыя. Я безъ тебя не смѣю родить... а мы съ Ник(олаемъ) Влад(имировичемъ) боремся, только вся его просьба пустая, и думаю во всемъ откажутъ, движимое такъ и остановилось, еще не дѣлятъ" [5]).

Г. Р. Державинъ не разъ воспѣвалъ графа А. Г. Орлова. Конечно, онъ на него намекаетъ въ стихахъ къ Фелицѣ:

Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то̀ наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ [6]).

Графъ А. Г. Орловъ могъ, дѣйствительно, задерживать коней на всемъ бѣгу, онъ спасъ императрицу Екатерину II отъ неизбѣжной смерти, когда на устроенныхъ въ Царскомъ селѣ деревянныхъ горахъ она катилась въ колесницѣ и мѣдное кольцо выскочило изъ колеи. Графъ Орловъ стоялъ тогда на запяткахъ, на всемъ раскатѣ спустилъ ногу на ту сторону, гдѣ была опасность, а рукой схватился за перила и такимъ образомъ удержалъ колесницу.

Этотъ эпизодъ воспѣтъ былъ Державинымъ:

---

[1]) Петръ Ивановичъ Юшковъ.

[2]) Князь Андрей Ивановичъ Оболенскій, женатый на Мароѣ Андреевнѣ Масловой.

[3]) Николай Никитичъ Демидовъ.

[4]) Рукопись: „Переписка Анны Семеновны Шереметевой". Письмо 35-е.

[5]) Рукопись: „Переписка А. С. Шереметевой". Письмо 28-е.

[6]) Сочиненія Державина. Ред. Я. К. Грота. Т. I, стр. 137.

Я зрѣлъ, какъ жилистой рукой
Онъ шесть коней на иподромѣ
Вмигъ осаждалъ въ бѣгу; какъ въ громѣ
Онъ, колесницы съ горъ бедрой
Своей препнувъ склоненье,
Минерву удержалъ въ паденьѣ;
Я зрѣлъ, какъ въ дымѣ предъ полкомъ
Онъ, въ ранахъ свѣтелъ, бодръ лицомъ,
Въ единоборствѣ хитръ, проворенъ,
На огнескачущихъ волнахъ
Былъ въ мрачной бурѣ тихъ, спокоенъ,
Горѣла молнія въ очахъ [1]).

„Матушка, душа моя, Анна Артамоновна! Виновата какъ собака, что такъ давно къ тебѣ, матушка, не писала. Причина первому та, что мы два раза ѣздили въ Москву, а потомъ хорошее время меня много отводитъ отъ добрыхъ дѣлъ, безпрестанно на дворѣ. Теперь буду тебѣ, матушка, отвѣчать на первое твое письмо и благодарить, моя душа, за лимоны. Я ихъ получила, и довольно хорошо довезли. Только ты не пишешь, что̀ стоятъ. Пишешь матушка, что ты весело проводишь время на дачѣ. Радуюсь и не сомнѣваюсь, ибо княгиня—дама очень умная, да поминаешь, что ты купила и кроишь приданое, то для меня мудрено: кому, не пишешь. Дай Богъ въ добрый часъ, кто-бъ ни былъ. Объ Балкѣ теперь, матушка, я думаю, ты знаешь, что ни говорили, то вздоръ. Ва(силію) В(ладимировичу) остался тотъ же опекунъ, а она, видно, съ глупу не поняла, а Петруша доставленъ къ Марьѣ Павловнѣ съ Жозефомъ, который и былъ уговоренъ при немъ остаться. Отъ Ма(рьи) Па(вловны) онъ проѣхалъ за женою, а на первой почтѣ пишетъ къ В(асилію) В(ладимировичу), чтобъ его не отправлять и описываетъ резоны, точно какъ бы онъ этого желалъ, а другой опекунъ Козодавлевъ, чему В(асилій) В(ладимировичъ) очень радъ, въ разсужденіи его расходовъ и наукъ, и уже нѣсколько писемъ отъ него получили. Ма: Па: очень довольна его воспитаніемъ. Пишетъ къ Ва: В:, только различила воспитаніе, отдаетъ Мар: В:, а въ собраніи имѣнія В: В:, то онъ писалъ къ Осипу П:, чтобъ онъ ей объяснилъ, что онъ былъ участникъ и въ воспитаніи. и ежели ей угодно, то-бъ прочла письмо, поданное

[1]) Сочиненія Державина. Ред. Я. К. Грота. Т. I, стр. 768—769.

графъ самъ 4, и послѣ обѣда такое собралось множество народу, что никогда такъ не бывало, и нѣсколько шатровъ, и всѣ шумѣли и пѣли. День былъ прекрасный, то мы были въ большомъ домѣ, и поѣхалъ (Орловъ) уже семь часовъ и очень былъ веселъ, а на третій день мы поѣхали въ Москву и пробыли три сутки. Бабушка, слава Богу, изрядна, а тетенька все такова же бѣшена и маменьку терпѣть не можетъ и всячески старуху наводитъ на сердце. Отъ матушки сегодня получила письмо, также здоровы всѣ. Сестра Марья велѣла, матушка, тебѣ отписать поклонъ и попенять, что ты сельскаго попа вспомнила поклономъ, а ей хоть бы на смѣхъ отписала. Затѣмъ, кажется, обо всемъ писала и, прочтя твое письмо, почувствовала, что я не писала, а точно какъ говорила. Не можешь попенять, чтобъ мало писала, хоть рѣдко да много, есть что читать. Ежели бы къ другому, то было бы скучно читать, а въ тебѣ увѣрена, моя душа, что ты столько меня любишь, что тебѣ будетъ пріятно. Прости, матушка, будь здорова, и не забывай ту, которая тебя искренно и дружески любитъ и любить будетъ вѣчно. Отпиши, моя душа, какъ ты думаешь объ Аннушкѣ. Она у меня живетъ безъ паспорта. Человѣка твоего хотѣли было притѣснить, не вѣрили, точно ли твоя рука, то В: В: уже засвидѣтельствовалъ.

„Вамъ, мои душеньки, Варвара Ивановна и Оленька, кланяюсь и за увѣдомленья благодарю. Радуюсь, что вы здоровы и время проводите не скучно. Думаю, что на дачѣ и работою занимаетесь? А мои дѣти ничего не дѣлаютъ, учатся только по утрамъ, а день весь гуляютъ. Не пишутъ затѣмъ, что не знали, какъ я писала, а просили меня, чтобъ къ вамъ отписать ихъ усердный поклонъ и сказать, что имъ очень весело. А матушкѣ свидѣтельствуютъ почтеніе. Простите, мои милыя, цѣлую васъ обѣихъ“ [1]).

Изъ письма этого видно, что старушка и бабушка Іевлева сердилась на Марью Семеновну подъ вліяніемъ дочери, сестры княгини Екатерины Никитишны.

Повидимому, графъ Алексѣй Григорьевичъ обезоружилъ всю

---

[1]) Рукопись: „Переписка А. С. Шереметевой“. Письмо № 12. „Дядюшка“, отсутствіе котораго въ Уборахъ ей такъ прискорбно, братъ ея матери Г. І. Іевлевъ. Въ одномъ изъ писемъ подробно описывается его кончина.

семью своею добротою, своею привязанностью. Вотъ что пишетъ Анна Семеновна:

„Теперь скажу тебѣ объ пожарѣ, загорѣлось подлѣ Небольсина, постоялый дворъ, потомъ Норова новый домъ, тамъ Небольсина. Все, что было деревянное, выключая конюшни и сарая, бросило на запасный дворецъ, а оттудова на Ольховецъ и потомъ на полевой дворъ Балкова. Дворъ спасли Куракинскаго строенія. У него только сгорѣли оранжереи. На Ольховцѣ сгорѣлъ домъ Жеребцовыхъ, и графъ имъ подарилъ 3000 на домъ. Хорошо имѣть такого племянника, только ты, матушка, своимъ не сказывай, можетъ быть онъ этого не хочетъ, чтобъ знали его родные. Только что это за человѣкъ! Что больше его знаешь, то больше любишь. Прошедшій разъ В: Вл: былъ нездоровъ одинъ день, онъ только услышалъ, прислалъ спросить, а и самъ пріѣхалъ и такъ ужъ онъ къ намъ привыкъ, что коли два дня не видитъ, то и присылаетъ спросить, здоровы-ли. Вотъ матушка наши вѣсти“ [1]).

Анна Артамоновна Панина жила въ то время въ Петербургѣ у Н. П. Панина. Она постоянно сообщаетъ о Петербургскихъ новостяхъ. „Благодарю покорно матушка за увѣдомленье“ — пишетъ ей Анна Семеновна. — „Радуюсь, что ты здорова и, кажется, время проводишь не скучно. Пишешь матушка, что обѣдала у Дашковой, то ежели услышитъ Аграфена Иль:, то скажетъ, что тебя опредѣляютъ членомъ Академіи. Дай Богъ тебѣ въ ней счастье, а мудрено, кто съ ней уживется“ [2]).

12-го января 1795 года императрица Екатерина II пишетъ графу А. Г. Орлову:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Благодарю васъ за поздравленіе меня съ побѣдами, коихъ плоды тѣмъ для меня пріятнѣе, что ими слава оружія Россійскаго, польза любезнаго моего государства и спокойствіе вѣрныхъ моихъ подданныхъ утверждаются. Благодарю также за присылку ковра и въ награжденіе трудившимся въ работѣ онаго посылаю на раздѣлъ тысячу рублей. Что касается до привезшаго мнѣ письмо ваше надворнаго совѣтника Раздеришина, я нашла его точно такимъ, какъ вы объ немъ отзываетесь, то-есть

[1]) Рукопись: „Переписка А. С. Шереметевой“. Письмо № 14.
[2]) Рукопись: „Переписка А. С. Шереметевой“. Письмо № 28.

человѣкомъ, весьма знающимъ дѣло ему порученное и которое онъ исправляетъ съ довольнымъ успѣхомъ. Впрочемъ пребываю всегда вамъ доброжелательная. Екатерина" [1]).

12-го іюля того же года пишетъ графъ А. Г. Орловъ императрицѣ:

„Всемилостивѣйшая государыня! Еще имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Величество съ прошедшимъ высокоторжественнымъ праздникомъ, которымъ сдѣлали всей Россіи благоденствіе по высокой Вашей щедрости и милосердію, при семъ прилагаю письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ чужестранца, получивъ оное съ почты, которое надписано на имя Вашего Величества, я же, распечатавъ мой и не нашедъ ни отъ кого никакого отзыву ко мнѣ, за долгъ свой поставляю представить Вамъ и мой пакетъ, въ которомъ и письмо къ Вашему Величеству на Ваше разсмотрѣніе. А притомъ прошу и молю Васъ отъ неизвѣстныхъ людей, чтобы Вы сами писемъ не распечатывали, злымъ людямъ нѣтъ предѣловъ. А Вы— наше и всей Россіи счастіе, и тако да молю Всевышняго, да защититъ тебя могущею своею десницею отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ золъ навѣки нерушимо и да продлитъ дни живота Вашего для всеобщаго благополучія всѣхъ вѣрноподданныхъ Вашихъ. Я же повергая себя и все мое семейство къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и преданнѣйшій графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій" [2]).

19-го іюля императрица Екатерина II ему пишетъ:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Письмо Ваше отъ 12-го сего мѣсяца я получила и благодарю Васъ какъ за поздравленіе Ваше, такъ и за желаніе произносимаго отъ Вашего ко мнѣ усердія, въ которомъ я никогда не сомнѣвалась; въ знакъ же моего къ Вамъ благоволенія посылаю вамъ табакерку. Вся цѣна ея состоитъ въ изображеніи того памятника, который славу вашу и знаменитыя отечеству заслуги ваши свидѣтельствуютъ. Относительно пакета, отъ васъ доставленнаго, увѣдомляю васъ, что онъ заключалъ въ себѣ просьбу одного иностранца по долговой его претензіи, въ коей онъ уже удовлетворенъ. Пребываю всегда вамъ доброжелательная.

---

[1]) Журналъ Камеръ-фурьерскій 1795 г. Приложенія, стр. 109.

[2]) Ibid., стр. 189—190.

„PS. Я бы въ табакерку насыпала табакъ, растущій въ моемъ саду, иного нынѣ не нюхаю, но опасалась, что дорогою засохнетъ“ [1]).

5-го августа императрица Екатерина II пишетъ графу А. Г. Орлову:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Письмо ваше отъ 30-го іюля сейчасъ до рукъ моихъ доставлено. Изъ онаго вижу, что табакерка, мною къ вамъ посланная, васъ обрадовала, того и мнѣ хотѣлось. Касательно лошадей для внуковъ моихъ тебѣ скажу, что старшему верховой хорошихъ статей да доброѣзжая весьма пріятна быть можетъ, а младшему либо таковая же, либо санникъ, которымъ самъ править удобно, весьма не противенъ будетъ; но я притомъ прошу головоломныхъ не присылать, дабы не подавать случай непріятнымъ происшествіямъ.

„Графу Өедору Григорьевичу кланяюсь, пребывая непремѣнно доброжелательна.

„Желаемаго табаку, вырощеннаго въ моемъ саду, банку посылаю“ [2]).

Порученіе графомъ А. Г. Орловымъ было исполнено и императрица Екатерина II отвѣчаетъ 23-го октября 1795 г.:

„Я получила сегодня лошадей, присланныхъ для внуковъ моихъ, смотрѣла: онѣ прекрасны и за оныя благодарю именемъ моимъ и внуковъ моихъ. Екатерина.

„P. S. Книги и планы коннаго рыска я получила и вижу, что происходило въ лучшемъ порядкѣ“ [3]).

18-го ноября 1795 г. пишетъ изъ Москвы И. В. Лопухинъ А. М. Кутузову:

„Здѣсь послѣ сильныхъ морозовъ такъ, что Москва рѣка стала, сдѣлалась теперь оттепель и претяжелая погода, а особливо для геморроидальныхъ. Я стражду лучшаго лекарства, т.-е. прогулки пѣшкомъ. Хожу по двору и около, да этого для меня, ты знаешь, не довольно. Только было я дождался погоды по себѣ и началъ разгуливаться, собирался уже пѣшкомъ идти обѣдать къ графу А. Г. Орлову-Чесменскому подъ Донской и оттуда пѣшкомъ же, что я и понынѣ еще безъ большой усталости дѣлаю“.

---

[1]) Журналъ Камеръ-фурьерскій 1795 г. Приложенія, стр. 193—194.
[2]) Ibid., стр. 204.
[3]) Ibid., стр. 235.

Анна Семеновна продолжаетъ сообщать Московскія новости своей пріятельницѣ въ Петербургъ:

„Старушка кн. М. П. Щербатова отправились на тотъ свѣтъ. Жаль очень, былъ хорошій человѣкъ... Матушка моя еще не бывала, думаю, что къ празднику не будетъ, а Володя [1]) пріѣхалъ и живетъ у сестры. Бабушка все въ одномъ положеніи и было бы лучше, ежели-бъ ее не крушили, да жаль бѣдную старушку, что минуты покойной нѣтъ“ [2])...

Въ 1796 г. гр. Орловъ-Чесменскій прибылъ въ Петербургъ, откуда собирался предпринять путешествіе въ чужіе края. Онъ долго собирался, но его задерживала болѣзнь брата графа Федора Григорьевича.

Княгиня Дашкова, не любившая Орловыхъ, не безъ ироніи говоритъ объ этомъ:

„Vous devez déjà avoir appris“, пишетъ она брату отъ 29-го мая 1796 г., „que le comte Fédor Orloff se meurt et qu'Alexis va dans les pays étrangers. C'est trop extravagant pour un кулачной боецъ et à son âge“...... [3]).

У нея съ Орловымъ были старые счеты и она называла его не иначе какъ Orloff le balafré.

Наступилъ 1796 г. съ самыми мрачными предзнаменованіями. Неудавшаяся свадьба великой княгини Александры Павловны роковымъ образомъ отразилась на имп. Екатеринѣ. Она уже не оправилась отъ тяжкаго удара. „La santé va mal“, пишетъ Воронцову Ростопчинъ въ 1796 году, „on ne marche plus; on a l'esprit frappé d'un orage qui a eu lieu les derniers jours de Septembre, événement singulier pour ce pays et qui n'a eu lieu que l'année de la mort de l'impératrice Elisabeth. On reste chez soi“ [4]). Время это, какъ равно и состояніе духа государыни, живо изображены въ запискахъ современницы, графини Головиной.

„Она жаловалась на ноги“ — разсказываетъ графиня Головина. „Однажды въ воскресенье между обѣдней и обѣдомъ она взяла

---

[1]) Князь Владиміръ Семеновичъ Львовъ.

[2]) Рукопись: „Переписка А. С. Шереметевой“... Письмо № 26.

[3]) Архивъ князя Воронцова, кн. V, стр. 237.

[4]) Архивъ князя Воронцова, кн. VIII, стр. 155.

меня за руку и подвела къ окошку по направленію въ садъ. Хочу, сказала она, построить здѣсь арку, которую я соединю съ салонами колонады и на которой я построю домовую церковь, это дастъ мнѣ возможность избѣжать продолжительнаго пути, который я вынуждена совершить, чтобъ идти къ обѣднѣ. Когда я прихожу на мѣсто, я не въ силахъ уже держаться на ногахъ. Если-бъ я умерла, вѣдь вамъ было бы жаль, я въ этомъ увѣрена?"...

„Слова, произнесенныя императрицей, произвели на меня непостижимое впечатлѣніе. По лицу потекли слезы. Ея Величество продолжала:

„Вы меня любите, я это знаю; я тоже васъ люблю... придите въ себя"...

„Она покинула меня очень поспѣшно; она была взволнована. Я тутъ осталась, лицо прислонила къ стеклу, меня душили рыданія"... [1]).

Вотъ какъ описываетъ графиня Головина свое послѣднее свиданіе съ императрицей Екатериной II:

„Великій князь Александръ давалъ балъ... Всѣ были въ траурѣ по королевѣ Португальской. Императрица прибыла на этотъ праздникъ; она также была въ черномъ, чего я никогда не видѣла. Ея Величество сѣла около меня. Я нашла ее блѣдною и утомленною. Сердце мое исполнилось необычайною тревогою.

„Не находите ли вы", сказала она мнѣ, „что этотъ балъ не похожъ на праздникъ, а скорѣе на нѣмецкія похороны? Черныя платья и бѣлыя перчатки производятъ на меня это впечатлѣніе". Бальная зала въ два свѣта находилась по направленію къ набережной, передъ которой мы и были. Мѣсяцъ уже поднялся. Императрица это замѣтила и сказала: „Луна очень хороша сегодня, ее слѣдовало бы разсмотрѣть въ телескопъ Гершеля".

„Объявленъ былъ ужинъ. Ея Величество никогда не ужинала и гуляла по комнатамъ; она подошла опять и помѣстилась за нашими стульями. Я была рядомъ съ г-жей Толстой. Она перестала кушать и передала тарелку свою, не поворачивая головы. Она очень удивилась, когда увидѣла, что ее приняла красивѣйшая

---

[1]) Записки графини Головиной (рукопись Остафьевскаго архива).

рука въ мірѣ, съ чуднымъ солитеромъ на пальцѣ. Она воскликнула, когда узнала императрицу, которая говоритъ ей: „Развѣ вы меня боитесь?“ (Vous avez donc peur de moi).

„Я смущена, Ваше Величество“, отвѣтила г-жа Толстая, „что дала Вашему Величеству взять мою тарелку“.—„Я пришла вамъ помочь“, отвѣтила императрица. Она потомъ шутила съ нами надъ пудрой, которая сыпалась съ нашихъ шиньоновъ на плечи, и разсказала, какъ графъ Матюшкинъ, личность очень нелѣпая (ridicule), по возвращеніи своемъ изъ Парижа, заставлялъ себѣ пудрить спину... Потомъ императрица добавила: „Я очень устала“. Она удалилась, положивъ мнѣ передъ тѣмъ на плечо руку, которую я поцѣловала въ послѣдній разъ съ чувствомъ безпокойства и грусти, которыхъ я не въ силахъ была превозмочь. Я слѣдила за нею глазами до самой двери и, когда я перестала ее видѣть, сердце мое забилось, словно оно отдѣлялось отъ моего тѣла... Спустя немного дней — я была въ 10 часовъ за завтракомъ у моей матери—входитъ придворный лакей, находившійся на службѣ у моего дяди (Ивана Ивановича Шувалова), и спрашиваетъ у матери моей позволеніе ее разбудить. „Императрица сражена апоплексическимъ ударомъ“, сказалъ онъ, „уже болѣе часу тому назадъ“. Я почувствовала повсемѣстную дрожь, не позволявшую мнѣ сдѣлать шага. Когда я взошла къ своему мужу, я была вынуждена пересилить себя, чтобы произнести страшныя слова: „Императрица умираетъ“ [1])... Въ числѣ прибывшихъ къ умирающей находился графъ Орловъ-Чесменскій, и по его совѣту графъ Зубовъ поѣхалъ въ Гатчину къ великому князю Павлу Петровичу... Но Орловъ не присутствовалъ при кончинѣ императрицы Екатерины II. Больнымъ онъ уѣхалъ къ себѣ на Васильевскій островъ и слегъ. Здѣсь засталъ его Ростопчинъ, который оставилъ намъ любопытный разсказъ объ этомъ знаменательномъ посѣщеніи:

„Тогда уже было за полночь, и я, сѣвши въ карету съ Архаровымъ, поѣхалъ на Васильевскій Островъ, гдѣ графъ жилъ въ своемъ домѣ. Весьма бы я дорого далъ, чтобы не имѣть сего

---

[1]) Записки графини Головиной (рук. О. А.).

порученія. Не спавъ двѣ ночи, разстроенный всѣмъ происшедшимъ и утомленный менѣе тѣломъ, чѣмъ душою, исполняя поминутно одинъ цѣлые сутки всѣ приказанія, я долженъ былъ прибѣгать нѣсколько разъ чрезъ Эрмитажъ въ комнаты Анны Степановны Протасовой, гдѣ во все то время была и моя жена, преданная не словомъ, но сердцемъ покойной императрицѣ и находившаяся въ столь горестномъ положеніи, что мое присутствіе было ей весьма нужно. Николай Петровичъ Архаровъ, совсѣмъ почти не зная меня, но видя новаго временщика, не переставалъ говорить мерзости на счетъ графа Орлова и до того, что я принужденъ былъ сказать ему, что наше дѣло привести графа Орлова къ присягѣ, а прочее предоставить Богу и государю. Я имѣлъ предосторожность взять съ собою одинъ изъ печатныхъ листовъ присяги, подъ коими обыкновенно подписываются присягающіе. Архарову, который своего милостивца и повелителя при Чесмѣ хотѣлъ вести въ приходскую церковь, я сказалъ на отрѣзъ, что я на это никакъ не соглашусь. Пріѣхавъ къ дому Орлова, мы нашли ворота запертыми. Вошедши въ домъ, я велѣлъ первому попавшемуся намъ человѣку вызвать камердинера графскаго, которому сказалъ, чтобы онъ разбудилъ графа и объявилъ о пріѣздѣ нашемъ. Архаровъ отъ нетерпѣнія, или по какимъ-либо неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, пошелъ въ слѣдъ за камердинеромъ, и мы вошли въ ту комнату, гдѣ спалъ графъ Орловъ. Онъ былъ уже съ недѣлю нездоровъ и не имѣлъ силъ оставаться долѣе во дворцѣ; чрезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ наслѣдника изъ Гатчины, онъ поѣхалъ домой и легъ въ постель. Когда мы прибыли, спалъ крѣпкимъ сномъ. Камердинеръ, разбудивъ его, сказалъ: „Ваше Сіятельство! Николай Петровичъ Архаровъ пріѣхалъ“. — „Зачѣмъ“? — „Не знаю: онъ желаетъ говорить съ вами“. Графъ Орловъ велѣлъ подать себѣ туфли и, надѣвъ тулупъ, спросилъ довольно грозно у Архарова: „Зачѣмъ вы, милостивый государь, ко мнѣ въ эту пору пожаловали?“ Архаровъ, подойдя къ нему, объявилъ, что онъ и я (называя меня по имени и отчеству) присланы для приведенія его къ присягѣ по повелѣнію государя императора. — „А императрицы развѣ уже нѣтъ?“ спросилъ графъ Орловъ и, получа въ отвѣтъ, что она въ 11-мъ часу скончалась, поднялъ

вверхъ глаза, наполненные слезъ, и сказалъ: „Господи! Помяни ее въ царствіи Твоемъ! Вѣчная ей память!" Потомъ, продолжая плакать, онъ говорилъ съ огорченіемъ на счетъ того, какъ могъ государь усомниться въ его вѣрности; говорилъ, что служа матери его и отечеству, онъ служилъ и наслѣднику престола, и что ему, какъ императору, присягаетъ съ тѣмъ же чувствомъ, какъ присягалъ и наслѣднику императрицы Екатерины. Все это онъ заключилъ предложеніемъ идти въ церковь. Архаровъ тотчасъ показалъ на это свою готовность, но я, взявъ уже тогда на себя первое дѣйствующее лицо, просилъ графа, чтобы онъ въ церковь не ходилъ, а что я привезъ присягу, въ которой рукоприкладства его достаточно будетъ. „Нѣтъ, милостивый государь", отвѣчалъ мнѣ графъ, „я буду и хочу присягать государю предъ образомъ Божіимъ". — И снявъ самъ образъ со стѣны, держа зажженную свѣчу въ рукѣ, читалъ твердымъ голосомъ присягу и по окончаніи приложилъ къ ней руку, за симъ, поклонясь ему, мы оба пошли вонъ, оставивъ его не въ покоѣ. Не смотря на трудное положеніе графа Орлова, я не примѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго движенія трусости или подлости" [1]).

О пріемѣ Орлова новымъ императоромъ такъ разсказываетъ Гельбигъ: „Аудіенція происходила при закрытыхъ дверяхъ; слышенъ былъ только горячій разговоръ. Какъ бы то ни было, но его еще ожидала болѣе ужасная месть. При торжественномъ принятіи праха Петра III изъ Александроневскаго монастыря и перенесеніи изъ монастыря въ Императорскій Зимній дворецъ и изъ дворца въ крѣпость, графъ Алексѣй долженъ былъ идти передъ гробомъ и нести императорскую корону" [2]).

Сохранилось нѣсколько извѣстій объ этомъ и довольно противорѣчивыхъ, что зависѣло отъ личныхъ отношеній къ графу А. Г. Орлову писавшихъ. Такъ П. С. Валуевъ, лицо особенно недоброжелательное къ графу Алексѣю Григорьевичу, рисуетъ эту сцену въ такихъ мрачныхъ краскахъ: „Черезъ повѣстку изъ печальной комиссіи избранныя особы приглашаются къ принятію

---

[1]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. при Московскомъ университетѣ 1864 г., кн. II, стр. 182—183.

[2]) Русская Старина 1886 г., т. LII, стр. 8—9.

повелѣній; Орловъ пріѣзжаетъ въ полпьяна, шумитъ, полагая, что Валуевъ самовольно дѣлалъ росписаніе, бранитъ его, за слабостью въ ногахъ рѣшительно отказывается.

„Вѣроятно, что раздосадованный Валуевъ съ намѣреніемъ умолчалъ о семъ событіи, чтобъ чувствительнѣе наказать Орлова при собравшейся публикѣ. По прибытіи всего двора въ Невскую Лавру для поднятія гроба Петра III, государь тотчасъ увидѣвъ, что къ принятію короны подходитъ другой чиновникъ, спросилъ у Валуева: „Для чего не Орловъ"? тутъ же находившійся. Ему докладываютъ, что Орловъ за слабостью отказался. Императоръ, съ негодованіемъ выхвативъ подушку у чиновника, державшаго оную, толкнулъ ею Валуева и громко сказалъ: „Ему нести въ наказаніе!"—Орловъ, принимая корону, зашатался, и, съ помощію ассистентовъ, едва возмогъ донести до дворца. — Взаимная ихъ ненависть, т.-е. Орлова съ Валуевымъ, продолжалась въ царствованіе Александра Павловича" [1]).

Нѣсколько иначе передаетъ это событіе Лубяновскій: „Тотъ, кому назначено было нести корону императорскую, зашелъ въ темный уголъ и взрыдъ плакалъ. Съ трудомъ отыскали, а еще съ большимъ трудомъ убѣдили его взять корону въ трепетавшія руки" [2]).

Въ запискахъ иностранца современника Массона такъ упоминается объ этомъ событіи:

„Le célèbre Alexis Orloff, le vainqueur de Tchesmé jadis si puissant, remarquable par sa taille gigantesque et ses habits à l'antique respectable, s'il est possible, par sa gloire et sa vieillesse fut obligé de suivre les tristes restes de Pierre: il attirait tous les yeux" [3]).

Невольно при этомъ припоминается разговоръ на куртагѣ 1797 года: „La princesse Dolgorouky avait demandé la grâce de son père le prince Bariatinsky et S. M. l'avait refusée. La princesse réitera les instances auprès de m-lle Nelidoff pour qu'elle intercede pour elle auprès de l'Empereur. S. M. s'approcha de m-lle Neli-

---

[1]) Русская Старина 1872 г., т. VI, стр. 90.
[2]) Русскій Архивъ 1872 г., ст. 148.
[3]) (Masson) Mémoires secrets sur la Russie. T. I. Paris. 1800, pg. 196.

doff qui lui parla de la princesse Dolgorouky, comme d'une fille, qui souffre du malheur de son père.

„L'Empereur repondit: „J'ai eu aussi un père madame“ [1])

Къ числу первыхъ распоряженій новаго царствованія слѣдуетъ отнести приказъ, посланный московскимъ главнокомандующимъ Измайловымъ. Онъ касался княгини Екатерины Романовны Дашковой. Въ Троицкомъ 20-го декабря 1796 г. получено было слѣдующее отъ него извѣстіе:

„Милостивая государыня княгиня Екатерина Романовна! Сейчасъ получилъ Ея Императорскаго Величества повелѣніе, въ которомъ изволили приказать, чтобы я объявилъ вамъ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобъ вы выѣхали въ принадлежащія сыну вашему деревни въ Новгородской губерніи, находящіяся между Устюжной и Череповцемъ и тамъ основали свое пребываніе. Что скорѣе сіе исполнить изволите, тѣмъ угоднѣе будетъ Его Величеству. Вашего Сіятельства милостивой государыни всепокорнѣйшій слуга М. Измайловъ“.

Такое неожиданное повелѣніе застало княгиню Дашкову врасплохъ, но дѣлать было нечего и она собралась въ путь. Княгиня Екатерина Романовна, которую Вольтеръ называлъ „cette Tomyris parlant français“, направлялась въ ссылку въ свою Новгородскую деревню, въ то самое время, когда графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ поднялся всѣмъ домомъ, чтобы удалиться за границу...

„Я помаленьку тащусь“—пишетъ княгиня Дашкова.... C'est la marcheroute de Moscou et de Serpouchoff, qu'on m'a donné, Orloff m'a passé. Son chemin est incomprehensible, car il a passé de Серпуховъ ici, ce qui est tout à fait du côté pour le Битюгъ. Mais que le bon Dieu le conduise!

„Казалось, вся наша жизнь, дѣла и свойства такъ розны, что намъ одной участи имѣть не должно было“ [2]).

Давно ли княгиня Дашкова глумилась надъ кулачнымъ бойцомъ, собирающимся заграницу, и теперь въ ея отзывѣ мало къ нему сочувствія. А между тѣмъ этотъ кулачный боецъ, при пер-

[1]) Записки графини Головиной (рук. О. А.).
[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. V, стр. 243—244.

вомъ извѣстіи, дошедшемъ до него заграницею, о смягченіи участи княгини Дашковой, поспѣшилъ оповѣстить о томъ ея брата въ Лондонѣ, князя Семена Романовича Воронцова:

„Je suis bien obligé", пишетъ послѣдній отъ $^{18}/_{29}$ мая 1798 г., „à une attention amicale du comte Alexis Orlow, qui vient de m'écrire de Leipzig où il est, qu'il a reçu la nouvelle que ma soeur a eu la permission de vivre à Moscou et que le prince Daschkow son fils a eu le cordon de S-te Anne. Ces deux nouvelles, particulièrement la première, m'ont fait un plaisir extrême. Ma soeur aura le plaisir de vivre avec ses parents et amis, et elle aura aussi toutes les aisances et tous les secours des médecins, dont elle a été privée à Troitzkoé" [1]).

Графъ Алексѣй Григорьевичъ поселился въ Лейпцигѣ и часто навѣщалъ Карлсбадъ, гдѣ онъ подолгу и живалъ.

„Мнѣ захотѣлось"—говоритъ Шишковъ—„съѣздить въ Лейпцигъ на ярмонку. По пріѣздѣ моемъ туда, поѣхалъ я тотчасъ къ графу Орлову, котораго нашелъ сидящаго въ халатѣ съ надѣтымъ (какъ и послѣ всегда его видѣлъ) по камзолу Георгіевскимъ первой степени орденомъ. Онъ принялъ меня просто, безъ большой ласки, но чистосердечно. Изгнанный, можно сказать, изъ Россіи, онъ жилъ здѣсь семьянисто, а именно съ нимъ были: дочь его графиня Анна Алексѣевна съ надзирательницею своею старушкой, ближайшій родственникъ его Чесменскій съ женою и путешествующая съ ними госпожа Марья Семеновна Бахметева, — всѣ весьма пріятныя особы" [2]).

4-го іюня 1798 г. пишетъ Шишковъ изъ Карлсбада женѣ своей Дарьѣ Алексѣевнѣ:

„Изъ нашихъ русскихъ здѣсь немного, графъ Орловъ съ семьею да еще человѣка два три".

О томъ какъ праздновалъ Орловъ царскія именины, Шишковъ говорилъ въ письмѣ отъ 5-го іюля 1798 г., изъ Карлсбада:

„Въ день Петра и Павла графъ Орловъ давалъ здѣсь праздникъ, который продолжался три дня, наканунѣ былъ концертъ, въ

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, кн. X, стр. 32.

[2]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. I. Берлинъ. 1870 г., стр. 53—54.

самый праздникъ балъ съ огромнымъ ужиномъ, иллюминаціей и фейерверкомъ, а на другой день театръ, также иллюминованный и на которомъ горѣло вензелевое Его Императорскаго Величества имя, передъ коимъ хоръ юношъ и дѣвицъ пѣли кантату. На балѣ всѣ были въ полномъ нарядѣ и брилліантахъ, женщины къ этому дню такъ много заказали новыхъ платьевъ, что здѣшняя marchande de modes со всею своею поспѣшностью пятнадцати паръ заказанныхъ платьевъ не успѣла сшить".

6-го іюня уже изъ Теплица онъ продолжаетъ:

„Я вчера сюда пріѣхалъ... Русскихъ насъ здѣсь довольное число: семья графа Орлова, князь Зубовъ самъ третей, Ильинскій съ женою и съ сестрою, Корсаковъ, Ширяй Буассонетъ [1]) и мы".

Изъ Теплица отъ 13-го іюля 1798 г. А. С. Шишковъ пишетъ:

„Обѣдаю я рѣдко дома, то либо у графа Орлова, либо у князя Зубова, либо у Ильинскаго" [2]).

Въ Карлсбадѣ Орловъ праздновалъ день рожденія императора Павла.

Изъ Франкфурта отъ 4-го августа сообщали:

„Его Сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ праздновалъ торжественно 10-го числа минувшаго іюля день тезоименитства Его Императорскаго Величества Императора Всероссійскаго въ Карлсбадѣ, откуда выѣхалъ онъ 14-го числа того жъ мѣсяца.

„По утру собралось здѣшнее общество стрѣлковъ (давно уже избравшее графа своего главою) для стрѣлянія въ цѣль съ расписанными за мѣткость наградами. Всѣ русскіе приглашены были къ обѣденному столу. Послѣ обѣда — театръ, гдѣ въ аллегорическомъ балетѣ выставленъ былъ бюстъ императора Павла I, которому геніи, при увѣнчиваніи онаго лаврами, пѣли въ честь разные стихи, напечатанные и раздаваемые всѣмъ зрителямъ. Ввечеру — блестящій балъ съ роскошными потчиваніями и ужиномъ, за ко-

---

[1]) Буассонетъ—Петербургскій банкиръ.

[2]) Изъ писемъ А. С. Шишкова къ его женѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ. За сообщеніе подлинниковъ приносимъ нашу искреннюю благодарность Ив Вас. Помяловскому.

торымъ при питіи шампанскаго за здравіе Императора палили изъ пушекъ, нарочно для сего выписанныхъ и привезенныхъ. Домъ и прилежащая къ нему роща были богатою рукою освѣщены огнями; и наконецъ сожженъ прекраснѣйшій фейерверкъ. Я былъ очень радъ сему празднику, доставившему мнѣ случай сдѣлать съ приложеніемъ пѣтыхъ стиховъ подробное донесеніе, которое имѣло такой успѣхъ, что государь императоръ, не взирая на великую свою къ графу Орлову немилость, написалъ къ нему благодарное письмо“ [1]).

По случаю этого празднества императоръ Павелъ I писалъ въ 1798 году: „Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Узнавъ о празднествѣ, сдѣланномъ Вами, по случаю прошедшаго дня моихъ именинъ, и судя изъ онаго, что вы хотѣли дать мнѣ лично знать о вашей ко мнѣ преданности, я изъявляю вамъ мою благодарность, яко о дѣлѣ персонально ко мнѣ относящемся, пребывая вамъ впрочемъ благосклоннымъ. Павелъ“ [2]).

Графъ Алексѣй Григорьевичъ не прерывалъ сношеній съ Россіею и велъ переписку по преимуществу хозяйственную. 13-го ноября 1799 г. онъ пишетъ изъ Теплица своему прикащику Денису Артемычу:

„Прописываете вы, что видѣли мою образину продажную у Елизаветы Афанасьевны, съ чего и прислали мѣрку величины, которая въ Италіи написана была тому уже болѣе 30-ти лѣтъ и просятъ за нее 200 рублевъ. А какъ мнѣ помнится, что оная образина вышла изъ дому Ал. В. Еврейнова и довольно похожа была въ то время; а теперь я, самъ себя чувствую, пристарѣлъ и придревнѣлъ и въ оное время много болѣзней и печалей претерпѣлъ, слѣдственно съ теперешнимъ положеніемъ и никакого сходства уже быть не можетъ. Она же писана была въ Венеціи, прежде еще морского похода и заплата была за оную не выше пяти червонцевъ, а требованіе за нее слишкомъ велико, можетъ быть и оригиналъ теперь онаго не стоитъ. И такъ пусть она между руками по бѣлу свѣту погуливаетъ, а что она продается,

---

[1]) Записки А. С. Шишкова, стр. 55—56.
[2]) Русская Старина 1878 г., т. LVI, стр. 488.

такъ видно, что она уже излишнею сдѣлалась. Сказываютъ, будто умные люди всѣхъ излишностей стараются избѣгать, напримѣръ такъ какъ корову, буде все молоко выдоили и больше уже не чаютъ получить, таковую на бойню и отсылаютъ. Оное все такъ въ свѣтѣ водится" [1]).

О заграничномъ пребываніи графа Алексѣя Григорьевича Орлова упоминаетъ Ѳ. П. Лубяновскій въ своихъ запискахъ:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ въ Дрезденѣ былъ тотъ же знатный русскій бояринъ по гостепріимству. Не говоря о балахъ у него и обѣдахъ, мнѣ онъ приказывалъ бывать у него и по утрамъ, иногда при мнѣ одѣвался, на рукахъ какъ вервіи сплетены были жилы, разсказывалъ о Чесменскомъ дѣлѣ. Останавливался съ флотомъ въ Ливорно. Тутъ заболѣла у него поясница, посовѣтовали ему обливаться холодною водою, вмѣсто обливанья пошелъ въ море, а оно на ту пору разыгралось, сталъ лицемъ къ берегу и, опершись на шестъ, далъ волю морю обкачивать поясницу волнами—стало легче. Въ Москвѣ та же бѣда съ поясницею, а море не дошло туда; оборотился на порогѣ бани спиною наружу и приказалъ качать въ поясницу изъ пожарной трубы—отдало. Многое я слышалъ здѣсь отъ старика очевидца о стоянкѣ въ Ливорно и о привезенной съ торжествомъ на корабль плѣнницѣ (княжнѣ Таракановой)" [2]).

Въ Дрезденѣ женился побочный сынъ графа А. Г. Орлова-А. А. Чесменскій. Многіе почитали его сыномъ Ливорнской плѣнницы. „Это былъ чрезвычайно красивый мужчина," — говоритъ Гельбигъ. — „Въ концѣ 1780-хъ годовъ всѣ говорили, что онъ сдѣлался бы избранникомъ императрицы, но что Потемкинъ, зная высокомѣріе его отца, затруднился предоставить ему важное прибыльное мѣсто. Чесменскій тогда былъ офицеромъ конной гвардіи" [3]). Трудно допустить возможность, чтобы графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ примирился бы съ случаемъ Чесменскаго.

---

[1]) Русскій Архивъ 1891 г., кн. III, стр. 263, 264.

[2]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ 1872 г., ст. 467—468.

[3]) Русская Старина 1886 г., т. LII, стр. 10.

Сохранилось письмо графа Алексѣя Григорьевича Орлова къ Григорію Александровичу Потемкину, въ которомъ онъ проситъ о своемъ воспитанникѣ Чесменскомъ. Пишетъ графъ изъ Москвы отъ 21-го августа 1788 г.:

„Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь мой! Воспитанникъ мой, Александръ Чесменскій, который находится нынѣ при вашей свѣтлости, чрезъ письма свои ко мнѣ, довольно нахвалиться не можетъ оказанными ему милостями отъ вашей свѣтлости, за что и я приношу вашей свѣтлости мою искреннюю благодарность и прошу впредь не лишить его оными. А такъ какъ онъ человѣкъ еще молодой, то и можетъ, не сдѣлалъ бы какихъ проступковъ, чего я однако не надѣюсь, въ таковомъ случаѣ прошу вашу свѣтлость поступить съ нимъ не такъ, какъ съ подчиненнымъ, а собственно такъ, какъ со своимъ. При семъ же случаѣ посылаю къ вашей свѣтлости лучшаго изъ моихъ кипрскаго вина двѣнадцать бутылокъ за печатью моею, которыя въ бытность мою въ С.-Петербургѣ обѣщалъ вашей свѣтлости по пріѣздѣ вашемъ въ Москву; но какъ оного не случилось, то при сей оказіи къ вашей свѣтлости оное вино и посылаю и желаю отъ сердца моего оное употребить во здравіе. Я жъ есмь съ моимъ истиннымъ почтеніемъ вашей свѣтлости милостиваго государя моего покорный и охотный слуга графъ А. Орловъ-Чесменскій“ [1]).

Графъ Алексѣй Григорьевичъ пишетъ по поводу женитьбы А. А. Чесменскаго своему Данилѣ Артемьевичу:

„Вотъ тебѣ новенькое скажу: госпожа Петровская у насъ пропала, а на мѣсто ея сдѣлали госпожею Чесменскою. Они ѣздили въ Дрезденъ, тамъ обвѣнчались... Даруй Боже имъ и дѣтей нажить; а мнѣ бы на нихъ радоваться...“ [2])

За Суворовскими походами въ Италію и Швейцарію графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ слѣдилъ изъ за границы. Не разъ, быть можетъ, рвался онъ изъ своего бездѣйствія. Интересенъ былъ бы его отзывъ о Суворовѣ, который его не любилъ. Онъ, конечно, слѣдилъ и за тѣмъ, что дѣлалось въ Россіи, въ Москвѣ среди остав-

---

[1]) П. Лебедевъ. Графы Никита и Петръ Панины. С.-Пб. 1863 г., стр. 181.
[2]) Русскій Архивъ 1891 г., кн. III, стр. 262.

шихся друзей. И между ними не послѣднее мѣсто занимали Василій Владимировичъ и Анна Семеновна Шереметевы. Ему почему-то вдругъ понадобился скрипачъ и онъ его выписываетъ за границу. Объ немъ пишетъ онъ изъ Дрездена:

„Мнѣ нуженъ скрипачъ, чтобы здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ поучиться, который живетъ у Василья Володимерыча [1]), буде не ошибаюсь зовутъ и оное имя графиня подтвердила. И такъ вмѣсто Мурзина прислать Лукьяна сюда. И я къ Гаврилѣ писалъ, чтобы послать ихъ на своихъ лошадяхъ, нанявъ только знающаго дорогу ямщика, который можетъ отсель мнѣ мою карету домой отвезти“ [2]).

Тѣмъ временемъ княгиня Екатерина Романовна Дашкова возвращалась изъ своей Новгородской ссылки.

„Nous quittâmes Korotowa“ — пишетъ она — „et ses environs dans l'état d'un hiver parfait. Le 9-me jour de notre voyage, en approchant à la rivière Protwa, qui cotôye mon jardin et ma terrasse à Troitzkoié nous n'eûmes presque plus de neige. Les bords de la rivière étaient verts, et le chemin était très fatiguant pour les chevaux... Enfin nous arrivâmes le 10 me jour à Troitzkoé... L'église, où je descendis d'abord, quoique fort grande, était toute remplie de mes domestiques, qui y étaient restés et par les villageois de 16 bourgs et villages, qui m'appartiennent. Tous voulaient me baiser la main et m'exprimer leur joie de mon retour; mais je pouvais à peine me tenir sur mes jambes et je les priai de remettre la partie au dimanche suivant. J'étais touchée de leur attachement et de cette joie sincère qui se peignait sur chacun“ [3]).

Она поселилась въ Троицкомъ, гдѣ и предалась хозяйственнымъ заботамъ и размышленіямъ о превратностяхъ судьбы. „Les jours pluvieux, qui me faisaient garder la chambre, me donnaient l'occasion de dessiner les façades ou les plantations que je voulais exécuter, ou de recourir à ma bibliothèque“ [4])

Мало-по-малу она увлеклась этими интересами. „Comme j'étais mon propre architecte, jardinier par goût et fermier par

---

[1]) Шереметева.
[2]) Русскій Архивъ 1891 г., кн. III, стр. 263.
[3]) Архивъ князя Воронцова, кн. XXI, стр. 347—348.
[4]) Ibid., стр. 350.

raison, parce que le terrain de Troitzkoé demandait une culture et des soins continués, je ne pouvais m'en absenter longtems".

Сначала одиночество ей было очень тяжело:

„Je passerai sous silence plusieurs années suivantes, parce qu'elles n'offrent pour les lecteurs rien d'intéressant. Les chagrins, qui assiègent mon coeur me rendaient la vie pénible. Ils sont d'une nature, que j'aurais voulu les cacher à moi-même".

О пріѣздѣ г-жи Вильмотъ она говоритъ съ оживленіемъ; эту англичанку доставили ей ея родные:

„M-lle Willmot vint à Troitzkoié répandre pour moi, par sa conversation, par les lectures, que nous faisions ensemble, par sa douceur et son amabilité, des plaisirs doux que l'amitié et le besoin de nourrir l'esprit soit apprécier, et auquels je ne sais remplacer rien" [1]). Эта потребность общенія и умственной пищи была удовлетворена и княгиня Дашкова восклицаетъ: „Ma solitude est devenue un paradis pour moi!.." [2])

Появленіе такихъ англичанокъ приживалокъ повторялось у насъ часто и не оставалось безъ вліянія... Княгиню Дашкову можно причислить къ родоначальницамъ нашей англоманіи: „Повѣрьте,"— говорила княгиня Дашкова—„Англія, Англія и Англія"! [3]).

Въ ней очевидно было мало сходства съ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ. Она уже была въ Троицкомъ, когда вернулся въ Москву графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Новое царствованіе возвратило его на родину въ 1801 году. 12-го марта 1801 г. на престолъ вступилъ императоръ Александръ I и манифестомъ возвѣстилъ, что будетъ царствовать по духу и сердцу премудрой бабки своей. Слова эти должны были оживить современниковъ императрицы Екатерины II, въ ряду которыхъ выдвигался графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Онъ поспѣшилъ вернуться на родину и поселился въ Москвѣ.

Первопрестольная столица готовилась тогда встрѣтить молодого Государя, по случаю предстоящаго его вѣнчанія.

Всѣ ожидали пріѣзда. Радостное восторженное чувство охватило

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, кн. XXI, стр. 362—363.
[2]) Ibid., стр. 364.
[3]) Глинка С. Н. Записки. С.-Пб. 1895, стр. 232.

шествіе. „Порфирородный отрокъ", когда-то воспѣтый Державинымъ, явившись во всемъ блескѣ молодости и красоты, радужныя надежды оживили все общество. [illegible] его отражается въ голосахъ современниковъ.

„Шествіе началось однимъ эскадрономъ конной гвардіи съ ея штандартомъ; затѣмъ послѣдовали кареты всѣхъ лицъ имѣвшихъ особъ путями.

„Весьма богатые цуги графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, князя и княгини Долгоруковыхъ, А. Ѳ. Сабурова, г.г. Смоленскихъ, Всеволожскаго и другихъ многихъ" [1]. Но вотъ показался Государь.

„Весьма тихо, на прекрасной лошади, безъ шляпы, съ ангельскимъ лицемъ ѣхалъ нашъ императоръ...

Государь кланялся на всѣ стороны, волны народа поклонялись ему"... [2].

Далѣе продолжаетъ тотъ же Макаровъ:

„Торжественное собраніе во дворцѣ. Залы были переполнены, когда вышелъ государь... Настала тишина необыкновенная, и я самъ весьма явственно слышалъ слова императорскія: „слишкомъ много цѣню во мнѣ усердіе ваше и благодарю"... На глазахъ Государя были слезы... и я также плачу отъ радости" [3].

Шествіе было торжественное. „Въ 42 перемѣнѣ шелъ корпусъ знатнѣйшаго Россійскаго Дворянства по одному изъ каждой фамиліи, потрое въ рядъ... герой Чесмы графъ Орловъ, Н. А. Заборовскій, князь Несвицкій и Несторъ нашъ оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ вписали свои имена въ число дворянъ Московскихъ. Подлинно знатное Россійское дворянство!" [4]. Описывая обѣдъ въ Кремлѣ, Макаровъ восклицаетъ: „Сколько еще тутъ вельможъ и героевъ двора Екатеринина! Но мундиромъ [illegible]фовъ Екатерининыхъ отличался одинъ только старый воинъ ея, вельможа-хлѣбосолъ Московскій, графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій" [5].

---

1) М. Н. Макаровъ Воспоминанія о коронаціи императора Александра I. Заря 1870 г. № 3, стр 51 (Историческіе матеріалы).

2) Ibid., стр. 52.

3) Ibid., стр. 56.

4) Ibid., стр. 64.

5) Ibid., стр. 73.

„Тогда Г. Р. Державинъ сотворилъ „Вѣнчаніе Леля", аллегорическое сочиненіе, преисполненное красотъ. Студентъ Московскаго университета Василій Колосовъ написалъ лирическое сочиненіе подъ названіемъ „Плодъ энтузіазма", а въ книжныхъ магазинахъ появилось произведеніе подъ названіемъ „L'ange Gardien de Catherine II, vision de l'an 1801" [1]).

21-го октября (1801) извѣстная пѣвица Сандунова въ залѣ Петровскаго театра давала концертъ, составленный изъ музыки новой оперы: „Наталья Боярская дочь". Оркестръ былъ огроменъ и украшалъ себя безпрестанными хорами пѣвчихъ и необыкновенною мелодіею славной Шереметевской роговой музыки и проч. Сочинитель мотива оперы С. Н. Глинка, музыки — Д. Н. Кашинъ" [2]).

Съ восшествіемъ императора Александра I на престолъ графъ Алексѣй Григорьевичъ могъ разсчитывать на улучшеніе своей участи отъ того, который обѣщался царствовать по духу и сердцу премудрой бабки своей. Нижеприведенное письмо показываетъ, что графъ Алексѣй Григорьевичъ не замедлилъ сдѣлать попытку въ этомъ направленіи, на первый разъ касавшуюся получаемыхъ имъ пенсіонныхъ денегъ, но исполненіе просьбы графа было до времени отложено. Письмо это адресовано на имя неизвѣстнаго лица изъ Москвы отъ 8-го октября 1801 г.:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! По всевысочайшей волѣ покойной въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Екатерины Великія, за службы мои получалъ я пенсіонныя деньги каждый годъ, но со времени отъѣзда моего въ чужіе краи, хотя и прошено было отъ повѣренныхъ моихъ въ тѣхъ мѣстахъ, откудова получаемы были, но выдачи оной во все время не было, о чемъ я и просилъ вашего сіятельства запискою, чтобы о томъ доложить его императорскому величеству и всемилостивѣйшему нашему государю. Но не знаю, теперь донесено ли его величеству, или еще нѣтъ. Покорнѣйше прошу вашего сіятельства о семъ увѣдомленія. Я же есмь съ моимъ

---

[1]) М. Н. Макаровъ. Op. cit., стр. 84, 85.
[2]) Ibid., стр. 91.

„Государь мой Василій Владимировичъ! Почтенное для меня ваше письмо отъ 9-го числа сего мѣсяца мною получено въ свое время и приложенное при ономъ. Сердечно обрадованъ былъ, что вы благополучно доѣхали до вашей деревни. Даруй Боже здоровое и удовольственное пребываніе со всею твоею благодатною фамиліею! Сказываете мнѣ спасибо, что человѣкъ мой Яковъ Петровъ показывалъ вамъ во время вашего проѣзда услугу. Онъ ни что иное, какъ только должное исполнялъ и буде бы въ чемъ вамъ надобность быть могла, прошу васъ пожаловать ему приказывать. Все-жъ его услуги для васъ есть и будутъ для меня пріятны. Что-жъ до здоровья моего принадлежитъ, благодаря Господа, рыхлое уже мое тѣло нѣсколько стало поправляться, а кашель, хотя не совсѣмъ отсталъ, но гораздо поуменьшился. Ночи провожу посредственно, бываю съ дочерью въ манежѣ, иногда и въ городѣ проѣзжаюсь, а прочее время обыкновенно протекаетъ, но не такъ пріятно, какъ при васъ. За дружественную и пріятную вашу бесѣду покорно благодарю, да и впредь прошу васъ продолжать оную съ моей же стороны. Будьте увѣрены, что я не лестно васъ почитаю; а теперь прошу васъ, одолжи меня и наставь, какимъ образомъ мнѣ можно будетъ лучше мое слово сдержать, а именно вотъ въ чемъ: во время разлуки вашей своячини съ мужемъ, я съ тѣхъ поръ взялъ на себя попеченіе не оставлять, сказавъ, желаю быть вторымъ отцемъ, отъ чего и не отпираюсь. При отъѣздѣ же моемъ данъ былъ мною вексель, который она, увидѣвшись со мною, изорвала; но какъ я еще живъ и въ памяти, и скажу, кто по смерти что даетъ, тотъ чужимъ посуждается. А мнѣ хочется, чтобъ я заживо исполнилъ мое обѣщаніе, о чемъ я и князю Володимиру Семеновичу говорилъ, чтобъ онъ вамъ отъ меня пересказалъ. Мнѣ жъ самому адресоваться объ ономъ невозможно по причинѣ выросшаго чирья; во правѣ, что во всякой помощи моей мнѣ отказывано было и ни гроша отъ меня не хотѣли принимать, когда во время жолчной болѣзни бывалъ я подъ гнѣвомъ. У насъ же и съ начала нашего знакомства положено было на словѣ, что можемъ разойтись, когда кто кому не понравится, а я расположенъ былъ и всю мою жизнь вмѣстѣ препроводить, но что же дѣлать, когда такъ случилось и да бу-

тѣмъ лучше, потомъ, на другой день уповая, что вы можетъ быть расположены будете, то еще вящій огорчительный получила отвѣтъ, что вы желаете почивать и чтобы она изволила выйти вонъ. Когда же она въ крайнемъ огорченіи рѣшилась попросить о экипажѣ, вы изволили сказать, чтобы приказала сама — оной будетъ готовъ... А по сему утвердило уже ее, что ей оставаться болѣе невозможно и не должно“ [1]).

Вся ссора произошла, какъ видно, изъ за рабочаго столика. Изъ письма князя Дмитрія Семеновича Львова къ Марьѣ Семеновнѣ Бахметевой отъ 21-го апрѣля 1802 г. узнаемъ слѣдующее:

„Нынѣшній день я былъ подъ Донскимъ, отвозилъ деньги графу и не засталъ дома. Мнѣ сказывали, что въ саду у Федора Григорьевича. Я поѣхалъ туда, гдѣ и нашелъ. Мы много ходили, наконецъ объ тебѣ спрашиваетъ и сказалъ, что онъ съ крайнимъ сожалѣніемъ видитъ твой противъ него проступокъ, не чувствуя въ душѣ своей никакой причины то заслуживающей, и всегда преисполненъ пріязнью и уваженіемъ къ тебѣ, но что нещастное твое предубѣжденіе и скорость къ заключеніямъ причиною тому, что какъ поступокъ его, такъ и слова принимала не въ томъ смыслѣ. Разсказывалъ точно также какъ и ты, но смыслъ и обстоятельства другія. Сказывалъ, что швейный столикъ былъ первою причиной, что не такъ, т.-е. такую бездѣлицу приняла и что зависѣло отъ твоей воли ему быть, гдѣ ты хотѣла. Послѣ чего по горячности твоей ты дѣлала выговоръ графинѣ немного строгій. Въ успокоеніе графини онъ говоритъ ей, чтобы не такъ онымъ огорчалась, ибо это не отъ сердца твои происходили слова, а отъ горячности и что можетъ быть увѣрена въ твоей къ ней любви“ [2]).

„Швейный столикъ“, какъ видно изъ писемъ Маріи Семеновны Бахметевой, имѣетъ значеніе въ домашней ея жизни. Не послужитъ ли онъ къ разгадкѣ двухъ изображеній, появившихся на выставкѣ историческихъ портретовъ въ 1872 году?

Они пріобрѣтены были мною у князя П. П. Вяземскаго. Работа не русскаго мастера и видъ, открывающійся на картинѣ

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.

[2]) Рукопись домашняго архива.

на рѣку и на горы, также не русскій. На обѣихъ картинахъ та же женщина отъ 30 до 40 лѣтъ сидитъ за швейнымъ столикомъ, на стѣнѣ у нея виситъ портретъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. Обстановка таже на обѣихъ картинахъ; та же комната, занавѣсъ, то же окно, съ тѣмъ же видомъ клавесинъ и позади за пяльцами совершенно та же. Разница въ томъ только, что на одной изъ картинъ сидитъ Орловъ съ книгой въ рукахъ, на другой изображенъ негръ, держащій клѣтку, съ сидящей въ ней канарейкой, а на плечѣ у негра обезьяна. Вопросъ въ томъ, который изъ Орловыхъ сидитъ Алексѣй или Григорій? Онъ въ мундирѣ Преображенскаго полка, въ которомъ служилъ Алексѣй Григорьевичъ, и имѣетъ видъ гостя. Между братьями большое сходство, а потому картины довольно сбивчивы. Присутствіе канарейки и обезьяны скорѣе заставляетъ видѣть въ сидящемъ Алексѣя Григорьевича, такъ какъ онъ занимался разведеніемъ канареекъ, а Марья Семеновна Бахметева была охотница до обезьянъ. У ней была любимая обезьянка, которую она звала „Варинькой" и брала съ собою всюду. Если это князь Орловъ передъ своею женою, какъ думаютъ иные, то, во первыхъ, княгиня Орлова была моложе и была красавицей, у ней врядъ ли бы висѣлъ портретъ Орлова-Чесменскаго, который не сочувствовалъ ея браку, сидящій же Орловъ для князя Григорія слишкомъ старъ. По годамъ и по типу женщина скорѣе подходитъ къ Марьѣ Семеновнѣ Бахметевой и къ портрету ея (pastel), сохранившемуся въ семьѣ Шереметевыхъ, и это соотвѣтствовало бы заграничному пребыванію въ Саксоніи въ царствованіе императора Павла: Марія Семеновна Бахметева сопутствовала графу Алексѣю Григорьевичу. Наконецъ присутствіе *швейнаго столика*, столь любимаго М. С. Бахметевою, склоняетъ къ признанію, что на двухъ картинахъ изображена она, а въ сидящемъ мужчинѣ не слѣдуетъ ли признать графа Орлова-Чесменскаго?

Въ скоромъ времени, а именно 8-го апрѣля 1802 г., графъ Алексѣй Григорьевичъ вновь пишетъ изъ Москвы Василію Владимировичу Шереметеву:

„Государь мой Василій Володимеровичъ! Боже васъ благослови со всѣмъ семействомъ и со всею бесѣдою! Пріятное ваше письмо отъ

27-го марта мною получено. Увидя изъ онаго, что вы, благодаря Господа, довольно здоровы, чему сердечно порадовался; что подай Боже и впредь въ пользу вашу и во обрадованіе любящихъ и почитающихъ васъ. Аминь! Въ моемъ же почтеніи ко всему вашему семейству прошу быть увѣреннымъ, что я всегда лично васъ почиталъ, да и не перестану, да и съ вашей стороны прошу меня любить. А не хорошо будетъ и стыдно намъ, буде каковыя пустыя дрязги пріязни нашей помѣхою быть должны. Старинная пословица говорится: въ семьѣ не безъ урода бываетъ; а кто возмитъ о своемъ умѣ и достоинствѣ, и чтобъ дѣла всѣ шли по его желанію, много печалей и скорбныхъ сѣтованій на себя навлекаетъ, а къ чему таковыхъ людей причитаютъ — самъ, брате, знаешь. Гдѣ нѣту средняго жилья, а либо чердакъ или погребъ, тутъ трудно узнавать, какимъ образомъ поступать, а скажу, что я все при тѣхъ же моихъ правилахъ и обѣщаніяхъ есмь и пребуду; а буде по капризу своему захочетъ себя губить, кто-жъ изъ смертныхъ можетъ ему помощь подать, аще Господь не наставитъ его на путь истинный. Чего для и васъ прошу успокоиться и оставить, потому что всѣ таковыя дѣянія не въ нашей власти состоятъ, а въ людяхъ большею частью съ больной головы, да на здоровую сваливаютъ. Ничто такъ истины не открываетъ, какъ время. Я-жъ, благодаря Господа, начинаю себя чувствовать получше, кашель мой при теперешней хорошей погодѣ гораздо поуменьшился. Послѣ двухъ-суточнаго дождя сдѣлалась погода теплая и пріятная, и я въ Лазарево воскресенье и вчерась съ дочерью выѣзжали прогуливаться въ колясочкѣ, и по улицамъ вездѣ сухо. Я думаю, что вы говѣть будете. Даруй Боже благополучно кончить и Свѣтлаго Христова Воскресенія дождаться и въ радостяхъ и утѣхахъ все ваше время препроводить. Дочь моя покорно васъ за поклонъ благодаритъ и сама вамъ и подружкамъ свидѣтельствуетъ истинное почтеніе. А мы къ святой недѣлѣ собираемся подъ качели и подъ Дѣвичье рыскать, аще чего отъ Господа не зайдетъ.

„У насъ теперь комиссія начало свое имѣть зачинаетъ. Жаль мнѣ, что я не успѣлъ достать указа государева, который присланъ сюда къ Николаю Дмитріевичу Дурнову. И онъ по силѣ онаго долженъ относиться обо всемъ къ самому государю, а начальники

здѣшніе должны открывать все, что до оной комиссіи принадлежать будетъ. И здѣсь многіе оному радуются, а многіе не безъ сокрушенія, о чемъ и много разнообразныхъ толковъ здѣсь есть. Въ предводители губернскіе выбранъ князь Дашковъ. Вотъ вамъ наши извѣстія. Островскихъ крестьянъ на земледѣліе хочу сажать и кажется, что имъ оное худо нравится. Ну, да какъ же быть? Не такъ жить, какъ хочется, а жить не дурно, какъ Богъ велитъ, лишь бы въ томъ кругу обращаться, какъ опредѣлено. А пѣсня старинная поется: гордость и тщеславіе выдумалъ бѣсъ, что мы всякій день и надъ Гросетомъ видимъ, гнѣвается на то, въ чемъ мы право вины своей признать не можемъ. Вотъ и пословица надъ нимъ сбывается, каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. А лучшій способъ, какъ въ греческомъ капищѣ было написано: старайся самъ себя познавать. Сноси и убѣгай, буде сможешь, да и всякому животному въ природѣ дано убѣгать всего того, что вредно и непріятно есть, *а особливо, есть ли что до плѣчъ принадлежать будетъ*. Ухъ, какъ оное страшно, да еще можно почесть и въ людяхъ великимъ духомъ, буде кто съ таковымъ терпѣніемъ, чтобъ долгое время сносилъ столь великія неудобства. И можно сказать, что разсыпаемъ былъ бисеръ, который былъ попираемъ ногами. Вотъ какъ и неглупые люди ошибаются. А я есмь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ вашъ государя моего покорный къ услугамъ графъ Алексѣй Орловъ-Чесменской" [1]).

Дѣдъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова по женѣ Гаврила Алексѣевичъ Жеребцовъ, пріятель Василія Владиміровича Шереметева, былъ отцомъ Харлампія Гавриловича Жеребцова, друга слѣдующаго поколѣнія Шереметевыхъ. Онъ былъ родной братъ тещи Алексѣя Григорьевича. Я помню Харлампія Гавриловича, типичнаго старика, всегдашняго партнера моей бабушки Варвары Петровны.

Село Хотавки за Окою, не въ дальнемъ разстояніи отъ Серпухова и отъ Орловской Хатуни. Ближайшими сосѣдями Шереметевыхъ были конные заводчики братья Мосоловы.

Въ одномъ изъ писемъ г. Ортенберга къ Василію Владими-

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.

ровичу Шереметеву находимъ нѣкоторыя подробности о жизни въ Хотавкахъ друзей Орлова-Чесменскаго, которыхъ онъ въ шутку называлъ „господа заокорѣцкіе“. Что побудило ихъ покинуть насиженное гнѣздо въ Уборахъ? Помню, что бабушка Екатерина Васильевна Шереметева любила вспоминать объ Уборахъ, гдѣ она провела свое дѣтство и гдѣ ей особенно остался памятнымъ не только сѣнокосъ, но самый звукъ косы. Слѣды фундамента на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ въ Уборахъ, сохранились донынѣ, какъ равно и слѣды террасъ къ Москвѣ рѣкѣ. Церковь въ двухъ шагахъ, а съ дома открывается широкій видъ на Москворѣцкіе заливные луга. На томъ же нагорномъ берегу около дома разбитъ липовый паркъ во вкусѣ того времени, съ прямыми дорожками, расходящимися радіусами. Вокругъ парка рядъ прудовъ, за которыми уже начинался сосновый боръ. Въ церкви семейная икона Нерукотвореннаго Спаса, прекраснаго письма. Съ Хотавками были связаны годы молодости Екатерины Васильевны.

Вотъ что пишетъ Ортенбергъ изъ села Никольскаго Василію Владимировичу Шереметеву еще въ 1800 году:

„Voici la fête de Noël qui approche et votre fête suivie immediatement de celle du Nouvel an y touche presque. Que j'aurai souhaité pouvoir la célébrer chez vous à Хатавки pour verser immediatement mes idées dans votre âme et recevoir les votres. L'invention de l'ecriture est divine, mais elle ne supplée que faiblement à la conversation. Un coup d'oeil est souvent plus-expressif qu'une page entière. Mais puisque le ciel en ordonne autrement je ne puis que... une faible empreinte de mes ardents souhaits. Qui le ciel vous comble de ses benedictions, conserve, fortifie Votre Santé, vous donne de la vigueur, fasse circuler légerement Votre Sang dans vos veines et tout aller au gré de vos souhaits qu'il vous fasse vivre encore longtemps pour votre bonheur et celui des vôtres. Qu'il conserve madame, la rende heureuse, lui continue cet air de jeunesse, qui la distingue si avangeusement de toutes ses pareilles et lui donne toutes sortes de contentement! Qu'il repande ses faveurs sur mesdemoiselles vos adorables filles, fasse briller leurs et éclater leurs mérites aux yeux de la jeuneusse la plus accomplie de l'Europe et qu'un génie bienfaisant les guide

ж

dans le choix qu'elles ont à faire! Que monsieur votre fils entre sous les plus heureuses auspices dans la carrière que Votre sagesse lui trace et se perfectionne de jour en jour davantage pour se rendre propre aux éminentes places auxquelles sa bienveillance lui donne droit de prétendre, pour la joie et la considération de votre Vieillesse! Que tous ceux qui vous environnent soient heureux enfin en vous et vous en eux...

„Grâce à Dieu, qu'enfin je vois une lettre de Vous. Il est vrai, que ce que Vous y dites de Votre Santé n'est pas encore tout-à-fait consolant, mais j'éspère que le sejour à la campagne vous retablira tout-à-fait. L'air de Хатавки est salutaire; votre jardin vous invitera d'en jouir davantage en vous préservant en même temps de l'exercice, le billard vous donnera du mouvement pendant les jours pluvieux; la lecture, la conversation, les cartes feront Votre delassement.

„Permettez moi, que je Vous félicite encore de la fête de mademoiselle Catherine.

„Qu'elle soit heureuse dans le moment le plus critique de la vie dans l'age ou il s'agit de faire un choix! Son bonheur puisse-t-il égaler son mérite et être digne de ses géniteurs" [1]).

Василій Владимировичъ Шереметевъ жилъ въ Хотавкахъ, окруженный семьею, друзьями и книгами. Библіотека его, впослѣдствіи сосредоточенная въ селѣ Волочановѣ, нынѣ находится въ селѣ Михайловскомъ. Жители Хотавокъ поддерживали постоянныя сношенія съ Островомъ, гдѣ росла графиня Анна Алексѣевна, все болѣе и болѣе привлекавшая въ себѣ заботы пламенно любившаго ея отца.

Гостепріимный Орловскій домъ подъ Донскимъ былъ главнымъ ихъ средоточіемъ. Среда, въ которой росла и воспитывалась Анна Алексѣевна, была русская. Домъ Орлова былъ застрахованъ отъ чуждыхъ вліяній и это въ то время, когда западныя теченія и иностранное воспитаніе стали сильно проникать въ русскія семьи. Графъ Алексѣй Григорьевичъ представлялъ изъ себя рѣзкую и яркую противоположность господствовавшему направленію. О вліяніи иностраннаго

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.

воспитанія въ современныхъ мемуарахъ довольно простодушно повѣствуется такъ: „Иностранное воспитаніе имѣетъ одно неудобство, но оно не вредно для Россіи. Русскіе, почти всѣ воспитанные французами, съ дѣтства своего пріучаются къ замѣтному предпочтенію къ этой націи. Они скоро пріобрѣтаютъ языкъ и лучшее знаніе исторіи собственной страны и, въ дѣйствительности не имѣя отечества, Франція становится таковою для ихъ сердца и для ихъ воображенія. Таковымъ былъ скиѳъ Анахарсисъ, воспитанный грекомъ Ѳеогеномъ“ [1]).

Типъ неимѣющихъ отечества встрѣчается и донынѣ. Онъ особенно процвѣталъ въ началѣ столѣтія, когда воспитанники иностранцевъ стали во главѣ управленія и замѣнили собою людей русскаго закала и людей стихійныхъ, подобныхъ графу Алексѣю Орлову.

Въ письмахъ графа къ Рожину особенно ярко выступаетъ привлекательный образъ этого сказочнаго богатыря. Онъ пропитанъ русскимъ духомъ; онъ подкупаетъ своимъ добродушіемъ, своимъ юморомъ, своею неподдѣльною простотою. Какъ жаль, что намъ не извѣстны взгляды графа Алексѣя Григорьевича Орлова на направленіе новаго царствованія Александра I и первыхъ его дѣятелей.

Люди извѣстнаго закала, къ которымъ принадлежалъ Орловъ, сходили уже со сцены, но они сказались въ томъ подъемѣ духа, которымъ такъ мощно ознаменованъ 1812 годъ. Только крѣпкое поколѣніе, воспитанное на русскихъ началахъ, могло осуществить эпопею 1812 года.

Съ 1803 года графъ Алексѣй Орловъ началъ вывозить свою единственную дочь, замѣчательную своей красотой и талантами, но еще болѣе необыкновенною кротостью и нравственными достоинствами. Она сдѣлалась предметомъ общаго удивленія.

Державинъ воспѣлъ ее въ такихъ словахъ:

Ты взорами орлица,
Достойная отца;
Душою голубица,
Достойная вѣнца.

---

[1]) Mémoires secrets sur la Russie. T. II. Paris, 1800, pg. 176.

Пріятности дивятся
Уму и красотамъ,
И въ плясках всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Петрополѣ,
Побѣды пожешешь:
Какъ флотъ отецъ твой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь [1]).

Стихи эти написаны Державинымъ вскорѣ послѣ коронаціи императора Александра „по случаю ея пріятной пляски французскаго танца".

Въ маѣ 1802 года отъ 16-го числа изъ села Острова графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ писалъ Василію Владимировичу Шереметеву:

„Государь мой Василій Володимировичъ! Почтенное ваше письмо отъ 25-го числа прошлаго мѣсяца мною получено. Радъ былъ изъ онаго видѣть, что вы со всѣми вашими милыми здоровы. Да подаждь вамъ Господь и впредь милость свою во утѣшенье всѣхъ любящихъ васъ! Покорнѣйше благодарю за поздравленіе меня и отродья моего. Она бъ и сама васъ поблагодарила, но не имѣетъ время по причинѣ сборовъ ѣхать въ деревню; а меня просила, чтобъ я васъ всѣхъ вообще и каждаго порознь поблагодарилъ и засвидѣтельствовалъ бы отъ нея къ вамъ искреннее почитаніе, что симъ исполняю. А я васъ прошу, чтобъ вы и ее любили. Ивана жъ Степановича я нарочно къ вамъ посылалъ, яко самовидца Сергѣя Васильевича. Благодарю за вашъ добрый совѣтъ о репейниковѣ корнѣ, я и самъ почувствовалъ нѣсколько разслабленія въ желудкѣ, чего для и пересталъ; дочь же моя еще продолжаетъ и ей дѣлаетъ пользу; но мышлю и ей скоро запретить. Что жъ принадлежитъ до ссуды денегъ Сергѣю Васильевичу, оное исполнено будетъ по желанію вашему. Марья Семеновна пріѣхала благополучно и крѣпко въ своемъ размышленіи ошиблась, въ чаяніи у меня найти надутой и недовольной; но я смѣючись сказалъ: Богъ да проститъ кающихся! Она признавалась и не чаяла, чтобъ такъ встрѣчена была. И теперь опять по дружески обращаемся. Извини, пожалуй, что я замедлилъ моимъ къ вамъ

---

[1]) Сочиненія Державина. Т. II, стр. 387—388.

отвѣтомъ; а вотъ и другое ваше письмо отъ 4-го числа сего мѣсяца мною получено. Радуюсь отъ искренности моихъ чувствъ, что вы здоровы. Да благословитъ васъ Господь и впредь милостью своею! Прошу отъ меня кланяться всему вашему почтенному семейству, а у милостивой государыни Анны Семеновны прошу за меня руку поцѣловать. Мы теперь въ Островъ пріѣхали, а завтрашній день хочемъ опять ѣхать въ Москву, а потому желаніе имѣемъ возвратиться сюда же; въ понедѣльникъ же будетъ собраніе дворянское. Не знаю, что желаютъ предлагать; а нужно будетъ услышать, только врядъ что нибудь выйдетъ ли путное. У насъ скачка положена 21-го числа сего-жъ мѣсяца, хотя нѣсколько охотниковъ и подписались, но дней еще не назначали, какъ скачкамъ быть. Вотъ всему донесеніе. Отъ Сергѣя-жъ Васильевича получилъ письмо поздравительное на день рожденія дочери моей. Прошу ему спасибо сказать. Погода здѣсь настала холодная и сырая. Думаю, что и у васъ не лучше, а буде таковая постоитъ, то и въ Островъ не скоро воротимся. Даруй Боже, чтобъ сіи строки нашли васъ здоровыхъ и благополучныхъ, да и на вѣки такъ бы продолжалось. Я-жъ есмь съ моимъ къ вамъ почтеніемъ покорный и охотный слуга графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій.

„Въ Петербургъ и Кронштадтъ 184 корабля пришло. Такъ меня увѣдомляютъ“ [1]).

„Отродье графа Алексѣя Григорьевича“, какъ выражался онъ въ письмѣ своемъ, была предметомъ общаго вниманія и поклоненія. Въ числѣ искреннихъ ея почитателей былъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, просившій даже ея руки.

Еще 11-го ноября 1801 г. Куракинъ писалъ Василію Владимировичу Шереметеву:

„Государь мой Василій Владиміровичъ! Имѣлъ я счастіе донести государю императору о желаніи вашемъ на перемѣщеніе сына вашего въ Пажескомъ корпусѣ, записаннаго въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ.

„Его Императорское Величество, уважая причины къ тому васъ побудившія, указать соизволилъ опредѣлить его въ оную

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.

Пріятности дивятся
Уму и красотамъ,
И въ пляскахъ всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Петрополѣ,
Побѣды поженешь:
Какъ флотъ отецъ твой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь [1]).

Стихи эти написаны Державинымъ вскорѣ послѣ коронаціи императора Александра „по случаю ея пріятной пляски французскаго танца".

Въ маѣ 1802 года отъ 16-го числа изъ села Острова графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ писалъ Василію Владимировичу Шереметеву:

„Государь мой Василій Володимировичъ! Почтенное ваше письмо отъ 25-го числа прошлаго мѣсяца мною получено. Радъ былъ изъ онаго видѣть, что вы со всѣми вашими милыми здоровы. Да подаждь вамъ Господь и впредь милость свою во утѣшенье всѣхъ любящихъ васъ! Покорнѣйше благодарю за поздравленіе меня и отродья моего. Она бъ и сама васъ поблагодарила, но не имѣетъ время по причинѣ сборовъ ѣхать въ деревню; а меня просила, чтобъ я васъ всѣхъ вообще и каждаго порознь поблагодарилъ и засвидѣтельствовалъ бы отъ нея къ вамъ искреннее почитаніе, что симъ исполняю. А я васъ прошу, чтобъ вы и ее любили. Ивана жъ Степановича я нарочно къ вамъ посылалъ, яко самовидца Сергѣя Васильевича. Благодарю за вашъ добрый совѣтъ о репейниковѣ корнѣ, я и самъ почувствовалъ нѣсколько разслабленія въ желудкѣ, чего для и пересталъ; дочь же моя еще продолжаетъ и ей дѣлаетъ пользу; но мышлю и ей скоро запретить. Что жъ принадлежитъ до ссуды денегъ Сергѣю Васильевичу, оное исполнено будетъ по желанію вашему. Марья Семеновна пріѣхала благополучно и крѣпко въ своемъ размышленіи ошиблась, въ чаяніи у меня найти надутой и недовольной; но я смѣючись сказалъ: Богъ да проститъ кающихся! Она признавалась и не чаяла, чтобъ такъ встрѣчена была. И теперь опять по дружески обращаемся. Извини, пожалуй, что я замедлилъ моимъ къ вамъ

[1]) Сочиненія Державина. Т. II, стр. 387—388.

отвѣтомъ; а вотъ и другое ваше письмо отъ 4-го числа сего мѣсяца мною получено. Радуюсь отъ искренности моихъ чувствъ, что вы здоровы. Да благословитъ васъ Господь и впредь милостью своею! Прошу отъ меня кланяться всему вашему почтенному семейству, а у милостивой государыни Анны Семеновны прошу за меня руку поцѣловать. Мы теперь въ Островъ пріѣхали, а завтрашній день хочемъ опять ѣхать въ Москву, а потому желаніе имѣемъ возвратиться сюда же; въ понедѣльникъ же будетъ собраніе дворянское. Не знаю, что желаютъ предлагать; а нужно будетъ услышать, только врядъ что нибудь выйдетъ ли путное. У насъ скачка положена 21-го числа сего-жъ мѣсяца, хотя нѣсколько охотниковъ и подписались, но дней еще не назначали, какъ скачкамъ быть. Вотъ всему донесеніе. Отъ Сергѣя-жъ Васильевича получилъ письмо поздравительное на день рожденія дочери моей. Прошу ему спасибо сказать. Погода здѣсь настала холодная и сырая. Думаю, что и у васъ не лучше, а буде таковая постоитъ, то и въ Островъ не скоро воротимся. Даруй Боже, чтобъ сіи строки нашли васъ здоровыхъ и благополучныхъ, да и на вѣки такъ бы продолжалось. Я-жъ есмь съ моимъ къ вамъ почтеніемъ покорный и охотный слуга графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій.

„Въ Петербургъ и Кронштадтъ 184 корабля пришло. Такъ меня увѣдомляютъ“ [1]).

„Отродье графа Алексѣя Григорьевича“, какъ выражался онъ въ письмѣ своемъ, была предметомъ общаго вниманія и поклоненія. Въ числѣ искреннихъ ея почитателей былъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, просившій даже ея руки.

Еще 11-го ноября 1801 г. Куракинъ писалъ Василію Владимировичу Шереметеву:

„Государь мой Василій Владиміровичъ! Имѣлъ я счастіе донести государю императору о желаніи вашемъ на перемѣщеніе сына вашего въ Пажескомъ корпусѣ, записаннаго въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ.

„Его Императорское Величество, уважая причины къ тому васъ побудившія, указать соизволилъ опредѣлить его въ оную

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.

юнкеромъ. Поздравляя васъ съ тѣмъ, государь мой, препровождаю у сего копію указа о томъ коллегіи мною объявленнаго. Князь Александръ Куракинъ“ [1]).

Близость Куракина къ Орлову, чувство, внушаемое ему Анной Алексѣевной, могли ускорить успѣхъ, и здѣсь не обошлось безъ участія графа Алексѣя Григорьевича.

18-го января 1803 г. Ростопчинъ пишетъ изъ своего Воронова и со свойственною ему рѣзкостью говоритъ объ отношеніяхъ Куракина къ Орлову:

„Moscou possède le grand-chancelier des décorations prince Kourakine; il veut primer en donnant des fêtes, bals etc. son corps est tout couvert de diamants, et il a plutôt l'air d'un réverbère que de son oncle: car c'est toute son ambition. Il s'est proposé pour épouser la fille du comte Alexis Orloff qui, sans le refuser, a demandé du tems pour réfléchir“ [2])...

Изъ писемъ князя Куракина къ Марьѣ Семеновнѣ Бахметевой, помѣщенныхъ въ приложеніи, можно усмотрѣть, какъ глубоко и искренно было чувство, внушаемое Куракину Орловымъ и его дочерью.

„Le Comte Zouboff y est aussi“ — продолжаетъ Ростопчинъ, „il fréquente beaucoup la maison du Comte Orloff, et on suppose qu'il cherche également sa fille en mariage“ [3]).

Ростопчинъ изъ своего Воронова не переставалъ злословить. Его отзывы должны быть приняты съ осторожностью. Безпокойный человѣкъ, снѣдаемый честолюбіемъ подъ личиною независимости, онъ шпынялъ, не находя себѣ покоя.

„Иванъ Петровичъ Салтыковъ“—пишетъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ письмѣ къ князю П. Д. Циціанову отъ 4-го ноября изъ с. Воронова — „не думаетъ идти въ отставку и старается, напиваясь съ графомъ Орловымъ, успѣть въ женитьбѣ сына на его дочери“ [4]).

25-го іюня 1803 г. умеръ Александръ Владимировичъ Ше-

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.
[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. VIII, стр. 205—306.
[3]) Ibid., стр. 306.
[4]) Девятнадцатый вѣкъ. Изд. П. И. Бартенева. Кн. II, стр. 68.

реметевъ, и Ростопчинъ не замедлилъ отозваться въ письмѣ къ князю П. Д. Циціанову отъ 3-го сентября 1803 г. изъ с. Воронова:

„По смерти, Александръ Владимировичъ Шереметевъ оставилъ 260 т. долгу, нажитаго на рысакахъ, хомутахъ и дуракахъ“ [1]).

Но самъ Ростопчинъ былъ заводчикъ и онъ не долюбливалъ Орлова, съ которымъ, какъ заводчику, ему приходилось считаться.

„У Орлова“ —пишетъ графъ Ростопчинъ въ письмѣ къ князю П. Д. Циціанову отъ 20-го января 1807 г. изъ с. Воронова— „полонъ домъ претендентовъ на дочь: къ прежнимъ подъѣхали два Голицына, сынъ князя Сергѣя Ѳеодоровича и славный князь Борисъ Вестрисъ (Boris-Vestris)“ [2]).

Графъ Алексѣй Григорьевичъ велъ оживленную переписку съ своимъ приказчикомъ по дѣламъ хозяйства и завода.

„Кабанову добраго здравія желаю“ — пишетъ онъ — „съ потрохомъ и со всѣми ему подчиненными!.. Лошади бѣговыя до сихъ мѣстъ доведены благополучно... И твой любимецъ такъ учтиво былъ пріѣзженъ... Спасибо, что хорошо ѣзжаны лошади, хотя и есть маленькій недостаточекъ на ѣздѣ, головы низко гнутъ и сильно везутъ, но вообще всѣ лошади ладно ѣзжаны... У меня же много теперь разъѣзду и ко мнѣ много пріѣзду“ [3]).

Заботы о конномъ заводѣ до конца дней занимали графа Алексѣя Григорьевича. Д. А. Олсуфьевъ пишетъ графу Н. П. Шереметеву изъ Москвы отъ 8-го ноября 1803 г.:

„На сихъ дняхъ была у насъ на Донскомъ полѣ скачка, на коей и выигралъ графъ Алексѣй Григорьевичъ на своей доморощенной аглинской славной лошади господина Мосолова тысяча рублевой пари. По окончаніи пригласилъ его сіятельство всѣхъ находящихся въ галлереѣ къ себѣ, въ числѣ коихъ и я эту честь въ первой разъ имѣлъ: собраніе было не многолюдно, но танцовали довольно; между прочимъ молодая графиня казачка со всѣми

---

[1]) Девятнадцатый вѣкъ. Кн. II, стр. 24.

[2]) Князь Борисъ Владимировичъ Голицынъ. Вязёмскій сватъ Анны Семеновны. Девятнадцатый вѣкъ. Кн. II, стр. 34.

[3]) Русскій Архивъ 1877 г., кн. I, стр. 507—508.

ей природными невинными прелестями: истинно я ничего подобнаго не видалъ, фигура ея подобна той ангела кротости" [1]).

Имя графа Алексѣя Григорьевича останется памятнымъ въ исторіи коннозаводства въ Россіи. Въ Островѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ держалъ псовую охоту, состоявшую изъ 40 гончихъ и 40 борзыхъ собакъ подъ управленіемъ ловчаго Кузьмы Дементьева, перешедшаго къ нему изъ охоты Лопухина (его тестя). Самъ онъ на охоту не ѣздилъ, но держалъ ее для увеселенія гостей, устраивалъ садки. Тѣмъ не менѣе онъ самъ велъ родословныя клички собакъ, строго придерживаясь веденія породъ въ чистотѣ. До сихъ поръ еще ведутся усовершенствованныя Орловымъ породы такъ-называемыхъ „Орловскихъ голубей, бойцовыхъ гусей и даже канареекъ".

Въ Хрѣновскомъ его имѣніи находилось на хуторахъ 25 ватагъ овецъ, по 2000 штукъ въ каждой, и ихъ били на мясо, которое солилось, а сало топилось; также было по 20 гуртовъ воловъ... Всѣ были донскіе покупные.

Между наѣздниками графа Алексѣя Григорьевича славились три Семена, Бѣлый (Битюцкій), Черный и Мочалкинъ, который послѣ назывался „Дрезденскій", потому что жилъ при Орловѣ въ Дрезденѣ. Туда же изъ Дрездена были выведены двѣ рысистыя кобылы „Арѳа" и „Амазонка", на которыхъ ѣздилъ самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ.

При домѣ его въ Москвѣ былъ манежъ, при которомъ состояли искусные берейтора—Шульцъ, Шредеръ и Кинъ, и производилась верховая ѣзда. Въ послѣдней участвовало высшее московское общество. Сама графиня Анна Алексѣевна отлично ѣздила, всего чаще верхомъ на любимомъ своемъ бѣломъ жеребцѣ „Бриллiантѣ". Сюда же пріѣзжали ѣздить верхомъ молодая княгиня Урусова (ур. Хитрово кн. Ирина Никитична), княжны Гагарины (дочери Праск. Юрьев. Кологривовой—Трубецкой, и княжны Щербатовы и Екатерина Андреевна Карамзина съ мужемъ. „Послѣдній"—добавляетъ Жихаревъ, „ѣздилъ ежедневно по утрамъ для моціона" [2]).

---

[1]) Рукопись Архива графа С. Д. Шереметева.
[2]) Записки С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 32.

Породнившись съ домомъ Вяземскихъ, Н. М. Карамзинъ нашелъ для занятій своихъ спокойное убѣжище въ подмосковномъ селѣ Остафьевѣ, гостепріимнымъ хозяиномъ котораго былъ князь Андрей Ивановичъ Вяземскій. Какъ разъ Остафьево описывается путешествующимъ въ это время англичаниномъ:

„Вскорѣ послѣ моей поѣздки въ Дѣвичій, меня пригласилъ князь Вяземскій на Троицынъ День къ себѣ въ деревню. Такъ какъ это былъ храмовой праздникъ, то я ожидалъ много сельскихъ увеселеній; въ всеобщихъ удовольствіяхъ я не могъ сомнѣваться, такъ какъ мой знаменитый хозяинъ не только примѣръ гостепріимства, но и замѣчательно ученый и талантливый человѣкъ. Дворецъ его хорошо расположенъ, выстроенъ изъ камня, съ большимъ вкусомъ и богатствомъ и снабженъ всѣми приспособленіями для самыхъ веселыхъ удовольствій, а равно и для глубочайшихъ изученій.

„Когда я пріѣхалъ, все семейство, гости и прислуга были въ церкви, и когда я вошелъ, то засталъ ихъ всѣхъ стоящихъ полукругомъ передъ алтаремъ. Полъ былъ устланъ цвѣтами и зеленой травой, а у каждаго человѣка былъ въ рукахъ букетъ. Мнѣ тоже дали одинъ при входѣ. Крестьяне были одѣты по праздничному, и всѣ съ цвѣтами въ рукахъ [1]). Три священника служили обѣдню, старшій изъ нихъ—человѣкъ самой почтенной наружности. Много молитвъ было прочтено и пропѣто: послѣ чего была сказана проповѣдь съ большимъ смысломъ и чувствомъ, по крайней мѣрѣ, такъ казалось мнѣ по энергіи проповѣдника и напряженному вниманію слушателей. Въ концѣ всѣ, не исключая и двухъ сослужащихъ духовныхъ лицъ, встали на колѣна, держа букеты передъ лицами.

„Я не могъ добиться объясненія духовнаго смысла этихъ букетовъ; нѣкоторые мнѣ сказали, что это первое весеннее приношеніе; другіе, что это для того, чтобы утирать слезы, проливаемыя во время службы. Я думаю, что этотъ обычай, какъ и яйца на Пасхѣ, теперь извѣстенъ только какъ обычай, а что значеніе совсѣмъ утерялось во тьмѣ вѣковъ

---

[1]) Троицынъ день—храмовой праздникъ въ с. Остафьевѣ

ей природными невинными прелестями: истинно я ничего подобнаго не видалъ, фигура ея подобна той ангела кротости" [1]).

Имя графа Алексѣя Григорьевича останется памятнымъ въ исторіи коннозаводства въ Россіи. Въ Островѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ держалъ псовую охоту, состоявшую изъ 40 гончихъ и 40 борзыхъ собакъ подъ управленіемъ ловчаго Кузьмы Дементьева, перешедшаго къ нему изъ охоты Лопухина (его тестя). Самъ онъ на охоту не ѣздилъ, но держалъ ее для увеселенія гостей, устраивалъ садки. Тѣмъ не менѣе онъ самъ велъ родословныя клички собакъ, строго придерживаясь веденія породъ въ чистотѣ. До сихъ поръ еще ведутся усовершенствованныя Орловымъ породы такъ-называемыхъ „Орловскихъ голубей, бойцовыхъ гусей и даже канареекъ".

Въ Хрѣновскомъ его имѣніи находилось на хуторахъ 25 ватагъ овецъ, по 2000 штукъ въ каждой, и ихъ били на мясо, которое солилось, а сало топилось; также было по 20 гуртовъ воловъ... Всѣ были донскіе покупные.

Между наѣздниками графа Алексѣя Григорьевича славились три Семена, Бѣлый (Битюцкій), Черный и Мочалкинъ, который послѣ назывался „Дрезденскій", потому что жилъ при Орловѣ въ Дрезденѣ. Туда же изъ Дрездена были выведены двѣ рысистыя кобылы „Арѳа" и „Амазонка", на которыхъ ѣздилъ самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ.

При домѣ его въ Москвѣ былъ манежъ, при которомъ состояли искусные берейтора—Шульцъ, Шредеръ и Кинъ, и производилась верховая ѣзда. Въ послѣдней участвовало высшее московское общество. Сама графиня Анна Алексѣевна отлично ѣздила, всего чаще верхомъ на любимомъ своемъ бѣломъ жеребцѣ „Бриллiантѣ". Сюда же пріѣзжали ѣздить верхомъ молодая княгиня Урусова (ур. Хитрово кн. Ирина Никитична), княжны Гагарины (дочери Праск. Юрьев. Кологривовой—Трубецкой, и княжны Щербатовы и Екатерина Андреевна Карамзина съ мужемъ. „Послѣдній"—добавляетъ Жихаревъ, „ѣздилъ ежедневно по утрамъ для моціона" [2]).

---

[1]) Рукопись Архива графа С. Д. Шереметева.
[2]) Записки С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 32.

Породнившись съ домомъ Вяземскихъ, Н. М. Карамзинъ нашелъ для занятій своихъ спокойное убѣжище въ подмосковномъ селѣ Остафьевѣ, гостепріимнымъ хозяиномъ котораго былъ князь Андрей Ивановичъ Вяземскій. Какъ разъ Остафьево описывается путешествующимъ въ это время англичаниномъ:

„Вскорѣ послѣ моей поѣздки въ Дѣвичій, меня пригласилъ князь Вяземскій на Троицынъ День къ себѣ въ деревню. Такъ какъ это былъ храмовой праздникъ, то я ожидалъ много сельскихъ увеселеній; въ всеобщихъ удовольствіяхъ я не могъ сомнѣваться, такъ какъ мой знаменитый хозяинъ не только примѣръ гостепріимства, но и замѣчательно ученый и талантливый человѣкъ. Дворецъ его хорошо расположенъ, выстроенъ изъ камня, съ большимъ вкусомъ и богатствомъ и снабженъ всѣми приспособленіями для самыхъ веселыхъ удовольствій, а равно и для глубочайшихъ изученій.

„Когда я пріѣхалъ, все семейство, гости и прислуга были въ церкви, и когда я вошелъ, то засталъ ихъ всѣхъ стоящихъ полукругомъ передъ алтаремъ. Полъ былъ устланъ цвѣтами и зеленой травой, а у каждаго человѣка былъ въ рукахъ букетъ. Мнѣ тоже дали одинъ при входѣ. Крестьяне были одѣты по праздничному, и всѣ съ цвѣтами въ рукахъ [1]). Три священника служили обѣдню, старшій изъ нихъ—человѣкъ самой почтенной наружности. Много молитвъ было прочтено и пропѣто: послѣ чего была сказана проповѣдь съ большимъ смысломъ и чувствомъ, по крайней мѣрѣ, такъ казалось мнѣ по энергіи проповѣдника и напряженному вниманію слушателей. Въ концѣ всѣ, не исключая и двухъ сослужащихъ духовныхъ лицъ, встали на колѣна, держа букеты передъ лицами.

„Я не могъ добиться объясненія духовнаго смысла этихъ букетовъ; нѣкоторые мнѣ сказали, что это первое весеннее приношеніе; другіе, что это для того, чтобы утирать слезы, проливаемыя во время службы. Я думаю, что этотъ обычай, какъ и яйца на Пасхѣ, теперь извѣстенъ только какъ обычай, а что значеніе совсѣмъ утерялось во тьмѣ вѣковъ

---

[1]) Троицынъ день—храмовой праздникъ въ с. Остафьевѣ

„Служба кончилась тѣмъ, что всѣ цѣловали крестъ, и священники всѣхъ благословляли святой водой.

„Окончивъ священныя обязанности, крестьяне готовились перейти къ деревенскимъ увеселеніямъ, но, къ сожалѣнію, и они и я были въ этомъ обмануты. Пошелъ сильный дождь и лилъ такъ безостановочно, что пришлось отказаться отъ этой части праздничной программы, и крестьяне, бросивъ нѣсколько грустныхъ взглядовъ на небо, пошли въ домъ на обильное угощенье. Хорошо насыщенные водкой и покрытые красными лентами они въ ранній часъ веселые и довольные вернулись къ своимъ домамъ.

„Великолѣпнымъ обѣдомъ и прелестнымъ баломъ окончился день въ гостепріимныхъ стѣнахъ князя. Среди гостей я встрѣтился съ господиномъ необыкновенныхъ умственныхъ способностей. Его имя такъ трудно произнести, что я не могу его запомнить. Но въ нашемъ разговорѣ онъ мнѣ разсказалъ о возникновеніи города Москвы, и это я запомнилъ“ [1]).

1805 года графъ Алексѣй Григорьевичъ пишетъ Василію Владиміровичу Шереметеву:

„Сего умирающаго или исчезающаго 1804 года. Хотя лѣнь и усталь запрещаютъ писать, но пріязнь и любовь между нами повелѣваютъ, чему я и покоряюсь. Поздравляю тебя съ наступающимъ новымъ годомъ и со днемъ ангела твоего! Прежде праздновали вмѣстѣ, а теперь хоть и розно будемъ, да ниспошлетъ Господь благодать свою на многія и многія лѣта на все твое семейство, и да будете здравы и утѣшены на вѣки нерушимо! Аминь! Лѣнь же меня одолѣваетъ отъ старости, а усталь отъ саней и бѣгу. Хоть и не хочется, но не терпится, чтобы не сказать тебѣ:—ко мнѣ съ Битюга привели 4-хъ лѣтковъ бѣговыхъ. Признаюсь, не чаялъ такихъ добрыхъ и способныхъ видѣть, какъ нашелъ, хотя-бъ и у васъ, господъ заокорѣцкихъ, таковыя были, не прогнѣвайтесь. А при томъ скажу, что и пріѣзжены отмѣнно хорошо, да я такъ запутался, не знаю, какія имена имъ дать; а все дѣтки отъ любезнаго: также привели и исподскаковыхъ. Я

---

[1]) Robert ker Porter. Travelling sketches in Russia and Sweden during the years 1805—1808. T. I, p. 247—248.

самъ не видалъ, а смотрѣть посылалъ. Возвратясь обыденочкою изъ Острова, поахиваютъ. А вы сами уже догадаетесь, отчего оное письмо ваше съ Сергѣемъ Васильевичемъ получено, препоручаешь его ко мнѣ, а я бы и безъ онаго смотрѣлъ бы за нимъ, какъ за роднымъ. Онъ же теперича большую часть проводитъ у меня въ домѣ, а разъѣзжаетъ только съ визитами и большею частью къ своимъ роднымъ, и у насъ иногда въ жмурки играютъ, а я покрикиваю, чтобъ не ушиблись. Прошу мое почтеніе засвидѣтельствовать милостивой государынѣ моей Аннѣ Семеновнѣ и поблагодарить за присылку масла, которое чрезвычайно вкусно и я его очень поберегаю и лакомлюсь имъ. Прошу за меня у ней ручку поцѣловать. Я-жъ есмь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ готовъ и покорный слуга графъ А. Орловъ-Чесменскій.

„Каковъ тебѣ показался указъ? Буде тебѣ оной не нуженъ, возвратите его ко мнѣ. Въ Петербургѣ мука въ $9^1/_2$ р., а мясо говядина въ 20 копѣекъ, не жирно, можно ѣсть. Не прогнѣвайтесь, у насъ теперь новый оберъ-полицмейстеръ, какой-то господинъ Балашевъ, только сюда еще не пріѣхалъ, а старый оставляется. Вотъ вамъ вѣсти. Равно и Але: Ан: Беклешевъ дожидается на поданное письмо отвѣта. Мы же по зову собираемся старый годъ кончить, а новый встрѣтить у Але: Андре: Бек: и великое множество званыхъ. А я исподтишка выпью бокалъ шампанскаго за всѣхъ васъ, пожелавъ добраго здоровья, еще чего отъ Господа не зайдетъ. Безъ позволенья вашего, милостивая государыня, приписую къ вамъ и приношу мою благодарность, что угодно было вамъ почтить вашимъ приписаніемъ. Я безцѣнному предписывалъ, чтобъ онъ непремѣнно требовалъ отъ графини Литты отвѣта. Она же отвѣчала, что отвѣтъ уже посланъ, но не знаю, получили ли вы его, а что вы такъ умѣренно съ водкою поступаете—похвально и очень похвально, и всякое воздержаніе, паче поста и молитвы. Племяннику жъ вашему я сказывалъ, чтобъ онъ вамъ доложилъ, а буде вамъ оное не угодно было, прошу меня въ ономъ простить. Знаю, милостивая государыня, вашу воздержность и отдаю вамъ въ ономъ въ полной цѣнѣ справедливость. При семъ случаѣ позвольте, милостивая государыня, поздравить съ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего, и съ

Новымъ годомъ, пожелавъ всѣхъ благъ отъ Господа въ долголѣтіи, въ здоровьѣ и во всякихъ утѣшеніяхъ, да наградитъ онъ васъ благодатію своею святою! При семъ посылаю къ вамъ, милостивая государыня, реестръ вашимъ заводскимъ лошадямъ. Благодарю за ваше глубочайшее почтеніе и самъ тоже исполняю вамъ, милостивой государынѣ моей. Покорный и охотный ко услугамъ графъ А. Орловъ-Чесменскій" [1]).

Царствованіе императора Александра I возвратило кн. Е. Р. Дашковой относительное спокойствіе, и она, поселившись окончательно въ селѣ Троицкомъ, доживала свой вѣкъ, окруженная почетомъ и привлекая къ себѣ обаяніемъ отошедшей эпохи, которой она была одною изъ блестящихъ представительницъ.

Судьба, всю жизнь разъединявшая ее съ Орловыми, теперь привела ее къ невольному сближенію съ тѣмъ, котораго она прозывала „Orlof le balafré". Кулачный боецъ, о которомъ она нѣкогда говорила съ такимъ пренебреженіемъ, примирилъ ее съ собою своимъ здравымъ и возвышеннымъ умомъ, своимъ неподкупнымъ добродушіемъ и при томъ тогда, когда ей всего дороже было найти неожиданную нравственную поддержку въ прежнемъ соперникѣ.

Англичанка miss Wilmot, проживавшая въ то время у княгини, оставила намъ между прочимъ любопытное описаніе ея гостинной въ с. Троицкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ написала прекрасную ея характеристику какъ деревенскаго жителя. Вотъ описаніе этой гостинной:

„На первомъ планѣ виситъ портретъ кн. Дашкова, красавца въ свое время. Онъ умеръ на 26 году возраста. А вотъ женщина съ повелительнымъ взглядомъ, съ орлами, вышитыми на хвостѣ горностаевой порфиры — это Екатерина II, противъ нея внукъ ея императоръ Александръ. Но довольно о картинахъ. На переднемъ мѣстѣ комнаты, въ большихъ креслахъ, за маленькимъ столомъ, въ пурпуровомъ шелковомъ платьѣ, въ бѣломъ мужскомъ колпакѣ съ собачкой фиделью, стоящей на подушкѣ у ея ногъ, пестрая, какъ

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.

лавочникъ, сидитъ княгиня. Она поджидаетъ насъ домой, потому что нынѣшій вечеръ начнется чтеніе писемъ императрицы Екатерины II къ княгинѣ Дашковой. Эти предметы, напоминающіе ей былое время, печально одушевляютъ ея лицо.

„Среди ея огромнаго имѣнія, среди богатствъ и почестей, я желала бы, чтобы вы взглянули на княгиню, идущую гулять, или лучше, смотрѣть за работою своихъ крестьянъ. Она обыкновенно носитъ темное платье, шелковый платокъ вокругъ шеи, совершенную тряпку. Въ лицѣ ея и манерахъ есть какая-то оригинальность, только ей одной свойственная. Она помогаетъ каменьщикамъ лѣпить стѣны, сама проводитъ дороги, кормитъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя пьесы и пишетъ для печати. Она громко говоритъ въ церкви, поправляетъ попа, если онъ ошибается, въ театрѣ прерываетъ актеровъ и учитъ ихъ, какъ надо выполнять роль; она докторъ, лѣкарь, аптекарь, кузнецъ, плотникъ, чиновникъ, адвокатъ, словомъ, въ ней сливаются всѣ крайности. Она постоянно представляется мнѣ сказочной героиней“ [1]).

Встрѣча княгини Е. Р. Дашковой съ графомъ А. Г. Орловымъ въ Москвѣ была неизбѣжна и она состоялась при исключительныхъ условіяхъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ жилъ слишкомъ открыто и гостепріимно, принимая всю Москву. Онъ занималъ въ ней слишкомъ выдающееся положеніе и въ обществѣ, и въ кругу друзей, и въ средѣ народной, чтобы возможно было обойти его. Живыя воспоминанія сохранилъ о немъ Жихаревъ. Въ 1805 г. подъ 12-мъ февраля онъ записываетъ:

„Изъ больницы заѣзжали мы по сосѣдству на бѣгъ графа А. Г. Орлова. Герой Чесменскій въ бархатной малиновой шубѣ самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на любимыхъ рысакахъ своихъ „Любезномъ“ и „Каткѣ“ [2]).

Таковымъ изображенъ онъ на извѣстномъ его портретѣ.

Англичанка, живущая у княгини Е. Р. Дашковой, отличаетъ особенность нравовъ своей хозяйки:

„Княгиня обѣщала выѣхать въ Москву двумя днями раньше,

---

[1]) Memoirs of the princess Daschkaw. Ed. by mrs. W. Bradford. Vol. II. London. 1840, p. 351—352.

[2]) Записки С. П. Жихарева. М. 1890 г., стр. 18.

затѣмъ, чтобы показать намъ львовъ ея. Она говоритъ: графъ Алексѣй Орловъ даетъ балъ, потомъ посылаетъ свое приказаніе и балъ данъ, какъ будто такъ и должно быть“ [1]).

Первая встрѣча княгини Е. Р. Дашковой съ графомъ Орловымъ состоялась въ Москвѣ:

„Когда Орловъ пріѣхалъ, княгиня встрѣтила его и, давъ поцѣловать руку, сказала: „Такъ много утекло времени, графъ! Міръ, въ которомъ мы жили, такъ перемѣнился, что настоящая наша встрѣча походитъ скорѣе на свиданіе на страшномъ судѣ, чѣмъ на возобновленіе знакомства:—а этотъ кроткій ангелъ (при чемъ она поцѣловала молодую Орлову), соединяющій насъ въ эту минуту, дополняетъ нашу мечту!“.

Та же англичанка такъ описываетъ Орлова:

„Графъ Алексѣй Орловъ, бывшій генералъ-адмиралъ Екатерининскихъ временъ, первый богачъ христіанскаго міра. Окрушенный азіатскою роскошью... Рука..... украшена алмазами, среди которыхъ блеститъ портретъ Екатерины съ ея признательной улыбкой“.

Она знакомится съ нимъ и передаетъ намъ свое впечатлѣніе:

„Не могу не признаться, что по мнѣ пробѣжала дрожь, когда я подала руку слишкомъ знаменитому Орлову. Согласно русскому обычаю, общему между москвичами, я должна была коснуться губами его лба. Это былъ человѣкъ поразительной наружности; на груди его висѣлъ портретъ императрицы Екатерины II, осыпанный бриллiантами, среди которыхъ горѣлъ алмазъ. Дочь его была одѣта въ платье изъ англійскаго шертинга, бриллiантовый шифръ Екатерины лежалъ на ея плечѣ“ [2]).

„Современники, восхваляя его, говорили, что домъ его всегда былъ храмомъ любви отечества, открытою галлереею невинныхъ веселостей, пристанью достоинствъ и дарованій, убѣжищемъ злополучія и нищеты. Сей почтенный мужъ первымъ правиломъ поставлялъ не казаться, а быть добрымъ... Онъ былъ душою, соединяющею русскихъ дворянъ, сердцемъ общенародныхъ веселостей, нравовъ и обычаевъ, надеждою несчастнаго, кошелькомъ

[1]) Memoirs of the princess Daschkaw, p. 344.
[2]) Ibid., p. 361—362.

бѣднаго, посохомъ хромого, глазомъ ослѣпшаго, покоищемъ израненнаго воина и врачемъ больного гражданина" [1]).

Такъ говорили его поклонники и льстецы, но у него были и враги, припоминавшіе старые счеты, семейныя соперничества. Конечно, къ лагерю враждебному принадлежалъ Разумовскій и его потомство. Не даромъ говорила Н. К. Загряжская,—дочь гетмана Разумовскаго, о братьяхъ Орловыхъ: „Ils sont régicides dans l'ame" и затѣмъ язвительно добавляетъ: „C'etait comme une mauvaise habitude [2])". Слова эти, произнесенныя дочерью Разумовскаго, имѣютъ свое значеніе и невольно переноситъ мысль къ таинственному дѣлу 1772 года въ Ливорно, когда такъ часто произносилось имя императрицы Елизаветы Петровны, благодѣтельницы Разумовскихъ. Не могъ сочувствовать ей и Орловъ, разговоръ между ними на лавочкѣ за-границей не могъ ему быть пріятенъ. Его отвѣтъ на назойливые вопросы Загряжской не доказываютъ ли раздраженіе и желаніе отдѣлаться отъ докучливой вопросительницы? Разъясненій давать онъ ей не намѣренъ, но зная ея образъ мыслей относительно себя, онъ могъ въ своихъ отвѣтахъ намѣренно усиливать ноту и не останавливаться даже и тогда, когда неблаговидная форма разговора касается существа самаго дорогого для Орлова—когда Загряжская произноситъ имя Анны Алексѣевны. Не таково ли бываетъ свойство иныхъ цѣльныхъ натуръ, которыя, чувствуя вызовъ, готовы озадачить противника смѣлостью и рѣзкостью слова? Во всякомъ случаѣ къ отзыву Загряжской слѣдуетъ, мнѣ кажется, относиться съ осторожностью. Отношенія между графомъ А. Г. Орловымъ и княгинею Е. Р. Дашковой на столько измѣнились къ лучшему, что графъ Алексѣй Григорьевичъ даетъ въ честь княгини великолѣпный праздникъ, описаніе котораго находимъ у миссъ Вильмотъ. Праздникъ, данный Орловымъ, отличался обычнымъ великолѣпіемъ:

„За столомъ графа служили два гайдука и карликъ, дуракъ его, не лишенный впрочемъ ни ума, ни сатиры, осмѣивалъ общество съ полной свободой. Но для отца постояннымъ предметомъ

---

[1]) Н. Страховъ. Op. cit. Ч. II, стр. 22, 24.
[2]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. Литер. фонда. Т. V, стр. 27.

заботъ и самыхъ нѣжныхъ ласкъ была его ненаглядная дочь. Она превосходно танцовала, въ ея граціозныхъ движеніяхъ выражалась вся прелесть молодой души".

По свидѣтельству очевидца „графиня танцовала такъ чудно, съ такою врожденною граціею и съ такимъ благородствомъ, что движенія ея были какъ будто рѣчью, выражавшею всю простоту и прелесть ея души".

„По желанію графа она протанцовала съ шалью, потомъ цыганскую пляску, казачка, тамбуринъ и другія танцы. Послѣ каждаго она подходила къ отцу, цѣловала руку у него и у княгини (Дашковой), и онъ съ нѣжною заботливостью набрасывалъ ей на плечи шаль".

„Угощеньямъ"—говорила миссъ Вильмотъ—„не было конца. Ужинъ былъ восточной роскоши. Когда при звукахъ музыки предложенъ былъ тостъ за здоровье княгини, всѣ встали, она попросила пропѣть нѣсколько народныхъ пѣсенъ, прерываемыхъ временами громомъ музыкальнаго оркестра. По окончаніи ужина графъ всталъ, поблагодарилъ княгиню за посѣщеніе его бѣднаго домишка, провелъ ее подъ руку въ залу въ сопровожденіи всего собранія, слѣдовавшаго попарно, потомъ проводилъ до передней, гдѣ я въ первый разъ слышалъ роговую музыку, о которой мнѣ разсказывала княгиня еще въ Троицкомъ" [1]).

Такъ веселилась допожарная Москва, гдѣ дворянскій клубъ или Московское Благородное Собраніе было сборнымъ мѣстомъ русскаго дворянства.

„Это былъ настоящій съѣздъ Россіи, начиная отъ вельможи до мелкопомѣстнаго дворянина.... отъ статсъ-дамы, до скромной уѣздной невѣсты, которую родители привозили въ это собраніе съ тѣмъ, чтобы на людей посмотрѣть, а особенно себя показать и, вслѣдствіе того, выйти замужъ. Эти вторники служили для многихъ исходными днями браковъ, семейнаго счастія и блестящихъ судебъ" [2]).

„Въ Петербургѣ—сцена, въ Москвѣ зрители; въ немъ дѣйствуютъ, въ ней судятъ. И кто же находится въ числѣ зрителей?

---

[1]) Memoirs of the princess Daschkaw, p. 363–364.
[2]) Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземскаго. Т. VII, стр. 84.

Многіе люди, коихъ имена болѣе или менѣе принадлежатъ административной и государственной исторіи Россіи.

„Пожалуй, нѣкоторые изъ нихъ оказываются зрителями и судьями пристрастными, недовольными тѣмъ, что есть, потому что настоящее уже имъ не принадлежитъ и что они должны были уступить мѣсто новымъ дѣйствующимъ лицамъ. Бывшіе актеры сдѣлались нынѣ зрителями актеровъ новыхъ, но за то въ этомъ оппозиціонномъ партерѣ, какъ и во всякой оппозиціи, были живость пренія и даже страсти, но ни въ какомъ случаѣ не могло быть застоя. И кто же засѣдалъ въ этомъ партерѣ, или по крайней мѣрѣ, занималъ въ немъ первые ряды—графы Орловы, Остерманы, князья Голицыны, Долгорукіе и многія другія второстепенныя знаменитости, которыя въ свое время были дѣйствующими лицами на государственной сценѣ“ [1]).

Въ водоворотъ московской жизни того времени попалъ и единственный сынъ пріятеля Орловыхъ — В. В. Шереметева. Судьба его, конечно, служила предметомъ особыхъ заботъ его родителей. Время уже приспѣло и его нужно было снарядить въ Москву для поступленія на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Здѣсь опять графъ Алексѣй Григорьевичъ явился вѣрнымъ другомъ и покровителемъ. Онъ пріютилъ у себя въ домѣ Сергѣя Васильевича Шереметева, какъ родного, и заботливо слѣдилъ за нимъ.

На сколько внимателенъ былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, это видимъ изъ писемъ Сергѣя Васильевича къ его родителямъ. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву, онъ вступаетъ съ ними въ переписку.

„18-го доѣхалъ благополучно до Москвы“ — пишетъ Сергѣй Васильевичъ своимъ родителямъ еще 6-го декабря 1804 г. — „Отъ Хатуни дорога была очень дурная. Пріѣхавши въ Москву, нашли мы, по милости тетушкиной, квартиру очень хорошую, но только холодную.

„Въ первый день, то-есть только что пріѣхалъ, былъ у графа,

---

[1]) Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземскаго. Т. VII, стр. 83.

который меня очень благосклонно принялъ, спрашивалъ, гдѣ я остановился. Я ему отвѣтилъ, что у тетушки въ домѣ и болѣе вопросовъ на этотъ счетъ не дѣлалъ“ [1]).

Въ письмахъ своихъ онъ сообщаетъ московскія новости:

„У графа бываю довольно часто и играю всякій разъ съ графомъ въ билліардъ въ желтой горницѣ. Жмурки также еще продолжаются и нерѣдко случается, что падаютъ не благопристойно и всё Жеребцовы съ докторомъ, живущимъ у Алексѣя Григорьевича, и вчера случилось такое паденіе, что описать никакимъ образомъ нельзя, а достойно было бы видѣть самимъ“ [2]).

Повидимому, всѣ необходимые визиты Сергѣй Васильевичъ производилъ съ нѣкоторою торжественностью. Вотъ что пишетъ онъ родителямъ въ Хотавки отъ 23-го декабря 1804 года:

„Первый день праздника по утру былъ у графа, поздравлялъ его съ праздникомъ, послѣ того поѣхалъ къ Каменскому. Вечеръ былъ у графа, гдѣ былъ довольно веселый балъ, и я цѣлый день дѣлаю визиты. При семъ донесу Вамъ, что сдѣлалъ со мною графъ, который весьма ко мнѣ милостивъ.

„Наканунѣ дня, въ который я расположился дѣлать визиты, прошу я Петра Ивановича, чтобы онъ отпустилъ мнѣ тетушкину карету и что, по милости тетушкиной, я имѣю позволеніе брать ея карету, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что безъ приказанія графскаго онъ мнѣ её не смѣетъ дать, на что я ему сказалъ, чтобъ онъ объ этомъ доложилъ графу. Черезъ нѣсколько времени Петръ Ивановичъ приходитъ и говоритъ, что графъ Маріи Семеновны кареты не приказалъ дать, а приказалъ отпустить свою, за что я тотчасъ пошелъ его благодарить, но онъ мнѣ на это ничего не сказалъ, и такимъ образомъ я всѣ визиты дѣлалъ въ его каретѣ“ [3]).

Домъ Маріи Семеновны Бахметевой у самаго Донскаго монастыря въ двухъ шагахъ отъ Орловскаго дома. Въ 20-хъ годахъ онъ служилъ убѣжищемъ для семьи Шереметевыхъ, когда они живали въ Москвѣ.

---

[1]) Рукопись домашняго архива.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.

При домѣ довольно обширный садъ, существующій донынѣ. Домъ, хотя давно перешелъ въ другія руки, еще нѣсколько сохранилъ свой прежній видъ. Изъ оконъ его виденъ Донской монастырь, отъ котораго его отдѣляетъ площадь [1]). Здѣсь же подъ Донскимъ жило семейство Постниковыхъ, съ которыми впослѣдствіи очень сблизилась бабушка Екатерина Васильевна.

Сергѣй Васильевичъ продолжаетъ доносить своимъ родителямъ о новостяхъ московскихъ. Благодаря графу Алексѣю Григорьевичу пребываніе его въ Москвѣ не причиняло большихъ заботъ.

„Графъ продалъ своего Гунпудера"—пишетъ Сергѣй Васильевичъ въ Хотавки,—„и продалъ Полторацкому, кажется, что за 1500 р. На этихъ же дняхъ у графа сдѣлалось несчастіе: славный его вороной иноходецъ околѣлъ, и графъ этотъ день былъ отмѣнно сердитъ и скученъ" [2]).

Въ то время Марія Семеновна Бахметева жила въ Москвѣ. Изъ деревни Сергѣй Васильевичъ получалъ различныя для нея порученія: „Приказанія ваши исполнилъ",—пишетъ онъ родителямъ—„шаль купилъ и поднесъ тетушкѣ, чему она весьма удивилась" [3]).

3-го февраля 1805 г. пишетъ онъ въ Хотавки:

„Вчерашній день и нынѣшній [день именинъ матери] праздную я у дѣдушки (чему кажется мнѣ онъ доволенъ), равно и всѣ родные проводятъ сей день у него (Сергѣй Васильевичъ былъ любимымъ внукомъ князя Семена Сергѣевича Львова).

„Донесу вамъ", — продолжаетъ онъ о графѣ — „что онъ не очень здоровъ, къ тому же онъ имѣлъ несчастіе вывалиться изъ саней и страннымъ образомъ. Графъ стоялъ на мѣстѣ, извощичьи же сани какимъ то образомъ крюками задѣли за графскія оглобли, и сани опрокинулись. Послѣ сего паденія отмѣнно жалуется спиною и весьма слабъ на ногахъ. Ко мнѣ графъ отмѣнно милостивъ, равно графиня и всѣ окружающіе. Теперь ѣздитъ еще новый танцмейстеръ Дейбель, который учитъ всѣ польскіе танцы

---

[1]) „Донское поле" передъ монастыремъ называлось также Орловскимъ полемъ.

[2]) Рукопись домашняго архива.

[3]) Ibidem.

и нѣкоторые еще новые. Графъ меня заставилъ тоже учиться; еще донесу вамъ, что графъ записалъ меня въ собраніе, заплативъ за меня деньги, то я теперь и не знаю, долженъ ли я буду оныя деньги возвратить? Мнѣ кажется, что, ежели я ему возвращу, онъ можетъ онымъ обидиться" [1]).

10-го февраля 1805 г. Сергѣй Васильевичъ пишетъ:

„О новостяхъ нашихъ донесу вамъ, милостивые государи, не много не пріятнаго, но что Москва лишилась трехъ старцевъ, а именно: графъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, Иванъ Ивановичъ Масловъ и Алексѣй Григорьевичъ Соловой, который умеръ скоропостижно" [2]).

О томъ же извѣщаетъ П. В. Завадовскій графа А. Р. Воронцова отъ 10-го февраля 1805 г.:

„Въ древности московской въ одинъ день два столба рушившіеся, я воображаю, пошатнули Остермана и князя Голицына, яко очередныхъ. Здѣсь уморили было графа Алексѣя Григорьевича Орлова, по сходству имени съ Соловымъ. Слѣпой почеркъ А. А. Беклешева былъ тому причиной" [3]).

Въ апрѣлѣ 1805 г. отъ 20-го числа графъ Алексѣй Григорьевичъ пишетъ Василію Владимировичу, поздравляя его съ свѣтлымъ праздникомъ:

„Христосъ Воскресе! Василію Володимировичу со всею твоею благодатною семьею здравія желаю и съ праздникомъ поздравляю и заочно тебя отъ искренности обнимаю и цѣлую дружески, желая, чтобъ вы несчетные годы во всякомъ благополучіи, какъ праздники, также и всю вашу жизнь препроводили! Аминь. Я не могу похвалиться здоровьемъ, да уже и лѣты такія. Во весь праздникъ выѣзжалъ только одинъ разъ подъ Дѣвичье въ каретѣ. Дочь моя свидѣтельствуетъ вамъ свое искреннее почтеніе. Марья Семеновна довольно здорова и вчерась ужинала у меня. Признаюсь, что жилище ея не самое лучшее. Я-жъ предлагалъ нѣсколько разъ, чтобъ переѣхала для покоя, но никакъ не намѣрена никакого предложенія принимать, и да будетъ такъ, какъ желается. У насъ

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.
[2]) Ibidem.
[3]) Архивъ князя Воронцова, кн. XII, стр. 298.

же на 2-е мая положено въ призъ пятьсотъ рублевъ и подписали пять лошадей: Мосолова 2-е, Всеволожскаго 1-го, да моихъ двѣ. Желательно, чтобъ погода благополучна была. Какъ-то ваши скачки будутъ, а я желаю, чтобъ ваши лошади передъ другими отличились. Я-жъ есмь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ покорный и охотный слуга графъ А. Орловъ-Чесменскій.

„Ввечеру. А у насъ здѣсь много и вракъ, а вотъ это правда, что у меня финляндская деревня взбунтовалась, не слушаются и сенатскаго указа, ниже губернаторскаго повелѣнія, хотя команда егарская и поставлена, но они, сталпливаясь, не хотятъ повиноваться“ [1]).

Въ маѣ 1805 года на гуляньѣ въ Сокольникахъ появился по обыкновенію Алексѣй Григорьевичъ. Жихаревъ оставилъ намъ подробное описаніе его выѣзда на любимое московское народное гулянье. Народъ толпившійся нетерпѣливо посматривалъ къ сторонѣ заставы и, казалось, чего-то нетерпѣливо поджидалъ, какъ вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ: „ѣдетъ! ѣдетъ!“—пронесся по окрестности. И вотъ началось шествіе необыкновеннаго, торжественнаго поѣзда, безъ котораго, какъ говорили, гулянье 1 мая было бы не въ гулянье. Впереди на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ, „Свирѣпомъ“, какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными камнями. Немного поодаль на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ... и множество другихъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа не менѣе сорока человѣкъ, изъ коихъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженныя цугами и четвернями одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитою, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.

разнородныхъ экипажей представляетъ точно необыкновенно великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную.

„Впрочемъ сказываютъ, что графъ Орловъ и ни однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе Москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ и, какъ настоящій русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями — скачками, бѣгами, цыганскими пѣснями и плясками и проч., обращаетъ ихъ также въ потѣху народа и какъ будто раздѣляетъ съ ними преимущества, судьбою ему предназначенныя" [1]).

„Сейчасъ со скачки",—записываетъ Жихаревъ въ 1806 году.— „Скакало восемь лошадей; выигралъ рыжій жеребецъ Витязь, принадлежащій Мосоловымъ и собственнаго ихъ завода. Славная лошадь! Отъ Юби. По окончаніи перваго гита, когда стали взвѣшивать ѣздока и обтирать лошадь, графъ Орловъ сходилъ съ эстрады и долго любовался побѣдителемъ... Графъ Орловъ подозвалъ къ себѣ Мосоловыхъ и поздравлялъ ихъ. Сказывали, что онъ только съ ними держитъ заклады на деньги, съ другими же охотниками бьется на одни калачи. Братья Мосоловы очень умные люди, знающіе охотники и ведутъ дѣла свои аккуратно" [2]).

Братья Мосоловы — это ближайшіе сосѣди Шереметевыхъ по Хотавкамъ.

Въ томъ же 1806 году побывалъ въ Москвѣ англійскій путешественникъ Ker Porter. Онъ описываетъ праздникъ, данный графомъ А. Г. Орловымъ въ день рожденія своей дочери. Вотъ отзывъ его объ Аннѣ Алексѣевнѣ:

„Она любезна и благовоспитанна (accomplisched) и во всѣхъ отношеніяхъ возбуждаетъ уваженіе при ея положеніи и богатствѣ. Я повиновался ея требованію около 2-хъ часовъ дня и нашелъ чудный домъ отца ея уже наполненнымъ блестящими представителями Московскаго Дворянства.

„Звѣзды сіяли по разнымъ направленіямъ, ленты и мундиры различныхъ цвѣтовъ, украшенные золотомъ и серебромъ бросались въ глаза на каждомъ поворотѣ. Все придавало всему неописуемое велико-

---

[1]) Записки С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 45—46.
[2]) Idid., стр. 176.

лѣпіе. Дамы сіяли всѣми брилліантами, жемчугами и красотою, столько же подлинною, сколько искусственною, горячо привѣтствовали молодую хозяйку по случаю ея рожденія.

„Засимъ послѣдовалъ роскошный обѣдъ съ царственнымъ великолѣпіемъ.—Музыка вокальная и инструментальная раздавалась со всѣхъ сторонъ, а когда пили за здоровье хозяйки—раздались звуки трубъ и турецкихъ барабановъ, громомъ своимъ заглушая веселыя отдаленныя рѣчи. .

„Около 5 часовъ пополудни весь небосклонъ звѣздъ двинулся на бѣга—версты за двѣ отъ дома. Они были устроены въ подражаніе нашимъ и лошади пускались въ томъ же родѣ за исключеніемъ внѣшности ѣздоковъ. Заводъ составленъ очень хорошо и очень обширенъ. Вечеръ закончился чуднымъ баломъ, на которомъ графиня по обычаю отличалась привѣтливостью и простодушіемъ (urbanity). Въ самомъ дѣлѣ всѣ увеселенія дня были достойны прелестнаго предмета чествованія. Я не буду причинять вамъ муковъ Тантала, вамъ столь большаго поклонника гармоніи и и граціи и нѣжной красоты, называя вамъ кого-либо изъ присутствующихъ изумительныхъ волшебницъ“ [1])...

Здѣсь собрано было то блестящее общество Москвы до-пожарной, о которой дошли до насъ краснорѣчивые отзывы современниковъ. Къ этому обществу принадлежали и Шереметевы, несмотря на относительно скромное свое положеніе. Къ тому же дочери Василія Владимировича и Анны Семеновны, Екатерина и Марья Васильевны, подруги Анны Алексѣевны, не принадлежали къ типу исключительно свѣтскихъ дѣвицъ. Онѣ жили внутреннею жизнью, связанныя между собою тѣсною дружбой. Старшая изъ нихъ Екатерина Васильевна съ молодыхъ лѣтъ пристрастилась къ книгамъ и къ музыкѣ.

Это было вообще явленіе не заурядное, и современники её замѣтили. Она можетъ служить предметомъ особаго изученія. Она выросла въ крѣпкой и дружной семьѣ стараго быта, на глазахъ у матери, которая была не только мать семейства, но и нравственная связь и сила его. О такихъ женщинахъ, говоритъ князь Вяземскій, молчать не слѣдуетъ:

[1]) Robert ker Porter. Op. cit. T. I, p. 212—214.

„Не худо иногда сравнивать настоящее время съ минувшимъ и провѣрять себя, т.-е. человѣка. При этомъ все хорошее, добытое новыми поколѣніями при нихъ и остается; никто и ничто не можетъ посягнуть на него. Но при сравненіи, при провѣркѣ, если что-нибудь окажется не совсѣмъ удавшимся, если окажется гдѣ-нибудь пробѣлъ, то почему не позаимствовать у минувшаго то, что не сокрушитъ, не измѣнитъ, не ослабитъ настоящаго, а напротивъ можетъ служить ему опорою и цѣлебною силою?“ [1]).

Еще 4-го января 1806 г. пишетъ брату своему въ Москву Екатерина Васильевна Шереметева и даетъ ему разныя порученія. Письмо это начинается такъ:

„Contes du château	1.50.	2 vol.
Contes de la chaumière	1.58.	2 vol.
Lucie Osmond	1.50.	2 vol.
Senora di gesner.	6.	3 vol.
Rosa Summers	6.	4 vol.
La comiphonie ou les femmes dans le delire	1.50.	
à M-me Bachmetief:		
Histoire de la dame invisible .	2.50.	

„Informez vous, mon cher, de ce que coute l'abonement et dans quelle librairie on peut le faire. L'ayant trouvé, prenez un catalogue des livres qui s'y trouvent et envoyez le nous. Est ce vous qui avez marqué dans le supplément de Gauthier les atlas? La correspondance poli et confidentielle de Louis XVI avec ses frères et le cours d'études encyclopédique, contenant 64 planches. Le tout monte jusqu'à 109 roubles. Faites moi savoir, je vous prie ce que c'est que cette abreviation dans le catalogue: fig. j'avais pris cela pour figure, mais aussi je crois que sela ne peut pas être, car les cartes marquées sont avec 18 fig. et pour tant de gravures le prix est trop bas. Ne faites part de cela à personne, car j'ai honte de mon ignorance. Je vous renvois le cata-

---

[1]) Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземскаго. Т. VII, стр. 499.

logue. Nos livres couteront 18 roubles. Ce que coute celui de ma Tante vous le voyez. La comiphonie est pour elle aussi, dans le total de notre compte ne monte que jusqu'à 16 roubles 30. On ne m'ordonne pas de vous envoyer le catalogue, donc il reste içi. Papa et maman vous embrassent, ils se portent grâce à Dieu bien. Ma tante vous prie de l'informer si vous avez reçu sa lettre pour m-me Kazlof et ou se trouve la dite madame (à la Grosset).

„Tous Vous disent un million de jolies choses". Avez vous jamais reçu de lettre aussi bête? au moins d'aussi singulière. Les demoiselles Gretchinof sont pour le moment içi; l'ainée dit la bonne aventure et que vous êtes „въ почтенномъ домѣ", et plusieurs autres choses. Donc nous savons maintenant tout ce qui vous conserne. Adieu. bien mes compliments à tous nos amis. Portez vous bien et dansez beaucoup. Ma soeur vous fait dire bien des jolies choses" [1]).

Въ письмѣ этомъ чувствуется намекъ. Въ Хотавкахъ могли догадываться, что Сергѣй Васильевичъ былъ увлеченъ. Въ то время въ московскомъ свѣтѣ блистала красотой Варвара Петровна Алмазова [2]).

У родителей ея въ Москвѣ былъ домъ на Басманной и подмосковное село Вёшки, въ которомъ они проводили лѣто. Сюда наѣзжалъ Сергѣй Васильевичъ, уже серiозно думая о бракѣ. Они вели переписку, которую изъ предосторожности помѣщали въ дупло стараго дерева. Намекъ замѣтенъ и въ письмѣ Марьи Васильевны къ брату:

„Je vous remercie du fond de mon coeur mon cher S. pour votre souvenir. Toutes les assurances que vous me donnez sont tout à fait inutiles d'après l'éducation et les principes que nous avons reçu, je ne doute nullement que vous pensiez autrement.

„Ma soeur nous mande, mon bon ami des mariages qui se font et vous ne me dites rien, mon cher de la noce de S. Almazoff avec le prince Kassatkine. Quoique ce n'est bas Bibi (Варвара Петровна) mais du moins, c'est la cadette... je crois que vous n'êtes pas faché, mon cher, que la seconde ait echappé au sort. Бабушку Сидоровну отъ меня поцѣлуйте" [3]).

---

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго

[2]) Записки Ф. Ф. Вигеля. С.-Пб., 1892 г, ч. IV, стр. 67.

[3]) Рукопись Архива села Михайловскаго.

мировичу еще принадлежало село Шереметевка — нынѣ богатое село Аткарскаго уѣзда, въ 10 верстахъ отъ Баланды.

Василій Владимировичъ Шереметевъ скончался въ Москвѣ весною во время распутицы. Это побудило похоронить его въ Новоспасскомъ монастырѣ, а не въ семейной усыпальницѣ Саввина Сторожевскаго монастыря. Памятникъ на могилѣ его сдѣланъ по рисунку Екатерины Васильевны.

Въ февралѣ слѣдующаго года въ семьѣ Василія Владимировича совершилось крупное событіе. Сынъ его Сергѣй Васильевичъ помолвленъ былъ на Варварѣ Петровнѣ Алмазовой. Въ памятной книжкѣ послѣдней записано:

„Lundi. 11-го февраля 1807. Il a parlé". Mardi 1807. J'ai repondu. Vendredi le 15. J'ai parlé à Papa, mon sort a été décidé".

Въ той-же книжкѣ записано:

„Le 3. lundi. 1807: je me suis mariée à 8 heures du soir (Іюнь) a 23. vendredi, nous sommes pour la première fois à la campagne de Сергѣй Васильевичъ à Хотавки.

„18-го декабря 1807 г.: „Nous sommes partis de Хотавки. Mercredi le 13. vendredi. Nous avons déménagé dans notre nouvelle maison, le même jour arrivé de la campagne.

Вслѣдъ затѣмъ: „Машеньку крестили 1808 г. 6-го апрѣля въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ въ ч. пополуночи. Крестили папенька съ матушкой Анной Семеновной, братъ Николай съ тетушкой Марьей Семеновной" [1]).

Могъ ли графъ Алексѣй Григорьевичъ оставаться равнодушнымъ къ свадьбѣ Сергѣя Васильевича: самъ онъ дряхлѣлъ и дни его были сочтены. Но еще въ 1807 году мы находимъ слѣды его постоянной заботливости къ хозяйственнымъ нуждамъ и преимущественно къ любимому созданію своему — конному заводу.

„Кабанову Терентьичу добраго здоровья!" — пишетъ онъ своему управителю. „Фарфороваго я продалъ... хорошо, что ты похваляешь молодыхъ въ упряжкѣ; не вели ихъ затарапливать въ ѣздѣ... Одинъ Холстомѣръ не совсѣмъ еще исправился, нерѣдко приталкиваетъ; а Воронецъ обѣгаетъ кобылы А. А. Чесменскаго" [2]).

[1]) Рукопись Архива села Михайловскаго.
[2]) Русскій Архивъ 1877 г., кн. I, стр. 570.

находился регулярный садъ съ множествомъ бесѣдокъ и разныхъ домиковъ, а предъ домомъ обширнѣйшее мѣсто съ нѣсколькими прудами, а за ними увидѣлъ рѣку Пахру, протекающую прекрасною излучиной, а за оною по сторонамъ прекрасный лѣсъ и рощи.

„Словомъ положеніе мѣста было пышное и такое, что я инако оное, равно какъ и все то, что имъ сдѣлано было, хвалить былъ долженъ. Для жительства мнѣ отведена была одна бесѣдка въ саду его, чѣмъ я былъ доволенъ".

Сюда переѣхала Анна Семеновна по сосѣдству къ сестрѣ, поселившейся въ с. Кондратьевѣ. Съ нею переѣхала и старая нянька Арина Сидорова, на рукахъ у которой подросло и второе поколѣніе—внучатъ Анны Семеновны. Жизнь въ Михайловскомъ, бумаги и переписка того времени войдутъ въ составъ второго тома Михайловскаго архива, когда выдѣляется положеніе Екатерины Васильевны, какъ истиннаго средоточія семьи. Какъ здѣсь связующимъ звеномъ является графъ А. Г. Орловъ, такъ во второмъ томѣ таковымъ должна быть „собесѣдница" его — Екатерина Васильевна Шереметева.

Покупка Михайловскаго не облегчила положенія; но мы должны вернуться къ графу А. Г. Орлову. Кончина его была событіемъ въ Москвѣ.

Дочь его Анна Алексѣевна упала безъ чувствъ и долго не могла прійти въ себя. Роковой ударъ отразился на всей ея жизни.

Знаменательно то, что̀ случилось въ самый день его погребенія.

Въ домѣ Орлова жилъ сержантъ Изотовъ, нѣкогда онъ спасъ отъ смерти Орлова, уже лѣтъ 30 жилъ въ его домѣ, получалъ отъ него пенсію и содержаніе.

„Въ день погребенія, когда Орловъ лежалъ въ парадѣ, Изотовъ тотчасъ предсталъ въ залъ въ мундирѣ Екатерининскихъ временъ. Грудь его украшена была многими медалями. Онъ сталъ съ прочими у гроба, чтобы нести его черезъ комнаты и по лѣстницѣ внизъ на одръ. Вельможи и другіе знатные господа, собравшіеся для выноса покойнаго графа, сказали ему, чтобы онъ удалился, почитая его слишкомъ слабымъ для несенія гроба. Но 80-тилѣт-

ній старикъ, не внимая сему совѣту, съ сокрушеннымъ сердцемъ и обливаясь слезами, отвѣтствовалъ имъ, что ему достанетъ еще силъ отдать послѣдній долгъ господину своему. Онъ присоединился къ тѣлоносцамъ, украшеннымъ кавалеріями и неутѣшно плакалъ и рыдалъ и болѣе всѣхъ старался нести гробъ по лѣстницѣ. Прощаясь онъ произнесъ: „Думалъ ли я, что я тебя переживу?“ Сказавши сіе, онъ упалъ на томъ же мѣстѣ въ обморокъ и черезъ нѣсколько минутъ умеръ“ [1]).

Біографъ брата, графа В. Г. Орлова, говоритъ:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ и въ послѣднія минуты жизни явилъ большую твердость духа“.

Митрополитъ Платонъ пишетъ къ своему викарію преосвященному Августину изъ Виѳаніи отъ 26-го декабря 1807 г.: „Графъ Орловъ умеръ; меня присылали звать, но я могъ ли согласиться по слабости моей“.

Предсмертныя страданія его были такъ невыносимы, что признано было нужнымъ заставлять громко играть оркестръ, чтобъ на улицѣ не были слышны ужасные стоны умирающаго.

„Герой Чесмы почилъ 24-го декабря 1807 г. Вѣсть объ его смерти съ быстротою телеграфа пронеслась по всему городу, отъ Серпуховской заставы до противоположныхъ окраинъ Москвы, и народъ приходилъ толпами проститься съ своимъ любимцемъ, лежавшимъ въ большой залѣ на высокомъ катафалкѣ“.

Въ 1807 г. ему минуло 72 года. „До самыхъ преклонныхъ лѣтъ въ немъ сохранилась удивительная, можно сказать, исполинская сила, та же ясность воззрѣній и стойкость характера. Приближаясь къ смерти, Чесменскій герой дѣлался все нѣжнѣе къ единственной, страстно имъ любимой дочери и заботился объ ея будущей участи“ [2]).

Сама графиня Анна Алексѣевна въ письмѣ своемъ къ дядѣ, уже послѣ кончины графа Алексѣя Григорьевича, говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„Родитель мой, который за два дня кончины своей призывалъ

---

[1]) С. Ушаковъ. Op. cit. Ч. III, стр. 102—103.
[2]) Графъ Орловъ-Давыдовъ. Op. cit. Т. II, стр. 181—183.

2101068S1
STK
SST:5S

CAT:MEn cPre56 o56-67 oCU xxNYSL Exchange

Arkhiv sela Mikhailcvskogo. S.-Peterburg, tip. M.M. Stasiulevicha, 1898.
v.

OED:05/29/75 ADD:01
PRO:FS SI:MS BAC:NKA001 SNI:2
VENDOR:GPI
REQ. BY:WZ PR:r. 40.00

1.1 MRI.01/23/76 *KE.01/23/76 v.1

70 09054

CP:RUR L:RUS REC:AT CI: MS:

PRNT:
ETC:
MASH:

INPUT BY:

DATE:

Свѣдѣнія о средѣ, въ которой вращался Орловъ, сохранившіяся въ бумагахъ Михайловскаго архива, не лишены подробностей, освѣщающихъ бытовую сторону семейной жизни и интересовъ русской дворянской семьи начала XIX столѣтія.

Графъ Сергій Шереметевъ.

С. Михайловское
8-го іюля 1894 г

«Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышатъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда по крайней мѣрѣ на ту минуту проговаривающейся рукою... Записки все-таки ни что иное, какъ обдуманное возсозданіе жизни. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея..

«Всѣ эти заботы, радости, скорби, эти мимолетныя исповѣди, надежды, сожалѣнія; всѣ эти, едва уловимые оттѣнки, которые въ свое время имѣли такую полную дѣйствительность, все это и самыя лица, запечатлѣвшія ихъ, за скрѣпою руки и души своей, все это давно увлечено потокомъ времени, все это сдано въ архивъ давно минувшихъ дѣлъ, или вовсе предано забвенію и въ жертву настоящему».

Кн. П. А. Вяземскій. О письмахъ Карамзина.

I.

ПИСЬМА

графа Алексѣя Григорьевича

Орлова-Чесменскаго

къ Мартемьяну Семеновичу Рожину.

1.

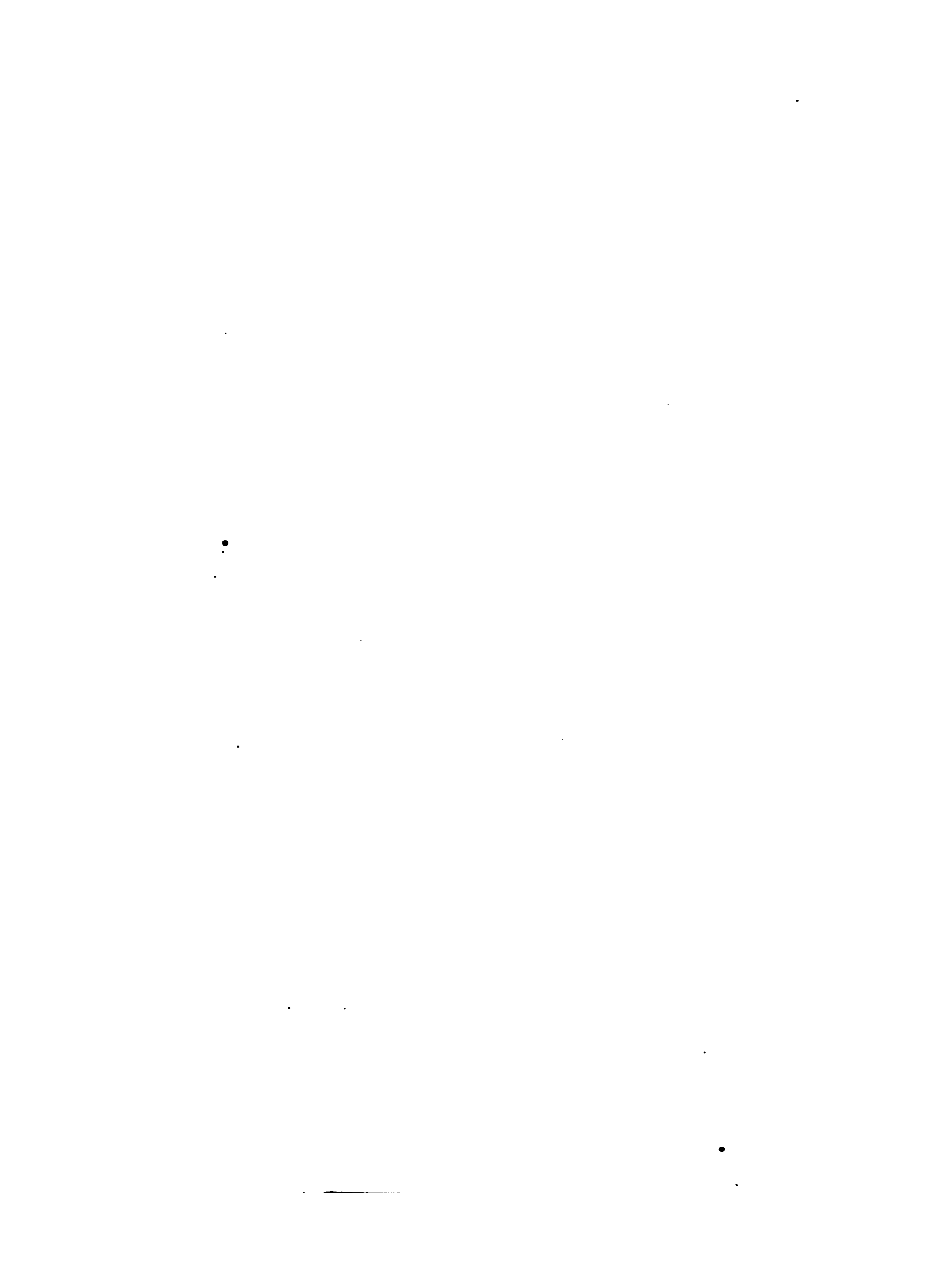
7/18-го февраля 1797 г. Гродно.

Здраствуй, любезной і сердечной другъ, даруй Боже, чтобъ си строки тебя нашли і со всемъ тебе принадлежащемъ во всякомъ благополучи. Мы жъ, благодаря Господа, ізрядны. Нинушка моя повытинула, выкрежила [1]). А какъ Анна Николаевна [2]) отъ тебя получила писмо і увидела што ты здоровъ, такъ она распрыгалась, што надобно было еіо унять. То і кричитъ: слава Богу што ты здаровъ і говоритъ, ехъ кабы онъ съ нами былъ, тото бы весело было. Александра выздоровелъ. Я жъ, благодаря Господа, сталъ помаленку оправлятся і могу ноги мои употреблять до пети сотъ шеговъ, а после отдыхаю. Все жъ находящиеся при мне здаровы. Кибитки свои продавать стали, только врядъ можно будетъ третью долю взять што стоютъ. Писмо твое, любезной другъ, я читалъ і благодарилъ Всевышнего за тебя, што онъ сохраняетъ, по благости своей. І впредь на ево светую волю все упование мое возлагаю і что онъ даруетъ намъ опять другъ друга видеть і дружески облобызать. Меня жъ теперъ скука і нетерпение не много беспокоятъ і желается, какъ возможно, чтобъ поскорея уехать. Но, къ неудовольствию моему, карета еще не приехала, хотя она уже і в дороге. Отсель, мой любезной другъ, болея отъ меня писемъ не получишь. За все твои дружескія ко мне увереніи благодарю не словами і не на бумаге, но в глубине моего серца

---

[1]) Дочь графа Алексѣя Григорьевича, графиня Анна Алексѣевна. Ей было въ то время безъ малаго 12 лѣтъ. *А. Б.*

[2]) Анна Николаевна Піотровская, рожд. Соболевская. *А. К.*

1.

7/18-го февраля 1797 г. Гродно.

Здраствуй, любезной і сердечной другъ, даруй Боже, чтобъ си строки тебя нашли і со всемъ тебе принадлежащемъ во всякомъ благополучи. Мы жъ, благодаря Господа, ізрядны. Нинушка моя повытипула, выкрежила [1]). А какъ Анна Николаевна [2]) отъ тебя получила писмо і увидела што ты здоровъ, такъ она распрыгалась, што надобно было еіô унять. То і кричитъ: слава Богу што ты здаровъ і говоритъ, ехъ кабы онъ съ нами былъ, тото бы весело было. Александра выздоровелъ. Я жъ, благодаря Господа, сталъ помаленку оправлятся і могу ноги мои употреблять до пети сотъ шеговъ, а после отдыхаю. Все жъ находящияся при мне здаровы. Кибитки свои продавать стали, только врядъ можно будетъ третью долю взять што стоютъ. Писмо твое, любезной другъ, я читалъ і благодарилъ Всевышнего за тебя, што онъ сохраняетъ, по благости своей. І впредь на ево светую волю все упование мое возлагаю і что онъ даруетъ намъ опять другъ друга видеть і дружески облобызать. Меня жъ теперъ скука і нетерпение не много беспокоятъ і желается, какъ возможно, чтобъ поскорея уехать. Но, къ неудовольствию моему, карета еще не приехала, хотя она уже і в дороге. Отсель, мой любезной другъ, болея отъ меня писемъ не получишь. За все твои дружеския ко мне уверенiи благодарю не словами і не на бумаге, но в глубине моего серца

---

[1]) Дочь графа Алексѣя Григорьевича, графиня Анна Алексѣевна. Ей было въ то время безъ малаго 12 лѣтъ. *А. Б.*

[2]) Анна Николаевна Піотровская, рожд. Соболевская. *А. К.*

і всехъ моихъ чувствованій. Буде Господу будетъ угодно, когда увидимся живы і здоровы, тогда ты самъ скажешь, што я істинну тебе говорю і нелицемерно тебе друженъ. Болея писать унимаюсь: серце разчувствовалось обо всехъ обстоятельствахъ. І такъ, лутче оставить. Хозяевамъ своимъ, отъ мала і до велика, свидетельствую мое іскреннее почтение. А я есмь съ істиннымъ моимъ почтениемъ, какъ былъ, такъ і пребуду другъ і слуга Гра: А: Ор: Че.

Хотелъ тебѣ шутку сказать, што чорныхъ собакъ і здесь много, а я іхъ і в Москве не любилъ.

Анна Николаевна приметила, што твое писмо было распечатавано, какъ то пакетъ подпалили отъ неосторожности. Заошно тебя дружески обнимаю. Аминь. Із прескушной Гродни.

2.

12/23-го февраля 1797 г Гродно.

Гродню, третьева дня, оставили, переехавъ реку. С повозками вчерась мыісправились, а севодне пускаемся, передъ обедомъ, в путь. Помолитесь о насъ грешныхъ, а мы молимъ об васъ і обо всехъ православныхъ християнахъ. Да даруетъ Господь милость свою, здоровье, спокоиствие і удовольствие со всеми тебе ближними і надобными. Я жъ, благодаря Господа, сталъ погами моими поправлятся. Сопутники мои, благодарить Господа, доволно здаровы. Писалъ ты к Анне Николаевне о негодяе Егорке Мартынове, што об немъ плутце много говорить нечево. Она сказывала, што онъ с мастеровыхъ взялъ обезательствы, а самъ никакова договору не далъ, то в такомъ случае, я думаю, і мастеровыя, какъ прикащики і сиделцы, не обязываются і свои обезательствы выполнять, і могутъ в вышнемъ правленіи свою защиту іскать; а в противномъ случае, непаково будетъ самимъ пенять. Што же онъ много табакерокъ перепакастилъ, і буде еще останется, впередь можетъ и больше хозяевамъ вреда наделать. Я думаю, што многия уже і разходятся із работниковъ. Я бъ советовалъ хозяевамъ лутче фабрику продать. Пусть же онъ себе останется не в дей-

ствіи, іли другова поискать, которой бы лутче могъ смотреть. А без договора і обезательства я бъ не советовалъ никово не определять на место; тогда бъ, как смотрителю такъ і рабочимъ было бъ спокойнея и выгоднея, чтобъ каждой зналъ што получить а другой бы зналъ што выдать. Тогда бъ і табакеркамъ можно цену прибавить. Об отце жъ ево Ан: Ни: не вразумляется. Што тебе сказать, любезно сердечному моему другу? Мы все часто об тебе вспоминаемъ. Нету коровы, которая бъ не напоминала твоей охоты. А в Прусіи, сказываютъ, зделано у всехъ хозяевъ: коровъ переписать на пропитанье, оставить по две, а з достальныхъ брать по три талера іли отдавать другимъ, в хозяйственное смотреніе. Я все молю Господа, спаси благочестивыя і услыши ны. А вотъ што еще сказать, што чорныя собаки поиски свои імеютъ. А хлопочекъ мой здоровъ. А мы часто загадываемъ на бобахъ: выходитъ завсегда дурно. Шумъ в голове і тяжело на серце. У насъ слышно, што у князя Якова нездорово. Я об немъ сожелею. Весна приходитъ, а голуби і собаки у нево зачумели; да можетъ быть, і в другихъ местах заразили іли заразятъ. Кто какъ остороженъ ни буть, а уберечся от онаго никому нелзя будетъ. Вотъ пустяковъ какихъ вамъ наболталъ! Adio, amici cari, arivedersi. Лошеди впрежены. Мы о васъ, а вы о насъ да помолимся!

Въ концѣ письма слѣдующая приписка рукою графини Анны Алексѣевны:

Милая мая! Мы, славу Богу, довольно здаровы. Дай Боже, чтобъ и вы были здаровы и веселы. А атъ меня прошу покланится хозяивамъ и з детками и всѣмъ собѣседницамъ. И маминька вамъ засвидѣтельствуетъ свой нижайшей поклонъ. Астаюсь съ сыскренымъ моимъ почтеніемъ и с польною любовію

Журналистъ.

Письмо было сложено пакетомъ, запечатано черносюргучною печатью и надписано рукою графа Орлова-Чесменскаго такъ: „Господину Рожину“. А. Б.

3.

3/14-го марта 1797 г. Дрезденъ.

Ну, вотъ вамъ і из Дрездена. Где то мое писмо тебя, мои любезной другъ, застанетъ? Молю Господа, чтобы ты былъ здоровъ і благополученъ со всемъ, што тебѣ мило і любезно. Мы доехали вчерашнего числа, благодаря Господа, все здаровы і беседа моя довольно весела. Ізбавь тебя, Боже, чтобъ ты часто такъ ікалъ, какъ мы часто тебя поминаемъ. А сколко мы об тебе мыслимъ, самъ милостиво ізволь разсудить: Нинушка моя і пешкомъ ідучи, всегда говоритъ—ну, когда бъ онъ намъ встречу попался, какъ бы я к нему бросилась на шею, ухватила бъ за уши і расцеловала бъ. Я сказалъ: ты бъ могла і повалить ево. В ответъ мне сказала: нетъ, ничево; для такова друга можно і десять разъ повалится, лишбы толко вместе быть.

Право, она тебя не на шутку любитъ. І я тожъ скажу, когда бъ ты, любезной другъ, с нами былъ, наша бъ беседа еще въ десеть разъ веселея была. Приезжай ко, мы тебя сливками і свежимъ маслицомъ потчивать будемъ. А сколько оному у насъ радости будетъ, ты онаго представить себе не можешь. На почту посылалъ осведомится, нет ли писемъ. Но на почтовомъ дворе никово не застали. Дожидаясь с нетерпеніемъ іметь ізвестие о вашемъ благосостояніи, даруй мне, Боже, о васъ радошныя вести іметь, што я отъ милости ево светой і уповаю. Право, не шутя, приезжай. Я коровою тебя подарю і молоко стану покупать, ни дорого, ни дешево, а именно буде станешь доить, што запросишь, то і заплачу. А за то бы у насъ веселья болше прибыло. Вотъ тебе отъ всей моей беседы чистосердечное желание. Кланейся, любезной другъ, хозяевамъ своимъ і поцалуйте другъ друга за меня. Я думаю, не имеете притчины сказать мне, што я мало к вамъ пишу і редко. Представте жъ мое состояние, што я одно только писмо от тебя получилъ. А з дороги писалъ в Лейбцигъ, буде тамо писмо есть, чтобъ сюда прислали. Мы здесь пробудемъ самъ не знаю сколько. Хочется отдохнуть. Да мне сказали, што

Алексей Семенычь Пушкинъ [1]) здесь. Завтре ево отыщу. Сталъ же я в прежнемъ трактире. Хозяина уже не засталъ, а жива хозяйка, которая очень обрадовалась. А в Лейбциге в знакомомъ моемъ трактире хозяева померли. Ну, што тебе, любезной другъ, сказать? А скажу тебе, што я тебя люблю, почитаю і друженъ. Буть толко ты таковъ ко мне, каковъ я к тебе. Прости, мой милой і любезной другъ, до свиданія. Даруй только, Боже, благополучнымъ увидется. А я заошно тебя дружески і любезно обнимаю, моля Господа, да сохранитъ і помилуетъ всехъ васъ. Аминь. Я надеюсь, што Дворъ теперь уже въ Москву пріѣхалъ. У васъ должно быть весело, што то будетъ. Егорка Мартыновъ унимается ли отъ своей дурости? Хочу тебе смехъ сказать. А. А. хотелось было табакерошную фабрику в Бреславле посмотреть, но хозяина нашелъ грубияна, которой ему ничево не показалъ і онъ домой пришолъ не очень доволенъ. Когда увидишь, можешь ему посмеятся. Кланяйся от меня, буде увидишь, куме, дяде, тіоте, Сергапушкѣ і всемъ, кому разсудишь. А юныя мои завтре збираются ехать в театръ. А бывши в Бреславле, ради были, што домой приехали. Кланейся особливо і чинехонко Марье Семеновне і обе ручки за меня поцалуй. Adio amico caro e carisimo il diowi conservi persempre.

Письмо было сложено пакетомъ, запечатано черносюргучною печатью и надписано собственною рукою графа Алексѣя Григорьевича такъ: „Его высокоблагородію Господину Рожину“. А Б.

4.

14/25-го марта 1797 г. Лейпцигъ.

Здраствуй, мой милой і любезной другъ. Почтенное твое писмо, отъ 17: Февраля імелъ удоволствие получить, іс котораго ясно могъ видеть, што ты не мало беспокоенъ і озабоченъ со стороны Аѳонасича. Буде ты і войдешь съ нимъ в переписку,

---

[1]) Не графъ ли Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ (р. 1730 г., ум. 1817 г.), внукъ Петровскаго начальника Монастырь-Приказа графа Ивана Алексѣевича? *А. Б.*

[illegible] [illegible] остерегатись іметь і на бумаге, чтобъ не [illegible] і не [illegible] было да не к чему бы было і [illegible] делать. Я [illegible] [illegible] остерегатись іметь і [illegible] [illegible] [illegible]... [1] [illegible]; а я [illegible] моей его будетъ [illegible] [illegible]. Здесь довольно перебесились на мой щетъ. Всѣ предлагаютъ, чтобы я здесь поселился. Я же імъ в отвѣтъ говорю, што они с ума сошли, што хотятъ меня неверным государю і отечеству зделать. Есльбы такъ поступить, такъ лучше денного света не видеть. Вотъ какъ все именно, которые непременно. Даруй, Боже, чтобъ ся все скорей [illegible] тебя і со всеми любящими тебя [illegible]... [2].

5.

9-го апрѣля / 28-го марта [illegible] г. [illegible]

Челомъ бьемъ господину Роману і со всеми его [illegible]. Што с вами зделаю? Куда на васъ опеляцию подавать? Я думаю к великому четвергу. А какъ вы гости, можетъ быть, то імею честь васъ всехъ поз(дравить). Даруй, Боже, телу — на здоровье, а душе — на спасение. Я жъ, благодаря Господа, і со всеми при мне находящимися довольно здоровъ, ісключая твоей дочки: она захворала горломъ, какъ нибудь простудилась. Я жъ всякой день [illegible] [3]) на лошадей, купилъ себе рыжинькаго с чалиною [illegible]. Тебе, какъ охотнику, сообщаю: лошадей сюда много навели і есть между оными довольно добрыхъ лошадей, только і цены дороги. Я думаю, естли бъ ты оныхъ виделъ, і для себя бъ могъ выбрать. Живописца, пожалуйста, уверь, естли онъ будетъ отпущенъ, то я за хозяина его могу поручится, што онъ с радостью его приметъ. Хотя, какъ ты пишешь, што онъ получаетъ охоту [illegible], но кто жъ охоту не грешенъ. Лишь бы только онъ все такой же былъ веренъ. А впротчемъ, і самъ хозяинъ можетъ

---

[1]) Нижняя, большая часть письма, строкъ въ шесть, пять, оторвана. А. Б.
[2]) Конца письма недостаетъ. А. Б.
[3]) Отъ слова [illegible]=[illegible], [illegible], [illegible]. А. Б.

ево подчивать, і в ономъ можешь ево уверить, лиш бы пилъ со вкусомъ і не слишкомъ допьяна, а в росхмель. Онъ хорошъ бывалъ і забавенъ. Не Чеглыкову чета. Даруй, Боже, чтобъ ето мое писмо любезнаго моего Мартемяна нашло в полномъ удоволствіи, здарова і весела. Нонче здесь самая шумливая неделя. Все приезжие і все обыватели в великой суете і хлопотахъ, по торговымъ своимъ деламъ. А я всякой день на площеди толкаюсь. А: А: говоритъ, рад бы онъ былъ съ Егоркою плутцомъ развезатся і табакерошную фабрику перевести, но надобно будетъ росчотъ зделать. Он же многимъ притеснении і неудоволстви делаетъ. К нему есть і жалобщики на него. Даруй, Боже, благополучнымъ увидется. Кланейся от меня Серганушке. А я есмь, какъ і былъ, с ыстеннымъ моимъ почтениемъ другъ і слуга. У насъ стала погода непостоянна і сыровата. Хлебы здесь уже в колено выросли і во многихъ местахъ повалилися. Буде ты своево Володинку увидишь, кланейся ему от меня.

А што бабушку дома не застанешь, она завсегда рыскунья была. А вотъ еще я здесь двухъ обезьянъ купилъ, которыя очень смирны і совсемъ не кусаются. Когда бъ ты іхъ увиделъ, полюбовался бъ на нихъ. От скуки советую почаще Епиктета читать, а особливо петдесятъ вторую главу. Она можетъ быть к наставлению пригодится. Вы намъ часто всемъ во сне грезитесь. Какъ то мы вамъ? А гадательство в карты часто досаждаетъ.

6.

11-го апрѣля / 31-го марта 1797 г. Лейпцигъ.

Здраствуй, мой милой друже, господинъ Рожинъ. Писма твои меня радуютъ, но не совсемъ утешаютъ, іс которыхъ я ясно вижу отяхченную твою душу печалью і унынием. Прошу тебя, не давай себя угнести мечтательными воображениями, которыя ведутъ к унынию. Возникни і ополчись, і буть превыше всехъ неудовольствъ духомъ, а в духе што спасешь, сохранишь і здоровье свое которое для всехъ любящихъ і чтущихъ тебя очень нужно. Подумай-ко

хорошенко, хотелъ было ты по дорогамъ разъезжать, а вместо тово поскимился. К чему оно годится? I паки тебя прошу, какъ цурка говоритъ, змилуйся над нами! А Нинушка моя говоритъ: Geduld, Fernunft und Zeit macht möglich die Unmöglichkeit.

Милостивъ Богъ, стерпится-слюбится. Журналистъ [1]) і все находящияся с нами, благодарить Господа, довольно здоровы і тебе кланеются. Журналистъ затемъ не пишетъ, дома ево нету; а всегда очень радуется когда отъ тебя писмо получитъ, да и не знаетъ, што от радости іногда делать? Пишешь ты, што у васъ прогалинки показываются; а у насъ в оное время везде уже сухо было, а теперь прекрасная погода, дни ясныя і довольно, і я всякой день прогулкою подле города ползуюсь. Хорошо бы было, когда бъ і вы могли также пользоватся. Здесь, у насъ, вести не хороши. Чуть можно ли попасть будетъ в Карлсбатъ, по притчине: здесь, тому уже два дни сказали, што Французы в 30 миляхъ отъ Вены; да и со стороны Рейна подвигаются, і что оне і в прошломъ годе были отъ Карлсбата только в десяти миляхъ. Ну, да што жъ? Ето все ничево. Воздухъ у насъ здесь свободной. Благодаря Господа, грудныхъ болезней нету. I такъ, я бы совѣтовалъ, буде возможно, для поправления твоево здаровья, воздухъ переменить, себя показать і людей посмотреть. С кемъ то ты, мой, понче (хри)стосовался первымъ личкомъ? Каталъ ли на Святой? Были ли у тебя крепыши [2])? Ково побеждалъ? А мы всю неделю посничаемъ. I теперь у меня в доме маранье около яицъ ідіо̂тъ і мно(го) хлопочутъ. Прошу отъ меня всемъ твоимъ любезнымъ отъ насъ кланется, і я сожелею, што хозяинъ твой не очень здоровъ. Буде увидишь Марью Семеновну, прошу ей мое іскренное почтенье сказать і ручки у неі̂ѳ поцеловать. Хорошо бъ она зделала, естли бъ тебя пожурила, што ты себя не бережошь.

---

[1]) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. *А. Б.*

[2]) Письмо написано 31-го марта стараго стиля, то-есть, во вторникъ Страстной недѣли (по пасхальному счисленію, Пасха въ 1797 году была 5-го апрѣля). Графъ Алексѣй Григорьевичъ разспрашиваетъ о Пасхальныхъ забавахъ, такъ-сказать, впередъ, въ томъ расчетѣ, что его письмо дойдетъ въ Москву уже по наступленіи Святыхъ дней Пасхи. *А. Б.*

7.

14/4-го апрѣля 1797 г. Лейпцигъ.

Здраствуй, мой милой і любезной другъ. Нонешную почту ни лоскутка бумаги, ниже от ково нибуть строчки не ополучалъ; оное жъ накануне воскресенья Христова, а порадоватся нечему. Но со всемъ онымъ перенимать у васъ не хочу. Не думаю, штобъ наскучилъ вамъ моимъ частымъ писмомъ, но хотя бъ і оное было, буде вамъ і досадно оное, но извините меня, што для меня приятно хоть на бумаге вамъ свои мысли сказать, што я васъ люблю і почитаю, да при ономъ і векъ мой останусь. Да не только в нонешной, но и в будущей буду сохранять мою дружбу. Я думаю, што у васъ теперь кутермы, какъ я пишу, і конца нету; яйцы красить, наряды собирать і што к лутчему придумывать. Да и я скажу, даруй, Боже, к лутчему. Што то Егорка Мартыновъ? Думает ли што іли пересталъ думать фабрику переламиватъ? Я жъ, благодаря Господа, і с находящимися при мне доволно здоровъ, і оне тебе і домашнимъ твоимъ свидетельствуютъ свое почтение і с празникомъ поздравляютъ. А у насъ всебъ хорошо было, когда бъ Французы не такъ близко подезжали. Ныне, хотя і уверяютъ, што скоро миръ воспоследуетъ, но я онаго худо чаю. Также сомневаюсь, можно ль будеть і в Карлсбате быть; а квартеру уже велелъ тамо напять, которая очень недешева, по десяти гулденовъ на день. Я жъ прежде не думаю отсель ехать, какъ около 20-го маия. Куда бъ оное хорошо было, естли бъ і вы здесь явились. Я бъ постарался вамъ всевозможныя выгоды доставить, і я васъ уверяю, штобъ вамъ нескушно было. А мне бъ очень весело было, да не мне бъ одному, і товарищамъ моимъ. Какъ часто мы васъ вспоминаемъ, да часто і вздыхаемъ о васъ, нашихъ милыхъ. Какъ то вы поживаете? Намъ теперь, слава Богу, а вамъ,—дай Богъ. Вы теперь празнуете, а мы збираемся. Какъ ярмонка будетъ, приезжайте к намъ. Я вамъ нештичко [1])

---

[1]) Нештичко, нещечко=нѣчто. *А. Б.*

куплю. Ахма, у насъ здесь пироги пекутъ, устерсы едятъ, шемпанскимъ запиваютъ, друзей милыхъ вспоминаютъ. Ахма! Буде, братъ, увидишь М: С: кланейся ей от меня і поцалуй ручки, а не болше; при томъ засвидетельствуй мое почтение. А хотя в Карлсбате і не можно бъ было быть, тогда в Лаухъштетъ повернемъ. Упражнение же наше все одинаково, да и чувствованья все теже. От искренности моего серца желаю, чтобъ ето мое писмо застало тебя і всехъ любящихъ тобою (такъ!) во всякомъ благополучи, здаровыхъ і доволныхъ во всемъ; а гораздо бъ еще лутче было, естли бъ можно тебе сюда приехать, полечится і с нами пожить. От Бога все возможно. Даруй, Боже, благополучнымъ увидется, в дружбе и мире пожить. Молю Господа, да спасетъ і помилуетъ благочестивыхъ. Аминь. Ну, братъ, здесь я ни одной еще лошадки не видалъ, которую бъ можно похвалить. Вотъ каково! Такъ што і смотреть на нихъ не хочется. Прощай, братъ Рожинъ, до свиданья.

Письмо было сложено пакетомъ и надписано другою рукою (не рукою графа Орлова): „Государю моему Марьдемьяну Семеновичу Господину Рожину“. А. Б.

8.

29/18-го мая 1797 г. Карлсбадъ.

Ну, вотъ вамъ і из Карлсбата. Здраствуй, сердешной другъ, господине пречестнейшый. Не заставливаю васъ долго моихъ писемъ дожидатся. Зная вашу дружбу і любовь ко мне, потому і сужу о желанияхъ вашихъ по своимъ, што вамъ утешно знать о насъ, а намъ — объ васъ. Даруй, Боже, чтобъ си мои строки нашли васъ в совершенномъ здоровье, со всеми вамъ милыми і надобными людми, со скотами, птицами, со хлебомъ, стоячимъ, молоченымъ і в земле посеннымъ. Аминь. Мы жа ехали по горамъ, по доламъ, і сквось темныя леса, і чрезъ быстрыя речки и ручьи. Доехали жъ до желаемаго ме́ста, благодаря Господа, все благополучно. Из Лейбцига выехали в четвергъ, а сюда приехали в воскресенье. І представилось намъ городское веселье, а именно в

чемъ оное состояло: под гору спускаясь, увидевъ меня, узнали многия і с такою радостью поздравляли с приездомъ, все до единаго, со радошнымъ лицомъ, і кланелись, із дверей выбегая і из окошекъ выглядывая. І многия побежали другъ другу расказывать. Много старичковъ, которыя і постаре меня, взлягивая, в прыпрышку взбегались (такъ!); а робетишки, набирая палочки, становились во фрунтъ; отдавали одни честь, а другия стреляли бухъ-бухъ во весь голосъ. Такова намъ встреча была, когда я в карете сиделъ. Приехали в домъ. Хозяйка, разреженая, встречаетъ і с мужемъ своимъ при дверяхъ; і народу довольно собралось, а потомъ пообедали, розбирались по комнатамъ. Вдругъ, в богатыхъ мундирахъ разряженыхъ, шестеро іли восмеро, явилось. Ідутъ по улице; я от нихъ і спрятался, размышляя самъ про себя: не сила ли ето Татарская, не полки ль басурманския? Нетъ. Мой ли Царь со своею премудростію? Обробелъ, іспугался і устрашился, не знавъ, куда мне, куда! Присылаютъ ко мне одно(го) із собратій своихъ, не яко грознаго, но яко миролюбиваго посла, што господа градскія старшины і стрелки-молодцы бутто желаю(тъ) посмотреть, поклонится і яспыхъ очей посмотреть старова знакомова стрелца-молодца. Посолъ впускается. Молодецъ от страху ізбавляется помалу, оправляется. Посла-молодца ласково принимаетъ і вопросъ чинитъ: Гой еси ты, доброй-молодецъ, коея ради вины і из какой ты страны притеклъ еси? Посолъ-молодецъ встрепенулся і взговоритъ таковы: Присланъ бо есмо от своеи собрати стрелковъ-молодцовъ, отъ искать такова і такова-то, чтобъ намъ притить к нему і поклонится. Онъ у насъ здесь находился какъ кровь с молокомъ. Вздохнувъ немного, сказалъ: возвратися вспять к своимъ товарищамъ і поведай імъ — не найдутъ уже тово какъ былъ прежде, кровь с молокомъ, а найду(тъ) еще своево прежнева стрелка, которой теперь, какъ кожа с молокомъ. Посолъ на скорыхъ ногахъ обратно течетъ і за собою вышеписанныхъ молодцевъ влечетъ. Кому под семдесятъ, а иному и за семдесятъ с лихвой. Стали широки двери отворять, а изъ-за оныхъ болшими шегами выступать. Старшей пред ними імеетъ на шее на голубой ленте большую серебреную лепіошку со изображениемъ какова то імъ любезнова человѣка. Стали рядъ-по ряду, чинъ-по чину, бутто

куру пестритъ. Тутъ-то чудо стало происходить: зачели надуватся, медалью похвалятся; да какъ лопнули вдругъ, я удивился, выпустили из себя столко учтивостей і похвалъ, бутто четверть гороху на барабаны высыпали. Ахъ, ма! Беда! Куда мне, куда! Говоруновъ, ни говоруньивъ Московскихъ со мною не было, кто бъ возмогъ за меня ответъ дать. К щастью моему, Дубовой блиско стоялъ. Видя меня в такомъ недоумени, спрашиваетъ, ко мне подступая: не прикажу ли я іхъ поподчивать. Вотъ чемъ меня ізбавилъ. По его предложенію, і учинилъ поподчивать іхъ сладкимъ виномъ, показавъ графине ихъ, і отпустилъ. Ехали жъ мы из Лейбцига на Порно, Бенингъ, Кемняцъ, Мариенбергъ, Себасти, Ансбергъ, Комотау, Зацъ, Подерсъ, Хенекъ, Ликвицъ, Бухау і до Карлсбата. А из Дрездена я езжалъ на Теплицы, хотя есть и другия дороги, но через чуръ дурны, гористы, і очень уски. Вотъ вамъ наше описаньице. Благодарить Господа, все находящияся с нами здоровы і веселы, а часто только вздыхаемъ о васъ, милыхъ нашихъ. М. Се., буде увидишь, кланейся от меня і поцалуй руки. Сергану, буде хочешь, покажи писмо і поклонись отъ меня. На последнее жъ ево писмо нечево не могу отвечать, кроме только іскреннаго моего сожеленія о приключившихся ему припадкахъ. Завтрешній день начнемъ пить воды. Домы жъ все здесь заняты і много теперь уже гостей знатныхъ із Швеціи, Польши і Немецкой земли. Кланейся друзьямъ і приятелямъ, радующимся о насъ, што мы теперь здесь, у водъ, і спать будемъ покойно после такой дурной дороги. Даруй, Боже, чтобъ и вы были спокойны душею і теломъ. Пиши, братъ, пожалуста, о своемъ благосостояніи. Вы за насъ, а мы за васъ, Господа помолимъ, да сохранитъ васъ от всехъ золъ і напастей. А я есмъ, какъ і былъ, многолюбящій і дружной тебе. Вотъ и все тутъ. А у насъ у самихъ в празное время карты со стола не сходятъ, въ грандъ пасьансъ повораживаемъ. Adio, amico caro, ecarisimo, arivedersi.

9.

21-го мая 1797 г. Карлсбадъ.

Здорово, любезной другъ. Писмо твое, отъ 20-го, мною получено. Порадовалъ і Господа поблагодарилъ, увидя із онаго, што ты здаровъ, што даруй тебе, Боже, впредь; а мне бъ оное слышеть і видеть. Третей день, какъ мы зачели пить воды, і оне действуютъ порядочно; толко іногда сонъ і слабость одолеваютъ. Мы же все, благодаря Господа, довольно здоровы. І дохторъ уверяетъ, штобъ мы несумнительную помощь на Бога і на воды імели, і что здоровье мое конешно поправится. Я жъ твердое упование і надежду на Господа возлагаю, што васъ, моихъ милыхъ друзей, увижу здоровыхъ і благополучныхъ. Благодарю тебя за уведомление. Отпиши, буде што узнаешь, о скачкахъ: чье лошеди будутъ выигрывать і какъ учреждается, на старыхъ ли правилахъ, ілы што вновь прибавлено. Ты, мой милой другъ, дело говорилъ, што подруга твоя ни во что не вступитъ і ни на что не прелстится, а единственно желаетъ только жить в тишине і покое со своими милыми и дружными людми. Прошу мое почтение сказать Хотавскимъ поселянамъ. Буде увидишь Ма: Се:, поклонись отъ меня і ручку поцалуй. О каштеляне мне давно сказовали і мне кажется іногда, што онъ таковъ. Ну, да пусть єво! Какъ нечево сказать, разве што солжетъ. А ото лжи і клеветы никто на свете не можетъ избавится і в такомъ случае без вины виноватъ будешь. Спасибо кн: Л: Буде увидишь, кланейся отъ меня. С отставкою нашего старичка поздравляю. Так ли часто онъ поплевываетъ? Прошу ему отъ меня кланется. Ты истинну говоришъ, што єдинъ Господь защитникъ і истинно на него єдинаго і упование свое возлагать можно. Што жъ до шутника прежнего Островскова принадлежитъ, пусть онъ едетъ, пусть оно будетъ такъ. І я оному радуюсь. По охотѣ чемъ больше будетъ охотниковъ, темъ лутче будетъ. А што подцепляли А: Н., она онаго давно достойна. Я ей говаривалъ, чтобы унелась. Живемъ жа мы здесь все в одномъ доме, ни с кемъ не знакомы. У водъ со всеми

луста скажи ему отъ меня дурака. А вотъ за што: ево с тяшкой работы отпускали і писменной видъ давали; онъ не взялъ. Глупо. Когда бъ онъ в рукахъ імелъ отпускную, тогда бъ і могъ, по желанию, себе помещика сыскивать; іли бы, оставаясь такъ, какъ бы самъ разсудилъ. А онъ бы могъ работу найтить по своему іскуству, какъ в городе, такъ и за городомъ. Подумай-ка самъ объ ономъ. Не правду ль говорю? Могъ бы себя и на стороне прокормить. Но што зделано, того воротить нелзя. Пишешь об Афонасьевиче, што онъ собирается на переселеніе. Часъ ему доброй. Толко надобно, чтобъ какия нибуть побудительныя іли очень выгодныя для нево притчины были. Хорошо, братъ, што разсудокъ действуетъ. Но всегда ли по премой дороге? Ето время показываетъ. Но со всемъ онымъ, благодарю Господа, видя із писемъ твоихъ, што ты здаровъ. Даруй, Боже, чтобъ всегда тебя покреплялъ невидимою своею десницею. Спасибо і сынку твоему за тебя. За дружескую твою доверенность, што ты по надобности, генварскому імениннику намеренъ денегъ взять, покорно тебя благодарю. І оному радуюсь, што ты на меня твердо надеешся. І впредь, никакова сумненія не полагай. Аминь. Кланейся от меня, кто насъ любитъ. Пишешь о монастыре. Девушка тебе правду сказывала. В мире живучи, хоть уклонятся можно, а в яму попадешь, і поневоле с темъ обращаешся, што в ней находится. Дурно делаешь, што много писемъ деріошь. Видно, што оне были несколько задорны; видно, што разсудкомъ управляемы были. Нетъ ничево лутче, какъ на власть Создателеву полагаться, но и самому не должно быть оплошну. Бережонова коня і самъ Богъ бережотъ. Пишешь, што ты не ужинаешь. А мы здесь по три раза едимъ. Видно, твоя доля нами съедается. Пишешь, што тебя с твоею любезною старатся будутъ вашу дружбу розорвать, потому, бутто ты недостоенъ оной. Хорошо. Да кто жъ оную оценку зделалъ? А я советую, буде вы такъ дружны, то вамъ другъ о друге цену і достоинство между собою лутче знать, чемъ другимъ об ономъ судить можно. А я думаю, зная вашу дружбу с обеихъ сторонъ, што никто в ономъ не успеетъ, а оная останется, паки бытие ваше существовать будетъ. Кланяйся отъ меня куме. Где то теперь Николаевъ? Здаров ли онъ? Што тіотушка твоя о покупке

людей беспокоится,—ето пустое, но переменить онаго теперь нечемъ. Благодарю тебя, што ты по своимъ чувствамъ і о моихъ разсуждаешь. В дружбе іначе оное і быть не можетъ. Пишешь о Егорушке. Оставимъ оное. У меня есть здесь другой Жоржъ де курносъ, которой ведетъ себя очень хорошо і отъ клавировъ совсемъ не отходитъ. ▽ф̇ф̇ [1]): былъ у тебя і показывалъ неудоволствие. Для меня очень мудреное дело: оба іметъ должности разныя, одинъ—в домашнемъ, а другой—в деревенскомъ обращени быть должны. Такъ і сказано было. І я не думаю, што бъ одинъ в деревенския мешался. А, какъ видно, што одному во всемъ хочется быть старшему. Я не знаю, што бъ за разтройка могла быть в делахъ, естли бъ і живописецъ уехалъ. А ето такъ толко,—мечтателное вообраҗение, ф̇ [2]) очень сумнителной человекъ. Желаешь знать, какъ скоро мы можемъ возвратится. Оное единому Господу іэвестно, а не намъ грешнымъ. У васъ теперь мы должны спрашивать: когда можемъ увидется... [3]), а и я тоже думаю, што старатель о живописце правъ, што можетъ быть із зависти также і недоброжелательства к живописцу такъ поступили. А онъ, бедняга, збился с пути і иструсился. У А: А: я спрашивалъ о живописце. Онъ сказалъ, что бъ онъ гораздо лутче зделалъ, чтобъ прежнева хозяина сыскалъ. А ему оное будетъ не трудно. Естли бъ можно молодцу от старика отлучится; вотъ бы хорошо было. Буде увидишь М: Се:, прошу сказать мое почтение і за меня ручку поцеловать, буде позволитъ. А: А: сказалъ, какъ на фабрике, также і в лавке денги есть, і ты можешь взять надобную тебе суму денегъ. Я жъ желаю тебе благополучия і милости Божеской, і есмь, какъ и былъ съ истиннымъ моимъ почтениемъ многолюбящій тебя другъ і слуга. А мы здесь пробудемъ не болея какъ дней десять, а тамъ поедемъ в Теплицы, в недалное разстояние от Дрездена. Прощайте, до свиданья! А когда оное будетъ, Богъ про то ведаетъ. Даруй вамъ, Боже, здаровья і милость свою. О комъ желеютъ, што дурочка будетъ, за сожеление благодарю. А

---

[1]) Подобные знаки въ подлинникѣ. *А. Б.*
[2]) Опять такой же знакъ, вмѣстѣ съ другимъ, совсѣмъ непонятнымъ. *А. Б.*
[3]) Въ этомъ мѣстѣ часть письма, строкъ въ семь, вырѣзана. *А. Б.*

мне кажется, што она і теперь уже дура. Но, што жъ зделать, к коже ума не пришьешь. Ау, свѣтъ, чево Богъ не далъ, тово, негде взять! А в здешнихъ мѣстахъ, по глупости, еіо почитаютъ за диковинку. Толко худо растетъ. А всякой учитель за щастье щитаетъ ету дуру іметь. Да вить ты і самъ знаешь, што я дураковъ і дуръ люблю, по пословице: рыбакъ рыбака далеко узнаетъ... [1]). вода стекаетъ. Толко прошу тебя, тому же мастеру заказать, которой оную для меня работалъ. Жители жъ здешния не перестаютъ нами радоватся. Для графини зделали ілюминацию вечеру, и имя еіо украсили. Она было уже спать хотела, какъ вдругъ, ночью, зачели бухать. Мы і не знали што такое. Думали, для празника. Окошки отворили. Музыка заиграла, столы поставили, фанари из под епанечь выняли і зачели концерты іграть. Взглянули на сторону: в отдаленности увидели щитъ з графининымъ іменемъ і с коронbackup. „Виватъ, контесъ д'Орловъ"! І ето такъ тихо зделали, што никто із насъ не зналъ. Тако жъ і городскихъ человѣкъ восемь толко знали, которыя работали. А по онымъ сигналамъ собрались перет домъ во множестве жителей с женами і детми, і много із приезжихъ, которыя чеса три тутъ резвились. Я ихъ поподчивалъ і принужденъ імъ былъ сказать: добра ночь, пора спать! І оне с удоволствиемъ разошлись по домамъ. Вотъ вамъ наши газеты. Заошно дружески цалую. Другъ твой і слуга.

---

[1]) Оборотныя стороны вышеуказанной вырѣзки. *А. Б.*

II.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ

графини Анны Алексѣевны

Орловой-Чесменской.

1796—1797 гг.

ЖУРНАЛЪ.

1796 г. 27-го декабря.

Выехали изъ *Хатуни* поутру въ 6 часовъ. Доехали да *Серпухава*. По городу не много плутали, покуда сыскали квартеру, в которую евилься капитанъ-исправникъ; еще офицеръ, присланый отъ Городничава, для услугъ. И на оной квартери нашли сваи кареты. В ызбу вошедъ, обогрелисъ, чаю напилисъ, а потомъ, сыскавъ лошадѣй, вѣлѣли въ прегадъ (впрегать). Одъ давъ (отдавъ) повелѣніи, касающеися до лашадей, пустилисъ в путъ. Того шъ числа приехали на *Чорною Грязъ*, [1]) гдѣ многа пьяныхъ мужыковъ нашли. А нѣ даежая да Черной Грязи за 7 верстъ, по усталости лошадей, принуждены были остановиться в харьчевне въ *деревнѣ князя Щербатова* [2]). Обѣдали: щи крѣсіяпскія изъ ихъ посуды. Потомъ пріехали въ *Боровскъ*, гдѣ с нуждою магли найти гдѣ бы переначиватъ.

1796 г. 28-го декабря.

Нашли хазяйку даволъно піяною. А поутру, сыскавъ лошадей черезъ городничева, поехали въ путъ. Въ которомъ городѣ, какъ сказывали, кнѣгиня Дашкова начѣвала. Потомъ пріехали въ

---

[1]) Черная Грязь или Черногрязье, деревня Верейскаго уѣзда, въ 1852 году принадлежала княгинѣ Голицыной. *А. Б.*

[2]) Можетъ быть это деревня Чашково, принадлежавшая въ 1852 году князю Алексѣю Григорьевичу Щербатову. *А. Б.*

городъ *Вѣрею*, на родину Прасковіе Ивановнѣ Чѣгликовой, гдѣ намъ квартера была отвѣдена у купца Михайла Егорова. Вошедъ въ покои, нашли домъ порядошной, которой отделанъ, по англицкому вкусу, дубовой отделкою. Въ ономъ домѣ пробыли чеса три слишкомъ. Гдѣ евился городничій, которава фамилию позабыла; а по фамиліи Вѣльеминовъ и другія палицѣйския афицеры. Гдѣ насъ хозяинъ почивалъ пивамъ, селедкою, пирагами и наливкою вишневкою. Хозіяйку и невеску ево видили убраныхъ жемчюгахъ. Которому (хозяину?) дали записочку Алексѣю Безценому, чтобы онъ за насъ отъ почивалъ (отпотчивалъ) его въ Петербуръге. Отъ купечества привѣли лошадей добрыхъ и мы поехали въ путъ до Можайска. На которой дорогѣ повалили мой возочикъ и со мною; но, благодарить Господа, что вреда не здѣлалосъ. Пріехали въ *Можайскій*. Переменили лошадей и доехали до *Гриднева*, гдѣ по причинѣ ношной и вѣтру, остановилисъ начевать.

1796 г. 29-го декабря.

Поутру, ставъ рано, поехали въ путъ. Доехали до *Ивашкава*, гдѣ переменили лошадей. Проехали *Гжатскою пристанъ* [1]) и ни какъ в оной денъ болѣе двухъ стацій уехать не могли, по причинѣ сильнаго вѣтра и большой замѣти, что всѣ прѣнуждены болшою частью шахомъ ехать [2]).

1796 г. 30-го декабря.

Изъ *Теплюхъ* пріехали (въ) *Вязмю* [3]), 9 часовъ поутру, астанавилисъ у старосты емскова, гдѣ намъ напѣкли блиновъ и здѣлали бутербродовъ; и здѣлали, и зафриткъ (завтракъ), и обѣдъ,

---

[1]) Нынѣ Гжатскъ, уѣздн. гор. Смоленской губерніи. *А Б.*

[2]) Страница на четверть не дописана. По серединѣ, неизвѣстно чьею рукою, написано: „Графинины писмы“. *А. Б.*

[3]) Противъ этого мѣста, сбоку, приписка другою рукою: „Отъ Вязми, въ 40 верстахъ, заводъ железной, а въ 70 верстахъ—медной“. *А. Б.*

всію вмѣстѣ. Мѣжду тѣмъ, накупили Вяземскихъ пряниковъ и послали къ милымъ людимъ, в Маскву и сѣбе оставили. А потомъ отъ правилисъ в путъ. Приехали в *Сѣмлева*. Переменили лошадей. Приехали в Ашкова. Подли дѣревни дѣвушки Арсѣніевай, гдѣ свѣдали, что Никалашка Масоновъ у нѣе живѣтъ капелмейстеромъ. И тамъ же переменили лошадей. И приехали въ *Дарьюбужъ*, гдѣ стаитъ полкъ Санкъ-Петербурской и другой—паходомъ идѣтъ на Шенбурской. И останавились въ зѣмской избѣ. А завтрѣшней дней (день?) намереваимся, будѣ Богъ благословитъ [1])...

1796 г. 31-го декабря.

Поехали въ путъ. Благополучно приехали в *Михайлавку*, безъ зо всякава приключенія. Переменили лошадѣй и поехали да *Пневой слободы* и опять переменили лошадеи. И поехали до Бередихина.

1796 г. 32-го декабря (такъ!).

Остановились ночевать. И па вечеру въ карьты играли и Франца Иванача оставили нѣсколько разъ въ дуракахъ, а по Польски называется в каштеляны.

(1797 г. 1-го января).

Перенячевавъ, отъ правились въ путъ до *Смоленска*. А прежде насъ поехалъ для занятіе квартеры [2]). Квартера была изрядная; только лѣснеца была высока, для тава мы ее оставили. Другую нашли, только нѣвысока, а оченъ скверна и халадна. Гдѣ Папинька вѣлелъ послатъ постелю и покрылса шубою, *что была въ самой новой годъ*. Гдѣ услышавъ, что почта изъходитъ, зачелъ Папинька письмы

---

[1]) Очевидно авторъ чего-то не дописалъ. *А. Б.*
[2]) Кто поѣхалъ, не сказано. *А. Б.*

писать, каторые успѣли на почту отослать. А между тѣмъ, вѣлели столъ накрывать и пообѣдали. Гдѣ к намъ приходилъ господинъ Шкниникъ [1]), гдѣ изволите припомнить, што онъ часто бывалъ на скачки, а ево братъ Смоленьскій вичь (вице) губернаторомъ (такъ!). А потомъ господинъ коптелянъ [2]) игралъ на вальторнѣ. Анна Миколаяна пѣла. И отъ правились въ путь до *Корытни*. Въ Корытни переменили лошадей. И поехали до *Красново* и остановились начѣвать.

(1797 г. 2-го явваря).

А утрамъ отъ правились въ путь до *Лады*. Переменили лошадей и поехали опять въ путь до *Казюе*, а отъ тудава да *Дубровны* [3]). Астанавились начѣвать. Гдѣ стали находить изъ ямщиковъ и лошадѣй очень дурьныхъ. А какъ оная принадлежала ево свѣтлости покойнава князя Потемкина, гдѣ находились фабрики каменная, суконая и чесаная, которыя переведены (въ) Екатеринославъ, а теперь никакихъ фабрикъ нѣ осталось. Сказывають, что оная вазвращена князю Любомирьскому. Переночевавъ, поехали въ путь.

(1797 г. 3-го явваря).

Приехали до *Орши*, а оттудова до *Коханова*, гдѣ и начевали.

(1797 г. 4-го явваря).

Оттудава поехали въ *Толочино*, имѣвъ дурную дарогу и погоду [4]). Оное мѣстечко худо построено, но довольно обьширно и принадлежить князю Сангурскому (такъ!). В немъ была таможна, прежде последнего разделу Полши. Тамъ жиды даволько богаты и

---

1) Должно быть Шишкинъ. *А. Б.*

2) Т.-е. вышеупомянутый *Францъ Ивановичъ*, котораго оставляли въ дуракахъ или „коптелянахъ". *А. Б.*

3) Мѣстечко *Дубровна*, Минской губ. и уѣзда. *А. Б.*

4) При этомъ словѣ, сбоку, тою-же рукою отмѣчено: „и ехали 18 верстъ 6 часовъ". *А. Б.*

имѣютъ розные товары, а нѣкоторые, такъ какъ и во всѣй Бѣларусіи, торгуютъ пенкою, которая изъ главныхъ продуктовъ Бѣлой Росіи. Оттудава до *Словенска*, гдѣ мы начуемъ. Въ Талочинѣ ва врѣмя обѣда пришли три жида; адинъ очинъ хорошо игралъ на цимбалахъ, другой—на скрыпкѣ, а трѣтій—ламальса (ломался), что насъ нѣсколько позабавило.

(1797 г. 5-го января).

Отъ Словѣнки поехали до *Бобра*, гдѣ нашли Сумской гусарьской полкъ, которой идѣтъ на свои квартеры, въ Тулу, и каторой намъ препятствовалъ, такъ что мы должны были, нѣ доежая Бобра, нѣсколько астановиться, что бы пропуститъ передовые обозы, по притчинѣ вѣликаго снѣгу и уской дорогѣ. Отъ Бобра поехали до *Нацъ*; отъ Нацъ до *Лосницъ*, а отъ Лозницъ приехали начѣвать въ *Барисовъ*, мѣстечка князя Радзивила.

Здѣсь журналъ прерывается, что видно изъ слѣдующаго продолженія его:

Изъ *Минска* [1]) поехали, до ехали до *Грѣчина* и тутъ мы, отъ дурной погоды и отъ мѣтелицъ, стаяли цѣлой дѣнъ. И тутъ приежали двѣ женщинѣ, изъ Миньска мѣщанки. То мы вѣлели ихъ попраситъ и вѣлели ихъ напаитъ чаямъ, и одна изъ нихъ меня почивала яблоками. А потомъ пріехали три афицера, едущее въ Петербургъ, для изученіе новой екзерцици и для образцовыхъ новыхъ мундировъ. Одинъ изъ нихъ взошелъ нагло и сталъ (съ) жидовкою кричатъ очень громко. А какъ Папинька в оное время почивалъ, а мы с Аной Миколавной играли въ карты. Отъ онаго крика папинька и проснулся. „Что вы такъ шумитѣ, афицеръ; а такъ не благопристойно поступаешъ“. Куда взошли послѣ и другія и, узнавъ, кто въ карчмѣ находиться, зачели съ полною учтивостью говоритъ. Выше писаной крикунъ походилъ на Федюшу, на Чегликава сына, с лица. А какъ у насъ в оное время чяй готовъ былъ, то и приказали ихъ попочиватъ. А в оное время

[1]) Отъ Борисова, гдѣ ночевали наши путешественники, до Минска 75 верстъ *А. Б.*

пріехалъ крикскомисариатской, очень тихой, повѣденіи хорошава, и онаго напоили чаямъ. А они, отогревшися отъ чаю и печки, поехали въ свой путъ; а мы, переночевавъ, поехали въ свой путъ и доехали до *Кайданова* и пообѣдали. Пустилисъ далѣе въ путъ до *Столпцевъ*. Переночевавъ, поехали далѣе въ путъ до *Мира*. Пообѣдали и пустилисъ опятъ въ путъ до *Карелице*. Переменили лошадей и поехали до *Ново-грудкѣ*, переночевавъ. И гдѣ наехалъ насъ куріеръ и привесъ пошпортъ за границу, которому мы очинъ обрадовалисъ. И папинька зачелъ письмы писатъ и такъ, чтобъ отъ правитъ назадъ въ Петербургъ. И гдѣ мы отправили Александра Алексеевича и Анну Николаевну. Анна Николавна поехала въ деревню, къ своей матери и тожа пріежалъ къ нѣй ея двоюродный дядюшка, съ которымъ она довольно бесѣдовала. А Александра Алексеичъ поехалъ за сваемъ разводномъ дѣлѣ, въ Вильну. Которые обѣщались насъ въ Гроднѣ догнатъ. А потомъ отъ правилисъ въ путъ. Доехали до *Биалицъ*, гдѣ остановилисъ начѣватъ. А по утру отъ правилисъ въ путъ до *Желудка*. Остановилисъ позавтрикатъ. Нашли тутъ в шапки и въ сертукѣ шумяшчаго и кричащаго (съ) хозяйномъ жидомъ. Сего Папинька и спросилъ: „Кто онъ таковъ?“ И онъ, нѣ учиня никакой учтивости, сталъ Папиньку спрашивать, какъ Папинька называется. Отъ чево Папинька разсмѣлься: „Ищѣ онъ молодъ у старыхъ людей такія вопросы спрашиватъ“. И послѣ: что „онъ графъ Орловъ“. Тогда онъ здѣлался учтивъ, очинъ извинялся, что онъ нѣ зналъ, что ето Папинька. А к намъ в оное (время) подали масла, жеркова, вотки, а у хозяина взяли пива. И поднесли ему рюмку вотки, атъ чево онъ здѣлалься еще пьенее. Пригласили ево кусокъ жеркова есть, и онъ сьелъ съ большимъ апѣтитамъ. Потомъ онъ вышелъ вонъ. Со стола собрали. А между тѣмъ, лошедей у насъ выпрегали. Онъ опятъ вошелъ, больше пьянъ, и с трупкою, каторою онъ курилъ. Отъ чего мы и заключили, что онъ нѣ имѣлъ большова воспитанія. Въ оное время пріехалъ куреромъ изъ Гродни ротмистеръ Аргамаковъ. А потомъ отъ правилисъ въ путъ до *Щущина*. И была очень хароша комнатка, и мы тамъ начевали. И приходилъ афицеръ, которой стаитъ (съ) своей командай, Голубицкой. Еще молодой человѣкъ и очень учтивъ и которай с нами

ужиналъ. А поутру отъ правились въ путь, въ *Камянку*, гдѣ мы немного пообѣдали и гдѣ пришолъ капитанъ-исправникъ Глиньской. И онъ намъ сказалъ, что онъ Татьянѣ Федоровни братъ двоюродной и мы вѣлели ей кланяться. А потомъ отъ правились въ путь, въ *Скидле*. И мы переменили лошадей и отъ правились въ путь въ *Жидовню* и гдѣ ишолъ дымъ изъ печки и наши всѣ люди мазали глиной. И отъ тудава мы послали Франца Иванача, чтобы сыскатъ квартеру. А графъ Безбортька [1]) приготовилъ намъ квартеру и поставилъ караулъ. Однако, папинька приказалъ нанятъ. А к обѣду праежіе ехали. Адинъ примеръ-маьеръ (съ) своею женою и с ребенкомъ ехали въ свой полкъ; а онъ былъ прежде господинъ Максима Гурьева, и мы попросили пообѣдатъ съ нами. А послѣ обѣда они уехали. А мы еще осталисъ ждатъ Франца Иванача. А Папинька льегъ почиватъ. А между тѣмъ, пріехалъ изъ Гродни капитанъ-исправникъ. А какъ Папинька праснулся, мы напились чаю и ево напаили чаямъ. И поехали до *Гродни*. Нашли городъ для меня оченъ дуренъ. Тотъ часъ пріехалъ графъ Безбородка и оченъ учтивъ былъ. А вчерашняй день пріехалъ Александра Алексеевичъ [2]) и Анна Николаевна [3]). А теперь всію думаемъ о павозакъ.

Этимъ кончается Журналъ. Продолженіемъ ему служитъ нижеслѣдующій Дневникъ, писанный сначала тою же рукою графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, а потомъ рукою Анны Николаевны Піотровской, подписавшейся инціалами: А. П.

Пятница, въ Гродню пріехали мы на вичеръ. Гдѣ стали в нанетую квартеру, которая была доволъно холадна. Въ Суботу былъ у насъ капитанъ-исправникъ и еще адинъ афицеръ, каторава я па фамиліи и не знаю. Воскресенія пріехалъ Александра Алексеичъ и Анна Николаевна отъ матушки своей Соболевской. А на

---

[1]) Графъ Илья Андреевичъ Безбородко, проживавшій въ Гродно, въ качествѣ пристава князя Станислава-Августа Понятовскаго. *А. Б.*

[2]) Александръ Алексѣевичъ Чесменскій. Побочный сынъ гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго. Род. въ 1762 г. Былъ причисленъ къ Россійскому дворянству. Служилъ лейбъ-гвардіи въ конномъ полку, участвовалъ въ Шведской и Турецкихъ войнахъ. Имѣлъ Георгіевскій крестъ, полученный имъ на боевомъ поприщѣ въ Литвѣ. *А. К.*

[3]) Анна Николаевна Піотровская, рожденная Соболевская. *А. К.*

вечиръ была сестрица ее. В панѣдельникъ ездилъ поутру Александра Алексеичъ к каралю Полскому и графу Безбародки, и каролю угодно было приказатъ при сталѣ у сѣбя обѣдать. Во вторникъ ничево не происходило. Въ Середу Александра Алексеичъ былъ у князя Лабанова, а к обѣду пріехали (къ) Аннѣ Николавнѣ дядюшка и сестрица и пріятельнича. В четвертокъ я ездила, послѣ обѣда гулятъ в карети съ Анной Никалавной и мамушкой, а вечирамъ была госпожа Нарбутова и просидѣла у насъ до дѣвятова часу. Пятницу были: сестрица съ дядюшкой и с приятельпицой Аннѣ Николавнѣ. А на вечиръ была госпожа Нарбутова. Въ Суботу обѣдалъ у насъ дядюшка А. Н., а послѣ обѣда была и сестрица ее. Воскресенія былъ у насъ капитанъ-исправникъ и обѣдалъ, а послѣ обѣда мы ездили гулятъ. Въ панѣдельникъ госпожа Нарбутова пріежала пращатся, которая во время своихъ посѣщеніяхъ (такъ!) была весела и очинъ разговорчива. И мы познакомились и почивали ее всегда слаткимъ и грушами. Во вторникъ, въ середу и в четвертокъ не была, ничево не происходило, кромѣ одной пріятельнице А. Н. Въ Пятницу ничево жъ. Въ Суботу, послѣ обѣда, былъ к намъ призванъ Полякъ, которой непримѣтно можетъ говоритъ, какъ будто бы в каминѣ или за окошкомъ или пот поломъ или за стеною. Послушавъ ево, подорили и отпустили. Воскресенія ничево не происходило. В понѣдельникъ былъ у насъ господинъ Петровъ и обѣдалъ. Во вторникъ пріежалъ графъ Илья Андреичъ пращатся, отъежая с каралемъ в Петербургъ [1]). Пятницу былъ таможенъ (такъ!) г. Власовъ. Въ суботу не происходило ничево. Воскресенье, по утру мы ездили въ католицкую церковъ, а вечеремъ была А. Н. приятелница. Понеделникъ абедала А. Н. приятелница. Во вторникъ *выехали мы изъ Гродна* на другую сторону Немана. Приехавши въ карчму, не много позавтракали, а Александра Алексевича отправили на Прискую (Прусскую) границу, въ Кузницу, за повозками. А после онаго седели въ своей беседѣ: играли въ карты и въ шахматы. Въ пятницу приехалъ А. А. съ по-

---

[1]) Отсюда и до конца Дневникъ писанъ рукою А. Н. Піотровской, подписавшейся иниціалами А. П. *А. К.*

восками, которому мы очинъ обрадовалисъ и отобедали. А после обеда стали збиратса ехатъ. Между темъ, пришли таможенные осматривать, и мы имъ показали всио, что у насъ было. А какъ у насъ находилса маленкой чайной приборъ и дорожной сервисъ, которые мы, запечатавъ, отпустили обратно въ Москву. При чемъ отправили Ивана Петрова. А в четверикъ, убравшисъ совсемъ, дождалисъ лошадей почтовыхъ. Богу помоласъ, поехали въ путъ свой. Доехали до *Кузницы*, на Прускую границу, где наши екипажи осматривали. И видели мы Прускихъ гусаровъ съ адамовеми головками. А тамъ приехалъ въ Кузницу хетманъ Обинской (Огинскій?), которой, узнавъ, что Папинка едетъ, пришолъ къ намъ въ карчму, какъ старой знакомый, и с нимъ его валторнистъ, которымъ онъ хвалилса. А с нами былъ Францъ Иванычъ, которому мы приказали свою волторню вынуть и заигратъ Огинскому валторнисте. Какъ онъ задулъ въ свою волторню, чутъ было насъ не выгналъ изъ карчмы. А потомъ заигралъ Фр. Ив., отъ чего господа Полаки ротъ разинули и уши разпустили. А мы, убравшисъ и разпрощаясъ, отправились в свой путъ. Приехали до *Соколки*, где мы толко переменили лошадеи и отправились до *Пукштела*. Тамъ мы приехали в одинацать часовъ вечера; чаю напилисъ, поужинали, легли спатъ. А поутру поехали до *Бялегостоку*. Приехали до него и остановилисъ на почтовомъ дваре. Тамъ мы нашли фортепяно; поиграли на ниомъ немношка, а после разселисъ по повоскамъ и продолжали свою дарогу. Толко что одехали отъ Бялегостоку две или три версты, сломиласъ калазечка новая. Не было способу ея патчинитъ. На в тым же самымъ месте А. А. долженъ былъ вернутса назадъ с естой калазечкой въ Бялыстокъ, чтобы ея тамъ патчинитъ. А мы продолжали свой путъ до *Войшекъ*. Тамъ мы остановилисъ на почтовымъ дворе ночевать. Между темъ, приехалъ Але. Алек., патчиня каласки, и мы отправилисъ въ путъ до *Белска*, до *Бранска*, до *Крземеня*, до *Соколова*, до *Венгрова*, до *Маковцовь*, до *Станиславова*, до *Окунева* и приехали, благодаря Господа, благополучно въ *Варшаву*. И спешимъ дать вамъ знатъ аб себя, что мы, слава Богу, все здоровы, кроме нашего Благодетеля, у которого въсегда ношки слабы. А мы все вамъ, милои, нашъ ниско кланяемъся и за очно

ручки цалуемъ. Дай Богъ, что бы вы были здоровы и благополучны. А мы желаемъ отъ всего серца васъ съкареие (скорѣе) увидетъ. Теперчи я, мои дражайшiи, по болтаю немношка объ себѣ и объ моей къ вамъ привязоности. Я такъ часто вамъ объ томъ пишу, что боюсъ етимъ наскучитъ. Ежели ето когда-нибутъ случитса, по своему списхожденю прастите меня. Не видя васъ, ето такое удоволстве великое, что всiобы желалосъ написатъ, что чуствуетса; а какъ па болшой части ети чуства есть къ вамъ любовь и почтене, то для того такъ часто объ томъ пишу. Любите и жалуйте всегда меня, ето маио болшое желане. А я на векъ прабуду приверженнеишая. А. П.

Варшава. Февраля 17/28 дня 1797 года.

III.

ПИСЬМА

графини Анны Алексѣевны

Орловой-Чесменской

къ Марьѣ Семеновнѣ Бахметевой.

1.

13-го марта 1797 г. Лейпцигъ.

Милая мая сестричка! Мы всѣ, слава Богу, здаровы. Дай Боже, чтобъ и вы были здаровы, веселы и спакойны. А какъ я обрадывалась, что палучили атъ маей милой письмо безъ числа и сажелѣю об ономъ; и сама тоже въ евтомъ же проступкѣ. Но, справясь с письмомь Аннѣ Николавнѣ, нашла, што 17 февраля писано. И очинъ обрадывалась, што вы получили нашъ снурочикъ, которой былъ посланъ въ вашъ день именинъ. И мы очинъ празнавали, о чемъ я уже прежде къ вамъ писала. Ушъ вы, мая милая, меня не узнаете: стала девчища балшая и красная, емъ устрицы со удовольствіемъ, только жареныя, а еще къ сырымъ не магу привыкнуть; пью шенпанская и пива. Только прошу не падумать, што спилась с кругу долой. Но со в(с)ѣмъ ономъ мое сердце и чувствы всѣгда наполнены любовію, почтеніемъ и преданостію. Но ёще не утерплю написатъ моей польной благодарностію за ваши письма, которые мнѣ дѣлаютъ великую радость и утешеніи. Но прошу меня ономи одолжать. А отъ меня прошу мое нижайшее почтеніе сказатъ хозяивамъ и з детками и всѣмъ собѣседницамъ. А Маминька вамъ кланеется всенижайше и благодаритъ за воспоминанія.

Астаюсь с ыстинымъ моимъ почтеніемъ и с полною любовію

Журналистъ.

Письмо было сложено пакетомъ и надписано другою рукою:

„Милостивой Государыне моей Марье Семеновне. Ея высокоблагородию Бахметьевой. Въ Москве“. А. Б.

2.

20-го марта 1797 г. Лейпцигъ.

Милинькая мая сестричка! Мы всѣ, слава Богу, здаровы. Дай Боже, чтобъ и вы были здаровы и веселы, и чтобъ ети строки васъ нашли въ полномъ здаровіи и в спакойствѣ. Мы получили атъ маей милой сестрички письмо, которому я очинъ обрадываласъ. Думала, што и ка мнѣ есть, но áшибласа. Аднакошъ увидила в писмѣ, што вы, мая милая, слава Богу, до(во)льно здаровы, и што меня очинъ радуетъ. И меня тожа очинъ паткрепляваитъ, што вы намъ обѣщались на будущей почте написать. Я думаю, што вы извoлите удивляться, што я къ вамъ не пишу журналъ. А я ево не пачитаю нужнымъ. Што есть любопытнава, то я къ вамь пишу въ письмѣ. А мы были третьиеводни въ консерти, гдѣ играла Madame Шмитъ, каторая дѣлала многа валшила. Маминька вамъ всѣнижайше кланеться. А атъ меня прошу покланиться хозяивамъ и з детками и собѣседницами. А вы, мая милая, извините меня, што такъ дурна пишу или ашибки дѣлаю.

Астаюсъ с истинымъ моимъ почтеніемъ и съ полною любовію

Журналистъ.

*Письмо было сложено пакетомъ и надписано рукою же графини Анны Алексѣевны: „Сестричкѣ маей любезной М. С*ᵃ*. А. Б.*

3.

(Мартъ 1797 г. Лейпцигъ).

Здраствуйте, мая милая сестрица! Мы всѣ, слава Богу, довольно здаровы. Дай Боже, чтобъ и вы были здаровы и веселы, и чтобъ ети строки васъ нашли въ польномъ здаровьи и в спакойстве. Мы пріехали въ Лейпцигъ, гдѣ мы слышали, что отасланы были письмы в Дрездинъ патаму, што думали, што мы еще въ Дрездинѣ. Они опять были отасланы обратно в Лейпцигъ, которами мы очинъ были обрадованы. И какъ я была щастлива, што

в одномъ конверти были для меня два письма. Какъ я стала читатъ ваши письма оба, то Маминька притомъ была; какъ я стала читать, што вы къ Маминьке такъ миласлива писали, то она с радасти и съ благодарнасти заплакала и чуствительно васъ благодаритъ. А мы нашли ту професаршу, которую ище папинька, какъ быль прежди, и крестилъ у ней дочъ. И ана еще въ девушкахъ и очинъ милая и харашо васпитана. И я еще должна всіо с ней по Немецки говоритъ и я очинъ ей хорошо объесняюса по Немецки. Теперь, мая милая, я сижу, к вамъ пишу, а кресница Папинькина делаетъ саломинаю шляпку для меня, чтобъ намъ всѣмъ ехатъ въ консертъ, гдѣ будитъ игратъ женщина на скрыпки. То мы желаемъ бытъ на етимъ консерти. И я теперъ въспомнила, ежелибъ Катерина Васильевна [1]) былабъ здесъ, то ана бы очинъ обрадываласъ етаму консерту, пачему што ана очинъ любитъ музыку. Ета професарава дочь очинъ харашо играитъ на фортопиянахъ и паетъ и ана еще не стара, только ей еще 16 летъ. Атъ меня прошу засвидѣтельст(в)оватъ мой паклонъ хозяивамъ и з детками и со всѣми собѣседницами.

Астаюсъ с ыстинымъ моимъ почтеніемъ и с полною любовію

Журналистъ.

А еще, мая милая, прошу васъ сказатъ Мадами, што ежели ана хочитъ абъ сваемъ атце знать, то только прашу васъ написатъ ее имя, какъ по фамиліи. А ушъ мы атыщимъ. Прастите меня, мая милая, што такъ дурна пишу.

Приписка рукою Анны Николаевны Піотровской:

Ручки ваши цалую, мая милая маминка. Пакорнейши благодарю за вашу ко мне милость. Я имела щасте писатъ прастраней изъ Дрездена абъ маиомъ разводе [2]). Да сехъ поръ я ничего не слыхала абъ ниомъ и атъ того немношка безпакойна. Въпрочимъ, слава Богу, здарова и препоручаю себя (въ) вашу любовъ и милость. Маио пачтене хозяевымъ!

---

[1]) Екатерина Васильевна Шереметева. *А. К.*

[2]) Анна Николаевна, ур. Соболевская, по первому мужу Піотровская, впослѣдствіи была замужемъ за А. А. Чесменскимъ. *А. К.*

теперече, слава Богу, гораздо лутче и ушъ платокъ (съ) шеи снела. У насъ стоитъ погода отмена хороша и жерка. Желательно бы очинъ, ежелибъ она токова была у васъ. Надѣюсь на милостъ Божескую, что мы скоро будемъ иметъ удовольствіе васъ видетъ очинъ веселой и здаровой. А: Н: [1]) меня просила вамъ и почтеніе написатъ, и что она сама к вамъ збираться писатъ также и Люлушка.

Цалую заошна ваши клазки и ручки и астаюсь любищія сестра и ко услугамъ готовая

Г: А: О: Ч:.

Письмо было сложено пакетомъ и надписано рукою же графини Анны Алексѣевны: „Милинькай маей Сестричке“. А. Б.

6.

28-го іюля 1797 г. (Лаухштедтъ).

Милинькая мая сестричка! Мы всѣ, благодаря Бога, давольно здаровы и дай Боже, чтобъ вы были здаровы и спакойны, о чемъ молю Господа, и берегли бы свае здаровія, каторое для насъ очинъ нужно. Я получила оба ваши письмы. На адно я очинъ замѣдлиласъ, каторое и теперъ не пращаю сѣбѣ. А мы вѣли время всѣ такъ, какъ я вамъ писала. Только таперя переменили, приехавъ в Лауштетъ [2]). Надобно поутру очинъ рано въставатъ, подти въ садъ, питъ тамъ Пирьмонскою воду и потомъ гулятъ. Вы пишите, мая милая, што у васъ отѣлилося коровка и другая тоже, то со всѣмъ моимъ сердцемъ поздравляю вашей радости. Даруй Боже, чтобъ они васъ всѣгда такъ забавляли, какъ теперя. Маминька вамъ всѣнижайше кланеється и благодаритъ за воспоминаніе. Атъ меня прошу покланиться всѣмъ вашимъ роднымъ.

Астаюсь с ыстинымъ моимъ почтеніемъ и с полною... (*Оторвано*).

Письмо было сложено пакетомъ и надписано другою рукою: „Милостивой Государыне моей Марье Семеновне“. А. Б.

---

[1]) Анна Николаевна Піотровская. *А. К.*

[2]) Курортъ, извѣстный въ концѣ XVIII-го вѣка и въ началѣ нынѣшняго своимъ цѣлебнымъ желѣзистымъ источникомъ. *А. К.*

7.

3-го августа [1787 г.].

Милинькая моя сестрица! Мы всѣ, благодаря Бога, довольно здоровы и дай Боже, чтобъ вы были здоровы и спокойны, о чемъ молю Бога. Я получила отъ моей милой сестрицы письмо, которое меня чрезвычайно обрадовало, въ которомъ вы и пишите, что вы вашу радость увидали, то очень жалѣю. Мнѣ и самой очень грустно за васъ. Еще, моя милая, очень забавно, что вы написали, что я сыграла роль [illegible]: вмѣсто пѣску чернилы употребила. Впередъ буду стараться не играть срамныхъ роль. И прошу быть увѣрены за мнѣ, что я васъ всегда любить и почитать буду. И прошу, моя милая, поблагодарить за меня [illegible], что она обо мнѣ воспомянула. Маменька вамъ усерднѣйше кланяется и благодаритъ за воспоминаніе.

Остаюсь с истинным почит... (Оборвано).

Письмо было сложено конвертомъ и надписано чужою рукою: „Милостивой Государыне моей Марье Семеновне". А. Б.

8.

18-го августа 1787 г. Лейпцигъ.

Милинькая моя сестрица! Мы всѣ, благодаря Бога, довольно здоровы. Я увидѣла изъ вашего письма, что вы [illegible], что меня очень радуетъ. Вотъ уже, моя милая, вы и въ другомъ письмѣ тоже пишете, что вы вашу радость увидали. Мнѣ и самой очень грустно за васъ. Вы тоже пишите, моя милая, что вы опять принялися за картины, да онѣ васъ не такъ радуютъ, какъ прежде. То я очень сожалѣю. Вы пишите, что вы стали лѣнивы, то я совсѣмъ не верю. И будьто бы не занимаетесь полѣзнымъ. А что вы пишите, моя милая, что будьто бы вы стали старушкой, то вы, пожалуста, меня впередъ не обижайте этимъ. Вы знаете, что я этого не люблю слышать. Такъ же я нашла въ вашемъ въ письмѣ,

што вы в мѣня вопьетисъ, то и я атъ етава нѣ воздержуся, штобы нѣ поплакать с радости какъ увидимься. Маминька вамъ всѣнижайше кланѣеться и благодаритъ за воспоминаніе.

Астаюсъ с ыстинымъ моимъ почтеніемъ и с полною любовію
Журналистъ.

Письмо было сложено пакетомъ и надписано другою рукою: „Милостивой Государыне моей Марье Семеновне". А. Б.

9.

Милинькая мая сестрица! Мы всѣ, благодаря Бога, довольно здаровы, кромѣ папинькѣ. Дай Боже, чтобъ вы были веселы и спакойны, и чтобы ети строки васъ нашли въ польномъ здаровіи. А мы всѣ такъ живемъ, такъ какъ вамъ писали. Мы получили атъ маей милой сестрицы письмо, а ко мнѣ не было. То мнѣ такъ грусно стало, то прошу въ другоя время такъ и не горьчатъ; хотъ строчку ка мнѣ написатъ. Я теперъ уверена, што вы, мая милая, въ Масквѣ, то прошу меня уведомлятъ объ ево [1]) здаровіи Фонюшкинамъ, Чегликавамъ и, ежели не в трудъ будитъ, покланиться и сказатъ, што я ево никогда не пазабуду и всѣгда онъ мнѣ милъ, хотъ и не чистая скатинька. И тожа прошу мой поклонъ Аннѣ Михайловнѣ. Маминька вамъ всѣнижайше кланеется. А атъ меня прошу покланиться всѣнижайше хозяивамъ и з детками и всѣмъ собѣседницамъ. И не прогнѣвайтесъ, мая милая, што такъ дурна пишу.

Астаюсъ с ыстинымъ моимъ почтеніемъ и с полною любовію
Журналистъ.

Письмо было сложено пакетомъ и надписано другою рукою: „Милостивой Государыне моей Марье Семеновне. Еия высокоблагородию Бахметьевой". А. Б.

---

[1]) О комъ идетъ рѣчь—неизвѣстно. *А. Б.*

10.

Милинькая моя сестрица! Дай Боже, чтобъ вы были здаровы и веселы, и чтобъ ети строки нашли васъ веселыхъ и спакойныхъ. А мы все, благодаря Бога, слава Богу, изрядны, кромя слабыхъ ножикъ папинькихъ. А атъ меня прошу засвидѣтельствовать мой поклонъ хозяинвамъ и з дѣтками и всѣмъ собѣседницамъ. А маминька вамъ всенижайше кланеется.

Астаюсъ с искренымъ моимъ почтеніемъ и с полною любовію

Журналистъ.

И еще вамъ позабыла написать, што ужъ вы меня не узнаете, пачему што ужъ я пью пива и па стакану и кофи тожа.

11.

И я, милинькая сестрица, желаю, чтобъ вы были здаровы и спокойны, и веселы. А мы всѣ, благодаря Господа, довольно здаровы [1], кромѣ папиньки. Вы сами изволите знать по слабости его ножки. А намъ довольно вѣсело; а ещобъ было бы веселѣе, когдабъ моя любезна(я) сестрицка была бы вмѣстѣ. А теперъ мы занимаемся всѣ. Папинька и Анна Николавна чита(ю)тъ исторіи Грандисона. И Папинька вамъ кланеет(с)я. И прошу засвидѣтѣльствоватъ мое почтеніе Аннѣ Семенови, и Васілію Влагодимерачу и з дѣтками, и Аннѣ Артамонавнѣ [2], и Наталіи Михайловнѣ. А извините меня, ежели я не такъ написала или ошибку здѣлала. А маминька всѣнижайся кланe(е)тся. И прошу васъ меня любить такъ, какъ и прежде.

Есть с истеномъ моемъ почтеніемъ васъ, милинькая сестрицка и милостивая Государыня, покорная и готовоя ко услугамъ

графиня Анна Орлова-Чесменская.

---

[1]) Въ подлинной рукописи ошибочно „здадоры". *А. К.*

[2]) Анна Артамоновна Панина *А. К.*

12.

Любезная мая сестрица! Я не преминула, чтобъ къ вамъ не написать, какъ мы правадили 26 числа. Папинька меня здѣлалъ хозяйкою и приказалъ, чтобъ я всѣхъ почивала, хоть и никаво нѣ была кроми, каторые с нами едутъ. Былъ у насъ именинной пирогъ и мы пили здаровія шенпанскимъ и венгерьскимъ дарогой нашей именинѣце, тако и Шереметьивыхъ са всѣю фамілію и всѣхъ вами любящимъ. И мы были в ѣвтотъ дѣнъ очинъ вѣселы. Папинька нынѣшнее время сталъ аправлятся ножками. И мы, слава Богу, здаровы и Александрѣ Алексеевичу стала гаразду лучше. Прашу отъ меня засвидѣтельствоватъ мой поклонъ Васілию Владимерачу, и Аннѣ Семеновни и з дѣтками, и Аннѣ Артамонавнѣ, и Наталіи Михайлавни. И прашу меня, милая мая, извинитъ, ежели я не такъ написала или ашибку здѣлала. Маминька вамъ засвидѣтельствуетъ свой нижайшей поклонъ.

Астаюсъ павсѣгда съ сыскринемъ моемъ почтеніемъ и съ польною любовью пакорная служница

графиня Анна Орлова-Чесменская.

IV.

ПИСЬМА

графини Анны Алексѣевны

Орловой-Чесменской

къ Екатеринѣ Васильевнѣ Шереметевой.

IV.

ПИСЬМА

графини Анны Алексѣевны

Орловой-Чесменской

къ Екатеринѣ Васильевнѣ Шереметевой.

IV.

ПИСЬМА

графини Анны Алексѣевны

Орловой-Чесменской

къ Екатеринѣ Васильевнѣ Шереметевой.

1.

10-го марта 1844 г. Уединеніе.

Вы себѣ представить не можете, милая моя Екатерина Васильевна, какъ мнѣ жаль, что я была лишена утѣшенія васъ видѣть въ моемъ мирномъ Уединеніи по милости дурной дороги. Ежели бы я могла знать время о прибытіи вашемъ въ Новгородъ, то непремѣнно бы выслала къ вамъ мой возочикъ, который бы васъ преспокойно доставилъ въ мой рай Земной. Но что уже объ семъ говорить, что̀ поправить не можно. Получила ваше дружеское письмо, равно и посылку отъ моей Мавры Ивановны, которую вы сдѣлали милость мнѣ доставить въ самый день вашего проѣзда черезъ Новгородъ въ исправности. Премного васъ, моя милая, за оное благодарю и уповаю на милость Божію, что вы достигли благополучно до нашей матушки Москвы и нашли всѣхъ вашихъ здоровыхъ и обрадованныхъ вашимъ пріѣздомъ, которымъ прошу сказать мое усердное почтеніе. Ваше порученіе А: И: Жадовской не могла исполнить, потому что она въ Москвѣ, а у меня и не было ея здѣсь. Получила я письмо на ваше имя отъ Мирковича, которое при семъ къ вамъ препровождаю, моя милая. Обнимаю васъ дружески и благодарю васъ сердечно за желаніе ваше посѣтить меня, но которое, къ душевному моему сожалѣнію, не исполнилось. Что дѣлать, видно я сего утѣшенія не была достойна. Христосъ съ вами, моя милая, будьте здоровы, мирны и не позабывайте васъ искренно многолюбящую

Г. А. О. Чесменскую.

Прошу васъ съ любовью передать мое искреннее поздравленіе графу и графинѣ. Слава Господу Богу, что все сіе благополучно кончилось. Вы не ошиблись, что я въ семъ счастливомъ событіи приняла живое участіе и за пріятное извѣщеніе ваше сердечно вамъ благодарна, моя милая. Желаю вмѣстѣ воспользоваться симъ случаемъ быть первой, чтобы поздравить васъ съ приближающимся днемъ вашего тезоименитства, а потому заранѣе оное исполняю съ любовью и сердечнымъ желаніемъ всѣхъ вамъ благодатныхъ милостей отъ Господа нашего Премилосердаго. Почтеннѣйшей Варварѣ Петровнѣ [1]), сдѣлайте милость, передайте мое усердное поздравленіе съ новорожденнымъ внукомъ [2]). Обнимаю васъ дружески, моя милая, и остаюсь навсегда васъ искренно многолюбящая

Г. А. Орлова-Чесменская.

5.

16-го декабря 1844 г. Уединеніе.

Заранѣе и на свободѣ спѣшу поздравить васъ, возлюбленная моя Екатерина Васильевна, съ приближающимся всесвѣтлымъ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего и съ Новымъ годомъ, и отъ всей души пожелать вамъ отъ Рождшагося Безлѣтнаго Младенца Искупителя міра насладиться вполнѣ всѣми плодами воплощенія Сына Божія Іисуса Христа и при совершенномъ здоровьѣ счастливо и благополучно вступить въ новое по благодати для всѣхъ лѣто. Прошу васъ, милой другъ, поздравить отъ меня всѣхъ вашихъ родныхъ съ сими благодатными праздниками святой нашей церкви. Очень сожалѣю, что разныя непредвидимыя обстоятельства не допускаютъ васъ посѣтить мое мирное Уединеніе и помолиться съ нами вмѣстѣ. Что̀ дѣлать, надо покориться волѣ Божіей! Жаль мнѣ бѣднаго Харлампія Гавриловича [3]), а его болѣзнь должна быть очень тяжела. Дай Господи, дабы

---

[1]) Варвара Петровна Шереметева. *А. К.*
[2]) Графъ С. Д. Шереметевъ, род. 14-го ноября 1844 г. *А. К.*
[3]) Х. Г. Жеребцовъ. *А. К.*

онъ только съ ней раздѣлался благополучно. Обнимаю васъ дружески, милая моя Екатерина Васильевна. Ежели Господь благословитъ, то собираюсь на будущей недѣлѣ говѣть. Прощайте, Христосъ съ вами, навсегда васъ искренно многолюбящая

Г. А. Орлова-Чесменская.

6.

7-го апрѣля 1845 г. Уединеніе.

Милая моя Екатерина Васильевна, отъ всей души поздравляю васъ съ приближающимся всерадостнѣйшимъ праздникомъ Воскресенія Христова и сердечно желаю, чтобы Господь Богъ нашъ, воскресшій ради нашего спасенія, сподобилъ благодатію своею сіи нареченные и святые дни встрѣтить вамъ и провести въ совершенномъ здоровіи, мирѣ и радости духовной; равнымъ образомъ поздравляю и всѣхъ вашихъ любезныхъ родныхъ, а особенно милую Г. А. Сергѣевну [1]). Благодарю васъ, моя милая, за письмо ваше. Я ваше порученіе къ Г. Алексѣю Ѳ. Орлову исполнила тотчасъ же на счетъ г-на Атарщикова, но отъ него не получила еще никакого отвѣта. Не могу болѣе съ вами бесѣдовать, надо ѣхать въ церковь Богу молиться, оттого я васъ заранѣе поздравляю, милая моя, со Святой Пасхой, ибо на Страстной седьмицѣ едва ли мнѣ будетъ время сіе исполнить. Обнимаю васъ дружески, милой другъ, съ желаніемъ вамъ всѣхъ благодатныхъ милостей отъ воскресшаго нашего Христа Спасителя. Остаюсь навсегда васъ искренно многолюбящая многогрѣшная

Анна.

7.

Суббота, 26-го мая (1845 г.).

Милой другъ Екатерина Васильевна, посылаю вамъ при семъ письмо отъ Муравьева, которое вы желали прочесть, моя милая. Ежели оное вамъ придется по сердцу, то можете его совсѣмъ у

[1]) Графиня Анна Сергѣевна Шереметева. *А. К.*

конныхъ властей, и среди общей болѣзни, по многимъ мѣстамъ доселѣ продолжающейся холеры. Сіе знаменіе Божіяго къ намъ многогрѣшнымъ милосердія есть очевидное Его Всевышнее покровительство православной нашей Россіи и Русскому народу! Всѣхъ вашихъ родныхъ, съ любовію меня помнящихъ, усерднѣйше благодарю и искренно свидѣтельствую имъ мое почтеніе, а васъ, моя милая, обнимаю дружески, съ желаніемъ вамъ отъ Бога всякаго утѣшенія и благодатной милости. Остаюсь навсегда васъ сердечно многолюбящая

Г. А. Орлова-Чесменская.

10.

28-го іюля 1848 г. Уединеніе.

Сердечно благодарю васъ, милой другъ Екатерина Васильевна, за пріятное и вполнѣ радушное привѣтствіе ваше меня со днемъ имeнинъ моихъ и за всѣ ваши благія желанія мнѣ, какъ на день сей, такъ и на послѣдующіе дни и годы моей жизни. Съ особеннымъ удовольствіемъ получила я и прочитала любезныя строки ваши, въ которыхъ ясно вижу вашу дружескую, постоянную ко мнѣ о Господѣ любовь и расположеніе. Душевно радуюсь, что Премилосердый Господь среди настоящихъ горестныхъ обстоятельствъ хранитъ и милуетъ васъ и всѣхъ вашихъ своею небесною благодатію. Прошу васъ, моя милая, поблагодарить за меня всѣхъ вашихъ родныхъ за ихъ добрую память о днѣ моихъ именинъ и за вся благія ихъ мнѣ желанія и засвидѣтельствовать имъ мое усерднѣйшее почтеніе. Господу Богу было угодно во время болѣзни холеры, въ прошломъ мѣсяцѣ, взять изъ моего мирнаго Уединенія въ самое краткое время трехъ вѣрныхъ и добрыхъ слугъ моихъ. Хотя не безъ скорби было для меня сіе посѣщеніе гнѣва Божія, но съ полною покорностію переношу сіе испытаніе Всевышняго и съ любовію покоряюсь Его всесвятой волѣ. По грѣхамъ нашимъ заслужили мы вполнѣ Его праведный гнѣвъ. Одна молитва, истинно христіанская жизнь и вѣра въ Бога могутъ безъ сомнѣнія подвигнуть на милосердіе къ намъ грѣшнымъ Его благость и человѣколюбіе! Слышала я прежде, что у васъ въ Москвѣ

открылась чудотворная, описываемая вами икона Божіей Матери. Слава Богу, что въ такое смутное время Всевышній посылаетъ на подкрѣпленіе намъ грѣшнымъ въ духѣ такія небесныя явленія и чудотворенія. Какъ неизреченно велико милосердіе Божіе къ намъ недостойнымъ! Онъ, какъ Отецъ чадолюбивый, въ одно время насъ наказуетъ и въ то же время являетъ къ намъ свою милость и утѣшенія. Я объ сей иконѣ имѣю уже описаніе, и потому не безпокойтесь, моя милая, присылать мнѣ онаго. Обнимаю васъ дружески, моя милая Екатерина Васильевна, при желаніи вамъ совершеннаго здоровія и всѣхъ благодатныхъ милостей отъ Отца Небеснаго. Остаюсь навсегда васъ сердечно многолюбящая

Г. А. Орлова-Чесменская.

V.

ПИСЬМА

къ Марьѣ Семеновнѣ Бахметевой

отъ разныхъ лицъ

за 1792—1838 гг.

2.

Кн. Львовы — М. С. Бахметевой.

12-го іюля 1795 г. Калуга.

Неизвѣстною рукою:

Марья Семеновна, мой друкъ! На почте я не писала къ тебе, патому што батюшка ізъ города писалъ, а я в деревни. А теперь скажу а себѣ: благодаря Бога, давольна здарова паабыкъновенному і проводимъ время такъ же, какъ і прежде.

Паслали в Маскву с кубами для переделъки і такъ імевъ случей свесть пасылку, а іменно велела купить муки крупичетай мешокъ, то какъ ее надабна выбрать харошею, а незънающей человекъ едитъ Яшка, то нетъ ли у тебя повара, каторай бы выбралъ ее. Да нельзя-ли тебе, матушка, сыскать зеленой мази, каторою давалъ кастоправъ. У меня тоже рука болитъ, каторою ушибла, едучи в Маскву. Не всегда, а бываитъ. А мнѣ ана памагаітъ, да вся ізашла і нечимъ лечить. Я теперь очинь утешаюсь пакупъкай деревъни В. В. [1]) і думаю, ани, не замедля, выедутъ, а къ нимъ писала, што ужъ пасъльднее письмо пишу. Больше сказать нечева, какъ дай Боже тебе сваю миласть. Прасти, моі друкъ.

Рукою князя Д. С. Львова:

Здраствуй, мая милая сестра! Дай Богъ тѣбѣ совершеннаго здаровья. О себѣ же сказать магу, какъ я, такъ и жена, благодарить Бога, здаровы и поживаемъ весма пріятно. Боль мая зубная прошла и позволяетъ мнѣ пользоватся въ изобиліи пладовъ земныхъ. Черезъ недѣлю думаю ехать въ свою деревню збирать хлебъ. Не знаю, каковъ то. А здѣсь ерoвымъ засуха много помешала, а паче травамъ, которыи очень плохи. Мы теперь очень утешаемся надеждою скоро видеть любезныхъ нашихъ Соратовцовъ. Пожалоста, выписывай ихъ скорѣй. Также забочусь пріисканіемъ купить себѣ деревеньку. Но по сіе время въ здѣшныхъ местахъ нету на стать. А празность очень наскучила при всемъ сіо пакое. Вотъ все, мая милая, что могъ тебѣ сказать. Буть здорова и покойна. Сего от сердца желаетъ твой верной братъ и слуга

К. Дмитрій Львовъ.

---

[1]) Василія Владиміровича Шереметева. *А. К.*

Рукою княгини М. А. Львовой:

Здраствай, матушка сестрица! За дружескаю приписку очинь благодарю. Радаюсь, што ты, матушка, здарова. Желаю очинь, штобъ оное навсегда прадолжалось. Мы, слава Богу, здаровы и зачинаимъ збиратца ехать въ сваю деревню. Благодарствай, матушка, за узорь. Зачели шить да за многимъ остановка. Пращай, матушка. Писать болшие нетъ время. Спешимъ атправлять.

Неизвѣстною рукою:

И я, матушка, цалую ручки Ваши и прошу Бога, чтобъ Вы были здоровы, веселы и покойны. А я, слава Богу, здоровъ. Новостей никакихъ нѣтъ и, ей Богу, для того мало пишу, что сказать нечего. Ожидаю очень приѣзда Шереметевыхъ. Они насъ у себя соединятъ. Дай Боже иметь скорѣй ето удовольствие. Цалую еще ручки Ваши. Прощайте, моя мать. Богъ съ вами!

Рукою князя С. С. Львова:

Любезная дочь, Марья Семеновна! Я, милой друкъ, слава Богу, здаровъ і таперь в городе, а завтре поеду в деревню. Не писаль к тебе на почте, потому что отправиль Яшку Іванова для починки винныхъ кубовъ, і с нимъ пишу. Буде ты, мой друкъ, в Москвѣ, то пошли за Анъдреемъ Тимоѳеичемъ, і я к нему писаль. То говари ему, чтобъ онь мастера, которой чинитъ и делаитъ кубы, попросиль, чтобъ поскарея іхъ зделаль. Онь ему хорошей приятель. Яшка тебе скажетъ, какь ево зовуть. Я уже болше к Василью Володимеровичу однай почты писать не буду по ево писму. Онь ко мне пишеть, что какь скоро от тебя получитъ известие, что деревня куплена, то і выедетъ. Болше, мой друкъ, сказать нечева. Дай Боже тебе доброе здаровье і всякое благо. А я пока живъ, твой верной друкъ

князь Семенъ Львовъ.

PS. Какь нашъ начальникъ къ намъ будетъ, еще неизвесно. Сказываютъ болень, я ево толко жду і затем прозбы не посылаль.

чтобъ нечаенимъ приездемъ не напугать. Какъ только они узнали, что мы узъ недалоко и даже въ виду, выбежали все на встречу къ намъ, а именно: сестра, братъ и балной дядюшка. Все да слозъ абрадовалисъ и я тоже. Матушки, старшей сестрицы и брата не было дома: ани были въ гастяхъ. И тотъ же часъ за ними послали. Тоже и етего дядюшки не было дома, которой в Москву приежалъ; онъ былъ въ Вильне, куда мы послали. Я нашла дядюшку не в полномъ здаровю: онъ загавариваетъса очинь часто, аднакошъ бываютъ минуты, въ которихъ хорошо разсуждаетъ. Нами очинь радовалса, но, по нещастию, и я его разгневала. Онъ себя щитаетъ совершенно здаровымъ и никакого лекарства не хочетъ принимать; я ему паднесла адну чашку; он ея выкушалъ, но какъ другую сталъ пить, узналъ, что ето было лекарство и сей минуты сталъ гаваритъ, что и я хачу его акармить. Лекарства щитаетъ ядемъ и ни пот каким видемь не хочетъ ихъ принимать. И для того падолея прадлитъся его балезнь. Въскоре после нашего приезда приехала матушка; очинь абрадоваласа, такъ даже много, что сама не знала, что с нами делать. В одну минуту и сама изволила и спрашивать, и одвечать, и ласкать пасъ, и выговаривать, что такъ долго не видались. Словемъ вамъ, сударушка, сказать, что нелзя аписать етого удаволъствя, которее мы все чуствовали. Сестрица старшая бросиласъ ка мне; закричали мы обе такъ громко з радости, что всехъ перепугали и долго не магли оставить етева палаженя, чтобы другъ друга не прижимать къ сердцу. Дома у маминки мы пробыли три дни, и з благославением ея паехали до Гродна даганять нашего благодетеля. Съ нами поехали: дядюшка, сестрица и братъ. Приехали до Гродна въ сутки. На дороги ничего съ нами любопытного не превсходило, кроме етево одваго, что всию дарогу мы все всио спали. Приехавши до Гродна, были абрадованы, увидя нашего благодетеля, слава Богу, в сваиомъ здаровию палучей и пошки пакрепчей. Я представила сесрицу маю нашему благодетелю, которой еио принялъ с обыкновеннымъ ему добродушиемъ и милостию. Оне же, по прибыванию несколко дней с нами, уехали: дядя — въ Вилну, а сестрица — дамой. Я надеюсь, что дядюшка скоро кончить маио дело, дла которего онъ такъ поспешилъ и, какъ уве-

раютъ, то оное кончицса прежде нашего отежда из Варшави. Несколко дней по приежде вь Гродню, Александрь Алексевичь зделалса боленъ. Сь начала лежаль вь жару, а тамъ после пака-залса нарывь в горле. Етимъ, какь вы себя, мая любезная, можете претставить, я очинь безпакоилась; аднакже, благодаря Всевышнего, етоть наривь прарвалса и он теперчу пачти савсемь здаровь. Воть дражайшая маминка, что причиной етево, что вы ад всехь, которие такое зь абещание зделали себя какь и я, получите писма, кроме меня и Александра Алексевича. Мы ат вась писмо писано(е) вь Варшаву атабрали, которимь все восхищени были до черезвычайности. Етоть сладкой канфектикъ адменно намъ быль по серцу. Все его жадностию глатали, и я имъ была последовала; но онь не такь што то ловко у меня прахадиль какь у всехь; вь горле астанавлалса, и от него прелетело кь серцу моему что то такого, что царапало и меня безпокоило. Искать, атгадивать, спрашивать, что ему зделалосъ; ано тотьчась и высказало что ето два слава, какь вамь кажетса, чтобы ете было мая умница, вы мне не атвечаете, вы ать нась далоко. А я вь такомь удовольствю что кь вамь пишу, что вся пазобылась. В евти времена, кагда я имела щасте сь вами быть всякую минуту, я такь привыкла кь вашему проницателному уму, что ненадабно было какь атнаго слова, чтобы всего изволили догадатъса. А какь теперчи ето писмо, такь и надобно вамь написать, что ети слава, милая мая Анна ленивица, хто то ихь ко мне писалъ, хотя ани меня и пацарапали, аднак зе ето мне лестно, что вы, любезная маминка, приказиваете кь себя писать. Желание мое выпалнять ето вь точности. Толко извольте меня извинить, ежели найдиоте много ашибекь вь писанию и столкожь нескладности вь речахъ. Любовь и почтение, которие я к вамь чустваю, есть безмерное. Но етихь чуствь я не магу вамь ни самей малейшей части аписатъ, па етему, что немного знаю Руского языка Но хатя бы его совершенно знала, думаю, что и в то время не магла бы аба всиомь вь маиомь серцу дла вась чуствуимь написать. Теперчи кь окончаню моего писма толко еще надобно прибавитъ самую пакорнейшую прозбу, чтобы вы изволили меня всегда любить и жаловать. Ето саставлаетъ маио щастие и удаволстве, которое будеть вь совершенствие

и видя васъ. Дай Богъ даждатъса скарей етова время. Между темь не забывайте насъ. Мы столко разъ васъ паминаемъ, что, сахрани Господи, чтобы вамъ столко разъ икалось. Прасти, милая, любезная маминка.

Астаюсь преданнейшая ваша услужница

А. П.

Анне Семеновне, Василю Владимиричу, съ савсею семею нижайшее почтене прашу, милая, засвидетелствовать. Все маи раднее за вашу къ амне милость приказали, какъ я была дома, свидетелствовать самое нижайшее почтение и самую искреннейшую благодарность, хотя и не знакомы.

5.

А. Н. Піотровская—М. С. Бахметевой.

(Начало марта 1797 г.).

Съ несказаннымъ удоволствиемъ читали мы, милая моя, ваши писма, естли уже определено, чтобы до некотораго времени не иметь еще превасходнейшей етего радости васъ самыхъ видеть. Мнѣ толко одно прискорбно, что вы меня ленивой называете. Разве маи писма васъ не доходютъ? Или я въ тыхъ же письмахъ, па причине несведущеи езыка, не умею изяснить моихъ чуствъ, которие къ вамъ имею. Но будте уверени, что ни самая далекая отдаленность, ни самои далжайшеие время не при томности вашей, не можетъ переменить моне къ вамъ привержености. Покорнейши вамъ благодарю, любезная мая, за ваши безпакойства абъ маей судбе. Разводъ еще не кончилса. Во время нашей бытности въ Польще, мне наверно сказывали, что онъ скоро кончится. И, казалось, что долженъ былъ скоро кончитса; но какъ мы выехали изъ Гродна, я абъ ниомъ ничего не слихала, ни писемъ не получала отъ родныхъ. Ежели я что небуть узнаю абъ ниомъ, не премину осведомить маю дражайшую маминку. Находють инагда на меня тучи, какъ с той стараны, такъ и с какой небуть другой: какъ напримеръ, болезнъ дядюшки, а тамъ что небуть еще. Сколко разъ вспоминаю, что ежели бъ с ваим

пагаворила, должна была бы быть веселой. Такъ ето всио, мая милая, умела харашенко разказатъ. В евту минуту прашу Бога, что бы во время такой же минуты для вась хатели бь себя такъ разгуливать. Нашь благодетель, слава Богу, изряденъ; но есть дни, вь которыхъ и по хужей. Журналистъ его очинь радуетъ и утешаетъ. Но всегда вась очинь часто паминаетъ, такъ какъ и мы все. Вы не паверите, какъ безъ вась грустно, а инагда да слозъ приходитъ. Утешайте своеми писмами и меня также не забывайте. Какъ мы получимъ ваши писма, все очинь взрадуемса, но я скоро и загрущу. А темъ болеи мнѣ ето чуствително, что безъ вины винавата. Надеюсъ, что болши не буду названа етимъ именемъ. Вьпрочимъ же изволь толко писать да любить; ать етихъ лекарствъ скоро заживутъ ети раны. Мы были въ галереи: отменно хараши живописы. Между картинами славнеми увидели мы адну, еста(м)пъ такой есть у васъ, мая милая: Иосыфъ представлаетъ сваго атца какому то архирею, которой очинь пахошъ на Бутерлина. Хозяевымъ нижайшено маио пачтене. Деткамъ и собеседницамъ тоже. Богъ сь вами. Цалую ваши ручки. Препоручаю себя вашу любовь и вь безценую и почтителную дружбу.

Преданнейшая кь услугамъ

А. П.

Приписка рукою А. А. Чесменскаго:

И я, милостивая Государыня, осмеливаюсъ приписать съ сердечнымъ желаниемъ, чтобы вы были здоровы, и чтобы все ваши желания совершилисъ. Тогда уверенъ, что и мы будемъ довольны. Нельзя ли моево подкомандующево къ своей команде отправить, вкупе и главнаго директора всехъ нашихъ затей. Здесъ естамповъ много, красокъ доволно. Толко некому писать. Я уверенъ, что вы постараетесъ, естли возможно, мою прозбу исполнить. Я к вамъ не много пишу, ибо у васъ писемъ безь тово много. А я подставной, и естли кому не удастьса писать, то тогда я принимаюсъ. Препоручаю себя въ милость и остоюсъ съ глубочайшимъ почтениемъ верной и покорной слуга

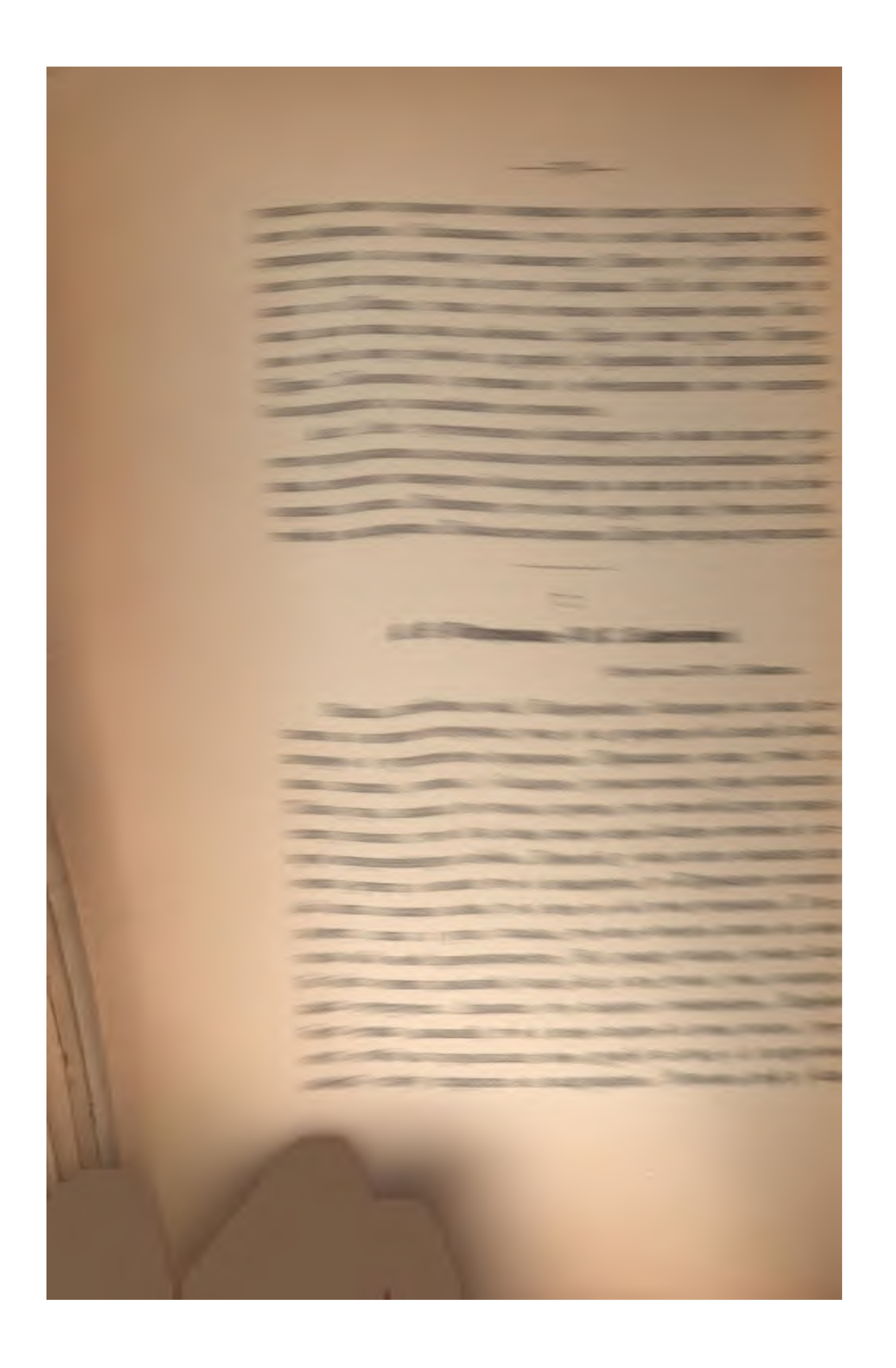
А. Ч.

въ 10 часовъ у нась все пачти спятъ. Вотъ всио, мая милая, что у нась делаетса. Были мы адинъ разъ вь консерте: женщина на скрипки играла. Видели здешнихъ жытелницъ: очинь дурно адеваютса; у всехъ шеи открыты савсемъ и на наши глаза очинь нехорошо. Гуляне кругомъ городу очинь хорошо. Мы толко тамъ и гуляемъ. Но куда толко не пайдиомъ, вежде абь вась вспоминаемъ. Карова заревиотъ или ея увидимъ, тотчась и вспомнимъ абь вашей ахоте. Словемъ, всякую минуту вы у нась въ памяти. Очинь паверу, мая милая, что вамь тошно вспомнеть, какь наше свидане далоко. Нелзя ли какь небуть приспешить етаго. Какая бы ето радость была Господины владики. Да и ета как можна скарей. Межу темъ не лишайте меня самого болшого удаволствя. Неколко вашихъ словь такое утешене, что с ними не хочетса разтатса. И теперешное вашо писмо ужъ пачти паизусъ знаю, столко разъ его читала.

Разводъ мой еще не кончилса. А какь мы выехали изь Гродна, я не имела никакого известя. Сына маего не видала. Мужъ зывиотъ вь деревни, атъ Гродна 35 виорстъ. Не было способу его видеть. Ежели бы разводъ былъ конченъ, нашли бы какой небуть способъ; но какь он не конченъ, то советовали лучей оставить ето намерение. Сказывали, что его онь очинь любитъ и что онь очинь щасливъ будетъ. Пишете, мая милая, желали бы выдат за мушъ скарей свою Цурку [1]) и радоватса внучетами. Ето вить всио видни ваши милости, любезнейшая мая, но еще изволте пад аздать. Приданное делаютъ въ Полше. А между темъ приедетъ пасажонная мать и образемъ благословитъ Египскою Богародисей, которей всегда малитъса стану и благодарить за етакаю маминку, како вы дла меня. Пажалусте напишите мне, продолжаете ли играть на фортепянахъ? А что писать картинки, то ушь верно самая балшая мастерица. Очинь харашо писали при нась. А теперечи, я думаю, удивително пишете. Ета, которую изволите называть приятелницой, вь самамъ деле папріятелски встретилась и савсемъ другимъ манеремъ, какь прежде перет етимъ. Какь меня

---

[1]) Цурка (польское: „Córka—дочь“) — сама Анна Николаевна Піотровская, вышедшая впослѣдствіи вторично замужъ за А. А. Чесменскаго. *А. К.*

бална нарывемъ вь горле; но ето, слава Богу, прашло и я теперичи здарова, даволно спакойна ать того, что мой разводъ кончилса. Ажыдаю декрету. Между темъ збераемса вь Карлсбатъ. Думаю, что скоро уедемь. Чтобы ето за удаволствие было, ежели бы вы кь намь приехали. Милая, нельзя ли етего паспешить. Вы бы нась всехь етимь спакойными зделали. Паверите, что не праходить несколко минуть, что бы мы абь вась не гаварили. И чемь бы не занимались, всио на томь кончитса, что вась неть, и оть того очинь скушно и тошно. Образь жызни у нась всегда же такой, какь я вамь писала. Теперечи здесь даволно жарка пагода. Ушь все деревя працвели и кажетъса, бутьто юль месяць. Была здесь ярмарка и ушь праходить. Всякихь таваровь очинь много; тоже и естамповь множество самыхь хороших. Страсть, которую привиль намь мой женихь, у меня всегда очинь велика. И ежели итти мимо етой лавки, где естампы, нельзя не зайти и не полюбоватса, но я еще ихь ни одного не купила; аднакже, думаю, что не буть потцеплять, какь станиемь збератса вазвратно вь Москву. Воть вамь, мая милая, и всио, что я змыслила написать. Богь сь вами. Любите привязаннейшую приятелницу и преданнейшую услужницу.

Приписка рукою А. А. Чесменскаго:

Я думаю, сударыня, что вамъ известно, что я решильса самъ писать, а не дожидатьса, чтобы другия устали, чево, какъ видно, не случитьса. Приношу мою благодарностъ за незабвение ваше, а лутче бы было, естли ни вамъ, ни намъ не было бы нужды писать. Хотя ета наука и весма полезна, признаюсъ, естли бы сие состояло въ моей воле, то бы я такъ смудрилъ, что в ней нужды бы не было. Нынче светъ сталъ умионъ: всякои про себя, а Богъ для всехъ. И для того не взыщите, естли я вамъ стану писать все свои подвиги. Я нынче сталъ загадка. Зделалъса ученикомъ старого астронома, которой столко чудесъ мне расказалъ, что я скоро буду въ состояніи самъ вертушки строить. Я же и учителъ, какъ бы вы думали, молодчика, которому 65 летъ! Онъ у меня учиться по-руски. Весъ домъ нашъ смеетьса, какъ онъ поутру, съ книжкой подъ пазухой, ко мне бежитъ. Безделица самая! Онъ

тринатцатъ езыковъ говоритъ и спешитъ еще два выучитьса. Между протчимъ по гишпански говоритъ и долго тамъ былъ. Расказывалъ, что у нихъ любимое кушенье олла пордрига и что оно весма дорого; что въ евтомъ кушенье все жаркия, какия можно вздумать, и все соусы, и что оно походитъ на пирамиду. Мне кажетьса, что у Егора Мартынова голова не гишпанское-ли блюдо по всемъ темъ чудесамъ, которыя онъ на фабрике съ тобакерками делаитъ. Еще вамъ докладываю, что пускаемьса хлебать горячия воды. Тамъ будетъ множество людей, но я въ этомъ....... [1]) не количество, а качество. Старой другъ лутче новыхъ двухъ. Зделайте милость, скажите Живописцу, что при ево дряхлости, естли я не ошибаюсъ, чево и не смею подумать, ему нетъ способу вылечиться безъ горячихъ водъ. Ужъ какъ бы одолжилъ, что сказать нельзя. Говорили про нево, что онъ окроме живописи былъ замысловатъ, выдумчивъ. Но видно, что всио имеитъ свою меру, и что онъ хвасталъ болея, нежели въ самомъ деле было. А какъ теперичe дела по вотке вашея, то и не с места. Признаюсъ, ето досадно. То тутъ то и мудрость, проворство и умение, где плохо; а то не мудрено, где дела сами текутъ. Однимъ словомъ нетъ вещи, которой бы я не зделалъ, чтобъ вырвать Живописца изъ лавки. Но я отсюдова немощенъ. Извините, что я к вамъ такую дичъ пишу; я иногда завираюсъ, а иногда и Фирсычъ правду скажетъ. Препоручаю себя въ вашу милостъ и остоюсъ тотъ, хто былъ непоколебимъ.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою же рукою: „Милостивой Государыне Марье Семеновне“. А. Б.

8.

А. Н. Піотровская — М. С. Бахметевой.

20-го іюня 1797 г. Теплицъ.

1797 года, 17 число іюни, 5 часовъ по-палудни, вь гарадке Бриксъ, вь двухъ миляхъ ать Теплицъ, куда мы приехали, слава

[1]) Въ этомъ мѣстѣ бумага прорвана кружкомъ, соотвѣтствующимъ размѣру оторванной печати. *А. Б.*

Богу, благополучно. Лошадей нетъ гатовыхъ и не абещаютъ скарея, какъ за два или за три часа. Графъ изволитъ заниматъса чтениемъ газетъ, а мне папалась бумага доволно затаскана въ маиомъ адномъ кармане, а въ другомъ — пиорушко, на стале же увидела чернилы. Вотъ для меня времие, которое я считала будетъ скушно, зделалось атменно приятне и весело. Но между темъ сказано было почмейстеру, что мы не станиемъ начевать, а какъ лошеди будутъ гатовы, хатя въ полночь, мы не астаниемъса, а паедиемъ. Ушь онь нась какъ стращалъ, что и дарога уска, и горы превеличайшие, но какъ виделъ, что такъ намерилисъ, паскарея велелъ сыскивать лашадей. И теперичи, какъ я занимаюсь приятнейшимъ удоволствиемъ, сказываютъ, что лошеди гатове.

Теперчи мы приехали въ Теплицъ. Всио, слава Богу, благополучно. И ете письмо начало имело на дароги, но я его намерилась, ушь такъ какъ ано есть, паслацъ къ милей маей. Въ тотъ день, какъ намь ехать изъ Карлсбата, присланъ къ намь декреть, но мне не сказывали. Азъ мы сели въ карету, то графь началъ шутить; всио говариль а свадбе, желалъ чтобы декреть пришолъ паскарея. И такъ я начела дагадыватъся. А какъ мы приехали на почту, то и Але: Але: тоже началъ загаваривать, что ушь я и начела прасить, чтобы мне отдали, ежели есть, писмо или что небуть. Какъ намь ушь садитъся, то мой женихъ атдалъ мне пребалшую бумагу и с ней писмо, которое я начела читать и никакого толку не находила. Дядюшка писалъ, что онь очинь былъ болень и даже не чаили абь его жызни, что ему палучея, но всио очинь нехарашо, что онь бы паслаль декреть, не знаеть куда наверно паслацъ; тоже, что маи радние очинь все безпакоютъса, особливо Матушка, и всио для меня неприятние вядомости. И такъ запутаны, что я сама не знала что делать. Декреть у меня въ рукахъ, а не знаю, какъ онь пришоль. Придумывая, какъ ето зделалось, выспрашивала, не изволитъ етего графъ знать? И в самымъ деле онь не зналъ. А какъ я изрядная плакуня, то дело до слозъ дашло. Къ щастю, мы астанавились, а я послала спрасить Але: Але:, и онь мне разказалъ, что ето прислалъ попъ, которой столко много стараня делалъ въ маиомъ деле. А писмо пришло через почту. Вотъ маи слозы и кончи-

Отсюда письмо продолжается рукою Анны Николаевны:

Возможна ли ето? Я на минуту аташла ать начетего писма и нашла, возвратясь, пачти всю бумагу намарану. Воть каковъ женихъ! Миленкая, пажалусте, пажурите сваго зятя, чтобы онь меня такь не абижалъ. Рази это шутка! Мне такь мало места аставилъ, что ажь мне плакать хочетса. Я не знаю, какь мне быть, чтобы па етимъ малумъ ласкуточки написать ту благодарность, которою я чуствую за ваше приятнейшеие писмецо. Милая и незпадобная маминка, другъ мой сердечной, сколь я чуствително тронута вашими ка мне милостми. Дай Богъ, за ваше для нась утешение самые щастливейшие дни. Я бы очинь желала, чтобы вы видели, сколь мне ваши строки приятны и сколь ани много абрадуютъ, всегда до слозъ самыхь приятнейшихъ и чуствителнейшихъ. Что же к вашей любви, то я щитаю себя очинь щасливой иметь ея ать вась и заслужывать ея. Приказание ваше исполнила: сказывала сваему жениху, что у меня есть такая милая и дарагая Маминка, которая приказала жениху рекомендовать себя. То онь приказалъ мне сказать: рекомендуй меня сваей матушки, чтобы ка мне была милостливая и много другихъ прозбъ, которые я бы и написала, ежели бы не дасадилъ мне, какь ушь я вамь жаловалась спачала писма. Полно шутить. Хочется чемь небуть вась развеселить, но какь то владъ нейдиотъ. Ежели на минуту позабудешса, и думаетса, будто с вами разгавариваешь, то удастъса что небуть и шутить; но какь вспомнишь, что ето писмо, которое да вась пайдиотъ такь далоко, то такь скушно и тошно станетъ, будтобы и плакать хочетса. Признаюсь, напрасно много слозъ потеряла, но какь быть, всегда, кажется, есть абь чомь заплакать. Хоть лучей всего помнить на ету натпись, что у меня на крестики. Толко Богъ падкрепи вась и ваше здаровие. А надежда полная на Бога и твердость вашу. Кь тому же наше молитвы да будуть услышены. То ето время тошное и грустное вазмиоть скоро свой настоящи видъ. Пращайте, милая мая; аставлаю немношка места вамь написать, что небуть абь фабрике. А между темь скажу, что жывописецъ жалокъ очинь, но и падмастеръя его не ахъ-ти мне. Цалую ваши ручкі.

Приписка рукою А. А. Чесменскаго:

Столь бы охотно известилъ бы васъ, что изъ насъ будетъ! Но, ей, не знаю. Вамъ сие лутче ведать. А признаюсъ, что желал бы въ лавке побывать. И какъ худо фабрика ни есть, а всио лутче при хозаине. Бога ради, поступите какъ Магометъ, которой гору к себе звалъ или подвинте еио въ самомъ деле.

Письмо дописано рукою Анны Николаевны:

Хазяевамъ вашимъ з детками нижайшеио маио пачтение.

10.

А. Н. Піотровская – М. С. Бахметевой.

30-го іюля 1797 г. Лаухштедть.

Милая мая! Наше странство не имеить конца. Давно ли я кь вамь писала изь Дрезнена и Лейпцига; а теперечи, четыри дни, какь мы уже вь Лауштете, где наше упражнение непространно. Попиваемь Пирмонскую воду и балтаемса вь алеи вь зать да вь пероть. А нечего сказать, что намь очинь скушно. Ежели бы не было убежища кь работе, незнал бы челавекь, куда сь времениемь деватса. Другимь много занятя чтениемь книжекь Немецкихъ. Что же ка мне, то я не имею и етаго удаволствя. Не знаю ни слова и не желаю. Такь мне ета земля надаела, что вась вь ней неть, что и езыка етаго не хачу знать. Еще же теперечи я апять начела безпакоитьса. Присланной декреть изь Полши оть таго духовнаго, которой вь маиомъ деле столко трудилса, мы велели перевести для любопытцтва. И целой етотъ декреть, котораго есть несколко листовъ, записань, что я имею пастаящой резонъ, чтобы развестись, какь ушь преждие ецо два суда ето же самое асудили: меня делають волной разпалагать маей судбой и делать, что я хачу. Ето кажетса очинь харашо. Но на канце етой бумаги стаить, что г. Пиотро: прасилъ аппелацю и ана ему пазволена толко пад угаворемь, что ежели онь не станеть етаго делать вь срокъ трохъ месецовь, то после, хотя онь и зделаеть, то не будеть иметь это прашение никакой важ-

поръ ничего не переменено, а скоро, сказываютъ, будетъ. Жители желаютъ и надеются брата Императора, бывшаго Тосканского Герцога, иметь. Городъ превеселой; пять толко театровъ ныне отперты. А въ карнавале оныхъ будутъ веселья. Жаль толко, что мне не двацать пять летъ, ибо все забавы поздо по ночамъ начинаются. И Венеціанцы ночью редко спятъ. Графа все помнятъ и по сію пору некотарые барыни и еще несколько среднаго класу объ немъ спрашиваютъ, особливо старуха графиня Неаполитанская и дочь — — Мад.: — — [1]). То-то здесь, матушка, устрицы и славная морская рыба, за безделицу въ изобиліи; фрукты тоже всякого роду по сію минуту такъ свежи, какъ бутто съ деревъ сняты. Образъ обхожденій простъ; игри большой по прежнему нетъ и недозволена. Меньше восми градусовъ теплоты еще не имели, а до прошедшей недели было не меньше 15 и 16 всегда. Съ техъ поръ какъ немецкое владеніе, введены печи и комелки франклиновыя, следственно можно малымъ топленіемъ согреть самые большія и превысокія покои очень легко. И какъ графъ вамъ скажетъ, что мы терпели при большомъ огне въ камине. Чужестранныхъ, кроме двухъ или трехъ нашихъ братьевъ банкротовъ, нетъ. Все ударились въ Пизу и Неаполь. Тьма, сказываютъ, агличанъ въ помянутыхъ городахъ. За то вътрое дороже противъ здешняго. Вотъ, милостивая моя Государыня, все что я умелъ вамъ намарать. Отъ васъ верно ожидаю скоро утешныхъ вестей. Покорно прошу графу, графине и Елене Ивановне поклонится. Тоже и всемъ темъ, кои васъ любятъ и почитаютъ искренно столько, сколько вашъ усердной слуга и мужъ

А. Б.

12.

Кн. А. Б. Куракинъ—М. С. Бахметевой.

20-го февраля / 4-го марта 1808 г. Вѣна.

Милостивая Государыня моя, Марья Семеновна! Часто принимался я здѣсь за перо, чтобъ вамъ онымъ напомнить о

---

[1]) Два слова въ рукописи не разобрано. *А. К.*

мнѣ, по всякой разъ отъ того удерживался опасеніемъ, что мое настоящее отдаленіе и ваше ошибочное, можетъ быть, ожиданіе о долгомъ или даже безсрочномъ продолженіи моего отсутствія, уменшаютъ предъ вами цену моихъ объясненій и подвиговъ, отсюда до васъ доходимыхъ, и васъ дѣлаютъ къ онымъ совершенно равнодушною. Вы развязали теперь чувствія мои къ вамъ письмомъ вашимъ, отъ 14-го Генваря, третьяго дня только мною полученнымъ. И за сію развязку безценнѣйшую для моего сердца, древнія любовь и почтеніе къ вамъ искреннейше хранящаго, пріимите самую чувствительную благодарность мою. Содержаніе онаго возобновило или усилило еще сердечную печаль, съ которою узналъ я о кончинѣ почтеннейшаго и прелюбезнейшаго общаго друга нашего гр: Алексѣя Григорьевича [1]). Драгоценною и незабвенною останется во мнѣ на вѣки память его. Я любилъ и почиталъ его отъ всей моей души. Привязанность моя къ нему, въ заочности не ослабевавшая, преодолевала во мнѣ горесть и огорченіе, произведенныя его отрицаніемъ на нежнѣйшія желаніе и чувствіе моего сердца, каковыхъ оное подобныхъ по ихъ силѣ никогда не имѣло! Послѣ его почтенной и премилой дочери и васъ его кончина, конечно, никого столько не тронула, какъ меня! Я о немъ плакалъ, какъ о самомъ ближнемъ моемъ, какъ о моемъ родномъ, какъ о лутчемъ другѣ моемъ! Письмо ваше читалъ съ новыми слѣзами, и теперь, писавъ къ вамъ, сидя подъ его изображеніемъ, отъ меня нигдѣ не отстающемъ, оными глаза мои наполнены. Отъсюда не умѣлъ я лутче моего болезненнаго сожаленія о его потери изъявить, какъ предписаніемъ моей Московской Канцеляріи, чтобъ отъ имяни моего соборная панафида о его вѣчномъ блаженствѣ въ церквѣ нашего родоваго Шпиталя [2]), у Красныхъ воротъ, отпета была. Знавъ вашу дружескую съ нимъ связь, столько лѣтъ продолжавшуюся, лехко представить себѣ могу, матушка, вашу печаль, ваши слѣзы. Не токмо долго, но всегда будетъ вамъ безъ него грусно, скучно и пусто! Сіе я вамъ предсказываю, хотя

---

[1]) Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій умеръ 24-го декабря 1807 г. *А. К.*

[2]) Страннопріимный домъ князей Куракиныхъ (военная богадѣльня), понынѣ существующій въ Москвѣ. Основанъ на капиталъ, отказанный по завѣщанію кн. Б И. Куракинымъ. *А. К.*

жребій нашей жизни заставляетъ насъ поневолѣ такія тяжелыя удары переносить. Не скрою вамъ, что въ перьвомъ движеніи моей печали обратился я къ Государынѣ Императрицѣ—матери съ моею настоятельнейшею прозьбою, чтобъ она въ особливое покровительство свое приняла почтенную его дочь (осмѣлюсь-ли выговорить?), любезную мою Нину, какъ совершенно заслуживающую своими редкими достоинствами всякаго отъ нея благоволенія, примечанія и участія! Я благодарю Бога, что подкрепилъ силы графини Анны Алексѣевны и здаровье ее охраняетъ. Сердцемъ и душою я ей желаю всѣхъ возможныхъ благъ, но притомъ же позволяю себѣ желать и того, чтобъ она не спешила своею свободою и участью, своимъ спокойствіемъ и счастіемъ жертвовать выбору, не довольно испытанному и особливо ей неровному. Изъ Петербурга писали сюды ко многимъ еще въ послѣднее время жизни покойнаго ея родителя, что будто она съ его согласія идетъ замужъ, за какого то графа Каменскаго [1]). Я очень радъ, что сей слухъ не подтвердился. Но, признаюсь, и слышать объ ономъ было для меня очень больно. Хвалю и одобряю совершенно, что она въ печальномъ собственномъ домѣ своемъ осталась и ни къ кому изъ родныхъ своихъ не переѣхала [2]). Я ее въ ономъ теперь какъ будто предъ моими глазами имѣю и во внутренныхъ ее покояхъ, и въ желтой наугольной гостиной, въ которой у меня такъ часто отъ нея и отъ взгляда и голоса ея сердце билось. Нередко представляется мнѣ, что всего лутче и, права, весьма полезно для нее былобы, естьлибъ вы, матушка, могли ее уговорить будущимъ лѣтомъ съ вами вмѣстѣ пріехать къ Карлсбадскимъ водамъ, а оттуда, до возвращенія въ отечество, на одну зиму сюды. Естьлибъ сіе въ самомъ дѣлѣ случилося, что былъ бы я тогда? Обновилось бы тогда все бытіе мое чуждымъ для онаго теперь счастіемъ! При моемъ глубокомъ почтеніи скажите ей, пажалуйте, слово отъ слова все то, что я къ вамъ о ней пишу. Вамъ не безъизвѣстно,

---

[1]) Рѣчь идетъ о гр. Ник. Мих. Каменскомъ (род. 27-го дек. 1776 г., ум. 4-го мая 1811 г.), извѣстномъ полководцѣ. По слухамъ онъ одно время считался женихомъ гр. А. А. Орловой-Чесменской. *А К.*

[2]) Графъ А. Г., умирая, просилъ своего брата графа Владиміра Григорьевича взять графиню Анну Алексѣевну къ себѣ въ домъ. *А. К.*

думаю, что по моему установленію для моего извѣщенія ходитъ всякую недѣлю имянитой слуга изъ моего дома навѣдыватся о ея здоровіи, какъ для ровнаго наблюденія хаживалъ всегда отъ меня къ покойному родителю ея. Скажите мнѣ, матушка, все то, что можете, о подробностяхъ болезни и кончины графа Алескѣя Григорьевича и о всѣмъ томъ, что касается или касатся будетъ до графини Анны Алексѣевны. Таковое снисхожденіе пріиму я отъ васъ самымъ большимъ благодѣяніемъ.

Здѣсь многіе о вашей любезности говорятъ и помнятъ. Болѣе всѣхъ о васъ говорили со мною ландграфъ и ландграфиня Фирштенберговы. Онъ все моложавъ; а она женшина прелюбезная, но очень стара и въ большой свѣтъ уже не ѣздитъ. Ихъ три дочери находятся въ числѣ здѣшнихъ самыхъ знаменитыхъ барынь по роду и богатству ихъ мужей. Одна изъ нихъ за княземъ Лихтенштейномъ, другая вдовою князя Фирштенберга, третья — невѣсткою князя Траутсмандорфа.

Сестрицѣ вашей Аннѣ Семеновнѣ съ ея дочерьми, племяннику вашему Сергею Васильевичу [1]), которой теперь, конечно, ждетъ скораго разрешенія жены своей [2]), Гавріилѣ Алексѣевичу Жеребцову и его семьѣ, Александрѣ Алексѣевичу Чесменскому, Аленѣ Ивановнѣ Пешъ, Николаю Михайловичу Сушкову и Петру Петровичу Нарышкину съ его женою доставте мой дружеской поклонъ.

Я васъ покорно прошу не медлить отвѣтомъ вашимъ ко мнѣ, которой для лучшей вѣрности препроводите чрезъ домъ мой и вѣрте, что я до послѣдняго издыханія пребуду вашъ вѣрный и преданнейшій другъ и слуга

Князь Александръ Куракинъ.

13.

Кн. А. Б. Куракинъ — М. С. Бахметевой.

22-го апрѣля / 3-го мая 1809 г. Парижъ.

Милостивая Государыня мая, Марья Семеновна! Отъ великихъ и ни въ одинъ день не пресекающихся заботъ и упражненій моего

[1]) Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ. *А. К.*

[2]) Варвара Петровна Алмазова. *А. К.*

здѣшняго служенія, истинно большую тягость мнѣ уже наносимыхъ, не успѣвалъ еще отвѣчать вамъ на дружеское письмо ваше отъ 8-го февраля. И оное подъ моими глазами на моемъ столѣ готовое къ отвѣту лежало, когда, къ искреннейшему удовольствію моему, достигло до меня другое письмо ваше, отъ 22-го марта. Я не могу вамъ изьяснить всей моей благодарности и сколько вы меня радуете всякимъ новымъ знакомъ вашей о мнѣ памяти. Я смѣло скажу, что заслуживаю не быть вами забытымъ. Мая дружба и преданность къ вамъ не перемѣняются. До моего послѣдняго вздоха сохранятся въ сердцѣ моемъ вспоминовенія о томъ времяни, когда съ вами ознакомился, и о тѣхъ чувствіяхъ моихъ, по коимъ, почитая ваши редкія и привлекательныя качества, со всею моею довѣренностью къ вамъ прибегнуть (такъ!). Сіе время переобразило мой жребій и сильно дѣйствуетъ надъ остаткомъ моихъ днѣй. Оное удалило меня отъ Москвы, въ которой имѣлъ намѣреніе окоренится. Оное заставило меня согласится на мое употребленіе по службѣ за границею. Хотя я въ отдаленіи многія годы уже, но участіе мое въ благополучіи премилой и предостойной графини Анны Алексѣевны, мои желанія, чтобъ она всегда счастлива и спокойна была, не исчезаютъ во мнѣ. Я не перестаю ее помнить, ее почитать, ей желать всѣхъ возможныхъ благъ! Скажите ей сіе, поблагодаривъ ее отъ меня за поклонъ, чрезъ васъ ко мнѣ присланной. Вы, я думаю, знаете, что мая домовая канцелярія имѣетъ повѣленіе всякую недѣлю о ея здаровіи навѣдыватся и объ ономъ меня всякую же недѣлю увѣдомлять. Я хвалю ее совершенно въ ея настоящемъ образѣ жизьни и въ томъ, что она пребываніе свое въ Москвѣ всякому другому предпочитаетъ. Тѣмъ сохранитъ она всего лутче свою независимость и свое спокойствіе; а я, бывъ ей вѣчно преданнымъ, ничего другаго ей не желаю. Знавъ отъ васъ, какъ она живетъ и пріемы въ домѣ своемъ раздѣляетъ, не могу удержатся, чтобъ не здѣлать вамъ вопроса: естьлибъ я теперь въ Москвѣ былъ, принадлежалъ-ли бы я только къ числу принимаемыхъ къ ея обѣду или былъ бы я допущенъ также къ ея вечернему малому обществу? Вотъ вопросъ, которой дѣлаю, и любопытство, которое занимаетъ меня въ Парижѣ, и которыя покорно васъ прошу, за три тысячи верстъ отсюда, изъ Москвы, удовлетворить!

Но сами собою не можете вы мнѣ ничего вѣрнаго на сіе сказать. Не знавъ лично меньшаго графа Каменскаго, я знаю его достоинства и заслуги и чистосердечно вамъ признаюсь, что невольное въ себѣ почувствовалъ движеніе, когда имя его и всѣ ваши похвалы о немъ въ письмѣ вашемъ нашелъ.

Я поздравляю васъ, матушка, съ успѣхами вашей суконной фабрики и съ тѣмъ, что вы уже скоро въ знаменитой и по строителемъ своимъ драгоценной для васъ домъ вашъ въ Немѣцкой Слободѣ перевели. Продолжаите отъ оной и отъ вашей Рязанской деревни утешеніе и пользу получать? Сего усердно вамъ желаю.

Мнѣ очень больно, что братъ мой не могъ того здѣлать, чего вы отъ него желали, и потому особливо, что вы слогомъ его отвѣта не довольны.

Я, слава Богу, здоровъ, но Парижъ со всѣми своими забавами и преимуществами для меня тежелъ и скученъ. Въ оной перемѣщенъ я противъ воли моей, противъ всѣхъ моихъ Государю возобновленныхъ представленій. О Венѣ не перестаю тужить. Вену я любилъ; тамъ начиналъ я привыкать, и, говорятъ, что тамъ меня любили. Мое сожаленіе о Венѣ не основано однако же на какомъ либо неудовольствіи о пріемѣ, которой здѣсь получаю; оной не можетъ быть отличнѣе, какъ отъ Императора Наполеона, такъ и отъ всѣй публики.

Всѣмъ вашимъ роднымъ, Александру Алексѣевичу Чесменскому, Катеринѣ Сергеевнѣ Герардовой, Петру Петровичу Нарышкину и его женѣ [1]), и всѣмъ тѣмъ, которые меня еще не забыли, скажите мой поклонъ.

Вѣпротчемъ вѣрьте, что я васъ искренно люблю и почитаю, и что на вѣкъ пребуду вашъ вѣрный и преданнейшій другъ и слуга

Князь Александръ Куракинъ.

P. S. Картина, послѣдній памятникъ снисхожденія ко мнѣ нашего покойнаго друга, въ которой написанъ онъ съ своею дочерью, ѣздитъ со мною во всюды по Европѣ. Она поставлена теперь въ моемъ кабинетѣ, всегда предъ моими глазами; но симъ еще не доволенъ и частенько къ ней подхожу и на сходство написанныхъ въ ней гляжу.

---

[1]) Екатерина Ивановна, ур Опочинина. (2-я жена П. П. Нарышкина). *А. К.*

14.

Гр. Н. М. Каменскій—М. С. Бахметевой.

28-го іюня 1809 г. С.-Петербургъ.

Милостивая Государыня Марья Семеновна! Дабы удовлетворить желанію вашему, просилъ я министра [1]) о господинѣ Крыловѣ; отвѣтъ его препровождаю вамъ во оригинале и прошу васъ отдать его ему, посоветовавъ ему притомъ пріехать сюда въ Петербурхъ и согласно съ содержаніемъ письма военнаго Министра подать здесь прошеніе въ Государственную Военную Коллегію, а самому ему прикажите явится и у военнаго Министра, сказавъ ему, что онъ самой тотъ, о которомъ я его просилъ; письмо же Министрово, по прочтеніи, прошу возвратить по почте, адресуя въ финляндскую армію, бумаги же его господина Крылова, которыя я у него передъ отъездомъ взялъ, препровождаю у сего обратно. Государю угодно было, чтобъ я ехалъ къ прежнему своему корпусу и принелъ бы паки начался надъ нимъ, а затемъ за скорымъ моимъ отсель отъездомъ пе могъ сего дела лутче устроить. Верьте мне, Милостивая Государыня Марья Семеновна, что я всегда себе за удоволствіе поставлю найтить случай выполнить волю вашу, имѣя честь пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ, Милостивая Государыня, покорнейшимъ слугой

Графъ Н. Каменскій.

15.

Кн. А. Б. Куракинъ—М. С. Бахметевой.

5-го августа 1813 г. Павловское.

Милостивая Государыня мая, Марья Семеновна! По вашей ко мнѣ дружбѣ я имѣю долгъ увѣдомить васъ о всѣмъ со мною случившемся отъ времяни нашей послѣдней разлуки въ Москвѣ. Я былъ очень доволенъ моими Тверскими дѣревнями и новымъ до-

---

[1]) Министромъ военныхъ и сухопутныхъ силъ въ то время былъ С. К. Вязмитиновъ. *А. К.*

момъ моимъ въ оныхъ. Путь мой довершилъ благополучно. Здѣсь принятъ со всѣю возможною, наилѣстнейшею милостью. Съ возвращеніемъ двора въ городъ, буду только тамошнимъ жителемъ. Уступкою мнѣ Александромъ Львовичемъ [1]) своего дома, я буду имѣть теперь въ Петербургѣ самый пріятный и покойный домъ. Всѣ мои знакомыя, а ихъ много, кажется, возвращенія моего желали и весьма довольны меня видить, что радуетъ и лститъ меня совершенно. Сіе все хорошо, но дурно то, что я уже дань суровости нашего климата плачу. Я боленъ и целую недѣлю въ моей горницѣ лѣжу. Болезнь мая началась сыпью и рожою на обгоревшомъ мѣстѣ правой ноги, а рожа превратилась въ подагру. Врачи увѣряютъ, что сіе случается со мною къ лутчему. Сіе быть можетъ, но между тѣмъ терпеніе мое страждетъ.

Я до сего къ вамъ не писалъ, желавъ въ первомъ писмѣ моемъ объ успѣхѣ вашего порученія увѣдомить васъ; однако при всѣхъ моихъ стараніяхъ до сего удовольствія еще не достигнулъ. Приложенная при семъ выписка изъ письма ко мнѣ отъ коллежскаго совѣтника Федорова, мои собственныя дѣла въ Петербургѣ производящаго, доведетъ до вашего сведенія, сколь ему трудно было доступъ къ Ленивцову получать и отвѣты сего последняго. Чрезъ Федорова отвѣчалъ я Ленивцову, что я готовъ всѣ подвиги его, къ освобожденію изъ подъ залога за него Московскаго дома Воейковыхъ, поддерживать. Увижу, что теперь по пріездѣ Арапова изъ Саратова воспослѣдуетъ, но попеченіе мое по моему вамъ данному обѣщанію не ослабнетъ.

Я много тѣмъ огорчаюсь, что на дорогѣ не встретилъ и здѣсь не засталъ графини Анны Алексѣевны. Ужъ ли вы не въ состояніи изъ сосѣдства вашего Донского монастыря на нѣсколько днѣй отлучится, чтобъ ее въ Островѣ посѣтить? Когда увидите ее, то удостовѣрте ее о хранящейся во мнѣ душевной, искреннейшей преданности къ ней. Я надѣюся, что она перьвымъ зимнимъ путемъ на всю зиму и до будущаго лѣта въ Петербургъ опять возвратится. Я купилъ у Григорья Володимеровича для шорной упряжки четырехъ рыжихъ англизированныхъ ея завода лошадей, ею ему подаренныхъ.

---

[1]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ. *А. К.*

Прощайте, матушка! Благостыня Господня да подкрепитъ васъ въ переносимыхъ вами въ мирѣ семъ злополучіяхъ! Здержите данное мнѣ слово ваше меня иногда въ молитвахъ вашихъ помѣщать и вѣрте, что я отъ всѣй моей души вашъ вѣрный и усерднейшій другъ и слуга

Князь Александръ Куракинъ.

16.

Кн. А. Б. Куракинъ—М. С. Бахметевой.

6-го сентября 1813 г. Павловское.

Милостивая Государыня мая, Марья Семеновна! При семъ приложенное подлинное донесеніе ко мнѣ коллежскаго совѣтника Федорова, коему препоручалъ съ Ленивцевымъ опять увидиться и съ новымъ отъ меня настояніемъ по дѣлу, въ которомъ вы участвуете дѣйствіемъ человѣколюбія, и которымъ я столь много желаю васъ успокоить, докажетъ малосовѣстность и обманы его г-на Ленивцева. Его писменнаго отвѣта, мною требованнаго и имъ обѣщаннаго, я до сихъ поръ не получалъ. Столько же неизвѣстенъ, кажется мнѣ, пріездъ сюды повѣреннаго его изъ Саратова, безъ котораго, какъ говоритъ, ничего вѣрнаго, ни отвѣчать, ни здѣлать не можетъ. Жаль, что Посниковы, не знавъ запутанныхъ, смѣлыхъ откуповъ и свойствъ внутренныхъ сего человѣка, единое имущество свое его распоряженію довѣрили. Сомнительно, матушка, чтобъ они залогъ свой изъ его жадныхъ рукъ освободили. Дай Богъ только, чтобъ оной послѣ, по неисправности его откупныхъ платежѣй, въ рукахъ казны не остался!

Съ большимъ соболезнованіемъ узнаю о случившейся дурнаго рода лихорадки графинѣ Аннѣ Алексеевнѣ. Я бы думалъ, что чистой воздухъ и пріятности Острова лутче подѣйствуютъ надъ скорымъ ея выздоровленіемъ, нежели скучная жизнь въ опустошенной Москвѣ. Уговорите ее туды переѣхать. Подкрепите совѣтомъ вашимъ мое въ томъ желаніе. Между тѣмъ продолжайте одолжать меня увѣдомленіями о ней и о здаровіи ея.

Радуюсь возвращенію къ вамъ почтенной сестрицы вашей.

Сіе утешеніе нужно вамъ было въ вашемъ уединеніи. Но не понимаю, какъ Анна Семеновна со всѣми дѣтьми своими въ вашемъ претесномъ не домѣ, а *домишкѣ*, помѣстилась! Что пріятно и весело вамъ съ ними подъ одною кровлею жить и послѣдней кусокъ вашъ дѣлить, о томъ меня не увѣряйте. Знавъ васъ, сіе знать могу. Вашей сестрицѣ и Катеринѣ Васильевнѣ скажите мое почтеніе.

Что до меня касается, я здоровъ всѣмъ, но все боленъ обгорелою правою ногою. Шестую недѣлю уже изъ горницы моей не выхожу. Но терпенію учиться мнѣ не надобно.

Не переставайте помнить, что я вашъ вѣрный другъ и слуга

Князь Александръ Куракинъ.

17.

П. Захаржевскій—М. С. Бахметевой.

30-го іюля 1818 г.

Почтеннѣйшая Милостивая Государиня, Марья Семеновна! Привыкши уже отъ чувствъ моихъ интересоватся о здоровьи вашемъ, спѣшу, имѣя сей пріятной случай, просить васъ извѣщеніемъ объ ономъ. Все сіе долгое время не могъ отнестись къ вамъ, Милостивая Государиня, за мучительною болѣзнію, которою и теперъ страдаю. Много бы изволили доставить несравненного удовольствія, извѣстя о себѣ. А я по гробъ съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и душевною преданностію честь имѣю быть почтеннѣйшей милостивой Государинѣ всепокорнейшей слуга

Петръ Захаржевскій.

18.

О. Сапожникова—М. С. Бахметевой.

29-го мая 1823 г.

Милостивая Государыня, матушка Марья Семеновна! По приказанию вашему далажу вамъ а себе. Да города Малога данесъ

меня Гасподь живую, чистою и непарочною безъ копейки. Даже и расплатитца с ызвощикомъ было нечимъ. Но Богъ мне послалъ харчевницу, у которой я останавиласа. Ана мне сама предлажила взаймы 50 рублей. И я въ ея доме три дни оддыхала и, благодарю Творца, здарова. И теперь збираюсь ехать к матушке. Прашу васъ, матушка Марья Семеновна, не лишите меня вашихъ милостей, устройте меня; я савершенно бес пристанища и бесъ приюту и безъ покрову. Точно нещасная скитаюса. Рекемендуйте меня, матушка, каму нибуть в Маскве в домъ багатава. Не буду красть, какъ все протчия нынича делають. Беру на себя должность наливать чай, кофей, варенья. Еще магу з детьми быть; то есть не хадить за детьми, а сматреть, чтобы чисты были. Хто бы не взялъ, ко всякому иду, лишь бы не злой человекъ былъ. И, если угодно, то буду почитать, какъ следаить, знатныхъ и багатыхъ гаспотъ и гаварить с ними хоть никогда ни стану. А для канпаніи ни хачу; баюся, не угажу. А жалованье—какое вы прикажите, такое и вазму, лишбы добрыя люди. А девку пазволятъ иметь — харашо, а не позволятъ — такъ и быть. Для меня та съ сваею девкою пакойней бы. Простите меня, матушка, что я васъ беспакою в надежде, что вы любите помагать нещаснымъ; а равно и оба мне пожелеите. В Калуской губернии послалъ Господь людей, каторыя брали ва мне участия, а здеся нетъ састрадателной души кроме благородной харчевницы. Астаюса, маля Всемагущива а здаровье вашемъ, и заочно цалую ваши ручки и пребуду вечно приверженная душой и сердца. Пребываю покорнейшая ко усл-у гамъ

Ольга Сапожникова.

PS. Милостивой Государыне Катерини Васильевни свидетельствую мое истинное почтение, а равно его сиятельству и его привосходительству князю Дмитрию Семеновичу [1]). Прастите, матушка, что глупо написала. Лутче не умею, хоть сколко просижу натъ писмомъ, а все тожъ напишу. Если милость будитъ, кагда ка мне написать, то адресъ: Ерославъской губернии, горадъ Мологу, на мое имя. А если исправлю здеся все сваи дела, то с пазваления

[1]) Кн. Дмитрій Семеновичъ Львовъ. *А. К.*

вашего, в канце зимы, великой постъ, приеду к вамъ. Вы меня звали к себе. Куда вамъ угодно, туда и денте. Какъ мне здеся грусно! Такъ белай светъ не милъ. Пращайте, матушка! Еще цалую ваши пачтеныя и милыя мне ручки. Вы мне приказали написать а себе, а то бы я не смела. Вы меня прастите, что я такъ смела.

19.

Кн. С. С. Львовъ—М. С. Бахметевой.

22-го іюня 1824 г. С. Кожухово.

Любезная мая, Марья Семеновна! Писмо твое я с моимъ обърадованиемъ получилъ. Толко сожелею сердечно, что ты, мая любезная, еще совершенного облехчения отъ болезни не імеешь. А я, благодарю Бога, болезни никакой не чувствую. Толко по летамъ моимъ уже слабость. Таперь занимаюсь хозяйствомъ. Возятъ навозъ, но много остановки зделали дожжи. Всякай день шли і великую зделали грязь на дороге, і потому і возка продолжаетъ. Однакоже уже четъвертой день дожжей мало, і стали дороги просыхать. Крестьянинъ мой нанелса вести із Москвы до Калуги и насилу доехалъ въ 7-м дней. Что принадлежитъ до хлебовъ і травы, всіо очень хорошо. Какъ то Богъ дастъ уборку. Во всехъ местахъ великия были дожжи і вреда много наделали. В Калуге зверь поевилса, удивителной злодей. Я основательно писалъ объ немъ к брату князь Дмитрею. От нево можешь узнать обо всемъ. Я, мая любезная, писалъ к тебе о продаже дому для того, что много еще тебе будитъ убытку. Пишешь ты ко мне, что мне осталась еще долгу платить 2 года. Я на будущей годъ весь заплачу, чтобъ не было мне беспокойства. Желею сердечно, что Іванъ Федоровичь еще мало чувствуетъ облехчения отъ болезни. Какъ іхъ увидишь, поклонись імъ отъ меня і пожелай імъ доброго здоровия. Хлебъ і травы у меня очень хороши. Какъ то Богъ пошлетъ уборку. В Калуге хлебъ подешевелъ: по 5 р. 56 ко. четверть ржи. В саду у меня фруктовъ довольно для себя; персиковъ, сливъ рублей на 100 продать можно. Сергей хорошо зделалъ, что про-

далъ свой домъ; а купилъ лутче і выгоднее. Приложенное при семъ писмо, какъ будетъ можно, перешли к брату. Вотъ, мая любезная, всіо тебе сказалъ. Болше нечево. Даруй тебе Боже доброе здаровье. А я, пока живъ, твой верной другъ

Князь Семіонъ Львовъ.

20.

Кн. С. С. Львовъ—М. С. Бахметевой.

9-го іюля 1824 г. Калуга.

Любезная мая, Марья Семеновна! Писмо твое с моимъ сердечнымъ обърадованиемъ получилъ і видя, что ты, мая любезная, в добромъ здарове і занимаесса хозяйствомъ, я тако же занимаюсь имъ. Уже другой день дожжи миновалисъ; хлебы, какъ арженыи, такъ і еровыи, і травы очень хороши. Какъ то Богъ дастъ уборку. Рожь уже более половины налила, а пшеница яраяя цвететъ. Цена здесъ хлебу: рожь 6 ру. 50 ко. Навозу навозили в поле 26 десетинъ съ половины; і хлебы у крестьянъ всякиа очень хороши. Более сказать нечево. Даруй тебе, Боже, доброе здаровіе, а я, пока живъ, твой верны другъ

Князь Семіонъ Львовъ.

Адресъ: „Марье Семеновне Бахметевой. В Москвѣ“.

21.

Кн. Вл. Вл. Львовъ—М. С. Бахметевой.

16-го апрѣля 1827 г. Новгородъ.

Милостивая Государыня Тетинька, Христосъ Воскресъ! Имѣю честь поздравить Васъ съ торшественнымъ днемъ Воскресенія Христова, желаю отъ всего сердца и молю Бога, чтобы Онъ далъ Вамъ совершенное здоровье и спокойствіе душевное. Вѣрно перьвое представится Вамъ: „что ему вздумалось писать, не писавъ до сихъ поръ?“ — Я точно виноватъ, какъ нельзя болѣе, что, находясь уже два мѣсяца въ совсѣмъ новомъ мѣстѣ и зная

благоразположеніе Ваше ко мнѣ, не сообщилъ Вамъ о образѣ жизни Новогородской, о балѣ и разсѣяніяхъ здѣшнихъ; въпрочемъ это-то разположеніе Ваше и даетъ мнѣ надежду, что Вы изволите простить. Губернскаго города скучнѣе и безлюднѣе Новагорода едва ли найти можно во всей Россіи кромѣ тѣхъ, которые по службѣ обязаны жить въ немъ: никого нѣтъ. Здѣсь множество монастырей, и, кажется, лутче нельзя было избрать мѣста, чтобъ удалится отъ людей. Поселенія обѣщаютъ несомнѣнно щастливую будущность, это прекрасно — но безпрестанной разговоръ о посѣвѣ, о участкахъ, о разчисткѣ такъ прислушался, что не знаешь, куда отъ него и дѣваться. Одно утѣшенье здѣсь: прогулка на Волховской мостъ, это одно мѣсто, съ котораго открывается прелестной видъ, особливо теперь, въ разливъ; огромное пространство покрыто водою и посреди этаго моря стоитъ, какъ будто изъ воды вышедшій, Юрьевъ монастырь.—Можно простоять часъ цѣлой и смотрѣть! *Часъ* — много кажется, точно, да по бо̀льшой мѣрѣ это 14-я часть дѣятельной жизни въ сутки, а остальныя 13 чесовъ на что употребить? Полѣзно провести ихъ можно, а весело—трудно; здѣсь отъ лишнихъ забавъ не притупятся чувства. Съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ Москву, былъ я одинъ разъ съ Генераломъ моимъ княземъ Шаховскимъ въ Петербургѣ, видѣлъ тамъ братьевъ князей Александра и Андрѣя, они живутъ по обыкновенному; слава Богу, здоровы и веселы. Өедоръ Булыгинъ [1]) въ школѣ, къ *нещастію* [2]) не унываетъ!—къ *нещастію* потому, что грусть могла бы можетъ быть заставить его обратиться на себя.—Можетъ быть въ іюлѣ мѣсяцѣ удастся мнѣ пріѣхать въ Спасское [3]). Тогда, если Вы изволите быть въ Куровѣ, непремѣнно пріѣду посмотрѣть новый домъ.—Между тѣмъ заочно цалую ручки Ваши и, прося о продолженіи Вашего благорасположенія ко мнѣ, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, Молостивая Государыня Тетинька, вашъ покорнѣйшій слуга и племянникъ

Князь Владиміръ Львовъ.

---

[1]) Өед. Ив. Булыгинъ. *А. К.*
[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. *А. К.*
[3]) Имѣніе кн. Вл. Вл. Львова въ Московской губерніи. *А. К.*

22.

А. С. Шереметева—М. С. Бахметевой.

29-го марта 1831 г. С.-Петербургъ.

Почтеннейшая Бабушка! Позвольте принесть Вамъ мое сердечьное поздравленіе съ наступающимъ торжественномъ праздникомъ! Дай Боже, чтобы Вы его встретили въ добромъ здаровье и радости. Давно желала я, почтеннейшая Бабушка, изъяснить Вамъ мою привязанность и чувствы, которые я вѣчно храню, въ любви къ Вамъ въ несколькихъ строкахъ. Но разсѣенная жизнь моя съ тѣхъ поръ, что я въ Петербургѣ, не дозволяла мнѣ дѣйствовать по желанію сердечьному. Смѣю надѣеться, что Вы не гнѣвались на меня и что были уверены, почтеннейшая Бабушка, что чувствы преданности и любви моей къ Вамъ неизмены и молчанію моему было виною вѣсьма разсѣеная жизнь.

Теперь мы говѣемъ вмѣстѣ съ Императорскою Фамилію и ѣздимъ два раза въ день въ Аничьковской дворецъ, всѣ фрейлины при свитѣ находящіися, и завтра будимъ имѣть щастье причаститься Святыхъ Таинъ. Есть ли я въ чемъ нибудь передъ Вами виновною или въ дѣяніихъ, или въ мысляхъ, то прошу Васъ, почтеннейшая Бабушка, меня великодушно простить. Сколь желала бы я Васъ видѣть! Когда буду имѣть сіе щастье, Богу одному извѣстно. Находившись въ службѣ, не отъ себя зависишь. Дай Богъ, чтобы письмо сіе нашло Васъ въ совершенномъ здаровьи. Смѣю просить Васъ не позабывать крестницу Вашу въ молитвахъ Вашихъ. Никогда онѣ мнѣ столь нужны не были, какъ теперешнее время!!... [1]).

Антонія Осиповна поручила мнѣ свидѣтельствовать Вамъ свое искреннейшее почтеніе. Васинька [2]) цѣлуетъ ваши ручьки и я, почтеннейшая и милая бабушка, цѣлуя тысяча разъ Ваши ручьки, честь имѣю пребыть съ сердечьномъ почтеніемъ Ваша Вамъ вѣчьно преданая и превязаная крестница

А. Шереметева.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ. *А. Б.*

[2]) В. С. Шереметевъ. *А. К.*

23.

Е. В. Шереметева—М. С. Бахметевой.

23-го апрѣля (1837 г.) С.-Петербургъ.

Нынешній годъ у насъ безконечные поздравленіи, Милостивая Государыня Тетинька! Слава Господу, утѣшающему такъ наше семейство! Во первыхъ, поздравляю Васъ съ окончаніемъ свадьбы Анюты [1]). Слава Богу, благополучно кончилась съ молитвою и со всѣю пышностію, принадлежащею графскому дому и ихъ высокихъ покровителей. Я благодарю Бога, что рѣшилася тоже быть на свадьбѣ. Вы вѣрно изволите меня понять, что не зрѣлище меня рѣшило, но истинно потому, чтобы могла участвовать въ молитвѣ объ ней. И, благодаря Бога, бывъ тутъ въ кругу Царской Фамиліи, смотрѣвъ какъ Императрица ее убирала, не преставала молить Господа, чтобы сохранилъ ее въ смиреніи и любви. Вѣнчаніе было очень хорошо. Она просила, чтобъ позволено было ее духовнику, который также духовникъ В. Княженъ, ее вѣнчать. Всѣ кромѣ шаферовъ стояли въ отдалѣніи отъ нихъ и всѣмъ хорошо было видно. Гр(афъ) и Анюта стояли какъ должно христіанамъ, понимающимъ всю важность таинства брака. По окончаніи она подошла къ Императору и Императрицѣ, которая очень нѣжно ее обняла. Государь подошелъ поздравить сестру, поцѣловалъ у нее руку, потомъ Государыня всѣхъ насъ поздравляла и давала руку. Пошли всѣ къ ней въ комнаты чай пить. Государь взялъ после новобрачнаго съ собою и отвезъ въ домъ его. Анюта осталась еще благодарить Государыню. Простилась съ нею, съ В. Княжнами, со всѣми фрейлинами и поѣхала съ В. Княземъ и матерью въ свой домъ, гдѣ встрѣтилъ Государь съ хлѣбомъ и солью (приготовлено было въ третьей комнатѣ; но онъ приказалъ перенесть въ переднюю, чтобы не иначе взошла въ домъ, какъ съ благословеніемъ), благословилъ ее и графа и повелъ въ дальнія комнаты. Ходилъ по всему дому, былъ очень веселъ. Пробылъ около часу, пилъ здаровье молодыхъ и съ В. К. оставилъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о свадьбѣ Анны Сергѣевны Шереметевой съ гр. Д. Н. Шереметевымъ. *А. К.*

ихъ. Въ то время, какъ вѣнчали ихъ во дворцѣ, служили молебенъ въ домовой церквѣ и вѣрно съ усердіемъ молились предстоящіи. По всему можно надѣятся, что Анюта будетъ счастлива. Чѣмъ болѣе его знаешь, тѣмъ болѣе его любишь. Не всѣ однако же умѣютъ ему отдать должную справедливость! Я отдалилась отъ своего повѣствованія, потому что оставляла письмо, ходила съ сестрою къ Анютѣ. Сестра пашла смотрѣть парадъ изъ дома Сафонова, а я посидѣла у Анюты, говорила о гр(афѣ) и, преисполненная мыслею объ немъ, стала продолжать письмо. Вечеръ свадебный кончился въ 11 часовъ. Сестра съ Катинькаю [1]) возвратилась въ 12. На другой день дѣлали визиты къ старшимъ и обѣдали у насъ. Вечеръ провели дома. У Анюти чувства сердечные стали нѣжнѣе къ своимъ. Созналась, что когда стала ужинать, что все съ такимъ изобиліемъ и изящностію видѣла, не могла удержатся отъ слезъ и ѣсть не могла, вспомнивши мать и все семѣйство, въ какой тѣснотѣ находятся. Богъ благословитъ ихъ за ихъ чувства и за молитвы родителей. На третій день мы пили у нихъ чай и ужинали. Была тоже M. Pascalis [2]) и Krüdner [3]) проѣздомъ, ѣхала на вечеръ. У нихъ, слава Богу, хорошо; не чуждо, очень жило. Онъ начинаетъ привыкать къ новой жизни. Первый разъ какъ было общество, весь домъ открытъ, освѣщенъ, то ему казалось мудрено, что нѣтъ у него ни шляпы, ни шпаги; не могъ увѣриться, что онъ дома. 21-е число были на выходѣ. Уже много было, когда они пріѣхали. Когда появились, то во всемъ собраніи сдѣлался шумъ; всѣ взоры обратились на нихъ. Стали къ ней подходить съ поздравленіями, такъ что Васиньки стало на всѣхъ гадко и досадно, ибо за день еще до свадьбы многіи увѣряли, что никогда ее не будетъ. Одѣта она была очень хорошо: въ розовомъ, крѣповомъ русскомъ платьѣ, съ розовами букетами безъ зелени; какошникъ тоже розовой съ бриліантовымъ діадемомъ и блондо-

---

[1]) Варвара Петровна, ур. Алмазова, была замужемъ за С. В. Шереметевымъ, и ея дочь Екатерина Сергѣевна. *А. К.*

[2]) Графиня Pascalis—воспитательница дѣтей Варвары Петровны Шереметевой. *А. К.*

[3]) Баронесса Крюднеръ, ур. Лерхенфельдтъ, во 2-мъ бракѣ за гр. Ник. Влад. Адлербергомъ. *А. К.*

вой вуаль; на шѣи и рукахъ жемчуги. Отлично хорошо, и хороша была. Вечеромъ былъ балъ въ Эрмитажѣ, тоже прекрасно одѣта. Государынѣ и Царю показалось, что она похорошела. Въ немъ тоже нашли большую перемѣну. Веселъ, развязенъ и на *виду* [1]) стоялъ, уже не прятался позади другихъ. Анюта еще съ *своими* [2]) вѣщями не совсѣмъ разобрались, т.-е. съ книгами и бумажками. Я ее оставила; теперь хотѣла этимъ заняться. Проводила меня черезъ садъ; нашъ домъ противъ него и балъконъ противъ главной алѣи. Садъ очень запущенъ и еще нечистъ. Теперь станутъ его убирать. Дай Богъ имъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ жить благополучно и наполнить его любовію, которая должна быть, если будутъ знать другъ друга цѣну.

Теперь позвольте Васъ поздравить съ нареченнымъ племянникомъ [3]), который Вамъ въ другой разъ измѣняетъ; но на сей разъ Вы его, вѣрно, съ любовію прощаете, въ увѣреніи, что предмѣтъ, имъ избранный, будетъ имъ счастливъ и въ уваженіе его выбора. Не могу вамъ дать отчета въ чувствахъ, которые я имѣла при чтеніи письма отъ Машиньки [4]). Получила въ тотъ часъ, какъ отпускали приданое Анютина. Сердце уже было разчувствавано. Какое смѣшеніе чувствъ которыхъ не могла разобрать! Но теперь въ спокойствіи сердечно радуюсь, какъ за нее, такъ и за него и за всѣхъ имъ принадлежащихъ. Воображаю общую радость ее радителей и тетушекъ, также ее и его сестеръ и братьевъ. Его письмы къ намъ и къ графинѣ преисполнены чувства радости, что соединяется съ несравненною Ан. Ив. [5]), и что можетъ называть Мар. Вас. матушкою и насъ тетками. Гасподь ихъ благослови! По истинѣ милосердъ Господь къ семѣйству предстоящихъ уже передъ Нимъ! Вы въ тишинѣ радуетесь за насъ, но увѣрена, что также чувствуете много, и что Васъ заставляютъ всѣ событіи выходить изъ настоящаго состоянія духа—совершеннаго спо-

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. *А. Б.*
[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. *А. Б.*
[3]) Харлампій Гавриловичъ Жеребцовъ. *А. К.*
[4]) Марія Васильевна Булыгина, ур. Шереметева. *А. К.*
[5]) Анна Ивановна Булыгина была замужемъ за Харлампіемъ Гавриловичемъ Жеребцовымъ, лишившимся въ 1834 году своей первой жены Анны Матвѣевны Мусиной-Пушкиной. *А. Б.*

койствія. Удѣлъ Васиньки [1])—также благословеніе Божіе! Когда вы узнаете его будущую супругу [2]), полюбите ее сердечно. Отмѣнно привлекательна своею простотою и умомъ добрымъ и основательнымъ не по лѣтамъ. Кажется, что она вся любовь. Его любитъ, какъ невозможно болѣе, и все что къ нему принадлежитъ, ей какъ собственность. 29-го будетъ ихъ свадьба. Я Вамъ уже писала и знаю, что вы этотъ день особенно помолитесь о нихъ. Вѣнчаются въ церкви зятя, то-есть, графа. Въ это время такъ много разныхъ чувствъ потрясало душу Вариньки, что ей, по моему мнѣнію, непремѣнно надобно пожить въ *тишинѣ* [3]), чтобъ притти опять въ настоящій порядокъ. До сихъ поръ еще не знаемъ, какъ и что съ нами будетъ. Гдѣ будутъ наши молодые? Сами не знаютъ. Васинька долженъ остатся здѣсь при В. К., Катинька въ іюнѣ родитъ въ Москвѣ. Свадьба Анюты Бул(ыгиной) въ іюлѣ; а что съ нами, ничего не знаемъ.

Графиню [4]) я видаю и всегда съ радостію. Она очень Васъ любитъ, обнимаетъ и чувствительно принимаетъ Ваше неизмѣнное участіе объ ней, особенно въ ее потерѣ. Она мнѣ объ этомъ говорила нынчѣ. Дуня Пос: [5]) писала къ ней объ Васъ. Она неизмѣнная; точно такая же, какъ послѣ потерѣ родителя своего, только что не въ черномъ платьѣ, котораго О. Фотій не терпѣлъ. Смѣется отъ души, когда что покажется смѣшнымъ, и сейчасъ готовы слезы политься при воспоминаніи объ отцѣ. Сердце ее мягко, слава Богу! Здѣсь она еще недѣли двѣ пробудетъ и уѣдитъ въ свою Пустынь, гдѣ проживетъ довольно долго. Я думала, что только до возвращенія Двора, но она говоритъ и гораздо долѣе, до года отъ сваей могилки не тронется. Строитъ колокольну, которой еще не было. Кажется, что я Вамъ все сообщила, что Вамъ занимательнѣе и ближѣ къ сердцу. Что же касается до отдаленныхъ предмѣтовъ, то скажу Вамъ, что сегодня большой парадъ. Все семѣйство смотритъ его. Анюта дома, потому что графъ не

---

[1]) Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. *А. Б.*
[2]) Княжна Варвара Павловна Голицына. *А. Б.*
[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. *А. Б.*
[4]) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. *А. Б.*
[5]) Авдотья Николаевна Постникова. *А. Б.*

можетъ отлучиться отъ дома, не бывъ въ дѣйствіи. Болѣе двухъ лѣтъ не ѣздилъ верхомъ; не рѣшился сегодня начать, да и у бѣдняжки лошади нѣтъ! Анютѣ будутъ три скорбные проводы: на этихъ дняхъ ѣдитъ Гасударыня въ Царское, отътуда въ дальной путь; тамъ Крюднеръ и въ слѣдъ Md. Pascalis. Скоро послѣ свадьбы Васиньки уѣдитъ сестра, а мы послѣдніи. Но первые ей почти испытаніемъ. Въпрочемъ далеко не такъ ей чувствительно, какъ бы прежде! Богъ все къ лучему устраиваетъ. Хороша ихъ отлучка на сей разъ; лучшѣ въ своемъ положеніи найдется.

Простите, милая Тетинька! Писала много; на сей разъ вы будите мною довольны. Цѣлую Ваши ручки и прашу Вашего благословенія.

Образъ Божіей Матери полученъ и я именемъ Вашимъ благословила Анюту. Сколько ей благословленій! Царь и В. К.— Спасителя въ Покровители дали; а Царица—Божіей Матери ее поручила, не знаю, какое во имя.

Еще цѣлую ручки ваши за себя, также за сестру и всѣхъ дѣтей ее. Всѣй общинѣ Вашей, въ особенности старшимъ любовной поклонъ. Вѣр. Ив. [1]) тоже клапяюсь. У батюшкѣ Ив. Вас. прашу благословенія и благодарю всѣхъ за молитвы ихъ объ Анюти. Отъсюдова торгующіи крестьяне гр(афа) послали въ Москву къ тамошнимъ торговцамъ, чтобы 18 ч(исла) былъ молебенъ за здравіе ихъ, назначая часъ вѣнчанія. Я этому очень порадовалась. Христосъ съ Вами!

Съ последней свадьбы Царской фамиліи еще не было столь великолѣпной, какъ наша. Отъ Дворца (Аничкова) до его дома толпа народа и кареты. Дворъ полонъ былъ народа, но однихъ его крестьянъ впускали. Какъ тронулась его карета отъ подъѣзда ѣхать къ вѣнцу, то всѣ сняли шляпы и стали креститься. Вѣрно доходна ихъ молитва до Господа!

Отъ 25-го.

Парадъ кончился преблагополучно. Государь чрезвычайно доволенъ, говоритъ, что это „non seulement beau, mais idéal".

---

[1]) Племянница Зосимы. Была потомъ игуменьей въ Зосимовой пустыни. *А. Б.*

Рядовымъ приказалъ выдать по 3 руб., 3 ф. говядины, 3 чарки и на 3 дня распустить, и до 10-го мая не было ученья. Борисъ [1]) нашъ былъ тоже съ своимъ корпусомъ въ парадѣ, который тоже отличился. У него наканунѣ болѣлъ зубъ и щека, и тутъ съ ужасной болью стоялъ съ 9 часовъ до 4-хъ и на жару. Многіе приходили къ своимъ знакомымъ и роднымъ; уходили съ мѣста. Онъ ни за что не хотѣлъ тронуться, потому что не позволено [2]) и простоялъ до роспуска. Возвратился домой съ сильною болью, всю ночь не спалъ, но къ утру стало лучше. Всѣмъ кадетамъ дано по цѣлковому жалованья.

Вчера былъ обѣдъ у Данауровой [3]). Слава Богу, наши молодые кажутся быть очень счастливы. Онъ не наглядится на нее. Послѣ обѣда она отдыхаетъ. Все это время очень уставала. То онъ сидитъ подле нее. Если заснетъ, то несколько разъ войдетъ только посмотрѣть на нее. Если Анюта не будетъ чувствовать сваего счастія, то вѣрно сама виновата будетъ. Алексѣй [4]) не нарадуется на нихъ и уѣдитъ отсюдова съ пріятнымъ впечатленіемъ. Васинькина невѣста ему тоже очень полюбилась. Мать ее прекраснѣйшая женщина, очень умна и такъ проста, такъ спокойна, что поневолѣ съ нею успокоишся. Отъ отца получилъ Васинька премилое письмо, простое, любовное и шутливое. Позволяетъ дѣлать свадьбу безъ него. Вечеромъ вчера былъ балъ въ Аничковѣ. Анюта съ мужемъ и Васинька были приглашены. Его всегда съ балу отпускаютъ къ невѣстѣ. Вчера тоже послѣ несколькихъ contredanses отпустили. Всѣ цѣлуютъ Ваши ручки, милая тетинька. Я тоже и, прося еще Вашего благословенія, съ любовію и сердечнымъ почитаніемъ честь имѣю пребыть ваша покорнѣйшая племянница

К. Шереметева.

---

[1]) Б. С. Шереметевъ. *А. К.*

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ. *А. К.*

[3]) Марія Өедотовна Данаурова. Данауровы были опекунами гр. Д. Н. Шереметева въ его малолѣтство. *А. К.*

[4]) Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ. *А. К.*

24.

Кн. А. Б. Куракинъ—М. С. Бахметевой.

Всѣ мои силы и связи будутъ всеконечно и безъ всякаго отлагательства употреблены къ подвигамъ нужнымъ на возвращеніе Батюшкѣ вашему ему принадлежащаго и на успокоеніе его и всѣго семѣйства его. Всякой отвѣтъ, которой по сему дѣлу получу, сообщенъ будетъ вамъ отъ меня, Милостивая Государыня Марья Семеновна, и вы должны совершенно удостовѣрены быть, сколь о удовольствіи, которымъ уже наслаждаюсь имѣть сей случай для оказанія вамъ какой ни-на-есть услуги моей, столь же и о моей искренной и усердной къ вамъ преданности. Узнавъ васъ, не могъ я не почитать васъ и не полюбить всѣхъ отличныхъ и любезныхъ качествъ вашего ума. Я стремлюсь заслужить вашу дружбу и довѣренность. Я желаю быть вашимъ другомъ. Но короткое еще время нашего знакомства не позволяетъ мнѣ надѣяться, чтобъ вы сіе желаніе мое такъ принять могли уже, чтобъ ваше собственное расположеніе было въ справедливомъ соотвѣтствіи противъ того, которое я вамъ внутренно посвятилъ. Время вамъ покажетъ мое усердіе и мою преданность къ вамъ, а вы, знавъ ихъ, распоряжайте мною всегда, какъ вашимъ искреннымъ и преданнейшимъ другомъ и слугою

Куракинъ.

Простите мнѣ, что спешу къ вамъ писать для того, что спешу ѣхать въ Екатерининское училище.

25.

А. Н. Чесменская и А. А. Чесменскій—М. С. Бахметевой.

Vendredi.

Здраствуй, благодарствуй и проче, и проче. Тутъ бы и канецъ, по настоящему; mais non, l'envie me prend de Vous grifonner quelque chose, le commencement est difficile je l'ai entendu aujourd'hui plusieurs fois de mon mari, qui se promène plus qu'à l'ordinaire

d'un bout de la chambre à l'autre pendant que je suis à vous écrire c'est aussi le temps, que Vous devez être avec vos aimables parents. Il est 5 heures du soir. Dites leurs beaucoup de belles choses de notre part или много прекрасных вещей с нашей стороны. [illegible]

А. Ч.

Приписка рукою А. А. Чесменской:

Какъ старой горшокъ [illegible], такъ теперь головка [illegible]. Совершенно справедливо, начало есть вещь трудная, а объ конце и говорить нечего. А что [illegible], что, цалуя ваши руки, и я сие письмо кончу. Adieu, adieu.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано рукою А. Н. Чесменской: „A Madame de Bachmétoff née Princesse Lwoff. A Moscou". А. Б.

26.

Княжна М. В. Львова—М. С. Бахметевой.

Любезнѣйшая Тетинька! Покорнѣйше Васъ благодарю за косынку, которая мнѣ очень понравилась; я буду стараться ее долѣе беречь. Цалую съ почтенiемъ Ваши ручки и пребуду навсегда покорнѣйшая племянница ваша

Марья К. Львова.

27.

Княжна Е. В. Львова — М. С. Бахметевой.

Милостивая Государыня Тетинька, Христосъ Воскресъ! Цалую съ почтеніемъ ручки Ваши, поздравляю съ наступившимъ праздникомъ и приношу покорнѣйшее извиненіе, что такъ долго не благодарила Васъ за прекраснѣйшую косынку, которую буду носить со всею бережливостью и сохранять, какъ памятникъ Вашей милости. На прошедшей недѣли мы говѣли и отъ того не успѣла къ Вамъ писать; въ чемъ еще прося извиненія, съ истинною преданностію и совершеннымъ почтеніемъ есмь, Милостивая Государыня Тетинька, Ваша покорнѣйшая племянница

К. К. Львова.

28.

Іеродіаконъ Исаія—М. С. Бахметевой.

(Послѣ 1824 г.)

Милостивейшая моя благодетѣльница, Марья Семеновна! Радуйтеся о Господе! Прыношу мою наичувствитѣльнѣйшую благодарность за все вашы ко мне аказаныя милости. И еще на пути уведомляю вашу любовъ о своемъ благополучномъ прыбытіи до Перагова, где асматрелся. Какое искушеніе! Запомнилъ у васъ мою власяницу, каторую я далъ вымыть, давши вашей девушки, или Степанъ о ней известенъ. То и прошу усерднейше велѣть ее прыискать и ужо, какъ я доеду до Харькова, тогда буду васъ просить книгу Лечебникъ и власяницу, и естли милость будитъ Екатерины Васильевны ко мне сослать, чемъ много меня адалжыте. Слышилъ я отъ Максима вашего, что есть ваши крестяны близъ Тулы, 13-ть человекъ, которыхъ вы желали бы чеспому человеку продать, еслибъ ахотникъ отыскался. То я вамъ, Марья Семеновна, рекамендую человека весма хорошаго и Богабоящагося, в отъставке маіора Федора Давидовича Фролипскаго, зятя Тимешова. Онъ самъ атъисковаетъ близъ Тулы поместя не-

только моя мысль бытъ интересной, хотъ меня никто не видетъ, кроме Лилке-малинькую, которую я васпитаваю, ежели вамъ въ памятъ. Милостивая моя Государыня, надеюсъ после бала я буду еще лучче уметъ выражатъ мои мысли. Еще позабыла вамъ сказать, что здесъ Шиншины и мы у нихъ въ деревни обедали. И тiотка у нихъ пристарелая девица, безподобная: какъ идетъ, такъ и чепецъ за ней потпрыговаетъ. Прошу отъ меня очинъ, очинъ разцаловатъ мою милою Катерину Васильевну, каторую я очинъ много, много люблю и что на той почте непремена буду к ней писать. Папинька мне препоручилъ засвидетельствоватъ вамъ и Анне Семеновне свое почтенiе, такъ какъ и я тоже прошу меня напомнетъ ей. Прощайте, моя милая, и простите, что я такъ много вамъ паврала. Будте здаровы, щастливы столько, сколько я вамъ желаю и прошу меня всегда немнонко любитъ, а то бы вы были бы очинъ неблагодарны.

VI.

ПИСЬМА

Анны Семеновны Шереметевой

къ сестрѣ Марьѣ Семеновнѣ Бахметевой

и сыну Сергѣю Васильевичу Шереметеву.

Благодарю пакорна, мая мать, за приятное тваiô уведомленье. Радуюсъ сердечна, что ты в добромъ здаровьи и утешила, мая мать, сваимъ гащеньимъ маю тщерь [1]). Я ваабражаю еiô удавольствия. И какъ вижу тебя, что ты занеласа хлапатать Анютай, [2]) вспомнила старину. Пишешъ, матушка, что ты предупреждаишъ маныстырiôмъ радныхъ, то паетому не узнаишъ, какой часъ: въ другой день спраси, то разругаютъ тебя и манастырь. А мудрено мне, что тебя могло прельстить жизнь Шереметевай [3]). Я хлапатливея не знаю моностыря и еiô жизни. А себе, матушка, скажу, благодаря Бога, давольна здарова и жизнь праводимъ единобразнаю. Гора насъ очень потешило и севодни такой былъ съездъ са всехъ деревень и все дваровыя с утра. И какъ помещались! Въ томъ числе после абедни Анна Егор: съ Ганюшкай, а Пiô: Га: не сталъ кататца [4]). Толка балшое смущенья детемъ. Съ завтрешнева дни хочетца начать говеть. Прасти меня, мая мать, Христа ради. Служба будитъ, но не знаю, можетъ ли приехать атецъ Дарафей въ суботу и въ васкресенья служить. Ежели же ему будитъ нельзя, то я хать къ сваему иерею пайду па духъ. А то и такъ постъ прапустила. И ежели можно, дай, пажалай, мая мать, знать. Сейчасъ, какъ къ тебе, матушка, пишу, Варвара твая

---

[1]) Марью Васильевну Булыгину. *А. Б.*

[2]) Анна Ивановна Булыгина, впослѣдствiи Жеребцова. *А. Б.*

[3]) Можетъ быть, это Елена Сергѣевна Шереметева, во иночествѣ Евгенiя. Она родилась 21-го февр. 1754 г., скончалась 26-го окт. 1833 г. *А. Б.*

[4]) Должно быть священникъ Петръ Герасимовичъ. *А. Б.*

16 или рано 17 числа. Брать князь Вла [1]): хателъ тоже быть и с невескай [2]). Не знаю, саберутца ли? Писать, мая мать, болше некагда, уже пекагда. А какъ наедитъ Рамихъ, то буду апять писать. Жаль душевна милаю Ф: Ст:. Дай Боже, чтобъ васъ маіо писмо нашло въ лутчемъ састa(я)ньи. Христосъ с вами. Цалую тебе, мая мать, и ручки. Кате: кривая [3]) и Булыгиныхъ семейство цалуютъ у тебя ручки. Буть нат табой миласть Гасподия.

3.

Радуюсъ, мая мать-сестринька, что вы благопалучна возвратилисъ съ багамолья и благодарю за уведомленья.

А себе скажу, благодаря Бога, все здаровы. Завтрешней день, то есть, въ середу, думаю ехать въ Харашовку [4]). Не знаю, саберуса ли. Вотъ уже неделя, какъ еду и трусасть не дапускаитъ пуститца въ такой далнай путь. Я думаю, что я засиделасъ. Толка что въздумаю ехать, то серца замріôтъ. Но кажетца, что пагода установиласъ. Не будитъ грома. У насъ балшихъ не было, благодаря Бога, а падазренья изнурила. Мы васъ багамолавъ нетерпелива ажидаемъ. Пара ехать па хазайство. Въпротчемъ, мая мать, писать болше нечева. Главнае сказала, что мы все, благодаря Бога, здаровы. Малю Бога, что и ты также была. Буть нат табой миласть Божеская. Христосъ с табой. Цалую тебе въ душу.

Жильцамъ тваимъ всемъ кланеюсъ. Радуюсъ, что ты, матушка, была въ Васильевскомъ [5]).

Ежели увидишъ, матушка, маихъ Булыгиныхъ, то скажи, что мы все здаровы, а не пишу за темъ, что самихъ жду. Варенька очень грусна то время, какъ Петруша [6]) былъ боленъ, то не

---

[1]) Князь Владиміръ Семеновичъ Львовъ. *А. К.*
[2]) Марія Александровна, ур. Павлова, жена кн. Дм. Сем. Львова. *А. К.*
[3]) Екатерина Васильевна Шереметева, страдавшая глазами. *А. Б.*
[4]) Имѣніе кн. Вл. Сем. Львова. *А. К.*
[5]) Яковлевыхъ имѣніе. *А. Б.*
[6]) П. С. Шереметевъ. *А. К.*

пришла пращатца и проситъ меня цаловать у тебя ручки. Она очень авантажна и не нарадуютца другъ другомъ. Въпротчемъ, мая мать, писать болше нечево, всіо тоже и тоже. Будимъ ажидать отъ васъ приежжаго. Но, думаю, немнога привезіотъ вестей. Затемъ еще прашу, мая мать, у тебя праценья. Христосъ с табой. Буть нат табой миласть Госпадня. Цалую тебя и ручки.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою же рукою: „Сестрицы Марьи Семеновнъ Бахметьевой“.

Сохранилась красно-сюргучная перстневая печать съ Шереметевскимъ гербомъ: два креста въ столбъ, надъ ними королевская корона. А. Б.

2.

Писмо тваіо, мая мать, севоднишнай день, (то есть) [1]) въ четверкъ, имела удавольствия палучить, каторое меня огарчило и абрадавала, что ты скоро такъ решиласъ ехать въ Маскву. Атъ меня былъ балшой секретъ, а все знали. А я не магла придумать, от чево такъ скоро уехала. Севодни у меня были Хозекавы [2]), и онъ мне сказавалъ, что в евта время ани къ тебе приехали. А себе скажу, благодаря Бога, даволна здарова теламъ, а душа скверна. Катерине [3]), кажетца, севодни палутчи. Рамихъ [4]) еще не бывалъ, но, кажется, что будитъ. Лашадей еще не присылалъ. Сер: съ Вар: [5]) вчера уехали, а Машенька съ Ив: Ф: и Анюта [6]) севодни абедали и начюютъ, чтобъ и для себя видитца с Рамихамъ. Очень прискорбна, мая мать, что такая неприятная притчина лишаитъ удавольствия меня видить тебя 17 число. Дети хатели быть

---

[1]) Такъ въ рукописи. *А. К.*

[2]) Сосѣди по с. Михайловскому, владѣльцы с. Дровнино. *А. Б.*

[3]) Екатерина Васильевна Шереметева. *А. К.*

[4]) Карлъ Христіановичъ Рамихъ, род. 16-го іюля 1780 г., ум. 1-го авг. 1831 г.; придворный хирургъ въ царствованіе имп. Александра I. *А. К.*

[5]) Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ и его жена Варвара Петровна, рожд. Алмазова. *А. Б.*

[6]) Марья Васильевна, рожд. Шереметева, ея мужъ Иванъ Өедоровичъ Булыгинъ и дочь Анна Ивановна. *А. Б.*

16 или рано 17 числа. Братъ князъ Вла [1]): хателъ тоже быть и с невескай [2]). Не знаю, саберутца ли? Писать, мая мать, болше некагда, уже некагда. А какъ паедитъ Рамихъ, то буду апять писать. Жаль душевна милаю Ф: Ст:. Дай Боже, чтобъ васъ маіо писмо нашло въ лутчемъ саста(я)ньи. Христосъ с вами. Цалую тебе, мая мать, и ручки. Кате: кривая [3]) и Булыгиныхъ семейство цалуютъ у тебя ручки. Буть нат табой миласть Гасподня.

3.

Радуюсъ, мая мать-сестринька, что вы благопалучна возвратилисъ съ багамолья и благодарю за уведомленья.

А себе скажу, благодаря Бога, все здаровы. Завтрешней день, то есть, въ середу, думаю ехать въ Харашовку [4]). Не знаю, саберуса ли. Вотъ уже неделя, какъ еду и трусасть не дапускаитъ пуститца въ такой далнай путь. Я думаю, что я засиделасъ. Толка что въздумаю ехать, то серца замріотъ. Но кажетца, что пагода установиласъ. Не будитъ грома. У насъ балшихъ не было, благодаря Бога, а падазренья изнурила. Мы васъ багамолавъ нетерпелива ажидаемъ. Пара ехать на хазайство. Въпротчемъ, мая мать, писать болше нечева. Главнае сказала, что мы все, благодаря Бога, здаровы. Малю Бога, что и ты также была. Буть нат табой миласть Божеская. Христосъ с табой. Цалую тебе въ душу.

Жильцамъ тваимъ всемъ кланеюсъ. Радуюсъ, что ты, матушка, была въ Васильевскомъ [5]).

Ежели увидишъ, матушка, маихъ Булыгиныхъ, то скажи, что мы все здаровы, а не пишу за темъ, что самихъ жду. Варенька очень грусна то время, какъ Петруша [6]) былъ боленъ, то не

---

[1]) Князь Владиміръ Семеновичъ Львовъ. *А. К.*
[2]) Марія Александровна, ур. Павлова, жена кн. Дм. Сем. Львова. *А. К.*
[3]) Екатерина Васильевна Шереметева, страдавшая глазами. *А. Б.*
[4]) Имѣніе кн. Вл. Сем. Львова. *А. К.*
[5]) Яковлевыхъ имѣніе. *А. Б.*
[6]) П. С. Шереметевъ. *А. К.*

можетъ пакойна ничемъ занятца. Чюства очень прастительныя. Дети и внучета цалуютъ у тебя ручки.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою же рукою: „Сестрицѣ Марьи Семеновнѣ“.

Остатки красносюргучной перстеневой печати съ Шереметевскимъ гербомъ. А. Б.

4.

Возвращенья Афонькина очень, мая мать-сестринька, меня нарадавала. Признаюсь, что продалженье дня меня беспокоило, какъ даехала. Пагода была удивително дурна. Но, слава Богу, что приятнае палучила известья, что ты, мая мать, здарова, и ана [1]) благопалучна даехала. При помощи Божеской и съ добрымъ намереньемъ—везде дарога. Афонасей уверяитъ, что ты очень была ей рада, даже все тваи дамашния. Екая чюда развäжу. Въ Маскве также будутъ ажидать, толка с той розницай, что къ тебе ана очень стремиласъ, а туда очень съ припуждениемъ или па долгу паедитъ; а къ тебе, милая, сколка абязанность, а паче сердечная движенья влекло. Я не знаю, куда ана 8 число стапы сваи направитъ. А себе и аба всехъ скажу, милая, благодаря Бога, все здоровы. Севоднишнай день, то-есть въ васкресенья, Сергей [2]) атправилса въ Маскву абедать па крестины. И мы съ Варей [3]) асталисъ адни; занимаимся детьми и работаимъ; а завтря у насъ будитъ абедня и севодни была. Пишешъ, матушка, что у васъ была всеночная не такъ парадна. У насъ такъ люди пристрастилисъ къ духовнай службе, что просютъ, чтобъ ихъ учить. И взяли Сергея М:. Будитъ ездить 2 раза въ неделю. Къ весне еще будитъ складнея. Какъ меня Господь Богъ балуитъ, что страшно. Видно, милая, тваими малитвами такъ Богъ меня устроиваитъ. Пишешъ, матушка, что атцу Венидикту у насъ палюбиласъ. Я думаю, что Марья Пе: [4])

---

[1]) Екатерина Васильевна Шереметева. *А. Б.*

[2]) Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ. *А. К.*

[3]) Варвара Петровна (род. 1785 г.), жена Сергѣя Васильевича Шереметева, урожд. Алмазова. *А. К.*

[4]) Марья Петровна Алмазова (род. 1784 г.), впослѣдствіи Блохина. *А. Б.*

ше васхитела. Она уже не знала, какъ ево угастить, такъ
панравилса. Падарила ему платокъ и 25 руб. в обитель
го прельщала Николскай пустанью. Толка онъ не очень
а наеіо̂ хвальбу. Мой паходъ въ Маскву еще не решонъ.
ютъ, дарога атменна дурна. Я писала къ батюшкѣ, что
у меня есть въмести празнавать именины, но ежели
и дарога не пазволитъ, то я надеюсъ на миластивое ево
ье. Не знаю, что будитъ атвету. Желанья на месте везде
какъ вспомнишъ, что надабна ехать, то и струсишъ, аса-
ъ такую пагоду. Реткая зима! Сказаваютъ, что хлебы бу-
раши. Дай Боже! Забыла, мая мать, тебе атвечать об тру-
десь ихъ Поля нашла после въ закрамахъ на погребе. А
говорила, и ана мне не сказавала; а теперь онымъ вас-
ъ. Теперь, кажетса, всіо̂, мая мать, всіо̂ къ тебе атпи-
го было. Прашу Бога, чтобъ ты была здарова и пакойна.
т табой, мая мать, миласть Гасподня. Христосъ с табой.
у тебя ручки и душу.
бя, мой друкъ Катерина, цалую и радуюсъ сердечна, что
ала благополучно и наехала тіо̂тушку здарову. И мы также
ровы, также и дети тваи, и веселы; балшова дурачества не
. Анюта гараздо стала спакойнея после лекарства. Пасы-
и друкъ, тваіо̂ распятия и Спасителя, да Ар: Сид: [1]) лен-
Не знаю, какъ намъ тебя ждать. Прашу Бога, чтобъ ты,
лай друкъ, была здарова. Христосъ с табой. Буть на
иласть Гасподня и маіо благословенье. Христосъ с табой.
шки пацалуй ручки. Дети цалуютъ у васъ у обеихъ ручки
А: С:.

5.

10-го января 1820 г.

здравляю тебя, мая мать, съ завтрешнемъ днемъ [2]), прашу
наставитъ ана тебя и укрепитъ въ тваихъ благихъ наме-
. Катерина пишетъ, что ана у тебя жила очень пакойна

Арина Сидоровна, нянька дѣтей Анны Семеновны. *А. К.*
Египетская Божья матерь. *А. Б.*

можетъ пакойна ничемъ занятца. Чюства очень прастительныя. Дети и внучета цалуютъ у тебя ручки.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою же рукою: „Сестрицѣ Марьи Семеновнѣ".

Остатки красносюргучной перстеневой печати съ Шереметевскимъ гербомъ. А. Б.

4.

Возвращенья Афонькина очень, мая мать-сестринька, меня парадавала. Признаюсь, что продалженье дня меня беспокоило, какъ даехала. Пагода была удивително дурна. Но, слава Богу, что приятнае палучила известья, что ты, мая мать, здарова, и ана [1] благопалучна даехала. При помощи Божеской и съ добрымъ намереньемъ—везде дарога. Афонасей уверяитъ, что ты очень была ей рада, даже все тваи дамашния. Екая чюда разважу. Въ Маскве также будутъ ажидать, толка с той розницай, что къ тебе ана очень стремилась, а туда очень съ принужденемъ или па долгу паедитъ; а къ тебе, милая, сколка абязанность, а паче сердечная движенья влекло. Я не знаю, куда ана 8 число стапы сваи направитъ. А себе и аба всехъ скажу, милая, благодаря Бога, все здоровы. Севоднишнай день, то-есть въваскресенья, Сергей [2] атправился въ Маскву абедать на крестины. И мы съ Варей [3] асталисъ адни; занимаимся детьми и работаимъ; а завтря у насъ будитъ абедня и севодни была. Пишешъ, матушка, что у васъ была всеночная не такъ парадна. У насъ такъ люди пристрастились къ духовнай службе, что просютъ, чтобъ ихъ учить. И взяли Сергея М:. Будитъ ездить 2 раза въ неделю. Къ весне еще будитъ складнея. Какъ меня Господь Богъ балуитъ, что страшно. Видно, милая, тваими малитвами такъ Богъ меня устроиваитъ. Пишешъ, матушка, что атцу Венидикту у насъ палюбилась. Я думаю, что Марья Пе: [4])

---

[1]) Екатерина Васильевна Шереметева. *А. Б.*

[2]) Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ. *А. К.*

[3]) Варвара Петровна (род. 1785 г.), жена Сергѣя Васильевича Шереметева, урожд. Алмазова. *А. К.*

[4]) Марья Петровна Алмазова (род. 1784 г.), впослѣдствіи Блохина. *А. Б.*

ево болше васхитела. Она уже не знала, какъ ево угастить, такъ онъ ей паправилса. Падарила ему платокъ и 25 руб. в обитель и всiô его прельщала Николскай пустанью. Толка онъ не очень подавался на еiô хвальбу. Мой паходъ въ Маскву еще не решонъ. Сказаваютъ, дарога атменна дурна. Я писала къ батюшкѣ, что желанья у меня есть въмести празнавать именины, но ежели здоровье и дарога не пазволитъ, то я надеюсъ на миластивое ево пращенье. Не знаю, что будитъ атвету. Желанья на месте везде быть, а какъ вспомнишъ, что надабна ехать, то и струсишъ, асаблива въ такую пагоду. Реткая зима! Сказаваютъ, что хлебы будутъ харащи. Дай Боже! Забыла, мая мать, тебе атвечать об трубахъ. Здесь ихъ Поля нашла после въ закрамахъ на погребе. А я ей не говорила, и ана мне не сказавала; а теперь онымъ васползуюсъ. Теперь, кажетса, всiô, мая мать, всiô къ тебе атписала, что было. Прашу Бога, чтобъ ты была здарова и пакойна. Буть нат табой, мая мать, миласть Гасподня. Христосъ с табой. Цалую у тебя ручки и душу.

Тебя, мой друкъ Катерина, цалую и радуюсъ сердечна, что ты даехала благополучно и наехала тiôтушку здарову. И мы также все здаровы, также и дети тваи, и веселы; балшова дурачества не делаютъ. Анюта гараздо стала спакойнея после лекарства. Пасылаю, мои друкъ, тваiô распятия и Спасителя, да Ар: Сид:[1] лентачки. Не знаю, какъ намъ тебя ждать. Прашу Бога, чтобъ ты, мой милай друкъ, была здарова. Христосъ с табой. Буть на табой миласть Гасподня и маiо благословенье. Христосъ с табой. У тiôтушки пацалуй ручки. Дети цалуютъ у васъ у обеихъ ручки также и А: С:.

5.

10-го января 1820 г.

Поздравляю тебя, мая мать, съ завтрешнемъ днемъ[2]), прашу еiô, да наставитъ ана тебя и укрепитъ въ тваихъ благихъ намерениях. Катерина пишетъ, что ана у тебя жила очень пакойна

[1]) Арина Сидоровна, нянька дѣтей Анны Семеновны. *А. К.*
[2]) Египетская Божья матерь. *А. Б.*

и приятна, и что тваiô жилища ей очень палюбиласъ; а теперь точно папала в ыскусъ. Я не магу ваабразить безъ ужеса еiô образъ жизни. Велика жертва. Я думала, что ана астановитца у Булыгиныхъ. У ней ни челавека, ни екипажа. Сидеть должна пат карауламъ, ежели за ней не пришлютъ, и ата всехъ далiôка. Пишетъ, чтобъ за ней прислать въ суботу. Въ васкресенья после абедни будитъ. Какъ ей приятно пакажется Михайлавское пребыванья. И правду сказать, пара приехать. Ты можешъ, матушка, ваабразить балшихъ. Варя учитъ паутру чеса 2, также и после абеда; а меньшия са мной; а остальное время все вмести. Видно, мая мать, ты еще баисса паказатца въ Маскву. Но я слышела, что ты приедишъ праститца съ графиней. Ана, сказаваютъ, едитъ скоро. А себе скажу, мая мать, слава Богу, здарова, толка долга сплю. Прежде 8 чесовъ не прасыпаюсъ; а лажусъ въ 11. Дажидаюсъ весны. Въ Маскву ехать желанья не имею. Ужесаюсъ объ возвращеньи па такой дароге, а веснавать невазможна. А признаюсъ, что желанья маiо была бы быть, мая мать, у тебя; но ты меня къ себе не пускаишъ. Видна Богу угодна была меня усадить; толка не знаю, за что? Разве побалавать? Я и безъ тово, какъ насетка, куда уселасъ и встать не хочетца. Толка адинъ день былъ таковъ, что я хадила гулять. Вчерашней день Сергей намъ зделалъ сюрбризъ: паехалъ въ Маскву с темъ, чтобъ ехать въ Валачанаво [1]); но рассудилъ возвратитца к намъ и вечеръ евился. А паедитъ уже после выборовъ. Въ панедельникъ хателъ быть К: Д: Сем:. [2]) Не знаю, здержит ли слово. А въ середу паедутъ съ Сергеимъ въ Маскву. Пишетъ Катерина, что ана батюшке дакладовала, что я не думаю быть въ Маскву по нездаровью и дароге, и что онъ принелъ милостиво. Но я не панела, что ана хатела сказать. А вънротчемъ аставляю на время и на волю Божью. Какъ Ему угодно будетъ распалажить мною. Вънротчемъ, мая мать, писать болше права нечева. И то не пишу, а гаварю. Прашу Бога, чтобъ ты, милая, была здарова и пакойна. Буть пат табой миласть Господня. Христосъ с табою, мая милая. Цалую

---

[1]) Бывшее имѣніе Шереметевыхъ, Московской губ., Волоколамскаго уѣзда. *А. К.*

[2]) Кн. Дмитрій Семеновичъ Львовъ. *А. К.*

тебя въ душу. Дети старшия и младшыя цалуютъ у тебя ручки и я с ними.

6.

(9—11-го Марта 1821 г.).

Пятница. Утро. 9 чис(ло).

Никогда такъ приездъ Ивана Аг: мне милъ не былъ, какъ нынешнай разъ. Слышевши, что ты, мая мать, здарова, грусна очень была, что такъ давно нелзя было иметь уведомленья. Дароги, сказаваютъ, никакой нетъ, и для таво мы пазадержали отца Венидикта, каторой очень рвiôтца, баитца, чтобъ не зделало неудовольствия началнику. Въ середу повезли рекрутовъ; пешкомъ болше пашли. Не знаю, какъ даехали. И я къ тебе не писала для тово, что думала саобщенья еще с Масквой нетъ. А Катерина писала къ Ив: Я:, чтобъ ежели будутъ ездаки, то сказать, что мы все здаровы. Пишешь, милая, ты и Чечерина, что празникъ правели спакойно и приятно, то и мы, благодаря Бога, очень, по миласти Божеской и тваей, очень правели приятна и, можно сказать, и духовна. Съ самой вербной недели всякой день служба. Отецъ Ве: наехалъ у насъ Пе: Г: [1]), каторай насъ ему здалъ. И мы на страшной недели удастоилисъ, въ четверкъ, все преобщитца. Сергей с Вар: [2]) и 2 детей—у Венедикта испаведалисъ, а мы съ Ка: — у Пе: Г:. И всякой день служба. Уже въ четверкъ на светой толка дали отдахнуть певцамъ, да на Фаминой 3 дни. Но приятна видить всехъ желанья къ службе, и что была за хлопаты на суботу страшную и на воскресенья! Серьгей въ восхищеньи, пачти да слiôзъ, также и Варенька. Ево хлопаты—асвещенья, и нашли тваи пушки. 3 раза выпалели. Дети балшия, Анюта и Вася [3]) все службы слушели и па начамъ. Дамашнеи также въ васхищеньи. Гаварятъ, какъ можна сменить с Масквой. А ныньча хлопотъ—река. И вчерашней день толка лiôтъ прашолъ. А рыбы нетъ. Вчера лавили всiô мелачь. Серiôжа съ Варей хадили всякой день на мельницу и вчера дажда-

---

[1]) Священникъ Петръ Герасимовичъ. *А. К.*

[2]) Сергѣй Васильевичъ и Варвара Сергѣевна Шереметевы. *А. К.*

[3]) Анна Сергѣевна и Василій Сергѣевичъ Шереметевы. *А. К.*

Воскресенье. 11 число.

Сейчасъ пришли ат абедни, и начну, мая мать, темъ благодарить за приятное прежнея твое писмо, каторое палучила вчера. Рекрутовъ не принели, въ томъ числе и Лапегу. Завтрешней день апять везутъ другихъ. Самое неприятное експедицыя. От батюшки палучила писмо. Пишетъ, что, слава Богу, здоровъ и 6 число располагаитъ уже выехать въ деревню и къ намъ. Князь В: [1]) братъ папалъ къ намъ въ саседство, и видна, что кнеиня очень рада; а онъ, по абыкновенному, шутитъ. Пишетъ, что бліска будимъ жить и часто видитца. Можно бы парадаватца, ежели бы была прочна. Дачю прадаютъ. От Машеньки [2]) письма не получила; видна апаздала. От Н: Ни: палучила Катерина; пишетъ, что Поленьки очень мало лехче и то временемъ. Удивительная балезнь. Вотъ лутчеи бабушки: очень радаитца, что Катерина по прасухе будитъ. Я очень рада, что Ортенберша возвратиласъ и ждіо̂тъ от насъ присылки. Облехченьа будитъ балшое. Пишетъ еще жалкай случай съ Ланской [3]). Сына Ланскаво убили на дуеле Аньненковъ [4]). А падбилъ ихъ графъ Панинъ. И сынъ еіо̂ Лачипавъ паехалъ ей въ деревню объевлять. И, какъ сказаваютъ, именея была всіо̂ ево; а ана сваю седьмую часть отдала дачерямъ. И долгу пропасть. Вотъ следы желать балшова богатства. Прасти ей, Господи, еіо̂ прегрешенья. И къ тому же дочь, каторая за Кейсаравымъ [5]); братъ у ней жилъ и въ день ево рагденья сестра пасылаитъ сказать, что кушеть пара. Челавекъ пришолъ сказать, что братъ занемокъ; зделалса обмаракъ. Ана пабежала. Онъ былъ пакрытъ. Ана здіо̂рнула прастыню и увидила ево въ крави и міо̂ртвова. Ана бес чюства упала и беременна; сказаваютъ, что также отчаенно болна. Анненкова сына не пращаитъ; гаваритъ, что ана убицу видить не можетъ. Государь во-

---

[1]) Кн. Владиміръ Семеновичъ Львовъ. *А. К.*

[2]) Марія Васильевна Булыгина. *А. К.*

[3]) Кн. Прасковья Ивановна Долгорукова (въ 1-мъ бракѣ была за Петромъ Александровичемъ Лачиновымъ), во 2-мъ бракѣ за Як. Дм. Ланскимъ. *А. К.*

[4]) Дмитрій Яковлевичъ Ланской, офицеръ л.-гв. Гусарскаго полка, былъ убитъ на дуэли 26-го января 1821 г. *А. К.*

[5]) Варвара Яковлевна, ур. Ланская, была замужемъ за Паисіемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ. *А. К.*

лепъ с нимъ делать, что угодно и прастить, по ана ево не принимаитъ. Также и Обаленскава атецъ не принимаитъ сына. Онъ былъ секундантамъ. Можетъ быть, ето астановитъ протчихъ быть дерскимъ. Сказали прежде, что Панина ражжалавали въ салдаты; аднака, неправда. А онъ падбилъ 2 дуели. Еще Свиньинъ. Толка те живы. На щотъ Великава К(нязя), я думаю, мая мать, ты уже знаишъ. Ека притча, что харошава изъ Садома и Гамора ничево не услышешъ. Толка и покойна, какъ живiôшъ въ деревни, какъ улитка въ себе; и ежеминутно благодаришъ Бога, что не по заслугамъ Богъ награждаитъ. Теперь я сижу у себя, а передъ домамъ выпустели детей. Настаящея авечки. Такъ бегаютъ, что не могутъ апомнитца, что ани по земле бегаютъ. Также и балшия с ними, въ томъ числе и атецъ Венедиктъ; толко не бегаютъ, а смотрютъ на нихъ. Дети так ево палюбили, что горя балшая, какъ скажетъ, что скоро едитъ. И въ самомъ деле, очень хорошъ. Вотъ уже 3 неделе, какъ онъ у насъ живiôтъ и все ласки, какия можна, делаютъ, но онъ никакъ не забываетца и всiô на своiôмъ месте сидитъ у дверей и атменна тихъ и благонравенъ. Послушникъ также очень добръ и смиренъ. Толка безъ Мартынача [1]) прапал бы, но и за таво очень благодарны. Севодни паследнея абедня и жаль очень с ними растатца. Пiô: Г: нашъ чють живъ после празника. Въ воскресенья были крестины у Артемьевыхъ. Онъ былъ и такъ слабъ, что жалко смотреть и агрипъ, гаваритъ, что от наги. А я думаю, что последнии дни былъ с абразами въ Потасинкахъ. Въ середу за нимъ пашлютъ; въ четверькъ будитъ обедня; я, милая, къ тебѣ писала, что пьчiôлъ нелзя думала вестй; аднака, вчера ихъ на 7 падводахъ павезли: 2 лошади от тебя и 5 нашихъ. Не знаю, возвратилися ли. Нашли, что лутче проехать, пака въ лѐсу не распустилась земля. Серьгей, какъ зладеевъ, баитца. Я гаварила, что можно падале паставить. Говаритъ, ихъ не удержишъ; будутъ летать. Вотъ, мая мать, все наши вести. Что было, всiô сказала. А заключю темъ, что ежеминутна благодарю Гаспода за Ево великаю миласть. Слишкомъ харашо мне жить. Молю Бога, чтобъ онъ сниспослалъ на тебя, мая мать, сваю

---

[1]) Павелъ Мартыновичъ Окуличъ. *А. К.*

благодать и такое же спакоиствия, сколко смертой можетъ чюствовать. На щотъ Андрея, видна, Чечерина набредела. А Софьи и слова не гаворилъ. Пишетъ Н: Н:, и ана об манастыре и не думаитъ. Думаю, что и а тебе тоже сбредела.

Я думала, что на четвiорки упишу, но такъ забалталасъ, что забыла, что пишу. Думала, что гаварю. Я, мая мать, хатела къ тебе писать съ отцомъ В:. Но ево, еще въ надежде бла(го)склоннасти отца страителя, оставили до пятницы. Въ четверкъ паметь по брате Вареньнкиномъ Барисе [1]). А рада очень, что услышела, едитъ и В: Агаповъ, то с нимъ пасылаю. А на дняхъ будитъ къ тебе живая грамата, и для таво аставляю. А скажу еще, мая мать, что я здарова и желаю очень, чтобъ паскарея пазволила дарога быть тебе въ Кандратьеве. Теперь ваабражаю К: Мар: Фр: [2]), еiô нетерпенье быть въ Ларiôве. Пишетъ Машинька, что ана очень васхищаитца пакупкай. Затемъ, мая мать, писать болше нечева. Даволна, кажетца, написала. Цалую тебя въ душу и ручки. Христосъ с табой. Буть нат табой миласть Гасподня.

Приписка рукою Екатерины Васильевны Шереметевой:

И я, съ братомъ, съ сестрой и съ племянниками цѣлую Ваши ручки, Милостивая Гасударыня Тiôтинька, желая отъ всего сердца Вамъ милости Божiей. Я нахожусь въ прiятной надеждѣ быть у Васъ. Ето меня очень радуетъ. Не знаю, какъ Вамъ покажется, не помѣшаетъ ли какому-либо расположенiю Вашему? Можетъ, вмѣстѣ мы съ Вами поѣдемъ? Сдѣлайте милость, о семъ въ Москву не давать знать; а то узнаетъ Н: Нико:, заждется меня и покажется, долго не ѣду; а безъ ожиданiя лутчѣ. Писать совсѣмъ нечего. Маминька все Вамъ изволила сказать. Еще цѣлую Ваши ручки, моля Бога о сохраненiи Васъ своею святою благодатiю. Если Чиче: еще тутъ, извольте имъ отъ меня поклонится. На письмо Ка: Алекс: надѣюсь отвѣчать лично. Господь Богъ да буди во вѣки съ Вами неразлучно.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано рукою Анны Семеновны: „Сестрицы Марьи Семеновнѣ“.

---

[1]) Б. П. Алмазовъ, род. 1789 г., ум. 15-го марта 1813 г. Братъ В. П. Шереметевой. *А. К.*

[2]) Кн. Марiя Францовна Львова, жена кн. Влад. Сем. Львова. *А. К.*

7.

Желаю знать, какова ты, мая мать? А балной [1]) свaей скажу, слава Богу, гаразда лутче, хатя еще сидитъ въ тіомнай горницы. Но уже дверь атворена и жару вовси нетъ. Посылаю къ Рамеху сказать о наследствии ево лекарствахъ. Не пришліот ли еще чево для потрепленья. А между темъ и ат тебя надеюсъ получить лутчея известья. О себе, мая мать, скажу, благодаря Бога, все здаровы, и время таково, что не хочетца сайтить са двора. Очень не во время ношка твая сфалшила. Ты бы теперь зарылася, но видна Богъ лутче знаитъ, что намъ полезнея. Я очень рада за детей, что пагода имъ спасобна дела устраевать. Также и Булыгины севодни отпускаютъ паследней абозъ. А сами после 17 скора паедутъ. Очень буду пакойна, какъ будутъ въ Маскве. Очень ана уже тежела. Ана у меня была въ четверкъ и начевала. Въпротчемъ, мая мать, писать болше печева. Прашу Бога, чтобы объ тебе мне была харошея известия также и о твaей жилицы любезнай, каторымъ, всей фамилии, усердна кланяюсъ. Мая Катерина цалуитъ ручки и всемъ желаитъ быть здаровымъ. А писать еще не позволяю. Я думаю, что На: Ни: [2]) теперь въ терзаньи, что отъ неіо нетъ известия. Дарья Ф: свидетельствуитъ сваіо пачтенья и все нацыи.

За темъ прасти, мая мать. Цалую тебя въ душу. Внучата цалуютъ ручки и я с ними. Христосъ с табой. Буть нат тобой миласть Гасподня.

Севоднишнай день ажидаю батюшку. Не знаю, долга ли прабудитъ.

Ив: А: съ супругай кланеюсъ и благодарю за кофе; очень хорошъ. А что стоитъ, пришлю деньги после.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою-же рукою: „Сестрицы Марьѣ Семеновнѣ“. А. Б.

---

[1]) Екатерина Васильевна Шереметева. *А. Б.*
[2]) Надежда Николаевна Шереметева. *А Б*

8.

Благодарю, мая мать, пакорна за аписания а себе. Радуюсъ сердечна, что тебе лутчи и въ харошемъ праве. Продалжи Господи сваю миласть. Я сейчасъ читала тваiô писмо Ар: С:, которая цалуитъ у тебя ручки и гаваритъ тоже, что батюшка, что тебе надобно было быть малчикамъ по всемъ тваимъ дениямъ и терпенью. Балной или кривой маей [1]), благодаря Бога, гаразда лутчи. Глозамъ гледитъ. А севодни еще за ухамъ паложена была мушка и сеичасъ Дарьа Ф: снимаитъ. Цалуитъ тваи ручки; приказала тебе сказать, что ана радаетца тваему палаженью; а ана сваимъ не можетъ похвастать. Ва время боле ана всiô ночь бунтовала. Вручитель сего хателъ самъ къ тебе зайтить, но немнога отъ насъ разговору. А ежели бы падпустить француза, то не знаю, кто каво бы переговарилъ. Батюшка еще не едитъ. Видна харошея погода ево астановила дома. Я полагала, ему уже нанели. Тебе, мая мать, очень будитъ претеснителна. Для чево ты к нему не отписала или братья? О брате К: Д: ничево не пишишь. Какъ онъ паживаитъ? Даждiôтца ли батюшки? Радуюсъ сердечна, что милай Фе: Ст. лутче. Прашу, мая мать, еiô паздравить отъ насъ с дарагой имениннницай, а любезнаю именинницу мы цалуемъ и поздравляимъ. Желанье же наше имъ извесно. Дай Боже ей успеху въ еiô подвигахъ. Булыгины маи на мази. Абозъ атпустили. Асталисъ толка для 17 чис. [2]). Мне очень хочетца, чтобъ ани скарея перехали. Ана уже очень грузна. Завтрешней день ожидаю ихъ к вечеру и с детьми. А Сер: сказалъ, что ежели не накануне, то па утру, в пятницу; а Поповъ все собираетца, помня асвещенье. Жаль, мая мать, душевна, что тебя не будитъ. Видна, такъ Богу угодна за маи грѣхи лишить такова балшова удавольствия. Пишешъ, матушка, о предвадители; на нево ета очень пахоже, что онъ думаитъ, что онъ мущина, а жена что хочетъ, то делаитъ. Да видно безума. Къ тебе сабиралисъ гости 8 число:

---

[1]) Екатерина Васильевна Шереметева. *А. К.*
[2]) День рожденія Анны Семеновны Шереметевой. *А. К.*

Василей Д: и Піо: Г:. Тагда я палучила тваiô писмо; ани очень сожалеють. Севодишней день у насъ абедня и я отъ завтрени ушла къ тебе даписавать. Вънротчемъ, писать, мая мать, нечева; а прашу Бога, чтобъ скарея ты стала на наги. Ты пишишъ, матушка, чтобъ въ Михайлавскомъ ты слышела абедню, то Катерина живiôтъ у меня и к абедни не можетъ хадить. Прашу отъ насъ пачтенье сказать графини. Не дапускаитъ Богъ къ ней в Островъ [1]. Я думаю, что ана уже въ нево и не паедитъ. Угащевать станетъ принца [2]. За темъ, пожелавъ, мая мать, душевнава спакойствiя, Христосъ с тобой. Буть нат тобой миласть Господня. Цалую тебя въ душу. Дети цалуютъ ручки и я с ними. Д: Ф: пачтенья свидетельствуитъ и мамушки цалуютъ ручки. Прас: Ст:, матушка, пачтение и Каблуковой.

9.

Наконецъ и я, мая милая сестричка, явилась въ Михайлавская [3]. Благодаря Бога, здарова; толка жилищо маiô еще парастроена, и я живу въ Петра Г: комнате. Я приехала вчерашней день к абеду, проживши въ Харашовки [4] 6 дней очень приятна, и Харашовка точно принела видъ сваево имени. Хозяева здаровы и пакойны; толка тревожитъ ихъ то, что на Митиньки корь. Онъ приехалъ к нимъ въ суботу и занемокъ. Сперьва думали простуда, но после высопала и очень харошо; но страхъ делаитъ то, что ни на которомъ детей не была. Домъ ани напимаютъ Лаврова и ежели будитъ падазренья и зъ болшими, то они переедутъ въ Маскву, и я саветавала; но сестра очень весела и спакойна. Здешныхъ хазяевъ наехала здаровыхъ, толка въ сырости, которая и теперь прадолжаитца. Зиму не тапили, а умныя люди, каторыя здесь аставались, акошекъ не отварали. Адна церкавъ па-

[1]) Имѣніе гр. Орлова въ Московскомъ уѣздѣ. *А. К.*

[2]) Рѣчь идетъ, должно быть, объ англійскомъ принцѣ, который посѣтилъ, въ бытность свою въ Москвѣ, графа Орлова.

[3]) Имѣніе А. С. Шереметевой, нынѣ принадлежащее графу С. Д. Шереметеву. *А. К.*

[4]) С. Хорошовки, въ Калужской губ., имѣніе кн. Влад. Сем. Львова. *А. К.*

печеньемъ Ника: Аксіо̂: очень суха. Катерина, мая мать, к тебе сабраласъ ехать, но я сіо̂ астанавила. Не приедиш ли ты к намъ завтря ка всепочной и абедню, Вознесеньевъ день, отслушать. Булыгины сабираютца въ канце мапя, но я не думаю, чтобъ успели. Машенька было очень свихнуласъ, но теперь, благодаря Бога, полутче. Пьіо̂тъ козья малако съ ромамъ, и ей делаитъ балшую ползу. Серіо̂жа их савсемъ было атправился, но теперь и ему лутче. Вотъ, мая мать, все маи тебе вести. Нетерпелива желаю тебя видить и балшоя желанья, чтобъ ты меня могла принять и видеть Кандратьево. Серьгей палагаитъ, что ты хочешъ зделать сюрпризъ въ перемене тваей мызе. Христосъ с табой, мая мать. Цалую тваю душу. Буть нат табой миласть Господня.

10.

28-го октября 1804 г.

Здраствуй, мой друкъ, Серіо̂жинька! За приатное тваіо̂ уведомленье благодарю; радуюсъ, что ты здаровъ и время праводиш̂ъ приятна; а себе скажу тебе, батюшка, что мы все давольны, здаровы кроме меня; у мене дасморкъ прадалжаетца с неделю и мешаетъ многаму; сажелею очень об вашемъ беспакоистве, каторыхъ давольна в твой векъ тебе будитъ с нашеми людми, каторыя приучены какъ грубасти, такъ и к пьянству, начиная отъ тваево Галикова и патомъ пачти все; то тебе надабна батюшка к таму себе приучать, чтобъ ето-бъ не дапускать к такавому беспарятку; после ани же абвиняютъ гаcподъ, что ихъ глупасти не унимаютъ. Вотъ теперь также и Яшка савсемъ можетъ прапасть отъ таво, что никто за нимъ не смотритъ и отъчіо̂ту никаму в сваихъ делахъ не делаетъ. Ефимъ сказавалъ, что онъ тебе дакладавалъ, чтобъ ты приказалъ к себе евлятца, а ты ему сказалъ, что не зачемъ, а па моему кажетца, что тебе бы должна самаму приказать, и также и па вечерамъ, ежели играетъ кагда музыка у графа, для чево и ему неиграть, чтобъ онъ не отъставалъ. Батюшкино здаравье и леты уже не пазваляютъ за-

ты в сабранья и с кемъ. Думаю, что сваево екипажа не имеите; уведомь, на чiо̂мъ ты ездишъ к дядюшкамъ. Карета наша зелiо̂ная, можетъ быть, тебе спасобна; ежели фарейтера нетъ, то не сыщете ли панять. Мене теперь безпакоитъ то, что у васъ с Фа: В: нетъ шубъ. Я спрашеваю всiо̂ у саседей ездаковъ, то ежели буди аказиа, то перешлiо̂мъ. Уведомъ батюшка, не видалса ли ты с саседамъ. Когда будишъ у дя: К: Вл: Се:, то зделаи визитъ Савину, онъ очень блиска тамъ живiо̂тъ противъ самова Демидава дому. Ани с нами расталисъ очень приятельски и онъ челавекъ очень харошеи. Уведомъ, мой друкъ, многа ли ездютъ в сабранья и многа ли танцуитъ. Я тебя спрашеваю ап техъ вещахъ, каторыа тебя забавляютъ, а теперь спрашу, падаiо̂шли ты прозбу о награжденiи чина, такъ какъ ты гаварилъ, и скора ли ты думаешъ коньчить ту работу, каторая тебе дана. Тебе же праситца, мой друкъ, саветаю к ражденью батюшкину, то есть, к 18 чис. ноября [1]). У насъ здесь савершенная зима, прекрасная, снекъ всякои день пачти идiо̂тъ и после сонца, и все ездютъ в саняхъ; а у васъ сказаваютъ, еще нетъ. Севодни у насъ и Ва: Куз: с А: И:, Кузминъ и вечеру приехалъ Муравьiо̂въ. Теперь сели играть в карты и музыка граитъ, а прашедшеа васкресенья были у насъ Пановы и сказавали, что Але: Васи: [2]) в Маскве и лечетъ ево Дашковъ; онъ живiо̂тъ у графа Шереме:. А Дашковъ графиньку [3]) лечетъ атъ спазмовъ и, увидя Панова тамъ, сталъ и ево лечить; то ежели будитъ кстати, спраси у нево, каковъ онъ. Тогда асведомся, правдо-ль еще ета. Кажетца, даволна к тебе написала, будитъ что читать; да забыла еще тебе сказать—пажалай асведомься, кто изъ Булыгиныхъ в Маскве. Не худа, ежели бы ты к сестре атписалъ, ана к намъ пишетъ всякую неделю и к тебе также. Ана не знала, что ты в Маскве. Затемъ, мой друкъ, писать болше не магу, устала, буть нат табой миласть Господня и маiо̂ благославенье. Цалую тебя. Пребуду навекъ верпай друкъ

Мать Анна Шереметева.

Ф: В: клапеюсъ и всемъ, кто вспомнитъ.

---

[1]) Кн. Вас. Влад. Львовъ родился 18-го ноября 1743 г. *А. К.*

[2]) Александръ Васильевичъ Исленьевъ, сынъ В. В., женатаго на М. В. Шереметевой. *А. К.*

[3]) Графъ Д. Н. Шереметевъ. *А. К.*

Далье идетъ приписка рукою В. В. Шереметева:

Я тебе, мой друкъ Сергей Васильичъ, желаю всей Божеской милости. За писмо твое благодарю. На счотъ Алешки я къ Фаме Васильичу писалъ. Об отпуске твоемъ я просилъ, но какъ я думаю, что Ник. Ник. [1]) обязанъ хранить справедливость противу протчихъ, то и нужно побыть, чтобы ему кто не могъ упрекнуть. Можешъ самъ его попросить, усмотря приличное время. Я ожидаю снегу. Думаю, пришлю Ефима, къ тому же проспеютъ и сроки. На разговоръ Его Сиятельства Г. А. Г. с тобою я болше сказать не могу, что обстоятелства все мои тому притчиною, чтобы прожить въ деревне, уверенъ же будучи въ его милости, а пачѣ и позволениемъ іметь пристанище. По вѣкъ мои въ душе моей благодарность запечатлена съ непременною предапностию. Всемъ обяви мое почтение, а я навсегда есмь непременнымъ

В. Шереметевъ.

---

11 [2]).

1-го ноября 1804 г. Село Хатавки.

Писмо твое, мой другъ, получилъ. Радуюсъ, что ты здаровъ и кончилъ свои хлопоты съ дуракомъ. 30 ру. денги, ежели угодно В. Сер., я приму, а писмо его, куда прикажитъ, съ надписью доставлю, а какъ въ нынешнемъ месице срокъ Александру Григоревичу Соловому, то советую къ нему съездить, самому тебе испросить, какъ ему угодно, отъдать или перепишетъ, чтобъ я зналъ о семъ. Ежели увидишъ Петра Петровича Нарышкина, обяви ему мое почтение и попроси о неоставленіи по делу нашему съ сестрою [3]).

---

[1]) Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, управляющій архивомъ Иностранной Коллегіи въ Москвѣ, подъ начальствомъ котораго служилъ Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ. *А. К.*

[2]) Письмо В. В. Шереметева къ сыну Сергѣю Васильевичу съ припискою рукою А. С. Шереметевой. *А. К.*

[3]) В. В. Шереметевъ и братья вели тяжебное спорное дѣло съ сестрою Наталіею Владиміровною о раздѣлѣ имущественнаго наслѣдства. П. П. Нарышкинъ (р. 20-го мая 1764 г., ум. 26-го окт 1825 г.) могъ оказать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ сенатора. *А. К.*

Ежели тебя отпустятъ, то советую дождатся марозовъ, чтобы река не помешала переехать. Его сиятелству благодетелю нашему [1]), равно и графине Аннѣ Алек., обяви наше истиное почитание и всемъ покорнѣишеи поклонъ. Более на се случай сказать мне нечего, прося тебе Божеской милости.

В. Шереметевъ.

PS. Товарищу твоему скажи мое сожеление, что онъ нездоровъ, и желание истинное скорейшаго облехчения, и покорный паклонъ. Ежели подъ твою расписку отъдастъ денги Василій Сергеевичъ, то прошу его, чтобы онъ принялъ къ себе.

Дальше приписка рукою А. С. Шереметевой:

И я тебя, мой друкъ, цалую и желаю, чтобъ вы с Фомой Васильчемъ были здаровы и скареи к намъ приежжали.

12.

27-го марта 1805 г.

Здраствуй, мой друкъ, Серіо̂жинька! Приатнае тваи 2 писма палучила. Благодарю, радуюсь, что ты здаровъ и време праводишъ нескушно, а утешаитъ меня то болше, что тіо̂тушка табой, мой друкъ, доволна. Благодарю тебя за ета, старайса ей заслужить за еіо̂ къ тебе миласть. За новасти спасибо, что саабщаишь. Сестринъ приездъ, думаю, тебе зделалъ удавольствиа да техъ поръ, пака ты еіо̂ не видалъ, а думаю, бывши у ней, болше делаешъ неудаволствиа. Старайсса, мой друкъ, сыскать случей, чтобъ ей сказать, что ежели ты часто не будишъ ездить, то притчина—ихъ халоднай пріио̂мъ. Ана изъ дуръ дура. Я думаю, что мужъ не можетъ запретить быть раду, гаварить тиха, можетъ падать падазреньа, а радоватца и припять ласкова не запретитъ. Я думаю, можно бы сказать и Михайле Ф: аб евтамъ; чемъ нибудь падабна коньчить. Уведомъ, не говарила ли Марьа Вла: [2]), и часто ли сестра ездитъ къ ней и Аліо̂не В:. [3]) Я отъ неіо̂

---

[1]) Графу А. Г. Орлову-Чесменскому. *А. К.*

[2]) Марія Владиміровна Шереметева. *А. К.*

[3]) Елена Васильевна, ур. кн. Голицына, супруга Александра Владиміровича Шереметева. *А. К.*

писма не палучала. Скажи ей батюшка, что, видна, очень занета визитами, что не имела время къ намъ писать, а радуюсь слышеть, что ана здарова и была в собраньи. Пацалуй Анюту [1]) и еiô цалую. Атпиши, на ково ана болше пахожа. Я думаю, что сестрицы 3 девы [2]) еiô затаскали и уведомъ, какъ припета маiô платьицо, въ пору ли ей, спраси у сестры. Въпротчемъ писать болше нечева, а пиши ты, мой друкъ, что у васъ делаетца. Затемъ цалую тебя, буть нат тобой миласть Божескаи и маiô благословенья. Прибуду на векъ верной друкъ

Мать Анна Шереметева.

У тiôтушки пацалуй атъ меня ручки за хорошеи а нихъ адабреньи.

Далѣе въ письмѣ идетъ приписка рукою Е. В. Шереметевой:

Анна Яковлевна vient d'arriver et nous dit que vous vous portés tous bien. Dieu soit loué!—Je vous prie mon cher de remercier bien des fois Ф: Ва: de ma part pour le cuir, il est très beau et m'a fait bien du plaisir: les couleurs en sont bien belles aussi. Ne vous génés pas mon cher si vous ne pouvés pas toujours m'écrire, pourvu que je sache que vous vous portés bien, je suis très contente et heureuse. — Je ne vous ecrirai pas beaucoup cette fois ci, car j'ai la tête dérangée et je ne puis rassembler mes esprits. D'ailleurs vous verrès ou entenderés tout de ma tante. Adieu donc mon cher, j'ai un tas de compliment à vous faire de part et d'autre; le coq vous baise les mains, Анохритъ, qui joue toujours au billard avec le même enthousiasme vous présente ses respects. Душа qui fait nos délices dort depuis l'après dinée, et à présent il est 8 heures. Adieu.

Далѣе приписка рукою В. В. Шереметева:

Два писма отъ тебя, мой другъ, на одной почте получилъ и за уведомление благодарю; толко я желалъ бы лутче, чтобъ получить по одному въ свое время. Пишишъ ты, что Ефимъ у тебя былъ и сказывалъ, что онъ можеть мне зделать прибыль, но какую, я изъ твоего писма оной не вижу. У графа поцалуй ручку и поблагодари за

[1]) Анна Ивановна Булыгина. *А. К.*

[2]) Анна, Авдотья и Александра Өедоровны Булыгины. *А. К.*

милостивое его напоминовеніе. Объ Иванѣ Федоровиче [1]) сожелею, что его дурачества время не исправляеть. Вотъ тебе примеръ, что могутъ делать худыя книги, а сестре скажи, что я при даваніи моего наставления, какъ должно жене мужа любить и почитать, никогда не давалъ и того, чтобы родителеи забывать, таковыхъ самъ Господь забываеть и отъ своихъ детей тоже (?) живетъ. Заплати въпротчемъ и я темже стану платить, чемъ приносится огорчение. Фаме Васильичу скажи мои паклонъ и благодарность за часы и за то, что помнитъ меня. Затемъ даруй Богъ Свою милость, всегда непременныи

В. Шереметевъ.

Далѣе приписка рукою Е. В. Шереметевой:

P: S: Faites bien mes compliments à Ольга Ивановна, je baise ses enfants et la prie de m'excuser de ce que je ne lui écris point à présent, c'est que la journée d'aujourd'hui a été si confuse, que je ne me sens pas du tout. Baisés les mains de ma part chés ma tante; Oncles et Tantes aussi du côté paternel et maternel. Adieu, portés Vous bien.

12.

16-го апрѣля 1805 г.

Здраствуй, мой друкъ, Серіôжинька! Благодарю за приятное тваіо уведомленьа, каторое меня утешело и огорчило. Утешело темъ, что ты здаровъ и столка привязанъ к сестре, а агорчило меня еіô палаженьа, но ты, мой друкъ, очень паступилъ какъ слабая женьщина. Она пишетъ, что прежде тваево слова зачелъ рыдать. Стыдно такъ быть слабу, а ты увидишъ изъ писма къ тіôтушки, что ана къ намъ пишетъ, то я щитаю перьвои еіô щастьа, что ана столка къ нему привязана и можетъ быть ето и ево толка в евтамъ капризъ, что маи радныа ему претятъ; но какъ быть надабно терпеньа, спраси еіô батюшка, не лутче ли будитъ тебе у пево спрасить притчины ево к тебе такой халоднасти или нена-

---

[1]) Иванъ Өедоровичъ Булыгинъ. *А. К.*

вести. Я думаю, нѣтъ ли такихъ людей, каторыя мутятъ и атводютъ ево отъ насъ, или не пасоветает ли она сказать и спрасить у Миха: Ф:, такъ какъ онъ с табой ласкавъ. Я еiô не панимаю, что за глупай абычей аставлять на дагатку. Я нынешнею почту к ней буду писать, но дабы еiô спакоить, то абыкнавеннымъ слогомъ какъ я к ней писавала, ежели бы ана была не в такомъ палаженьи, а то сохрани Боже что случитца, то могутъ атнести на насъ. А тебе, мой друкъ, саветаю быть гаразда хладнакровнеи какъ дла себя, такъ и дла другихъ, ты же падъверженъ жолчи, то можешъ великай зделать себе вреда. Вотъ тебе, мой друкъ, мой дружескай саветъ и дла таво презри ево глупасть и абращайса с нимъ хладнакровнеа. Об уведомленьи а свадьбахъ благодарю. Иза всехъ ихъ, кажетца, схаднее Мальцавскаи, а Саловой берiôтъ дочь, а не жену, и сказаваютъ, что отменна праста. Еще Машенька [1]) пишетъ, что Наташу Левашову згаварили за Безабразава, но за какова, она не пишетъ; то паздаравай отъ мена еiô и тiôтушку. Вотъ какъ праворны, скора жениха нашли и канапатенькая [2]) сыщетъ. Затемъ, мой друкъ, писать болше нечева. Прашедшей разъ я для таво къ тебе не писала, что очень была растроина балезнью батюшкинай. Нетерпеливо васъ ожидаемъ, но думаю, что прежде маия ехать будитъ нелза, 2 будутъ у васъ празникъ, атпразнаи и прасисъ. Ф: Ва: ат мена, батюшка, покланисъ и скажи, что дурна сердитца. 2 писма писалъ к Ар: Як: и темъ коньчитъ, что онъ сердитъ, ето делаетъ и ей дурной нравъ; а не пишетъ, за ето желаю, чтобъ ево сиа нашло в лутчемъ нраве. Прасти, мой друкъ; у дедушки, у тiôтушекъ пацалуй руки, дядяшкамъ и тiôтушкамъ покланися. Буть нат табой миласть Гасподна и маiô благословенья. Пребуду навекъ вернай друкъ

мать А: Ш:.

Далѣе идетъ приписка рукою В. В. Шереметева:

И я тебе, мой другъ, тоже скажу, что матушка твая пишетъ. За писмо спасибо, а за слезы, глупо употребля слезы, всякой тоже скажетъ глупо. Долгъ твой былъ сказать, что приказано, а потомъ

---

[1]) Марія Владиміровна Булыгина. *А. К.*
[2]) Простонародное слово: весноватая. *А. К.*

слышеть отвѣтъ и ко мне писать. Ты еще молодъ, опытности не имеешъ, следователно, кто с лукавстомъ обращается, то твая чувствителность въ стыдъ и посмеяние будетъ. Ана ка мне пишетъ, что присегала мужу быть другомъ, то перьвое, знает ли ана правила дружбы, дружба не терпитъ угаждения въ слабостяхъ и порокахъ друга, а во изобличеніи и стараніи обращать на истинный путь, когда бы требованіи родителей были противу разума и совести. Тогда простително, да и должно быть согласной съ мужемъ, а когда мужъ отъводитъ отъ обязанностеи родителей, тогда присяга ее ни мало не обязываетъ въ томъ исполнять волю глупости мужа. Однемъ словомъ она глупа и малада, опомнится, но дай·Богъ, чтобъ не было поздно, когда отъдастся на судъ Богу. А онъ для меня такая персона, о которой я и вспомнить не желаю; ежели в ней есть еще остатки страха Божия, то я советую, чтобы ана поговарила съ хорошимъ наставникомъ закона христианскаго, а не вольнодумщиковъ. Наставленіи насчотъ господина Игнатьева, где онъ обретается, я неизвестенъ, а посему я и ответствовалъ писменно, не знаю куда. Фаме Василеичу кланеюсъ и за присылку щота благодарю. Всегда желающей милости Господнеи вамъ

Василій Шереметевъ.

Далѣе идетъ приписка рукою Е. В. Шереметевой:

Mon cher ami, je vous embrasse. Dieu vous bénisse!

1.

25-го іюля 1794 г. Москва.

Не имея более времени к вамъ, мои милыя, писать, какъ поблагодарить васъ покорнейше за приятныя ваши писмы, которыя еще и прочесть не успела. У насъ севодни празникъ и очень шумно по обыкновенному. Я играла в карты съ Архаровымъ, Приклонскимъ и Хитровымъ. Обыграла ихъ на 60 руб. и за картами получила ваше писмо. А топерь спешу, чтобы не пропустить почты. Мы все, слава Богу, здоровы, только именинница не очень здарова: малинькая сыпь. Обедала дамъ только Моисеева, Татьяна Ф: и я. И вы лехко представить можете сію беседу, которая по обыкновенному. Мущинъ очень много. Александра В: [1]) велелъ отписать вамъ свое нижайшее почтеніе и что-та наговорилъ действительна суще, сколько вамъ добра желаетъ. Графы [2]) также и Татьяна Ф: вамъ усердно клапеютца. Что успела прочесть вашего писма, то очень порадовалась, что вамъ все встречи хороши. Что же идіотъ до моихъ неудовольствіевъ, то вы таперь уже знаете, какъ они кончилисъ. А не быть чювствітельной очень бы желала, особливо в маіомъ положеніи совсемъ негодитца. Должно бы было больше думать о здоровьи и интересе. Но что же делать? Вить уже блиско тритцети летъ. Поздо переменять провила. Доживать такъ векъ, какъ Богъ велитъ. В суботу была я sur le gais. Гулянья мне не полюбилосъ. Очень монотонно. Видила тамъ пасынка. К щастію, П: А: [3]) не было в городе, а то онъ, сказываютъ,

---

[1]) Александръ Владиміровичъ Шереметевъ. *А. К.*
[2]) Графы Орловы. *А. К.*
[3]) Петръ Алексѣевичъ Бахметевъ, мужъ Маріи Семеновны. *А. К.*

бываетъ всякой почти день. А вчера была в лавке. Опять встретилась с пасынкомъ, поговорила очень ласкава; только онъ очень былъ сконфуженъ. Я думаю, ему запрещено было. Вотъ все наши вести. Тарасъ с Анной таперь плесали и вамъ кланеютца. А я цалую ваши ручки и милыхъ детей. Кланеюсъ всемъ, кто васъ окружаетъ. Наталью М: цалую и благодарю покорнейше. Пожаласта, продолжай. Прастите. Дай Боже вамъ сваю милость!

2.

16-го сентября 1794 г. Москва.

Здраствуйте, мои милыя! Имею честь васъ поздравить, матушка-сестрица, со днемъ вашего рожденія [1]), а васъ, батюшка Василей Володимеровичь, з дорогой именинніцай. Дай Боже вамъ нещетные годы проводить во всякомъ благополучіи и мне с вами вместа. Благодарю покорнейше за приятное ваше уведомленіе, прося и впредь о продолженіи сей милости. Благодарю Господа, что вы в желаемомъ здоровьи и прошу о продолженіи его милости.

О себе донесу, что я, слава Богу, довольно здорова. Только графъ не очень: всіо насморкъ. Поживаемъ мы все по старому, смирніоханька и ладніоханька. Неудовольствія никакого не встречалосъ.

Я хотя и много писала на прошедьшей почте, но опять ахота велика с вами, мои милыя, говорить. Сей день приехалъ Сергей А: Всеволоцкой [2]) и таперь обедаитъ у графа. А я туда не пошла, чтобы иметь удовольствіе с вами говорить. Я очень рада приезду С: А:, что графъ всегда бываетъ с нимъ веселъ. Вспомнила таперь вамъ сказать свое удивленіе на щетъ его. Я щитала, что онъ долженъ много графу. Вместо того услышила, что никогда ни копейки долженъ не бывалъ. А долженъ Всеволодъ [3]) 100 тысечь. Да и не знаютъ, когда будетъ платежъ, потому что много то попросить нельзя; скажутъ, что раззоряитъ.

---

[1]) Анна Семеновна Шереметева родилась 17-го сентября 1759 г. *А. Б.*

[2]) Ген.-поручикъ С. А. Всеволожскій (р. 1751 г. † 1836 г.). Отецъ извѣстнаго путешественника Николая Сергѣевича Всеволожскаго. *А. Б.*

[3]) Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій, бывшій при имп. Екатеринѣ II дѣйст. тайн. совѣтникомъ и сенаторомъ. *А. Б.*

Новаго здесь то, что баронъ Вульфъ, о которомъ вы, я думаю, помните, что содержался по Коведяеву делу, опять здесь явился, и пойманъ на дороге, выежжая из Москвы в Ригу съ генеральшей . . . . . . [1]), с каторой онъ имелъ интригу, какъ вы помните, и с которой хотелъ обвенчатца. Да здесь венчать не стали, но они хотели уехать въ Ригу и тамъ обвенчатца. Только его подозреваю быть шпіо̂номъ. Больше новостей здесь никакихъ нетъ. А что у А: Алексеявичя делаетца в доме, не знаю. А на сихъ дняхъ пошлю осведомитца и васъ уведомлю.

Таперь буду отвечать на полученное мною писмо ваше, отъ 26 августа, подписанное красными чернилами, какъ и все протчія. Не даромъ батюшка-братецъ трудилса делать чернилы; цветъ очень хорошъ. Вы изволитя писать, матушка, что дурна делаю, что всякую почту пишу. То мое в семъ удовольствіе. Я же всіо̂ думаю, что последнея пишу, потому что все еще збираемса ехать на Битюкъ. О клеенке писала было, что не успела зделать, однако при семъ посылаю. Желаю, чтобы понравиласъ. А ежели еще пахнитъ, то прикажите ростилать всякой день на воздухъ и вытереть лоделаваномъ. Она скоро сей духъ принимаетъ. Вамъ, батюшка-братецъ, посылаю синею. Желаю очень, чтобы понравиласъ. Сестрице — красную. Была лиловая, да переменила цветъ отъ алифы. Детемъ самую ліо̂гинкую, каторая мне очень полюбиласъ, потому что защиту делаитъ ровную, а лехче гораздо. Советую зделать все на подклатке, а то скоро издерутца. Здесь я нарядила в сіе обеихъ графофъ, которымъ отменно понравиласъ. И дворникъ уже не шумитъ за нечистоту; видитъ, что с пользой. Новая моя знакомая и бывшей друкъ Соймоновой говори(ла) о ней тоже что и все. Сказывала мне, что она, приехавъ суда, слышила еіо̂ исторію очень з дурной стороны, что поехала из любопытства сведать от нее, и что от нее похожея узнала, и что она сама все знала, что о ней говорятъ. Говоритъ, что после етой исторіи мудрено будетъ, ежели она покажетца в люди; что ежели бы говорено было об однай интриги, то сіе со многіми случаетца. А то мужъ говарилъ, что она его окормить хотела. Сказавала, что

[1]) Въ подлинникѣ для фамиліи оставлено мѣсто. *А. Б.*

сія мысль делала мне удовольствіе по заведенію и оснаванью тамошней вашей жизни. Но, что впередъ будетъ, узнать нельзя. Можетъ Богъ приведіо̂тъ жить вместе, то тогда будетъ приятнея жить в деревни мне, нежели в Москве. Что же вы пишите, батюшка, о коровахъ, то правда, что я похожа на пьяницу. Но, право, симъ радуюсъ, потому что сіе меня очень занимаетъ. И ежели бы случиласъ, чтобы оне все померли, то стараласъ бы какъ можно скорея еще купить. Но старатца буду какъ можно меньше огорчатца о прежнихъ. Сыръ, которой я для обращика послала с Ываномъ С:, ежели вамъ понравитца, пришлю записку. Делать его никакого затрудненія нетъ, гораздо лехче нежели я прежніе пакастила. Ежели вы заведете скатоводство, то думаю, сіе небесполезно будетъ, и надеюсъ, что вы примыслете ево улутчить. Ежели у васъ будетъ только 30 коровъ дойныхъ, то на каждой день будетъ по меньшей мере выходить пудъ сыру, что̂ немалой даходъ зделать можитъ. Его здесь очень охотно покупаютъ, хатя сотними пудовъ. Ежели бы я была с вами, то бы в лета съ 30 коровъ дала вамъ доходу рубліо̂въ 500.

Вы пишите, мая мать-сестрица, о моемъ портрете, то я постараюсъ вышить; только тотъ, каторой топерь шью, обещенъ графу. Онъ сказалъ, что какъ онъ ничево шитава носить не любитъ, а что хочетъ, чтобы мое рукаделье было, то хочетъ, чтобы я вышила свой портретъ. Ежели и несходинъ будетъ, то всіо̂ уже мое рукоделья. А кагда его коньчю, еще не знаю. Таперь дни стали такъ коротать, что ничево почти не шью; а работа чрезвычайно медленная. Больше сказать нечего. Баюсъ, чтобы почту не пропустить. Цалую ваши ручки. Прошу Бога, чтобы вы были здоровы и веселы. Катенькино [1]) рукаделье меня очень утешило. Очень хорошо. Зделайте милость сіе ей сказать, поцаловать ея за меня, поблагодарить, какъ за гваздичку, такъ за писмо. Я думаю, что она наклеить картинку можетъ саломой и сушеными травами. А цветы хорошо бы было для обой, ежели бы больше клеить. Прастите, мои милыя, спешу. Сережу и Машу [2]) цалую. Наташе и мадаме кланеюсъ. Сынъ ея здоровъ. Графы, графиня,

[1]) Екатерина Васильевна Шереметева. *А. К.*
[2]) Сергѣй и Марія Владиміровны Шереметевы. *А. К.*

Т: Ф:. Тарасъ и Анна вамъ почтенія свидетельствуютъ. И Тарасъ благодаритъ очень за милость вашу.

4.

2-го октября 1794 г. (Москва).

Здраствуйте, мои милыя! Цалую ваши ручки. Севодни ожидаю получить приятное ваше уведомленіе, а до того начела сіе писать. Имею честь васъ поздравить с любезной именинницай. Дай Боже вамъ еiô утешатца. О себе вамъ донесу, что я живу все по-старому. Слава Богу, здорова и покойна. Только графъ все чювствуетъ насморкъ и тягость и начелъ лечитца отъ Политковскаго [1]). Графиня [2]), слава Богу, здорова и вамъ всемъ кланеетца, также и Г: Ф: Г:. [3]) Я же здарова и спокойна бы была, ежели бы хозяенъ нашъ былъ здоровее. Во нраве довольно хорошъ, но видно, что перемогаетца. Новаго здесь только, что Суворовъ разбилъ Поляковъ, что и Валодя [4]) пишитъ к вамъ. Да пожалованныхъ много крестами, в томъ числе и губернатору здешному [5]) данъ Володимеръ на шею з звездой. Поляковъ суда привезли много и полковника съ подполковникомъ. Впротчемъ больше новостей никакихъ не знаю. Я почти никуда не ежжу. Въ Покровъ слушала обедню у Наталье Федоровне [6]) и тамъ обедала; играла в вискъ. А дома всiô по утрамъ стряпаю сыры, а ввечеру играю в карты.

Сыры уже перестану делать с севоднишнава дня. Посылаю при семъ писма ис Питербурьга. Отъ батюшки писмы я получила севодни. Оне, слава Богу, довольно здоровы и братъ еще у нихъ, но скоро его суда ждутъ.

Тщетно ожидала сегодня от васъ писемъ, но, к неудовольствію моему, не дождаласа. Надеюсъ завтря получить, а отвечать стану уже на будущей почте. А сіе окончиваю моимъ душевнымъ к вамъ почтеніемъ. Цалую ваши ручки и милыхъ детей. Прошу

---

[1]) Ѳед. Гер. Политковскій—докторъ медицины. *А. К.*

[2]) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. *А. К.*

[3]) Графъ Ѳ. Г. Орловъ. *А. К.*

[4]) Князь Влад. Сем. Львовъ. *А. К.*

[5]) Московскимъ губернаторомъ въ то время (съ 1794 г. по 1796 г.) былъ кн. Петръ Петровичъ Долгоруковъ. *А. К.*

[6]) Н. Ѳ. Толстая, ур. Лопухина. *А. К.*

Бога, чтобы вы были в совершенномъ здоровье. Есмъ и пребуду на векъ мой вамъ, мои милыя, покорнейшея сестра

Марья Бахмете(ва).

Родныя, которыя здесь есть, то есть тiотки, Н: Ф: и Арина Е:, и ихъ дети спрашивали об васъ и просили отписать к вамъ поклонъ. Желаютъ все скорейшего вашего возвращенiя.

Здраствуйте, милыя детушки! Цалую васъ всехъ. Поздравляю Катиньку и Серiожу с ыменiнніцай, а Машеньку [1]) со днемъ раждения. Дай Боже вамъ быть здоровымъ и веселымъ, и дружнымъ между собой. У батюшки и матушки поцалуйте за меня ручки. Наташу цалую. Мадаме, И: И: и Александру М: кланеюсъ. Прастите, мои милыя.

Матушка Наталья Михайловна, здраствуй, мая душа! Я здорова; а какъ поживаемъ, увидишъ изъ вышеписаннаго. Я дожидаласъ севодни почты нетерпеливо. Однако не дождаласъ и принуждена сiе оканчивать ввечеру. Таперь очень уже поздо. Хочетца спать. Желаю тебе покойной ночи. Бохъ с табой. Прости, мая душа. Сказать, право, больше нечево. Жизнь наша всiо единообразно, покойно и для меня нескушно, потому что я люблю единообразность. Прости, спать очень хочетца.

5.

5-го декабря 1794 г.

Писмо ваше, мои милыя, получила, за которое приношу мою нижайшую благодарность. Васъ, батюшка-братецъ, благодарю покорнейше, отъ искренности моего сердца за то, что вамъ расположенiе его в рассужденiи всехъ вашихъ обстоятельствъ извесно и что вы в ономъ не ошибаетесъ.

О деревни я не могу ничего сказать, не знавъ ея выгодностей, а писала къ батюшки, чтобы онъ доставилъ мне подробное описанiе всему. А, посмотря оное, уже потребую отъ Шмита за ево подписанiемъ и приступлю к торгу, ежели согласно будетъ. Состоянiю же вашего капитала при семъ прилагаю записку. Мои же деньги, такъ какъ и сама я, въ полномъ вашемъ повеленiи. Я

[1]) Екатерина, Сергѣй и Марья Васильева, дѣти Анны Семеновны Шереметевой. *А. К.*

же ничево топерь о всемъ семъ сказать не могу, потому что не знаю ничево о деревни. А буду старатца по возможности моей, сколько смыслу достанетъ, зделать къ лутчему. Вамъ уже самимъ останетца сіе распологать по доходу вашему денежному, потому что ежегодно останетца вносить 2400 в банкъ, да проценты, что составитъ около 4000 р. То заменит ли ваша деревенская жизнь сію сумму, которую нада будетъ платить изъ доходовъ денежныхъ, которыхъ вы, матушка, щитали да 12.000 р. Изъ чего останетца 8 на прожитокъ — — — [1]). Сейчасъ имела удовольствіе получить приятное ваше для меня писмо, отъ 20 ноября, за которое приношу мою нижайшую благодарность и цалую ваши ручки. Благодарю Господа, что вы в желаемомъ здоровье. За вести ваши, матушка, покорно благодарю. О побоищи мы уже давно слышали и Улыбушевъ содержитца в Питербурге, а чемъ кончитца, неизвесно. О Денісовой нечего сказать больше не могу, какъ утверди Боже eiô дурачества. А я щитаю, что ето кладъ Богъ вамъ дастъ, и, по моему мненію, деревни нужды не будетъ покупать кроме Шмитовой, в которой жить лето. А тамъ будетъ доходу по меньшей мере 15 тысечь. Чево же лутче? Дай Боже, чтобы сіе случилосъ. А выписку изъ банку пришлю на будущей почте, таперь же вечеръ и завтре поутру очень рано посылать сіе.

Я зачела было к вамъ писать, мои милыя, всякой день, какъ вставала до свету; а топерь долго опять зачела спать, то и пишу накануне. Желею душею моей о постильнице. А у насъ в большемъ городе, кажетца бы, можно прислушатца к ехтому, но всiô што та не привыкнишъ. О себе вамъ донесу, что я, слава Богу, здорова и сижу всiô дома. Марозы у насъ очень сильны. Скажу вамъ, мои милыя, что я начинаю щиголятъ: сюртуки делаю людемъ, которыя два станутъ 140 руб. Взманила вдова Загряшкая, которая начела щеголять. И думаю, что зятемъ у насъ будетъ Глебовъ. Она са мной говорила о семъ откровенно. И ежели бы вы были здесь, то велика бы ей была отрада, потому что топерь никого нетъ, кто бы могъ в сіе войтить и тiôтушку с нимъ примирить, которая ево терпеть не можетъ. Думаетъ, что онъ Петра

[1]) Въ подлинникѣ три такія черточки. *А. Б.*

[illegible]

[illegible] здоровы и спокойны и ко мнѣ милостивы и дружны. Милыхъ дѣтей цѣлую.

Матушка Наталья Михайловна, здраствуй, мая душа! Сейчасъ получила твое письмо, въ которомъ ты пишешь, что я мало пишу. То заслепи наше, увидешь всей, что опять [illegible] и также и то, что можетъ рука и голова устать, столько писать. Скажу тебе, мая душа, что братецъ твой здесь и живетъ у К. Д. С. Третьево дня обедалъ у меня. Онъ приехалъ сюда за деньгами; берётъ въ ламбарде. Больше сказать тебе нечего. Желаю тебе милости Божеской отъ искренности моей души. Графъ и Г. тебе кланеются. А ты от меня поклонись всемъ домашнимъ и живущимъ. Сейчасъ приехалъ Г. Ф. Г. и Татьяна Ф. Просютъ свидетельствовать свое почтеніе всемъ вамъ.

---

[1]) Кн. Марія Александровна, ур. Павлова, жена кн. Д. С. Львова. А. К.

[2]) Пораженіе Поляковъ Суворовымъ. Плѣнъ Костюшки. А. К.

6.

16-го января 1795 г.

Здраствуйте, мои милыя! Сейчасъ получила приятное ваше уведомленіе, за которое приношу мою нижайшую благодарность. Благодарю Господа, что вы здоровы, также батюшка-братецъ, и за ваши мне выговоры, в чемъ признаюсъ, что бываю ихъ достойна. Но таперь магу вамъ сказать, что я довольно здорова и очець спокойна. Севодни начели писать мой портретъ миніатюрной. Не знаю, каковъ будетъ; а велела написать для таво, чтобы с нево вышивать. Цена же ему более 150 ру. Вечеринки ваши деревенския, думаю, очень были забавны, особливо для детей. У насъ точно тоже было и также Турецкія камедіи.

Таперь донесу вамъ о деревни. Такъ какъ я уже к вамъ писала, что батюшка решительно пишитъ, что Шмитову купить нельзя, то я таперь и ищю со всевозможнымъ стараніемъ, либо въ Калуге, либо здесь, либо в Туле. Записокъ присылали множество, но цены чрезмерныя. Полюбиласъ было деревня Чернышевой Авдотье Дмитривне [1]), 80 душъ. О земле посылаю записку, а цена 30 тысечь, то, кажетца, очень дорого. Есть домъ господцкой, пруды, з большей дороги на саженъ прошпекътъ, 60 верстъ отъ Москвы, по Дмитревской дороги. Еще севодни какую принесли записку, посылаю. А таперь была у меня Анна А: [2]) и говорила, что они свою деревню продадутъ. Однако еще неверна, ана сама не знаетъ. Отъ Москвы 60 верстъ, по Тульской дороги 130 ду(шъ); земли столько, что не в состояніи мужики обработавать; лесу и сенныхъ покосовъ очень много; сено продаютъ и свой домъ содержутъ. Думаетъ, что меньши 30.000 ру. не оддастъ. То ежели бы и такъ, кажетца, можно бы. Домъ есть для перваго случая, старинной, оранжерея, прошлаго году построенная; два пруда; местоположеніе не очень хорошо: всiб в лесу; отъ большой дороги 5 верстъ; самая та, где найдена руда. Таперь дождусъ Афонасья Ивановича [3]) узнать от него, продастъ ли онъ, и все обстоя-

---

[1]) Евдокія Дмитріевна, ур. Ланская, жена сенатора Ив. Льв. Чернышева. *А. К.*
[2]) Анна Артамоновна Панина. *А. К.*
[3]) Аѳанасій Ивановичъ Гончаровъ, тульскій землевладѣлецъ. *А. К.*

тельства оной, и васъ уведомлю. Онъ же теперь в Туле. Деревня принадлежитъ ей и она говоритъ, что будетъ старатца ево уговорить. А завтре еще по газетамъ пошлю Ивана Алексеевича. Онъ, слава Богу, здоровъ и очень акуратенъ во всехъ своихъ делахъ. Жалованье ему оддала 200 ру. А от васъ назначено 300 ру., но онъ сего не взялъ; говоритъ, что сіе назначено было съ квартерой и дравами, но что онъ ни за то, ни за другое не плотитъ, то больше взять не за что. Новаго здесь ничего нетъ. Радныя все здоровы, кроме вдовы Загряшкой, которая не столько больна теломъ, какъ духомъ, что еіô одолели жильцы. А замушъ же она и думать не хочетъ за таво, о комъ думали, потому что много слышила певыгодного о немъ. Да и мать сказала, что прежде нада ей гробъ приготовить, а потомъ ей о семъ объявить, и что ежели она бы и простила ей сіе, то проклятіе отцовское на ней останитца, потому что онъ, умираючи, о семъ приказывалъ. То все сіе полагаетъ препоны.

Приписка рукою гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго:

Позволение взялъ, ни слова не говоря, приписать к вамъ мое почтение і совершенное доброжелателство всей вашей благословенной семье, с празникомъ поздравить і сказать вамъ, што меня ругателски нонче побраниваютъ; взяли волку [1]) і с двора не выежжаютъ. За приписываемые поклоны благодарю і самъ ниско кланеюсъ. Собеседнице вашей, государыне моей Наталье Михайловне, мое почтение. А при томъ сказать, што Марья Семеновна чудеса шитьемъ производитъ; а можетъ быть, і по незнанию моему, такъ кажется.

Далье письмо писано прежнею рукою:

Не сказавъ мне ни слово, взяли бумагу и написали. На меня жалуютца за ругательство. Есть такой грегъ, побраниваютъ. А слава Богу, такъ весело и покойно, что не хочетца и за Калужкия вороты выехать. Графъ Федоръ Г: топерь здесь у графа. Приказалъ вамъ свое почтеніе отписать и желаніе всехъ благъ со всемъ семействомъ и дамашними; а детямъ велелъ сказать, ежели онъ услышитъ, что

---

[1]) Волю, вольку. *А. Б.*

родители или мадамъ будутъ иметь от нихъ неудовольствіе, то и на глаза ему ненада. И меня насмешилъ: приказывая сіе, такой строгой видъ взялъ и такимъ громкимъ голосомъ кричалъ, что я расхахаталасъ. Татьяна Ф: вамъ клапеетца. Она нездарова и третей день не выежжаитъ. Больше сказать нечево. Пишутъ исъ П: бурга Валоде, что французы уже в Амстердами, перешедъ реку Мозель по льду. Цалую ваши ручки и милыхъ детей, прося Бога, чтобы вы все были здоровы и спокойны, и чтобы мне, по желанію вашему, сыскать вамъ пристанище. Что же вы пишити, батюшка, что я, или по несмыслію, или по лени ни решусъ ни на что, то ежели случитца, то верна первая будитъ притчиной. Только без вашего ведома ни на что решитца не могу, иначе какъ по пословиче: на друга калачь купить, то что бы могла сама съесть. И мне хочетца также купить, что ежели вамъ не полюбитца, то самой купить, такъ какъ я свою деревню надеюсъ скоро продать, то до 30 тысечь мне будетъ сносно. Прастите еще, мои милые. Графиня вамъ кланеетца, а она не очень здорова: сыпь третей день.

Матушка Наталья Михайловна, здраствуй, моя душа! Радуюсъ, что ты здорова. О себе скажу тоже, что я довольно здорова и живу, по обыкновенному, очень спокойно и все занета. А ныньча пишутъ мой портретъ. Желаю очень, чтобы былъ похожъ, чтобы с нево шить. Анна Александровна всякой день бываетъ у меня. Она здорова и всемъ вамъ свидетельствуетъ свое почтеніе, что милости прошу сказать сестрице и В: В:, о чемъ она меня крайне просила сказать. Больше нечево да и устала. Много писала. Прасти, мая душа. Всемъ вашимъ кланеюсъ. Скажи, матушка, Наташиньки, для чево она такъ давно къ папиньки не пишитъ? Мадаме скажи, что сынъ ее здоровъ. Да скажи, пожаласта, Верки, чтобы она къ сестре написала.

7.

21-го іюня—4-го іюля.

21. По написаніи писемъ пошла гулять. После обеда была в театре; потомъ на бале, где было довольно много. Балъ былъ въ верхней зале. Рускіе были все. Долгорукова отличается танцами, отменно хорошо танцуитъ; одета была въ черномъ пикинетномъ платье на белой подкладки, и на голове колосьи гирландой à l'antique. На семъ бале представлялся намъ графъ Olande, то есть, герцогъ Остроготи, с которымъ мы и беседовали в крушку: моя соседка, Рекша, Ландграфша и я. Герцогъ очень учтифъ и тихъ в поступкахъ и очень больной видъ имеетъ. 3 балу опять вечеръ кончили у соседки, где была Ландгравша и много другихъ. А таперь пришла спать. 10 чесовъ вечера.

22. Была у водъ. Потомъ гуляла. Пришла домой. Получила записку отъ Жерепцовой, звала к себе обедать. Тамъ обедала. Потомъ пошла в театръ, оттуда в зало; из залы к соседки, у которой всякой вечеръ человекъ 20 и без меня никого не принимаитъ, говоритъ, что не умеетъ. Вчера насмешила меня: говоритъ, что когда я опоздаю приттить, то она в трусости, и всехъ встречаитъ с темъ, что Бахметьева скоро будитъ. И все блажитъ. Представте себе французжинку из хорошой очень семьи, богатую и хорошу собой, 28 летъ, жившею всегда в людехъ. Обыкновенная беседа вечернея состоитъ изъ семейства Ландграфа, Фюрштенберга, барона де Вретіоль[1]), граф: Морцінъ с мужемъ, дечь гершани (?), гр: Вильсекъ, прекрасная женщина, молодая, за старымъ мужемъ, но преумнымъ и приятнымъ старикомъ и заслуженымъ, которой еіо любитъ, какъ душу и не нарадуется на нея. Гр: Вольштейнъ, рожденная де-Фуръ, также нестарая женщина. Пріп: Лихтенштейнъ съ сестрою Кіовенъ Гиллеръ. Гр: Ліяно съ Шапюи, агличанка, что была прошлаго году, знакомая съ Пр: Ферд:. До сей она не очень охотница. Два брата гр: Гоковицъ, Венцы; большой женатъ и очень простъ, но доброй человекъ. 4 Шведовъ, все молодыя

---

[1]) Ниже названо Бретіолемъ. *А. Б.*

люди и двое женатыхъ. Завтре всей сей беседе даютъ завтрикъ въ постъ-гаузе. Ежели ей хорошо удасса, то и я тоже зделаю.

23. Завтрикъ не удался, какъ желалосъ. Погода очень холодна и дожжикъ проливной. Завтрикали в доме. Былъ графъ Оландь со свитой, Ландграфъ съ семействомъ и еще человекъ 15. Довольно приятно провели утро. Обедали все по домамъ. После обеда ходили въ постъ-гаузъ и вечеръ кончили у соседки.

24. Поутру была у водъ. Тамъ бываетъ графиня Вольштейнъ, г: Маршаль Ліяно, Шапюи, Ландграфъ. Очень все любезны, и ноньче у сего ключя выбранная беседа. Проведя положенное время в сей беседе, возвращяюсъ завтрикать и разговаривать съ соседкой в окошко, потомъ в баню, оттуду в постъ-гаузъ; потомъ обедала дома; после обеда в консертъ. Давалъ Дрезденской певецъ съ женою, где было очень много и все принцы. Изъ консерту вечеръ кончили у соседки. И я намерена дать завтрекъ после завтре. Хотела оное зделать еще соседка, но я перебила; поспоривъ несколько, уступила мне.

25. Утро провела по обыкновенному. Ходила в постъ-гаузъ заказывать завтрикъ. Погода прескверная, но я зову со уговоромъ, коли хороша погода будетъ. После обеда была в театре. Оттуда на балъ. На бале было сначяла очень мало; былъ в верхней зале; но попожже приехали рускіе и растанцавалисъ. И: Ан: упалъ в танцахъ; а предъ симъ баломъ 3 упали. Скользокъ очень полъ. Храманошка опять здесь и тонцуитъ. На бале я сказала г: Ершанъ, что ежели она можетъ предложить графу и графини Барби иттіть прогулятся в постъ-гаузъ, что тамъ найдутъ завтрикъ. Также и швецкому г: Оландъ. После чего г: Барби подошла меня благодарить, и графъ и (графиня) принели сіе очень приятно, равно и графъ Оландъ, с которымъ много разговаривали. Онъ в обращеніи очень любезенъ, шутливъ и любитъ говорить все втрешне. Потомъ вечеръ провели у соседки. Обыкновенно бываетъ тутъ: Фирштенбергъ, Ліяно, Лихтенштейнъ, Морцінъ, Ершанъ, две Мекленбурги, Рекъ и я.

26. Погода премерская. Дожжикъ льѣтъ. Встала въ 5 чесовъ. Пила воды и намеревалась послать отказать завтрикъ. Въ 7 чесовъ подошла к окошку Г: Барби. Она спрашиваетъ, в кото-

ромъ чесу ехать, на что я отвечала, что боюсъ беспокоить в такую погоду. На что говоритъ, что ей не беспокойна и что охотно едитъ. Я сказала, что в деветь чесовъ тамъ буду и, не взірая на дурную погоду, збираласъ иттить. Но къ 9 чесамъ показаласъ солнце. День разгулялся и все собралисъ на завтрикъ, а именно: Г: и Г: Барби со свитою, Г: Оландъ со свитою, Ландграфъ с семействомъ, кне: Лихтенштейнъ с сестрой, Г: Ліяно съ Шапюи, Г: Морцінъ ж женой, соседка моя Г: Вертами, Рекша, К: Долгорукой одинъ, Г: Унру старикъ. Завтрикъ былъ в комнате возле залы. Все были очень веселы. Ничего почти не ели; но все были довольны беседой, особливо Г: и Г: Барби, которые много расъ меня благодарили. Имъ никто еще сей чести не делалъ; они очень принели чювствітельно, а мне казалосъ, что сіе кстати с моей стороны, чтобы имъ оказать благодарность за ихъ учтивости. Словомъ сказать, все было очень ладно. После завтрика Г: Б: вздумалъ танцавать и хотелъ, чтобы я непременно с нимъ танцавала, что я и изсполнила. Продолжалосъ довольно долго, пока не зачели очень резвится и вертется. Какъ скоро меня повернули раза три, то я и упала, что зделало беспокойство большое. А у меня такъ голова закружиласъ, что не магла ни гласъ открыть, ни встать. Меня посадили на стулъ и графъ Турнъ з другими отнесли на рукахъ в ближнею комнату. И такъ было меня занянчили, что чють естерики не зделали; но, к щястью, скоро прошло. Я расхахаталасъ и все стали опять веселы; продолжали танцавать, но мне уже не позволили. Пробыли до половина перваго часу. Между темъ приехалъ П: де-Линь къ моей сосетки с нею повидатся. Я пришла домой, оделасъ, пообедала. Пошла въ 4 чеса къ ланграфу, где играли в бостонъ: Г: Турнъ, Оконели и ланграфъ и я; (здѣсь) опять благодарили, что утро провели очень приятно, сказавъ, что я только имъ зделала честь, приглася ихъ в беседу. Вечеръ кончили, по обыкновенному, у соседки до 9 чесовъ вечера.

27. Была у водъ, рано поутру. Оттуда у соседки былъ завтрикъ для отъежжихъ двухъ братьевъ венскихъ [1]), где былъ П: де-Линь, К: Долгорукой, мадамъ Рекъ, баронъ Бретіоль и я.

---

[1]) Въ подлинникѣ оставлено мѣсто для фамиліи. *А. Б.*

После завтрикъ разошлисъ по домамъ. После обеда П: де-Линь опять поехалъ в Теплицы. Онъ приежжалъ только повидатся съ моей соседкой, которую онъ очень почитаитъ, равно и баронъ Б: и нунціюсъ, которой совсемъ зделался нелюдимъ. Бываитъ только у меня и у нея. Сегодня балъ в постъ-гаузе, но мы не расположены были тамъ быть, для того, что возвращятся далеко и поздо. День провели вместе. Ходили в театръ; а вечеръ опять было человекъ 20, до 9 чесовъ.

28. После водъ ходила гулять в постъ-гаузъ с соседкой. Обедала у Ландъ Г:. Потомъ пошла одеватся. Оттуда на балъ, где была герцогиня Мекленбурская, коей мы представлялисъ. Она очень приятнаго вида и учтива очень. На бале было очень много. Много танцовали. Рускіе были все, но не все представлялисъ герцогини. Она сидела все съ Ландъ Г: и по мере какъ входили, спрашивала обо всехъ. Видя, что рускіе не представлялисъ, сказала: не знаю, за что они лишаютъ меня удовольствія зделать ихъ знакомства. З балу возвратиласъ въ 8 чесовъ и пробыла у соседки до 10, где опять была обыкновенная беседа.

29. Была у водъ; потомъ в бани; потомъ в постъ-гаузъ ходили завтрикать, где жарила котлеты, куда пришолъ нунціюсъ и баронъ швецкой Болденштернъ, котораго вы знаите, и соседка моя з детми. Потомъ возвратилисъ домой. Въ 4 пошли къ герцогіни М:, Рекша, соседка и я. А потомъ в залу, где было очень мало: две принцесы, ладьгравиша, Рекъ и еще человекъ 10. Оттуда пошла по алеи гулять съ фрелиной Г: Мекленбурской. Потомъ на вечеръ къ соседки.

29. [1]) От водъ пришла домой, переоделасъ и в постъ-гаузъ на великолепной завтрикъ, которой давала моя соседка. Все светлости были въ половине 10 часа. Погода прекрасная. Завтрикали подъ деревьями. Потомъ танцовали в зале до часу пополудни. Оттуда я возвратиласъ въ Долгоруковой колесніце, которая очень хороша,—выдумка К: Путятина, в которую сожаются по 8 человекъ. А я ехала съ 2 кавалерами К: Д: и Г: Кауницъ, сынъ великаго Кауніца. Но ничего на отца не похожъ; онъ часто бы-

---

[1]) Такъ! *А Б.*

ваитъ в нашеи беседе, но ни слова ни говоритъ. После завтрика все по домамъ разошлисъ. Потомъ в театръ. Оттуда к соседки на вечеръ, где беседа собираится большая всякой вечеръ. В карты не играютъ; женщины все за работай; а мущины разговариваютъ и все попарно. Большая часть людей старыхъ и умныхъ и веселыхъ. Въ 9 чесовъ все разходятся, а мы еще остаiѳмса на полчеса втраiѳмъ, то есть, баронъ Бретiѳль, которой всякой вечеръ меня провожаитъ.

30. Была у водъ, в бане, обедала дома. Послѣ обеда ходила с соседкой гулять; потомъ в театръ и вечеръ провели по обыкновенному. Въ 9 чесовъ пошли к нунцiюсу Б: Б:, еще баронъ, котораго еще имя не вытвердiла. Не застали его дома; остались дожидатся и въ половина 10 часу пришолъ. Тутъ с нимъ распращялисъ. Онъ савтре рано едитъ в Егру.

1 июля. Проснулась въ 4 чеса отъ стуку лошедей. Посмотрела в окошко: нунциюсъ збирался ехать; подошолъ под окошка. Распрощялисъ. Онъ поехалъ, а я легла опять спать. У водъ было поздо. Пришодъ оттуда, почювствовала спазмы и боль въ пояснице очень сильную до того, что зделаласъ естерика и слесы. Думаю, придчиной гемороиды. Пришла моя соседка и Тицiюсъ. Напоили меня ромашкой; стало полутче. Потомъ пошла в баню. Сей день былъ великолепной; обедъ в алеи, где было 65 человекъ. Я не могла присудствовать, но во время обеда ходила в алеи. Все рускiе были. Учреждалъ Долгорукой и Фирштенбергъ. Было много еды и хороша услуга. После обеда все поехали гулять, а я пошла домой. Разделасъ, оддохнула и вечеръ провела по обыкновенному.

2. К водамъ не ходила. Взела баню; боль в пояснице продолжаится. По утру пришла соседка и Тицiюсъ; потомъ ландгравъ с семьей. Сегодня приехала ихъ дочь, кнеиня сего имени, которую вы также знаите. Обедола дома. После обеда очень смирно просидела дома до 7 чесовъ. Были кое хто, кого еще имянъ твердо не знаю. А вечеръ, по обыкновенному, просидели. Только я на канапе сидела с ногами. Сей день былъ балъ. Сказываютъ, мало очень танцовали. После балу вся беседа опять съехаласъ, по обыкновенному.

3. Была у водъ. Здоровье полутче. После бани гораздо лутче стало. Погода дурна была. По утру шолъ дожжикъ; после обеда разгулялосъ. Пошла в театръ, оттуда, не дождавъ конца, пошла къ ландъ-графши, оттуда домой. Потомъ, по обыкновенному, на вечеръ. Беседа была женская. Мущинъ было человекъ 8, в томъ числе герцогъ и графъ Бозъ, которой вчера приехалъ и живетъ возле меня, черезъ домъ, где жилъ нунциюсъ. Женщины все были за роботой, а мущины в разговорахъ очень серiôзныхъ. И не одного не было моложе 50 летъ. Таперь пришла домой, 9 съ половиной.

4. Воды не пила. Утро гуляла. Зашла в лавку. Пошолъ дождь и я просидела тамъ с ландгравшеи до того, какъ иттить в баню. Здоровье поправилосъ, однако еще не совсемъ в порядки. После бани была у соседки. Потомъ после обеда пошли с визитами. Оттуда в театръ. Играли Аркадiино серкало. После на вечеръ, по обыкновенному, у соседки, где часто бываитъ и К: Долгорукой. Какъ игралъ в карты то . . . . . . *(Конца письма недостаетъ).*

8.

Здраствуйте, мои милыя! Приятное ваше уведомленiе сейчасъ имела удовольствiе получить. Благодарю Господа, что вы в желаемомъ здоровье. Продолжи Господи навсегда свою милость.

О себе донесу вамъ, что я не больна, ни здорова. Думаю, больше обленилась. Не хочетца во весь празникъ выежжать. Вчера у меня была графиня Елизавета И: зъ дочерью, графиня Анна Алексевна, для тово что мне не хотелосъ обедать у графа. А севодни были Гарюшкинъ, Г: Данiель, Валерьянъ и все сiе свидетельствуютъ свое почтенiе. Были еще Камаровъ, Агарковъ, Сухатинъ, маiôръ баталiôнной, и Барковъ.

Таперь буду отвечать на ваше писмо. Во перьвыхъ, графъ Ал: Г: и графиня свидетельствуютъ свое почтенiе и графъ благодаритъ васъ. Приказалъ отписать, что топерь насморку его гораздо лутче. Детемъ всемъ онъ и графи(не) кланеютца и всемъ вамъ же-

нейше благодарю, моя мать, за уведомленіе о Серіоже. Дай Боже, чтобы онъ всегда такъ себя віолъ и былъ щастливъ. О себе донесу вамъ, что я здорова и время проводимъ довольно весело; только такъ скоро проходитъ, что некогда ничего подумать, не только делать. Домъ еще не осматривала. Брата нетъ. А шорникъ не являлся; послала сегодня его искать. Думаю также, что и братъ сегодня будетъ. К: Владиміръ здесь; приежжалъ для переговоровъ съ княиней. Я думаю, онъ самъ о семъ к вамъ писать будетъ. Братъ недоволенъ былъ своимъ положеніемъ ж женой; а она также сказываетъ свои неудовольствія. Но, думаю, что сіе немного переменитъ ихъ жизнь, ежели сами не будутъ о семъ старатся. Вы пишите, моя мать, чтобы деньги заплатить Наталье М:. Еіо здесь нетъ, да и денекъ только осталосъ, какъ мне сказывали, 6 тысечь; то ежели покупать домъ, то еще надо будетъ занять. Я безъ брата ничего не знаю. А у него такъ была голова вскружена, что ни о чемъ не мокъ ни думать, ни говорить. Мы все гуляимъ. Пиковая дама все еще какъ лихоратка через день, но обращается уже немного осторожнее. Писать больше некогда. Спешу, чтобы не пропустить почты. Делъ у меня пропасть и ничего не делаю. Живу, какъ на ветру. Простите, милые. Цалую ваши ручки. Дай Боже вамъ свою милость. Графъ свидетельствуетъ свое почтеніе и велелъ к вамъ отписать, что онъ писемъ не получалъ назадъ, о которыхъ вы пишите, мая милая.

Благодарю васъ, милые мои детушки, за приятные ваши писмы и желею, что нетъ мне время отвечять на ваши писма. Спешу, чтобы почта не ушла. Слава Богу, что вы здоровы и веселы. А мы проводимъ все время в гуляньи и все довольно хорошо расположены. Вчера былъ Іоголь [1]) и танъцовали. Катерина С: и Пратасовой дети, Репнинская и Вяткина вамъ очень кланеются. А пиковой даме сегодня день; она все какъ лихорадка. Мы с ней очень ласковы, но не фамиліарны и Г: стала также поосторожнея. Думаю, скоро ей не полюбится. В воскресенье здесь обедало довольно гостей. Графиня Е: Г: и К: С: Тургенева [2]) также

---

[1]) Танцовщикъ, жившій еще въ 30-хъ годахъ. *А. Б.*

[2]) Екатерина Семеновна, ур Качалова, жена директора Московскаго университета Ивана Петровича Тургенева. *А. К.*

были и я играла в бостонъ. А потомъ ездили в сатъ; пили тамъ чай и гуляли очень тихо и благопристойно: по деревьямъ не лазили и черезъ ношку не прыгали. Вотъ вамъ ваши вести. Писать больше некогда. Все наши вамъ кланеются. Я васъ цалую. Н: М: кланеюсъ усердно. Завтре скачка.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою-же рукою:

„Милостивому Государю Василью Володимеровичю Его Высокоблагородію Шереметеву.

Въ Серпухове. Для доставленія въ с. Хатавки“.

Почтовый штемпель: „Москва“ и остатки красносюргучной печати съ гербомъ князей Львовыхъ.

10.

8-го сентября 1802 г. Москва.

Здраствуйте, мои милые! Цалую ваши ручки. Благодарю покорнейше, моя мать, за писмо. За сыромъ пошлю завтре; а сегодня не послала за темъ, что празникъ. Я хотя и збираласъ къ графине, но остановиласъ за темъ, что хозяева збиралисъ также и послали было лошедей на подставу. Но пошелъ дождь, и сіе ихъ испугало. А на другой день я собраласъ было одна, но сказали, что грязно очень. И такъ я не знаю, когда к ней попаду. Мы время проводимъ все по обыкновенному. Новое только что играемъ в карты въ реверсі. Вчера была у обедни и видиласъ с Собакіной Е: В:. Скоро узнали друкъ друга. Звала к себе, но не знаю, когда зберусъ. Обедали у графа обыкновенные и весь день сідели; также и Татьяна Ф:, которая насъ своимъ пеніемъ мучитъ. Растрели, новой нашъ музыкантъ, сегодня поехалъ давать первой урокъ Нелединскимъ, которые ему житья не довали. Присылали за нимъ и безумно плотятъ по 5 ру. за каждую, а ихъ три; и свой екипажъ хотятъ присылать, когда онъ назначитъ, по три раза в неделю. Вотъ какъ балуютъ! Онъ же меньше сей цены брать не хочетъ и более 12 домовъ не возметъ. Сегодня былъ

у меня Споль. Сказывалъ про Мернвиля, что онъ боленъ и в худомъ положеніи. Збирается ехать в чюжіе краи; надеется на будущее зиму привести новые танцы и сызново ражживатся. А таперь, кроме детей, ничего не нажилъ. Сегодня получила писмо отъ Серіôжи. Онъ здоровъ, но не пишитъ, былъ ли на бале у Орловыхъ въ именины Натальины [1]). У нихъ былъ балъ и принцъ Аглинской былъ и танцовалъ. Государаня Марья Федоровна пробудетъ сей месецъ в Гатчине, куда и Императоръ быть изволитъ; а Цесаревичь поехалъ для осмотру войскъ, на 6 недель. Вотъ вамъ Питербурскія вести. Вы пишите, мои милые, что я живо описала празникъ; а мне казалосъ очень спутанно. Вы знаите мой манеръ, что все спешу, и сказать можно: дела не делаю, а з дела не бегаю. Все в хлопотахъ. Таперь начела здесь строится. В суботу залажила флигель. Начальника нашего на сихъ неделяхъ ждутъ суда. Тарасъ и Анна ждутъ его, какъ свету. Отъ него остановиласъ аддача имъ места. А я имъ позволила остатся зиму в моемъ доме. Сегодня мы ездили въ манеже, и после я ходила гулять в сатъ Дмитрія Н:. Место чрезвычайно хорошо. Вотъ вамъ все наши вести. Цалую ваши ручки и прошу Бога, чтобы вы были здоровы. Детей милыхъ цалую. Наши все вамъ свидетельствуютъ почтеніе. А я не знаю, когда удасса быть к вамъ.

Батюшка братецъ, князь Владимеръ Семеновичь! Благодарю покорно за два твои писма. Слава Богу, что ты здоровъ и нескучаишъ. Обо мне увидишъ изъ вышеписаннаго, потому что я тебя щитаю в Хатавкахъ. Желаю очень видить Лаврушку и знать, если хатя надежда, что несколько коровъ останется. Мне надобны будутъ суда; а здесь очень дорого. Я збираюсъ еще быть в Лаптеве и возму с сабой садовника, чтобы сколько нибуть зачать садить Аглинской сатъ. О прибыльной же економии нонешней годъ и думать нечего. Все идетъ на убытокъ. Здесь уже побольше 5 тысечь положила; что будетъ добраго, не знаю; но кажется, что покупка до сехъ поръ недорога. Лесъ в доме очень хорошъ и флигель весь из него выдетъ. Прикупила только два венца. А все денекъ много идетъ. Хочется скорее дождатся зимы, чтобы быть

---

[1]) Гр. Наталья Владимировна Орлова. *А. К.*

с вамя вместе и все хлопоты отложить до весны. Прости, батюшка. Богъ с тобой. Наталье М: усердно кланеюсь.

11.

(1802 г. Москва).

Здраствуйте, мои милые! Сожелею сердечно, что лихорадка, пришедшея не во время, лишаетъ меня щястья лично васъ поздоровать съ днемъ вашего рожденія, а васъ, батюшка, з дорогой имениинницай. Не знала, мая мать, что послать гостинца; никуда не выежжала, а послать некого, и не могла придумать, чтобы вамъ могло принесть удовольствіе. Посылаю сыръ, во ожиданіи техъ, которые я делать стану. Желаю кушать на здоровье. Новаго у насъ мало. Живемъ старое по старому. Я несколько дней была нездорова, такъ что не выходила из горницы. То соседи по два раза были. Новое только, что ждутъ суда Аглинскаго принца, которой будетъ на сихъ дняхъ. У насъ, думаю, будетъ для него пиръ. Но хлапочемъ, что болу собрать нельзя. Что еще есть вестей, то братъ скажетъ. Я занимаюсъ чтеніемъ романовъ. Такая лень, что ни за что принятся не хочется. Предаласъ празнасти. Гости бываютъ у насъ все по прежнему, но даліо̂ко не такъ в обращеніи. Хотя та продолжаитъ душить, но для избежаніи изъясніемъ, играимъ в карты. Вотъ, мои милые, наши все вести. Очень желаится, чтобы вы скорее были с нами вместе. Цалую ваши ручки. Дай Боже вамъ свою милость.

Милыя детушки! Поздравляю васъ ото всего сердца з дарогой имениинницай. Дай Боже намъ нещетные годы сей день празновать всемъ вместе. Я крайне сокрушаюсъ, что нынешней годъ не могу сего зделать, по притчине нездоровья. Цалуйте за меня у родителей ручки обіи. Обо мне узнаите изъ вышеписаннаго. Прошу васъ взять попеченіе приказать о гвоздикахъ. Цалую васъ дружески. Богъ с вами.

в овантажехъ, такъ что онъ с ней во весь день ни слова не говорилъ. После обеда былъ кулачной бой в манеже. Потомъ пришли в большую галерею. Тамъ былъ консертъ и потомъ балъ. Гость былъ очень веселъ, танцовалъ много и непременно хотелъ, чтобы я с нимъ танцавала контредансъ, что̀ должно было исполнить. Онъ тутъ ужиналъ и просиделъ до 12 часовъ. На другой день мы опять были у графа. Празновали Сергіевъ день и пили ваше и именинника вашего здоровье. В воскресенье Принцъ прислалъ, что онъ желаетъ у графа обедать, только въ его семье и с коротками его. Графъ приказалъ, что радъ будетъ его видить, а что ето день такой, в которой онъ принимаетъ всехъ, то отказывать не можетъ, кто приедитъ. Однако, было не много. Дамы, кроме обыкновенныхъ, никого не было, и онъ сиделъ за столомъ между мною и графиней. Забыла сказать, что в графское рожденіе и на другой день были на вечере Хаванскіе и Сокоревы, которыя непременно желали быть въежжи в домъ. Хаванскіе говорятъ, что имъ многіе завидуютъ, что они суда ездятъ, и не знаютъ многія какъ начать знакомства. А у насъ также стала хорошо, какъ бывало в чюжихъ краяхъ. Пиковая дама не бывала уже в воскресенье. Находитъ, что ее пренебрегаютъ и хотела дать почювствовать, что не приехала; сказалась больна. Г: очень рада, что почти совсемъ ея избавилась. Вотъ вамъ, мои милые, все наши вести. Принцъ хателъ ехать вчера, но занемокъ, а думаю, уехалъ сегодня. Очень доволенъ Москвой. Говоритъ, что онъ нигде такъ приятно время не проводилъ, и говоритъ, что суда можно приехать для одного того, чтобъ видить графа Орлова. Онъ много наслышылся отъ своего отца, котораго портретъ вы помните у графа: большую картину, где и графъ написанъ стоящей. Его здесь возили везде, даже в Зарядье обедалъ и былъ в маскараде. Былъ и тамъ, где бьютъ кнутомъ; расматривалъ кнутъ и просилъ, чтобъ ударили по стене. Однимъ словомъ, во все мелочи входилъ. Ездилъ осматривать городъ на извощичьехъ дрошкахъ. Здесь не могли доставить порядочной кареты, и у него сломалась ось, и его ушибло в голову, отчего на другой день или тот же день пускали кровь Грозетъ все себе онъ удовольствія былъ всякой день у него и здесь угощилъ всехъ какъ в своемъ доме. Графъ часто поминалъ об

васъ и говорилъ много мне, не достаетъ, что милыхъ моихъ Шереметевыхъ нетъ. Вчера говорили, чтобы зделать маскарадъ въ его именины; а онъ говоритъ: нетъ, погодите уже, какъ будутъ Шереметевы. Я сказала, что Бохъ знаетъ, когда ихъ дождемся, а тогда можно будетъ опять. Забыла сказать шутку: я хотела познакомится съ И: А: Остерманомъ и прошу графа; а онъ меня оддалъ Ф: А: [1]), чтобы онъ познакомилъ съ братомъ, которой прежде меня расцалавалъ; какъ велино было сказать, кто я, то онъ думалъ долго и сказалъ — В: В: Ш: дочь. Простите, мои милыя. Цалую васъ всехъ. Больше писать некогда.

13.

7-го октября 1802 г. Москва.

Здраствуйте, мои милые! Приятное ваше уведомленіе имела удовольствие получить, за которое благодарю покорно. Графъ приказалъ васъ благодарить и сказать, что онъ чювствуетъ, что очень виноватъ перед вами, что давно не писалъ, но чтобы вы его во ономъ простили, часто лень одолеваитъ. Приказаніе ваше, батюшка, очень охотно все выполню, что возможно только и в силахъ, коихъ будетъ. Мы, слава Богу, все здоровы и сегодня едимъ в Островъ, дни на 4. Имянины графскія празновали по обыкновенному. Было много гостей, в томъ числе и зговоренной женихъ с невестой: Всеволоцкая А: С: идетъ за князя Голицына [2]), Маслова племянникъ [3]). Онъ ей равесникъ, малой богатой и не дуракъ. Она кажется быть довольна своею участью. Здесь бываитъ, также какъ и прежде, по три раза в неделю. О брате К: Д: С: я также ничего не знаю; а у нихъ трауръ и очень жалкой; И: С: Муронцовъ умеръ, и жена его также, сказываютъ, больна отчаянно. Не-

---

[1]) Графъ Өедоръ Андреевичъ Остерманъ, въ то время уже весьма пожилой человѣкъ. *А. К.*

[2]) Анна Сергѣевна Всеволожская была замужемъ за кн. Иваномъ Александровичемъ Голицынымъ. *А. К.*

[3]) Кн. И. А. Голицынъ приходился племянникомъ Н. И. Маслову, который былъ женатъ на Наталіи Борисовнѣ, ур. кн. Голицыной. *А. К*

болѣзнихъ ездилъ к Авдотье М: в деревню о семъ объявлять. Мне сіи вести сказалъ Спичинской. Писать больше некогда. Спешу сбиратся в Островъ, а не хотела пропустить сей почте. На будущей буду писать больше. Вчера была у тётушекъ, а мадамъ Ренекампъ у меня была два раза. Они, кажется, довольны другъ другомъ. Простите, мои милые. Пора кончить. Милыхъ друзей своихъ, детушекъ, целую. Писать буду к нимъ после. К Серёжки писала. Об немъ писала к командиру; просила какъ о дружкиномъ сыне. Не знаю, что будетъ ответъ. Просила, чтобы в переводчики. Виновата, моя мать, что шляпку до сехъ поръ не купила. Право, послать некого было. Простите. Богъ с вами. Н: М: кланяюсь. Пилюли пришлю. Марье И: также кланяюсь и радуюсь, что она мой подарокъ такъ приняла.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою-же рукою:

„Милостивому Государю моему Василью Володимеровичу Шереметеву Его Высокоблагородію. Въ Серпуховъ. С. Хатунка".

Почтовый штемпель: „Москва".

14.

(1802 г.).

Здраствуйте, мои милые! Отправляю Николая. Яшка же остается здесь до приезду вашего, или какъ вы прикажите. Здесь ему теперь до сроковъ дела нетъ, кроме того, что наведыватся, какъ онъ сказывалъ, по делу Натальe В: [1]. Вексела переписалъ Муравьевъ, но такъ наскоро и ветрено, что ни поруки нетъ, ни въ книге не росписался. Я очень попужела на Яшку и теперь принуждена письмо оддать к натарьесу до приезду его суда. Братъ вчера приехалъ и я у нихъ обедала. Слава Богу, здоровы. Но она грусна, по обыкновенному. Вчера была у невесты, где застала княжну Елизавету Б:. Женихъ и невеста очень веселы; сбираются делать балы и васъ просить. И дети уже в реестре поставлены.

---

[1]) Наталья Владимировна Шереметева. *А. Б.*

Балы будутъ маленькія, то есть, для графини. Вотъ вамъ наши вести. Шубина дело кончино; снято чины и дворянство и сосланъ на каторгу [1]). Достойно и очень достойно. Больше писать нечего. Надеюсъ васъ скоро здесь видить. Печять не оддавала еще; все были празники. Вчера графъ и графиня обедали у оберъ-камеръгера [2]), где обедалъ и Платонъ, которой служилъ в Воспитательномъ доме обедню. И двумъ дамамъ не далъ антидору; одной за то, что перчатку не снела; а другой, что просто волоса и растрепана была: Voilà la nouvelle du jour. Больше сказать нечего. Цалую ваши ручки и прошу Бога, чтобы вы были здоровы и веселы. Ежели случится посылка в Каширу, то прикажите, мои милыя, к Лаврушке, чтобъ онъ старался нонешнею осе́нь перенесть дворы кресьянскія, которыя назначены, и поставить кирпичные сорае.

Здраствуйте, милые детушки! Цалую васъ обеихъ и с нетерпеніемъ ожидаю суда. А между темъ прошу, посылаю листъ написанъ, писмо, которое хотя с трудомъ, но про́шу азабрать и написать его в порятке, с переменою слогу, где рассудите. Я сейчасъ только о семъ вздумала, чтобы вамъ дать сію камісcію, и писала очень наскоро, такъ что сама прочесть не могла, но надеюсъ на васъ, что вы разберіо́те. Мне давно пора отвечать на писмо, которое также к вамъ посылаю. А что я пишу, что цалую руки, то ето ихъ Немецкая манера. Старуха сама такъ пишитъ и говоритъ. Что же увидите ис писма, какіе странности делаются в погоде, то сіе правда. Многіе вчера чювствовали тресеніе и многіе не поняли, что такое. А большая часть и не приметела. Только погода такъ хороша, что удивительно. Писать больше нечего. Пожалуйте, милыя, напишите писмо и пришлите. Мне очень пора его послать. Цалую васъ еще, Н: М: кланеюсъ; также Марье И: поклонітесъ от меня и В: Ф:.

---

[1]) Алексѣй Петровичъ Шубинъ, поручикъ л.-гв. Семеновскаго полка; карьеристъ, за вымышленный заговоръ на жизнь императора Александра I былъ сосланъ 7-го окт. 1802 г. въ Сибирь. Въ 1815 г. по Высочайшему указу былъ возвращенъ. *А. К.*

[2]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ. *А. Б.*

15.

6-го Іюня. Островъ.

Здраствуйте, мои милые! Цалую ваши ручки и благодарю покорнейше за письма. А что я давно не отвечала, то братъ сказалъ вамъ причину. Камісіи ваши все исполнила, только Ахлячанина вашего не видала. Мы теперь в Острове и живемъ довольно приятно. Вчера были обыкновенные городскія гости, то есть, н(иковая) дама и скажу вамъ мое удивленіе, что молодой даже вашей домашней мужъ говорилъ мне, что онъ находитъ сіе знакомство чрезвычайно вреднымъ. Я съ удивленіемъ сказала ему, что мне ли сіе онъ сказывать долженъ, а что лутче бы сей советъ подать жене, которая в такой связи, что и в домъ вселила. Онъ сему будто бы удивлялся и говоритъ, что его жена никогда дружна не была, что онъ меня можетъ в семъ уверить. На что я сказала, что виды могутъ быть обманчивы, но что и семейству Г: смотрели на ихъ связь с неудовольствіемъ, боясь последствіемъ, которые и случились, что она вселилась в домъ и делаетъ вредъ молодой Г., и что я думаю, можно бы сего было остерется и по сказанному отъ В: В:, которой из одной привязанности остерегалъ. Не знаю, что теперь выдетъ, но, думаю, что отсуда долго отучить нельзя будетъ и едва ли можно ли когда либо сіе зделать будетъ. Я уже и говорить о семъ устала. Мы збираемся к вамъ. Не знаю, когда сіе случится; только говорятъ о семъ. Ежели не все, то одинъ старшой говоритъ часто, что желаетъ очень васъ видить. Больше сказать нечего. Цалую ваши ручки и милыхъ детей. Они изъ сего письма увидятъ, что у насъ делается. Я сказала старшому, что желею, что сіе знакомство можетъ быть препятствіемъ детямъ быть такъ часто, какъ бы желали, потому что ихъ сіе замарать можетъ в публике. Наталье М: кланеюсь. Камісіи ее не исполніла оттого, что письмо получила здесь.

16.

21-го іюля. (1803 г.). Москва.

Здраствуйте, мои милыя! Дай Боже, чтобы сіе нашло вась в совершенномъ здоровье. Съ прошедшимъ общимъ именіннікомъ имею честь вась поздравить. Мне желалось очень етотъ день быть вместе с вами, но графиня занемогла: зделались железа и потомъ опухоль, в томъ же месте, где у нея болело, такъ что все натрусились, думали, что по прежнему занеможетъ. Но, слава Богу, кончилось рожей. Однако и топерь еще изъ своей комнаты не выходитъ и вся обвязана. Мы сідимъ все у неіѝ и стараемся заставить забывать болезнь. В семъ случае очень нужна п(иковая) дама. Она читаетъ и расказываетъ и заставляитъ смеятся. Молодая дама с ней уже не такъ, какъ бывало. Вотъ вамъ наши вести. А какъ увижусь, то все обстоятельно узнаите. Скачка у нась была, и выигралъ Мосоловъ [1]) на трехъ летнихъ. Александра В: [2]), братецъ вашъ, уехалъ в деревню тотъчасъ после скачки и сказалъ мне, что Наталья В: [3]) процесъ проиграла, с чемъ вась отъ сердца поздравляю. Графъ Иванъ П: уехалъ в Питеръ также в день скачки. Шевалье де Saxe убитъ Щербатовымъ на дуеле [4]), и сей последней уже в Питербурге. Все его здесь очень хвалютъ. Правду сказать, поступилъ благородно. Но жаль очень принца Ксавью, у котораго одинъ только сынъ и былъ. Вотъ вамъ наши гороцкія вести. Ольга Ивановна приежжала ко мне от вась. Я посылала ей за подорож-

---

[1]) Извѣстный въ то время московскій любитель лошадей и владѣлецъ конныхъ заводовъ. *А. К.*

[2]) Александръ Владимировичъ Шереметевъ, братъ Василія Владимировича. *А. К.*

[3]) Наталія Владимировна Шереметева вела процессъ съ своими братьями по имущественному раздѣлу. *А. К.*

[4]) Chevalier de Saxe, незаконный сынъ герцога Максиміліана Саксонскаго, человѣкъ умный и образованный, но надменный и неуживчивый, былъ принятъ при русскомъ дворѣ еще императрицею Екатериною II. Поводомъ къ дуели послужило фамиліарное обращеніе князя Н. Г. Щербатова съ пожилымъ уже и едва знакомымъ ему chevalier de Saxe. Дуель произошла заграницей въ концѣ 1802 г., въ Петерсвальдѣ, близъ Теплицъ. *А. К.*

17.

(1802—1803 г.).

В Понедельникъ поутру.

Здраствуйте, мои милые! Я вчера приехала въ 9 чесовъ вечера къ Сергею В:. Никого не застала дома, но люди все въ исправности; дома и в горницахъ очень тепло и чисто. Серiожа былъ у графа, а Фама В: поехалъ с Анной Е:, которая за немъ заежжала. Я послала к графу. Серiожа явилса тотъчасъ и с нимъ сестра Прасковья и Анна М:. Я уже была одета ехать на балъ. Сказали мне, что очень много. Однако я не испугаласъ, поехала. Нашла тамъ, а именно: К: А: М: Голицына, из мертвыхъ в(о)скрешшаго; Беклешева, Уварова ж женой, К: Несвицкаго, Кноринга, К: Я: А: Козловскаго и многое множество сверсниковъ Серiожи. Однимъ словомъ—толпа. Изъ дамъ обыкновенныя все, кроме Жерепцовой, которые больны; наши Каширскiе Муравьевы, Ведосья Ефимовна з дочерьми, Бекендорвша, Нарышкина з дочерми, Михаила П: [1]), Милашевичева, Давыдова К: Н:, Мухина, Чичерина с мамушкими сидитъ. Какъ я вошла только в дверь галереи, то хозяйка бежитъ; очень рада, что я приехала. Потомъ Чесменская. Расцелавали. Итакъ все окружили, что способу не было пройтить. Хозяинъ самъ пришолъ к дверямъ и такъ ласково встретилъ, обе руки расцалавалъ и радъ очень видитъ. Потомъ К: А: М: и Беклешевъ подошли, графиня Е: Федоровна [2]) и наконецъ все сидящiе пришли на встречю. Такъ меня любятъ, все обрадовалисъ безъ ума и бес памяти. Я тотъчасъ и увидила, что все овцы безъ пастыря. Забыла сказать, Куракина с одной дочерью, другая нездорова. Та была занета разговорами з Зотовымъ. Во время общей радости, причиненной моимъ приездомъ, я не рассудила ей помешать и села. Она видила, что я не иду, сама встала и подошла. Я сказала, что не хатела ей помешать. Села возле

---

[1]) Варвара Алексѣевна, ур. кн. Волконская, жена М. П. Нарышкина. *А. Б.*

[2]) Графиня Елизавета Өедоровна, ур. Ртищева, жена гр. Ив. Григ. Орлова. *А. Б.*

сертъ и, сказываютъ, славной. Хозяинъ сейчасъ пришолъ. Простите до вечера. Хозяйка нездорова, болитъ горло. Графъ сказывалъ, что дней 14 какъ боленъ поясницай отъ гемороиду. И прошедшее воскресенье танцовали, а онъ лежалъ в постели. Танцмейстеръ новой вместе съ Юголемъ бываетъ, и прошедшее воскресенье, сказываютъ, дошло было у нихъ до драки. Одинъ учитъ поутру, другой—ввечеру; а на бале оба бываютъ. А доставила его сестра Просковья.

Вторникъ, поутру.

Хозяйку наехала нездорову. Кроме чрезвычайной тягости отъ бремени болитъ горло и кашель. Встали поздо. Сошлиса вместе. Приехали доктора. Хотели пускать крофь, но отменили. Мы з батюшкой пошли вверхъ, где разговаривали. Всего описать нетъ способу. Надо оставить что и поговорить. Доктора уехали. Приехалъ Фома В:, Ольга И: с мужемъ и Анна М:, потомъ Серiожа. И все обедали. Сейчасъ сказываютъ, что почта сегодня отходитъ. Спешу сiе отправить. Я изъ-за обеда ушла уснуть. Проснуласъ, все разъехалисъ и хозяева оддыхаютъ. Серiожа поехалъ къ Савинымъ; не зосталъ дома. Я поехала к старшей невески. Дуняша очень была больна горячкой и молошница. Танерь, слава Богу, уже на ногахъ. Тамъ посидела, куда приехала Авдотья М: и сестра Параша, с которой вместе приехали суда, где былъ консертъ. Все были, кроме Френзеля. Гостей никого, кроме музыкантовъ, в томъ числе Рихтеръ и с нимъ Крюковъ в первой разъ, которой также и у графа былъ. Разъехалисъ после ужина въ часъ. Хозяйка не выходила.

Вторникъ.

Поутру ездила к невески. Оттуда к Жеренцовымъ; они оба больны, также и дочь Варвара. От нихъ—къ графине Е: Ф:, где обедала. Тамъ была А: И: Репнинская и Марья И: Гревенсъ. После обеда была подъ Донской. Чесменскiе больны. Грозетъ тоже. Нашла тутъ Лаптева, Гревенса на пороги. Хозяева ласковы очень; сидели в жолтой за роботой. Потомъ пришолъ хозяенъ и К: Козловской и Серiожа. Хозяйку заставили петь с Петровымъ и з девками. Приехала Чичерина з дочерью. Зачели играть в жмурки, то-есть только трое: докторъ или шутъ, Катерина И: и Серiожа.

Потомъ меня позвалъ Гаврила Ив. и говоритъ, что с Кабановымъ онъ щелся. Мои деньги за землю есть, позволила бы ихъ взять. На что я сказала, что земля мне не принадлежитъ и для этого я не в праве ихъ взять; что она мне обещана уже 16 летъ, то бы было время отдать, еслибъ угодно было; и деньгамъ этимъ также уже 3 года; то я не знаю, для чего теперь только о семъ вспомнили, когда и первые уже мне не принадлежатъ. Онъ тутъ напоминалъ, что на мне есть должокъ 27 р. Я говорю, что я свои долги плачу, только далъ бы записку. Вышло, что Яшка забралъ. Я рассмеялась и сказала, что я ихъ отдамъ. Только я просила его, чтобы денегъ ему не поверять и поручила ему послать своего человека. На что онъ мне сказалъ, что послать ему было некого. Я отвечала, что очень хорошо; а деньги отдамъ. Кажется, что ему совестно, и провожалъ меня до кареты; три раза целовалъ руку. Я собралась ехать до ужина. Хозяинъ сиделъ в желтой. Я подошла проститься; онъ мне говоритъ, что ваши деньги у Гаврилы; извольте ихъ взять (при Чичериной). Я отвечала, что я с нимъ уже говорила, что эти деньги мне не принадлежатъ. „Какъ же вы ко мне об нихъ писали"?—„Извините, я не писала к вамъ". —„Точно писали".—„Я писала к Кабанову для сведенія, чтобъ онъ щелся с Никитичемъ и не подумалъ, что они у меня".—„Да, такъ, вы правы; писали к нему, да для чего же? Возьмите ихъ; они вамъ принадлежатъ".—„Я щитаю, что нетъ. Земля была ваша".—„По какому праву графъ"?—„Онъ побледнелъ и говоритъ: „По слову".—„Я его назадъ возвратила".—„Я тамъ и построить уже велелъ вамъ, это известно".—„Я знаю, графъ, строите изъ собранныхъ с той земли денегъ, тысечи рублей". За симъ я поцаловалась и откланялась. А онъ сказалъ: „Отъ воли вашей зависитъ". Мне сіе очень весело. Онъ думалъ, что я для того писала, чтобы ему напомнить и взять деньги, и ошибся. Серіожа сказывалъ, что онъ очень позадумался после. Я приехала домой, нашла батюшку и братьевъ около круглаго стола, где и вечеръ кончили, а Серіожа въ собраніи.

Среда.

Сегодня обедала у Елены Васильевны [1]). Она такъ мне мила,

[1]) Елена Васильевна Шереметева. *А. К.*

что не в силахъ была отказать ей в принятіи всей суммы. И таперь они у меня. Думаю, возмутъ хозяевы здешныя. Я имъ посадила в голову купить бывшею тіôтушкину деревню, и таперь братъ поехалъ о семъ осведомлятса. Деньги Фоме В: оддамъ завтре. Онъ сегодня обедалъ здесь и купилъ мне все одеяніе на кучеровъ. Къ Алене В: приехалъ обедать Серіôжа и очень меня удивилъ, мая мать, вашимъ подаркомъ, за которой цалую ваши ручки. Какъ такъ зделать секретно, что я не укороулила? Я право бы отсоветовала. На что мне оное в деревни? Слишкомъ хорошо. Къ Елени В: приежжала кнеиня Прозоровская, К: Д: А: жена [1]); услышила, что есть деньги; хотела, чтобы мужу ея дать, но я не рассудила. Еще былъ Лутовиновъ, Орловской, которой купилъ у нея лошадей. У неіô сидели мы до свечь. Поехали с Серіôжай въ его карети (которая очень хороша, только скучнея моей; очень малы окошки), къ Анне Н [2]): тіôтушки. Она, думаю, скоро помешаится. Люди востали за Машку, и дохадила до палицыи. Машка переехала и она в отчаяніи. Только и родныхъ, что я. От неіô Серіôжа поехалъ къ графу, а я—домой, где и вечеръ кончила.

Четверīъ.

Поздравляю васъ, мои милые, з дорогимъ рожденникомъ. Поутру присылалъ графъ поздравлять и прислалъ крендиль. Обедали здесь: братъ ж женой, Серіôжа, К: П: и Петръ В: и весь день сидели. Серіôжа сказывалъ, что вчера играли в жмурки. Фома В: обедалъ здесь и ездилъ отъ меня къ Наталье М: просить, чтобы она взела от меня деньги, на что она и согласиласъ. Для васъ, батюшка, оддаю деньги 6 тысещь. Только уведомьте, какъ ихъ употребить. У брата есть имъ распореженіе, но тутъ не входитъ Фома В:. То отпишите, какъ прикажите. О дели Д: А: Лопухина [3])

---

[1]) Кн. Анна Ивановна, ур. кн. Волконская, жена кн. Дмитрія Александровича Прозоровскаго. *А К.*

[2]) Анна Никитишна Іевлева. *А. К.*

[3]) Дмитрій Ардаліоновичъ Лопухинъ, жен. на Маріи Александровнѣ Шереметевой, калужскій губернаторъ обвинялся въ вымогательствѣ денегъ у мѣстнаго фабриканта подполковника Гончарова и въ разныхъ другихъ противозаконныхъ поступкахъ и злоупотребленіяхъ. Для производства слѣдствія по этому дѣлу былъ отправленъ въ 1802 г. въ Калугу Г. Р. Державинъ. Разбирательство дѣла, которое впослѣдствіи было перенесено изъ Сената въ Государственный совѣтъ, не было доведено до конца и Д. А. Лопухинъ не понесъ никакого наказанія *А. К.*

и загорела; что всего мудренее, что лице зделалось в веснушкахъ. После обеда мы пошли в фонарикъ и долго говорили. Я ей все говорила, что считала нужнымъ. Она, какъ кажется, отъ лишнаго повиновенія все дурости делаитъ. Но я осуждала и еіо, что должность жены не освобождаетъ ее отъ должности дочери, и что она, имея сама детей, должна таперь думать, чего она от нихъ пожелаитъ и тому подобное. Она все сіе слушала с терпеніемъ, иногда и слезы навертывали. Когда со мной встретиласъ, видна была робость: ни сердита ли я. Но поехала уже спокойнее. Сказывала, что не писала к вамъ оттого, что Серіожа сказалъ, что вы посылаите за писмами в суботу, а она думала, отсуда отходитъ в суботу и послала на почту, о чемъ очень желела.—Она пробыла у графа довольно долго. Иванъ Ф: обедалъ у князя Дашкова тотъ день. Я же, по отъезди еіо, села в фанарикъ съ Чесменскимъ и просидела весь день. Хозяева ездили с визитами. Были у Всеволоцкой и у родныхъ. Вечеръ они приехали домой, а мы съ Чесменской играли в бостонъ, вдвоемъ. В собраніи никто изъ нихъ не былъ. Итакъ я пропустила репетицію, обедъ у графини Е: Ф: и собраніе.

Среда.

Здоровье мое сегодня плохо. Рсполагаласъ быть дома целой день. По утру приехала графиня Е: Ф:. Вытащила меня к обедни и обедать къ Г:. Тутъ обедалъ К: Голицынъ К: Ф:, которой довольно часто бываитъ, но не кажется, чтобы подвиги его были успешны. Сестра Прасковья и Давыдова Н: В: [1]) с мужемъ, Дивовъ; Полтарацкой [2]) привозилъ какого та фабриканта Леонскаго, что сведалъ хозяинъ за столомъ отъ Дивова, на что и сказалъ: „Я думалъ, онъ дворенинъ, а фабришных-та у насъ своихъ много. Что ему вздумаласъ его привесть“? Я не выдержала, сказала, видя тутъ за столомъ сидящею Уварову съ Анеткой: „Я думаю“, сказала я, „что Полторацкой самъ тоже что и сей фабрикантъ; ежели не онъ, то тесть его“,—на что хозяинъ отвечалъ: „А отецъ его былъ вспе-

---

[1]) Наталія Владимировна ур. гр. Орлова, жена П. Л. Давыдова. *А. К.*

[2]) Дмитрій Марковичъ Полторацкій былъ женатъ на А. П. Хлѣбниковой, дочери П. К. Хлѣбникова, коломенскаго купца, владѣльца извѣстной игольной фабрики въ Рязанской губерніи. *А. К.*

ника [1]). Итакъ вы пишете, что [illegible] подробно и представляете; у васъ все теперь [illegible], а отличаются по заслугамъ; у насъ также этого уже нетъ, но сходить по первости и по деньгамъ. [illegible]. Мне [illegible] разъ сіе досадно. Его также какъ К. запускалъ уже [illegible] и [illegible] придетъ капризъ [illegible]. Теперь ласкаютъ очень Всеволодскаго с женой. Вчера сидела у нихъ, пили чай. Я спрашивала, поедут ли завтре; у нихъ концертъ. Онъ говоритъ, не звали. Я потому спросила, что они звали. На сіе с полной гордостію отвечали: они не звали, а просили насъ, чтобы я приехала. Только я просила, чтобы меня завтре не звали, что я по слабости здоровья своего ездить не могу. Я просидела тутъ весь день. Ввечеру приехали Нарышкины, М: Ф: семействомъ; а у меня разболелась голова. Я уехала домой; а Сергій поехалъ къ Толстому М: Ф: [2]), куда и я была звана. Но не смогла. Они же и воскресенье были на бале. Она несносна, также сонная. От нихъ же тяжело пахнетъ. Здесь много очень по-[illegible]. [illegible] от кого не [illegible] и [illegible] не помогаютъ. Что то будетъ в жары. На графиню спохондрія отъ етаго находитъ, и такъ боится, чтобы с ней сего не случилось.

Четвергъ.

Сей день имела удовольствие получить приятное ваше уведомленіе, за которое целую ваши ручки. Благодарю Бога, что вы в желаемомъ здоровье. Я не щитала за нужное сказать вамъ, что я на той же почте [illegible] отвечала и послала списокъ. Прилагаю при семъ копію с письма. Милую Катю благодарю очень за письмо. Прошу о продолженіи. Радуюсь, что вода ей помогаетъ. Выписать ей можетъ Фома Фомичь. Онъ с нимъ знакомъ; а онъ уже самъ сюда доставляетъ. Сюда многіе выписываютъ. Я сей день весь пробыла домъ. Отдыхала. Поутру былъ Яковъ П:, а вечеръ сидела Аграфена А:. Соседи обедали на званомъ пиру у наместника. А вечеръ были у Всеволодскаго, где и Сергей былъ. Вы пишите, мая мать, что Н: К: приездъ васъ испугалъ. Онъ только бы сказалъ вамъ, что насъ оставилъ на репетиціи в собраніи. Мы тутъ

[1]) Маркъ Федоровичъ Полторацкій (р. 1729 г., ум. 1795 г.), управлялъ въ царствованіе императрицы Екатерины II придворною капеллою. А. К.

[2]) Матвей Федоровичъ Толстой, сенаторъ. Былъ женатъ на Праск. Мих. Голенищевой-Кутузовой. А. К.

с нимъ простились. Братъ К: Д: всякую почту збираится к вамъ писать; забудитъ день и терзаится. На немъ никакъ нельзя взыскивать. Я у батюшки не была и всехъ ихъ не видала, уже 8 дiôнъ. Лошадь больна, для того не выежжаю далiôка. Домъ, кажется, покоинъ будетъ. Таперь все старанiя прилагаю, чтобы былъ тепелъ. Таперь кладутъ фундаменты подъ печи. Я очень занета строенiемъ и теплицай. Всякое утро хожу. Без того давно бы убраласъ к вамъ. Устроится же когда нибуть нада. Радуюсъ, милая Катя, что ты маску не оставляишъ. Сестра очень загарела, а я хвастала, что ты нетъ. Я издали еiô не оставляю, пугаю народъ. На сихъ дняхъ, испугала одного такъ, что уже не возвращялса. Пришолъ рядится штукатуръ. Я велела осматреть строенiе; в евто время работники все обедали. Я пошла туда сама; человекъ сей былъ занятъ очень сметой. Вдрукъ увидилъ меня; испугалса такъ, что руки опустилъ. Домъ большой и еще похожъ на развалины, и никого кроме его и меня не было. С техъ поръ не возврасчалса, кряду оставилъ. Стекло посылала заказывать, но В: Е: и Ольга И: не знаютъ, где его найтить. Дала коммисiю Фаме В: Но еще не нашолъ. А когда сыщетъ, то пришлемъ. Прастите, милые, цалую ваши ручки и всемъ вамъ кланеюсъ, какъ собеседникамъ, такъ и саседемъ.

Пятница.

Хотела сiе печатать, Максимъ явилса. Еще благодарю васъ, милые, за приятное уведомленiе. Поздравляю васъ батюшка с прибылой кобылкой. Дай Боже, чтобы вы сами еiô выежжали. А зимой, матушка, здесь послужитъ, я чаю.

19.

14-го октября. Москва.

Здраствуйте, мои милые! Приятное ваше уведомленiе имела удовольствiе получить, за которое приношу мою покорную благодарность, а паче за приятное для меня ваше расположенiе быть суда. Домъ готовъ, целая половина для васъ; а ежели дети не поместятся с нами, то вверху есть комнаты еще. Люди же, ежели

20.

12 мая (1802—1805 гг.). Москва.

Поутру.

Здраствуйте, мои милые! Приятное писмо ваше сейчасъ имела удовольствіе получить, за которое цалую ваши ручки. Оно мне много удовольствія зделало. Также и детиныя писмы меня очень утешають. Они такъ приятно пишутъ, и сами мне столько милы и такъ ими радуюсъ, что изъяснить онаго не в состояніи. Вы пишите, матушка, что послали ко мне писмо графинина. Я его не получала; также и гравское не получала. Онъ пишитъ таперь к вамъ уже третей день. Не знаю что, а только сказалъ, что пишитъ. Что я думала его найтить сердитаго, я ему говорила, что я сего ожидала потому, что когда онъ винаватъ, то самъ же сердится. До сехъ поръ оченъ ласковъ и друженъ. Здоровье мое еще не совсемъ хорошо. Вчера приехали изъ Острова. Тамъ жили довольно бы весело, ежели бы погода не была такъ дурна. Но непрестанной дождь лилъ, и мы только гуляли на балконе.

Приступаетъ молодая, чтобы я ездила верьхомъ; и завтре иду въ манежъ, буду у нихъ *баесо* [1]). Сегодня графъ поехалъ в сабраніе дворянства; а завтре гулянье — Лукерьинъ день. Потомъ скоро поедимъ опять в Островъ, откуду надеюсъ ск(о)ро быть у васъ. О доме я еще ничего не знаю и не знаю, х кому отнестисъ. Я писала к вамъ, чтобы вы шорнику приказали побывать у меня, а я поеду его осмотреть. Но братъ говоритъ, что за ту цену, какъ к вамъ писали, дешево. Но ему меньше 9 тысячь не оддавали. То, пожалуйте, доставьте сего человека ко мне, дабы я могла оконьчить сіе дело. Денекъ вашихъ осталосъ, какъ сказывалъ братъ, 6 тысечь, с теми, которые и мне назначены. Но за деньгами остановки не будетъ. У брата будутъ на сихъ дняхъ. Его обстоятельствы домашнія очень плохи, и, по моему, кажется, что какъ поправить, такъ и привыкнуть трудно.

---

[1]) Въ подлинникѣ подчеркнуто. *А. К.*

кланеются и сказывали, что к вамъ писали и оддали писмо Федосьи П:. Бароньша ихъ вздурилась. Разругала еiо скатиной, а Марью mauveuse и хатела ихъ побить. Но Степанида еiо поддерживаетъ и они везутъ еiо в дальную деревню с собой. Я сему не могу надивится и видно, что сiе противу воли матери. Много в свете розныхъ дурачествъ делаится. Завтре едимъ на гулянье и я буду сидеть у графини Е: Ф:. А какъ сей день пройдетъ, васъ уведомлю. Графиня ко мне ласкова, и жаль, что мешаетъ ей быть такъ, какъ бы она быть должна. Но все вещи в своемъ порятке. Здоровье мое, слава Богу, лутче, хотя еще не совсемъ хорошо. Збираласъ писать к вамъ по французски, но мне сiе затруднительнее. То и спешу написать, какъ умею. Прастите, милые. Дай Боже вамъ свою милость. Пишите, пожаласта, побольше, и все все, что вы делаите и какъ проводите время. У папиньки и маминьки поцалуйте за меня ручки. Писма графинина я не получяла. Лаврушку буду ожидать по вашему уведомленiю. Наталье М: усердно кланеюсъ. Прастите. Спать очень хочется. Богъ с вами.

21.

(1802—1805 гг. Москва).

Здраствуйте, мои милые! Дай Боже, чтобы сiе васъ нашло в совершенномъ здоровье. О себе вамъ донесу, что я, слава Богу, здорова и время проводимъ изрядно. Збираемса ехать в деревню. Остались до воскресенья для именинъ Несвицкаго, где графъ обедалъ. На скачке было очень много. В галереи были только домашнiя, то есть, Г: Е: Ф:, Всеволоцкiе, и Фралова сама въехала, Репнинская и я. Графиня и Анна Н: ездили верхомъ. Графъ Иванъ Петровичь и К: А: М: Голицинъ были с нами. Графская лошать проиграла противу Масолова. Вотъ вамъ наши вести. Дома же у насъ все идiотъ хорошохонка и Богомъ исправно. Корова ваша, матушка, отелила сегодня бычка; за другую же даютъ только 17 ру. То прикажете ли оддать? А она, кажется, такъ стара, что корму не стоитъ. Я таперь замышляю купить подворье возле Тараса и торгую. Не знаю, куплю ли, только для коровъ. Покупка же ва-

съ графиней вместе будемъ ездить. Вчера полки выступали в лагерь. Я хотела ехать смотреть, но погода была дурна. Однако сказываютъ, много очень было. Больше сказать нечего. Прастите. Натальи М: усердно кланеюсь, также Марьи И: и всемъ вашимъ первымъ и придворнымъ прошу сказать мой паклонъ, какъ то: Арин. С:, Дмитрію и про: и про:. Банка куплена и перешлю с поваромъ.

22.

(1805 г. Мартъ).

Здраствуите, мои милые! Приятноя ваши два уведомленія имела удовольстіе получить, за которыя цалую ваши ручки. Также благодарю васъ, мая мать, что вы не послали писмо Василья Володимеровича [1]). Ежели оно было въ дурномъ расположеніи писано, оно бы мне зделало грусной нрафъ. А я в тотъ день и такъ была очень груспа. Притчина тому начало радошное. Намъ Бохъ даровалъ племянника, К: Володимера [2]), с чемъ васъ и поздравляю. Онъ пришелъ на светъ благополучно, но на другой день родильница была очень дурна, такъ что и доктора испугались. Таперьже, благодаря Бога, все хорошо. Она по своему положенію очень хороша и новорожденной здоровъ и крепокъ. И таперь в доме ихъ видно веселье, а первыя дни о робенки забывали, а были занеты очень родильницой. Журналъ я перервала оттого, что нечего была писать. Однако во всехъ дняхъ дамъ отчетъ. Серіожа уведомлялъ васъ в понедельникъ, о бале и консерти писалъ. Понедельникъ я просидела весь день очень груспа дома. Начну с пятницы. В пятницу была у соседей; играла в жмурки. В суботу пробыла весь день дома; была у меня Ольга И:; ввечеру получила известия въ 12 чесовъ ночи, что невеска родила. В воскресенье поехала к нимъ и нашла еіо очень дурну. Оттуда приехала на балъ, где было не-

---

[1]) Василій Владимировичъ Шереметевъ. *А. К.*

[2]) Князь Владимиръ Владимировичъ Львовъ, сынъ кн. В. С. Львова, родился 11-го марта 1805 г., умеръ 22-го марта 1856 г. *А. К.*

много. Невески обе графини Е: были и что то очень на церемоніяхъ с хозяевами; со мной же очень ласковы все. В понедельникъ я просидела дома. Во вторникъ хотела ехать на репетицію, но невесело было. Ольга И: приехала было ко мне, чтобы вместе ехать; однако я отказаласъ, а они ездили. И тотъ день обедали у графа. Она поднесла портретъ графу, довольно сходенъ, а не очень. В среду я также пробыла дома. Не подумайте, что отъ нездоровья сижу. Савсемъ нетъ; оттого, что мне покойно, и лошади возятъ лiодъ. Я же всякой день хожу на строенія и в оранжереи; после обеда сплю, а вечеръ пишу планы. Домъ мой весь к вашемъ услугамъ. И кабинетъ Василью Володимеровичю [1]) назначенъ. А себе я строю малинькой домикъ. Изъ жолтаго дома иначе нельзя какъ в малинькой. Поутру былъ у меня Каменской, у котораго служитъ топерь Парфенка. Приежжалъ просить, чтобъ я его еще оставила. Потомъ приехалъ батюшка. Онъ тотъ день кушалъ у графа. Потомъ приехала тiотушка Анна Никитишна [2]), вся в заботахъ, и говоритъ, что она только добиваится до малинькаго домика. Не оставила позавидовать мне, что я хорошо живу. Я не знаю, что ей понравиласъ? Но чему дивитса? Разныя вкусы у людей. Потомъ приехала сестра Прасковья с своей семьей; просидели до двухъ чесовъ. Ввечеру собраласъ было ехать к соседу. Тамъ были Алмазовы, Гагарины, Федосья Ефимовна з дочерми и сестра Прасковья, Жерепцовы. Я вообразила себе всю сію беседу; рассудила, что гораздо веселея мне просидеть дома. Приехали Коблуковы и решили меня. Они отужинали и поехали въ 12 чесовъ. Вчера я ездила на почту для принятія денекъ изъ Олатыря. Оттуда проехала обедать къ брату К: В: С: [3]). У него были Одоевскіе, Жерепцовы, Сухотина. Я просидела до вечера. Поутру приежжалъ Яковъ Павл: и сказалъ, что Машинька приехала. А после обеда приехалъ къ брату. Сказывалъ, что у нихъ былъ, что она здорова, кроме кашлю, и весела. Поехали обедать къ М: Ф: [4]). Порадовалса, услыша, что невеска родила, и подалъ было намъ надежду, что

---

[1]) Василій Владимировичъ Шереметевъ. *А. К.*
[2]) А. Н. Іевлева. *А. К.*
[3]) Князь Владимиръ Семеновичъ Львовъ. *А. Б*
[4]) Кн. Марія Францовна Львова. *А. К.*

онъ приехалъ умнея, нежели поехалъ. Но Серіо̂жа былъ тамъ ввечеру; нашолъ, что онъ все таков же и в том же расположеніи противу всехъ. Я непременно постараюсъ ихъ видить у графа. Ввечеру я была у графа. Отменно ласковъ. Почти все время сиделъ в жолтой, распрашивалъ очень об васъ и поручилъ вамъ очень кланится. Аранта вчера вывели изъ letargie, только неприятнымъ образомъ. Онъ игралъ в шашки; проигрывалъ; его Митка Карла сталъ дразнить; онъ рассердился; ему сказали, что любятъ, когда домашные веселы, а ежели ему сіе не нравится, то бы искалъ другой квартеры. Ето было после ужина, и мы с темъ разъехались, не зная, чемъ сіе кончится. Докторъ вчера прыгалъ антраша. Сегодня я збираюсъ ехать къ графинямъ обеимъ. Не знаю, соберус ли. Строеніе меня очень занимаитъ, хотя и дорого стоновится. Себе хочю построить домикъ, которымъ очень утешаюсъ в воображеніи. Радуюсъ, мая мать, что кисея вамъ понравиласъ. Мне показаласъ, по доброте еіо̂, недорога. А изъ нея выдитъ и Кати платье и Дуняши. Бумаги и кисеи купимъ, только с кемъ переслать? Таперь на почте, думаю, на будущей уже вамъ нельзя будитъ послать. А не худо бы была екранъ дастать. У брата камину в доме не будетъ, а у васъ в кабинети есть. Планъ я пришлю к вамъ обстоятельной о доме. Кажется, покоенъ. Топерь только хлапачю, чтобъ былъ тіопелъ. Милая Катинька, ты насъ своими писмами очень утешаишъ. Не думаеш ли ты, что у меня такъ слабо воображеніе, что я, читая ихъ, не точно тебя вижу. И тагда, когда ты пишишъ, в зеленой шали на одно плечіо̂, съеіо̂жиласъ и говоришъ: Пазвольте-съ, пазвольте! Ахъ, памилуйте; хто вы такавы? Мы васъ не знаемъ. Или, поднявши волосы дыбомъ, на высокихъ коблукахъ з длиннымъ лицомъ. Обезьянскія лицы иначе себе не представляишъ, какъ в разныхъ видахъ. Скажу только тебе то мая милая, что ты, какъ в присудствіи, такъ и в одсудствіи составляешъ мое утешеніе. И, стыдно сказать, а мое счастіе и спокойствіе много зависитъ от тебе. З братомъ твоимъ мы живемъ ладнехонько. Иногда я, пот сердитой правъ, круто делаю наставленія. В немъ не вижу нетерпенія и, кажется, принимаетъ в той цене. Большая ссора за медленность; теряетъ много время. Я сама етаго дела мастерица; то я думаю ета jalousie de metié.

Волосы стригутъ ныньча также, какъ и прошлаго года; никакой разницы в нарядахъ нетъ.—Наталье М:—что кашеліо̂къ Якову П: я оддала давно; что отъ А: А: еще записки о соломе не имею. Онъ все не очень здоровъ: у него жолчь. Я обещяла ему спрасить у папиньки, не помнит ли онъ, какой мне давалъ порошокъ отъ жолчи тотъ готъ, какъ Павелъ воцарилса. Я помню, что онъ мне очень помокъ. Стекло закажу зделать. Но какъ таперь вы достаните изъ Серпухова? Башмаки отошлю. Товаръ, ежели мой осталса у васъ, онъ долженъ быть у Сидоровне, все перчатки, то изволь взять. Я надеюсъ, что и мне бошмачки смастеришъ, хотя туфельки, со временемъ. Таперь набивай руку. Бумагу, мая мать, ноньче употребляютъ для шитья все сученую или глаткіе нитки. Гаданье ваше не совсемъ правда. Мы об деньгахъ давно слова не говоримъ. Я вчера только с Васильемъ Е: говорила, то есть, занела у него. Да с почтеннымъ подрятчикомъ всякой день речь сія бываитъ, потому что всякой день почти за ними приходетъ. Благодарю васъ, мая мать, о попеченіи вашемъ о печахъ. Спешить таперь не для чего. К приезду моему успеютъ сложить. Дай Богъ намъ векъ такъ доживать. Я здесь только и занимаюсъ как бы домъ покойнея и теплея для васъ зделать; а вы тамъ обо мне печетесъ. Здесь печниковъ еще не нанела. Не знаю, какъ выбрать понадіо̂жнея; а класть 10 печей. Ежели пападіо̂тся нехорошъ, то боюсъ, чтобы домъ не былъ холоденъ. Я желала бы, чтобы вашъ здесь былъ. Но, не знаю, умеит ли онъ делать печи с носаткой, такъ называются они, сказываютъ, теплея. Ежели же онъ и не умеетъ, то другие будутъ класть, то онъ лутче усмотритъ, хорошо ли работаютъ. Я ничего не смышлю, хотя всякой день смотрю. А приказать некому. То ежели вамъ можно, мои милые, его отпустить, хорошо бы было. Онъ и очягъ зделаитъ. И когда будетъ знать, что вамъ жить, то не будитъ сметь зделать нехорошо. За поведеніемъ же его будетъ смотреть Ф: В:. А здесь, что в оранжереи клали печи, дурны очень. Погода у насъ опять зимнея, что и остановило несколько работу печную, которыя пора уже класть. Больше сказать нечего. Пора на почту посылать. Цалую ваши ручки и прошу Бога, чтобы вы были здоровы, веселы и спокойны. Я хотя не раскаиваюсъ, что здесь для того что дела много, но

часто желею, что не у васъ. У васъ бы было веселея и покойнея и, следовательно, здоровея. Милую Катю цалую. Н: М: усердно кланеюсъ и цалую. Жени цалую и часто желала бы еiô иметь с собой. Томасъ еiô ведетъ себя добропорядочно и всякой день даiôтъ мне отчетъ, где бываитъ. Анна Е. [1]) переехала уже отъ Н: М:. Гороцкiя вести говорятъ, что Черевины разъехалисъ с мужемъ. Онъ уехалъ в деревню. Петръ И: Загряшкой также было растался ж женой, но опять помирилисъ. На долго ли будетъ? Марья И: и В: Ф: кланеюсъ. Одолжили бы, коли бы при случае прислали маслица. Мы у графа оставили себе половину. Сказали, что завалялосъ в сени отъ дурной дороги. Сидоровну [2]) цалую. Прастите, милыя. Цалую еще ваши ручки. Писмы мои такъ беспорядочны. Такая смесь, какъ проходятъ мысли. Анну Н: я здесь почти не видала; была у нея, но не застала дома. Жаль мне очень, что не могла ей зделать услугу деньгами. Вы можете, мая мать, ее уверить, что право охотно бы услужила, но сама таперь занимаю. Соседемъ вашимъ прошу сказать мой поклонъ. Ляховой, кажется, нетъ лутче; а князь уверяитъ, что вылечитъ. Онъ къ графу болея не ездитъ. И таперь поехалъ к матери, в деревню, на день рожденiя ея. Анна М: больна лихораткой; Аграфе А: также больна. Вчера призвали рускаго учителя Глаткаго учить Жерепцовыхъ писать и арифметики. За умъ берутся. Родные наши все здоровы. Елена В: [3]) примириласъ съ кпежной. Я ихъ давно не видала. Марья В: [4]) присылала вчера поздравлять брата и меня с новорожденнымъ. Настасья Т: ни разу при мне здесь не была. Дарья М: [5]) нездорова. Вотъ вамъ репортъ об родныхъ. Александръ В: [6]) былъ на бале в воскресенье.

---

[1]) Можетъ быть, это и *С.* Неразборчиво. *А. Б.*

[2]) Арина Сидоровна, нянька при дѣтяхъ Шереметевыхъ. *А. К.*

[3]) Елена Васильевна, ур. кн. Голицына, жена А. В. Шереметева. *А. К.*

[4]) Марiя Владимировна Шереметева, бывшая замужемъ за Вас. Вас. Исленьевымъ. *А. К.*

[5]) Дарiя Михайловна Исленьева, ур. Камынина. *А. К.*

[6]) Александръ Владимировичъ Шереметевъ. *А. К.*

23.

27-го мая. Москва.

Сейчасъ, бывъ в манеже, имела удовольствіе получить приятное ваше уведомленіе, мои милые, за которое цалую ваши ручки. Слава Богу, что вы здоровы. Желею сердечно о лошедяхъ. Вы пишите, моя мать, что я мало пишу. Право, все на ходу. Деньги Натальи М: заплачены давно. Новой родня, кажется, человѣкъ смирной и приятной. Я думала, что они уже у васъ были. Они збиралисъ к вамъ, но видно тіотушка не смогла. Они все вместе поехали. Петръ и еще здесь. О брате К: Д: писать право нечего было. Новаго ничего не было, а все старыя обстоятельства, которыя его выводили ис терпенія. Таперь, кажется, поладили. Не знаю, на долго ли. Я с нею с приезду виделасъ не часто. А по приезде братниномъ довольно часто. Со мной очень хорошо, и во многомъ она права в неудовольствияхъ своихъ, а во многомъ виновата. Все сіе лутче пересказать можно, нежели описать. Только сказать можно, что таперь они, кажется, хорошо между собой.

Милая Катишъ, благодарю очень за приятное писмо, также и за писанное к Вольтеру. Много правды сказано и многое по предсказанію на щетъ женской збылосъ. Я его дамъ читать молодой Г:, а братъ Валодя взялъ его перевести. Скажи, милая, маминьки, что Арини Я: писмо меня очень утешило, что она пишитъ о Серіоѣжи. Дай Боже, чтобы онъ всегда себя такъ віолъ и писмо занело меня более смысломъ онаго, нежели слогомъ. Прости, милая. Цалую тебя и сестру. Папиньки скажи, что писмъ нетъ нужды присылать, которые на мое имя были до моего приезду, которой, надеюсъ, не замешкаится, ежели погода хороша.

24.

21-го іюля. Москва.

Здраствуй, батюшка — братецъ! Поздравляю тебя съ прошедшемъ днемъ ангела. Мы пили твое здоровье. Я желала очень етотъ день быть с вами, но графиня занемогла рожей и до сехъ поръ изъ горницы не выходитъ; то нельзя было ее оставить. А таперь уже осталасъ до ее именинъ, после чего съежжу, можетъ быть, къ Г. Е: Ф:, а потомъ приеду в Лаптево. Булапенькую лошадку кланеюсъ имениннику. Желаю, чтобы она хорошо побежала. О конюшне, батюшка, я писала, чтобы зделать двойной накатъ и чтобы в ростъ человѣка было растояніе. Ето я сказала. Пустое много место пропадіо̂тъ, а только чтобы проходилъ ветеръ и зделать окошички, чтобы снаружи можно было открывать и закрывать. Чтобы сено не слежалосъ и чтобы круху можно было збирать. Мы живемъ, слава Богу, довольно нескушно, все в согласіи. Я вчера ездила верхомъ на Воробьевы горы одна. У тетушки была одипъ расъ. Купчея ея кончена, чему я очень рада. Праси, пожалуй, у Ерославова, когда онъ возметъ купчею на свово человека, и положенъ ли онъ у него в подушной окладъ, котораго онъ купилъ у Павла И:. Поклонисъ имъ всемъ отъ меня и поздравь съ именинницай, также брата и невеску со днемъ ангела. Мне очень жаль, что не удалосъ такъ зделать, какъ желалосъ, чтобы ети дни быть с вами. Прасти, батюшка. Дай Боже тебе свою милость. Отошли, пожаласта, к батюшки ржи вазы, хотя фунта два, по почте, или более, ежели можно. Здесь ее нетъ, а батюшка желаетъ ее иметь для пробы. То, пожаласта, не забудь, отошли к Шереметевымъ; а они, чрезъ Серпуховъ, на почте перешлютъ. Прасти. Бохъ с тобою. Дай Боже тебе добрае здоровье, и чтобы тебе нескушно было в деревни. Прости. Лаврушке с Натальевной кланеюсъ.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою-же рукою: *„Брату Князь Володимеру Семеновичю, где обретаится“*.

скаго благословенія. Наташка и Лаврушка здоровы. Прошу о семъ сказать ихъ роднымъ.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано тою-же рукою: „В селе Хотавкахъ. В: В: Ш:.“

26.

Покорнейше благодарю, моя мать, что вы прислали об насъ узнать и о себе дали знать также и за рецептъ. За все сіе цалую ваши ручки з благодарностію и донесу вамъ, что мы, благодаря Бога, доехали благополучно. По приѣзде вести были неприятны. Тiôлка еще занемогла, а вчера и пала. Та, которая от васъ, еще жива, но не лутчеетъ. Каровы все здоровы и надеюсъ ихъ сохранить, потому что у меня скотина стережется порознь. А таперь из деревни еiô вывели и зделали загородь в лесу, вверху, по речки. Тiôлакъ же оставили на дворе и они определены на смерть. Из нихъ уже и не стараюсъ отделять. Вчера была в безпокойствіи оттого, что не знали, куда свесть падаль. И показалисъ еще 4 телiôнка задумчевы; но ныньче опять едятъ кормъ. Большую надежду полагаю на воспу. Коровы стали наедатся и молока прибавляютъ. Вотъ вамъ наши вести. Овесъ едва ли самъ друкъ придетъ. Словомъ сказать, готъ самой дурной. Но на будущей уже ожидаю изобілія. Без насъ одделали у насъ колодезь, очень хорошъ, и мы вчера тамъ умывалисъ. Сегодня погода очень хороша, и другой колодезь начинаемъ обделавать. Ехать отсуда, думаю, завтре. Цалую ваши ручки и милыхъ детей. Дай Боже вамъ свою милость. Серiôжины писмы очень милы; пишитъ хорошо и всего лутче то, что на него очень похожи. Видна, что онъ такъ чювствуетъ, а не сочиняетъ. Дай Боже, чтобъ онъ намъ всегда такъ во утешеніе былъ. Прастите, мая милая. Цалую паки ваши ручки. Ис Хатуне никакого известия нетъ; видно, дурная погода задержала.

Милыя мои, Катинька и Машинька [1]), васъ цалую и обнимаю дружески. А вы поцалуйте обе ручки за меня у родителей. А об

---

[1]) Дѣти Василія Владимировича Шереметева. *А. К.*

насъ узнаете из вышеписаннаго. Наталья М: усердно кланеюсъ и цалую; также Марье П: и В: Ф: скажите мой поклонъ. Прастите, милые. Богъ с вами. Любите любящею васъ дружески.

Здѣсь кончается письмо Марьи Семеновны. Далѣе идетъ приписка рукою кн. В. С. Львова:

И я вамъ, Милостивые Государи, свидѣтельствую покорнѣйшее почтеніе и цалую ручки, благодаря за присланіе Сергѣя Василіевича письма. Видно, что онъ старается себя показать; а ето самое, безъ сомненія, сдѣлаетъ не малую пользу, произведя въ немъ болѣе раченія къ наукамъ. Отвѣчать ему буду послѣ. Степныя наши пишутъ ко мнѣ, чтобы я вамъ принесъ ихъ благодарность за угощеніе и подчиваніе. Они здоровы и чаютъ, что рожь пришла сама десята. На 87 десятинахъ тритцатныхъ 1605 копенъ и умолотъ хорошъ. У насъ до сихъ поръ коровы еще держатся, слава Богу; а страха много. Новостей нѣтъ никакихъ. Съ Суковскими я еще не видался; а завтра у нихъ буду, проводя сестрицу. Донести больше нечего. Забылъ спросить у васъ, матушка, послали ли къ батюшкѣ рожь Шведскую? Цалую ручки ваши и съ совершеннымъ почтеніемъ семь навѣки вашъ вѣрнѣйшій и покорнѣйшій братъ и слуга

Князь Владиміръ Львовъ.

Miss Katy и Miss Moly цалую ручки и желаю быть здоровымъ. А мы, слава Богу. А сказать нечего. Завтра поеду въ гости въ Суково и тамъ людей увижу.

Письмо было сложено конвертомъ и надписано рукою князя В. С. Львова:

„Ея Высокоблагородію Милостивой Государынѣ Сестрицѣ Аннѣ Семеновнѣ Шереметевой. Въ селѣ Хатавкахъ“.

Сохранилась красносюргучная печать съ гербомъ князей Львовыхъ.

27.

Еще рано помышлять, а ноиса уже перестають насить. Что же мне тмбрцы оудуть месецы, то нетъ сумненія, только хочетца очень, чтобы вы уже приехали на место, то есть, либо домъ, либо де-

ревню купя. Домъ было я хотела купить очень охотно, только в цене ошиблась: сказали 20 тысечь, вместо того 35. Другой домъ, сказываютъ, такой же цены, говорятъ, что сталъ въ 50. Только доходу с него гроша нетъ. О деревни же Шмитовой Н: М:, думаю, не ошibаетца, только тутъ знать можно доходъ. А матушка чрезвычайно радуетца, и я также желаю очень к вамъ в саседство. Продаю свою деревню и прасила, чтобы мне поискать возле Калуги, чему батюшка, видно, очень радъ; а матушка ничего не пишитъ. Расветала. Пора перестать писать.

28 ввечеру.

Севодни поутру писать не могла. Была нездорова и для того рано встать не могла. Севодни у меня обедалъ братъ и невеска и дивились моей работе по канве. Подленно, что смело могу сказать, что хорошо. И подало желаніе невеске зачать шить; только сумневаюсь, чтобы в семъ успела, потому что не без трудности было и мне добиватца, и терпенія много было. Зачела сіе для перемены портрету, которой мне уже пригледелса. А много не дошито, и шитьiô много отводитъ отъ рисовки.

Графъ и графиня, славу Богу, здоровы и веселы, и вамъ велели отписать свое почтеніе. Также графъ Ф: Г:, Т: Ф: и вся семья графа В: Г: Орлова, которые о васъ часто спрашиваютъ. Захара Аникеевича я давно не видала и не могла исполнить вашего приказанія. Бидерша у меня третьяго дня обедала; я за ней посылала и привозила мадамъ Агличинку, которая, думаю, будетъ жить у меня для обученія графиню сему языку, а мне для канпаніи. Хотя для меня совсемъ она не нужна, но я сіе графу предложила, что неловко двухъ медведей в одну берлогу посадить. Она же хорошо говоритъ и по-французски. Больше сказать вамъ, мои милыя, нечево. Кажетца, довольно написала, не скучте читать. Севодни у меня была Режоли, но товаровъ такъ мало, что нечево купить. Посылаю писмо отъ Гранжере. Мне очень жаль, что я еiô не видала. Она приежжала ко мне въ Екатерининъ день, да не застала дома. Простите, мои милыя. Дай Боже, чтобы сіе нашло васъ в совершенномъ здоровье и спокойстве. О соседки вашей, матушка, еще не спрашивала для того, что не видалась с теми. Графиня Е: Ф: еще въ подмосковной. Простите. Цалую ваши ручки.

Дай Боже вамъ свою милость и покойной ночи. А мне спать хочетца. Детей милыхъ цалую.

Матушка Наталья М:, здраствуй, моя душа! Благодарю за писмо. Писать больше нечева. Все увидишъ изъ вышеписаннаго. Только скажу тебе, что я нажила обновку: очки, в которыхъ работаю, и читаю, и пишу. Прасти, моя душа. Спать хочетца.

Отъ Володюшки, моя мать, я всякою потчи почту получаю писма. И онъ ко мне пишитъ, что к вамъ часто пишитъ. Цалую еще милыя ваши ручки. Прошу Бога, чтобы вы были здоровы и спокойны, и ко мне милостивы, и дружны. Сестра Параша продала свой домъ К: Тат: И: Гагариной [1]) за 12000, а сама купила бывшей П: А: домъ, в которомъ я жила за 1000. Только я еіô не хвалю. Кажетца, променъ невыгоденъ. Я думала, она по дружбе с Ланской выгоднее купитъ.

28.

Поздравляю васъ, мои милые, с прошедшимъ празникомъ, то есть 18 сего месеца, и с наступающимъ 24. Дай Боже вамъ свою милость и доброе здоровье. Посылаю осетра и десеть фунтовъ свежей икры. Хозяенъ далъ. Велелъ отослать пополамъ, к вамъ и к батюшке. Я затемъ все послала к вамъ, что батюшка збирантся быть у васъ. Ежели же нетъ, то прошу переслать черезъ Серпухофъ. Писмо ваше вчера, мои милые, получила и о немъ хозяену сказывала. Мы с нимъ одинакаго встретилисъ мыслеми, что лутче Серіôжу оставить на годъ еще в Питере. Такъ какъ ему надо служить, то лутче не пресекать дороги. Онъ же, благодаря Бога, такъ себя ведетъ, что радошно слышить. А здесь будетъ болея в празности, да и учителей най(ти)ть нельзя. А ежели и сыщите, то дороже платить должно. Однимъ словомъ, мне и графу кажется, что одинъ годъ вамъ большей растройки не зделаитъ, а ему принести можетъ большую пользу. Хотя и жаль очень,

---

[1]) Княгиня Татьяна Ивановна Гагарина, ур. Плещеева. *А. К.*

что мы его давно не видимъ, но, благодарить Бога, что все приятное слишимъ.

Вы пишите, моя мать, что вы удивились, что я поехала к графини. Я давно дала ей слово, но летомъ не удалосъ, а ноньче она нездорова и приказывала мне напомнить мое обещянье. Я и поехала. Только 6 чесовъ езды. Она же всю зиму проживетъ тамъ. Хозяенъ васъ очень ждетъ и часто говоритъ, что онъ очень бы утешился, ежели бы вы приехали. Я ему говорила, что ему стоитъ только сказать самому; на что онъ отвечалъ: „Я уверинъ, что Вася для меня все зделаитъ, ежели бы его и растроивало и беспокойно было. Но мне не должно сего употреблять во зло; а онъ долженъ быть уверинъ, что мне ихъ присудствіе очень приятно“. Домъ же к принятію васъ готовъ, то есть, тіопилъ, но не меблированъ. Графъ збиралса самъ быть у васъ, но таперь опять остановилса. Я же хотела на сихъ дняхъ ехать, но морозъ былъ 22 градуса и таперь 10, при ветре. А в среду звана на балъ у Галициной. Я еіѳ от васъ благодарила за зовъ васъ; она очень сожалеитъ, что вы не будите.

Мы таперь снарежаимса. Шью платье белое атласное и сверхъ тюникъ кисейной. Мне такая лень выежжать, что ни вонъ из двора. Таперь все начяли работать, шьемъ по канве. — Отправляю, мои милые, Яшку, которому по вексельнымъ деламъ здесь делать нечего, а о другихъ вы ко мне ничего не пишите, то я и думала, что лутче его отправить, такъ какъ целой день я его не вижу, то и боюсъ, чтобы не испортилса здесь. Однако онъ здесь игрывалъ в олкестре. Посылаю Пимина сваво к жене. Ему сказали, что она больна и онъ очень грустилъ. Болезнь же его заставляитъ меня с нимъ нежно обращятся. С нимъ часто очень опая бываитъ. Когда же его жена будетъ здорова, то прошу ихъ, мои милыя, переслать в Лаптево для доставленія суды. Я еіѳ хочю на новомъ дворе поселить для прачешной; и еще несколько женщинъ будутъ для коровъ. Но сіе еще не к спеху. Пока здесь Лаврушки ж женой нетъ, то ничего затевать нельзя. Посылаю терпентинту фунтъ и канфоры полъфунта. Я не отыскала того писма, в которомъ вы, мая мать, о семъ писали, и не знаю, ту ли пропорцію купила. А ежели и больше, то сіи вещи в доме всегда надобно.

шлаго году было; только, кажется, хуже. Все почти в белыхъ платьяхъ. И такъ дешевъ перкаль: самой тонъкои 10 ру. штучка. Матеріи шелковыя есть очень хороши, по 2 ру. аршинъ. Много носятъ розныхъ бакромачикъ, пуговокъ и тому подобнаго. И рукава шитые и вязаные, на подобіе филоша. Однимъ словомъ, все по прошлогоднему. У насъ же одеваются просто и, кто суда ездитъ, также не нарежаются. В воскресенье здесь обедало около 40 человекъ, в томъ числе Окуловъ Сергей Г:, котораго я и не узнала; из дамъ: Свиньины, Репнинская с Вяткіной, Тургенева, и играли в карты; а в вечеру приехали Сокоревы и княжны Хованскія, и ужинали. Все играли на клавикордахъ, пели и потомъ в фанты играли. Сегодня мы каталисъ в саняхъ съ графиней и заежжали к князь Д: С:, но ихъ не застали; они у князя Несвицкаго. Завтре звалъ Свиньинъ обедать моихъ соседей. Я думаю, щитаитъ, что и я поеду, потому что графъ самъ назначилъ день; но я не поеду. Новаго только, что получила отъ Ивана С: Третьякова писмо. Онъ остается в службе еще на два года и женится на дворянке. Беретъ за ней 35 душъ. И поручилъ мне покупать ей наряды, разумеется на мои деньги, что я завтре и буду исполнять; а не исполнила затемъ, что была не очень здорова. И прошедьшую почту затемъ мало писала, что всю ночь была нездорова, не спала. Таперь, славу Богу, здорова. Еще новость, что у графа А: И: Пушкина [1]) в деревни, въ городе Устюге, вырали кости неизвеснаго зверя (на берегу реки Мологи) необычайной велечины: длиною 1 ар. 12 вер., толщина во лбу 1 ар.; лобъ 11 вер:, у нозрей хрящь окаменелъ; длина нозрей 15 вер.; внутри оныхъ 4 вер.; зубы 6 вер., ширина ихъ 2 вер.; ноги длиною 1 ар. 5 вер., толщина 1 ар. 3 вер.; рогъ 3 ар. 8 вер.; толщина вокругъ 11 вер. Ежели поставить на ноги и вообразить туловище, то, конечно, должно быть животное выше 7 ар:. Государь Им: по поднесенію изволилъ чрезъ Г: Романовича Дер(жавина) пожаловать графу перстень, а найденныя кости велено отослать къ министру просвещенія. Больше сказать нечего. Вотъ вамъ все наши вести. Еще то, что

---

[1]) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный любитель наукъ и искусствъ. Владѣлецъ Моложскаго села Иломны. *А. К.*

только к тому врѣмене до тѣбя дойдетъ. Не знаю, будеш ли ты имѣть утѣшеніе видить маминьку (и) своихъ родныхъ в ѣвтотъ дѣнь. Кажется, что неуповательно, что̀ и для нихъ очень прискорбно. Мѣня привѣзли суда почти силою. Приехала Екатерина В: съ сестрой [1]) и всѣ еіо дѣти; настоятельно хотели, чтобы я с ними ехала. И вотъ ужѣ двѣ недѣли, какъ я здѣсь. Не знаю, когда возвращюсъ в свою пустынь, из которой не думала никогда выежжать по недостатку силъ, что̀ и лишило мѣня удовольствія видить твоего брата и нѣвѣску, чего мнѣ очень жаль. Прошу имъ сіе объявить, съ жѣланіемъ отъ всѣго моего сердца вамъ всѣхъ благъ отъ Господа, котораго очепь ежѣднѣвно молю и чтобы в апрѣлѣ получить мнѣ радосное извѣстіе о прибытіи на свѣтъ Г: N: Д: Шер: [2]), съ благословѣніемъ Божіемъ, на радость родителѣмъ, в чемъ не сумнѣваюсъ по молитвѣ многихъ людей. Здѣсь множество молѣбновъ о семъ отъ подчиненныхъ вашихъ, что мѣня очень радуитъ и утвѣрждаитъ в надеждѣ. Прасти, милая. От всѣго моего сердца обнимаю тѣбя. Графу ниско кланеюсъ. Не знаю, вѣлит ли Богъ намъ с нимъ познакомится. Прастите. Хрістосъ с вами.

---

[1]) Екатерина Васильевна Шереметева и Марія Васильевна Булыгина. *А. К.*

[2]) У графа Д. Н. Шереметева родился въ 1839 г. сынъ Николай, который въ 1843 г. скончался. *А. К.*

VIII.

СМѢСЬ.

1.

Отъ „Лыски" и А. А. Чесменскаго — Неизвѣстно кому.

Дрезденъ $\frac{\text{30-го іюля}}{\text{10-го августа}}$ 1793 г.

Наконецъ прибыли мы въ Казколъ (?) вчерасъ, вечеру, въ 10 чесовъ, не безъ труда и скуки. Какъ бока, такъ и голову натолкало. Первое—отъ горъ, другое—отъ горь, разсуждая о тленности человека. Спали мы до девети чесовъ. Позавтрекали, потомъ нообедали. После обеда былъ у насъ Мят: съ Цуркой [1]), и хоть по наружности и спокоенъ, но видно что ево участь ево гнетнотъ. Батка нашъ прогулялъса на дрогахъ, а мы съ Бишей походили. Въ 7 чесовъ онъ заснулъ. Биша и я были на мосту, а пришодши, зачелъ я к вамъ писать. Думаю, что здесь недолго побудемъ и теплыя отъ холодныхъ забудемъ. Признаюсь, я не охотникъ купатьса, а темъ болше, что говорятъ, никово тамъ нету. Баку не видали. Говорятъ, что трава съ болшими листами, при дороге растущея, отъ тово пересаживаетьса въ болшой садъ при смородиновке, что еио видели съ плодомъ, а не для того, чтобъ въ маленкомъ саду, которой недалеко отъ Острова, где Василей садовникъ, место тесно. Она же теперичe не сохнетъ, а въ самомъ соку. Не могу вамъ ничево сказать объ маленкой собачке Биби. Я ено не видалъ, а сколко слышелъ, то шерстиста. Жоржъ у насъ уже свое дело зделалъ, по обыкновенію. Говорятъ все, что графиня выросла [2]). На севоднешной день я не знаю, что писать новое. Етимъ не отделалиса и пока почта не отойдетъ, то я писать не перестану. Завтре очередь Французскаго языка.

[1]) А. Н. Піотровская, во второмъ бракѣ за А. А. Чесменскимъ. *А. К.*

[2]) Графиня А. А. Орлова-Чесменская, род. 2-го мая 1783 г. *А. К.*

Un moment de liberté avant le diner me tire involontairement à la table sur laquelle est cette lettre. C'est dimanche les orgues de l'église ronflent et les courtisant s'acheminent sur la pointe des pieu chaupeau bas vers la cour: nous comme les rocher inébranlables au fort de la plus grande tempète sommes à l'abris dans notre maison: un long bailement suit à un long silence et le résultat du tout est que tout vas de travers. Anfin que faire accomodons nous et aprenons à vivre dans la place ou nous sommes placé, sans cela point de salut, point de grâce. Quoique mes pancée, soyent philosophique, néanmoins j'ai grand appetit, vous diré peut être a quoi bon? En serays je plus heureux? Mais je suis d'une masse trop terrestre pour me metre au dessus d'un prejugé, qui est aussi ancien que le monde et voilà pourquoi je me decide chaque jour de plus en plus de jouir de tous les agrément permis à des creature subordonne aussi chetive que moi et ne pas attandre que tout le monde le fasse de preférance puisque il peut arriver et il arrive tout les jours qu'une trop grande complaisance vous met dans le cas de ressambler au chiens qui sont sous la table à qui après que l'ou a bien bafre ne resoivent que les os. Et cela si on les leurs veut bien donner — Je vays diner peut être aurays je meillieure humeur après une opération aussi commune aussi peux philosophique je peux dire aussi triviale que de manger. NB. Il ne faut pas prendre cela au pieu de la lettre il y a beaucaup d'operation qui peuvent être compté sous la meme rubrique. Voilà que j'ai diné après cela ma femme et moi nous avons eté ches les Bakounin: ils vous font mille compliment après la soirée c'est passée à la maison. Cet à mon reveil que j'ai repris la plume ainsi je n'ay pas grand chose à vous dire. Dans les gazettes russes d'hier il est dit que le prince Lapouchin [1] est à sa demande congedié et qu'à sa place seras le général procureur Alexandre Beckleschoff [2]. Voilà tout ce qui peut être digne de vous

---

[1] Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, Ярославскій и Вологодскій генералъ-губернаторъ, впослѣдствіи министръ юстиціи, председатель Государственнаго Совѣта. *А. Б.*

[2] Александръ Андреевичъ Беклешовъ, генералъ-прокуроръ, впослѣдствіи главнокомандующій въ Москвѣ. *А. К.*

être rapporté. J'espére que les bains vous font du bien. Ayé la grâce de nous mander comment se porte baron Taube? Grosset nous ecrit que certainement il n'a que peux de jours à vivre—selons les arangement que nous avons pris nous partirons d'ici à peux prés le vint nouvaux stile et cela seras pour plus que deux semaines ainsi nous pourrons être de retour le dix du mois de 7-bre mais comme vous saves il n'y a rien de sûr que la mort. Et ce qui pourroit arriver je vous le ferais savoir, au plus tot. Hier a diné ches le Eh: Mezé, qui m'a dit qu'il vous avoit retenu un quartier avec Lansimau. Dans toute la ville il n'y en a plus à avoir que la moitié du premier et le second étage de notre maison—Je vous ai etalé tout mon savoir—Je me recommande à la prolongation de vos bonté et de votre amitié et j'ai l'honneur d'être avec la plus profonde estime votre très devoué et obeissant

Serviteur Лыска.

Приписка рукою А. Н. Чесменской:

Je vous rends bien des grâces, mon aimable amie, pour votre souvenir. Mon mari a eu la maladresse de vous tout raconter, pour cette fois il ne me reste que de vous resterer (?) les assurances de ma tendre amitié, la poste prochaine je m'en parerai de l'écritoire le plutôt possible. Adieu. Toute à vous

Chesme.

2.

Князь С. С. Львовъ—В. В. Шереметеву.

14-го августа 1802 г. Кожухово.

Любезный другъ Василѣй Володимеровичь! Я. слава Богу, здаровъ, чево і вамъ, маимъ любезнымъ друзьямъ, сердечно желаю. Упражнение мое таперь в уборке хлеба, а посевъ ржи начель 8 ч(исла), а 12 коньчилъ. І первого посеву уже веходить. Начато у меня ржи 956 конепъ со 85 десетинъ. По умолоту без малого пришла сама 6. Овесъ зачели косить вчерашней день. Верномъ плоше прошлогодного і соломой ниже. Однако же, благода-

3.

Проектъ или отпускъ письма Маріи Семеновны Бахметевой къ Преосвященному Евгенію.

Ваше Высокопреосвященство Милостивой Государь и Отецъ Евгеній!

Противу воли моей такъ долго умѣдлила благодарить васъ за милостивое уведомленіе: была больна, потомъ Екатерина В: [1]) насъ потревожила своей болезнью и я всіô жила в Михайловскомъ. В таковыхъ обстоятельствахъ не имѣла силъ принятся за перо. Таперь, по милосердію Божескому, начинаемъ отдыхать, хотя Екатерина еще не совсемъ здорова, но, кажется, есть надежда, что останится еще на время с нами.

С прошедшими празниками и с наступившимъ Новымъ Годомъ имѣю честь васъ поздравить.

Ваше Высокопреосвященство изволите извещять мѣня о полученіи книгъ переводныхъ. Не полагая сіе случайнымъ (они для васъ конечно быть могутъ на пользу), и я сердечно рада, что присылка оныхъ васъ утешила. Для васъ они конечно быть могутъ на пользу, или, по крайне мѣре, безвредны, потому что вы с молодыхъ летъ начели очищять умъ и сердце. А мнѣ, по закоснелости моей и по малому смиренію, нельзя сметь ихъ читать, что я собою испытала. Сильно воспаляетъ воображеніе, что опасно для неочищеннаго сердца. Уверишса, что любишъ Бога, не имѣя сердца достойнаго Его любить, когда еще долго надо молитса с мытаремъ. Не бывъ еще доброй рабой, вообразишъ, что годишса в дочки. Не знаю, какъ вы сіе сужденіе мое принять изволите, но я по надеяніи моему на васъ, открываю свое мнѣніе и чювствы безъ остановки.

Я спрашивала у васъ, Милостивой Государь, одинъ расъ о человеке, о которомъ вы мнѣ сказали, что не видали и видить не жѣлаите, что вы до таковыхъ людей не охотники. Я видила и слышила, и ежѣли не будетъ какой перемены свыше, то болея видить не жѣлаю.

[1]) Е. В. Шереметева. *А. К.*

Окончивая сие, прося вашего Высокопреосвященства не оставить мѣня вашими молитвами.

Не сочтите за дерзновеніе, Милостивой Государь, мою прозбу, но за уверенность в готовности вашей делать одолженіе.—Я таперь занимаюсъ земледеліемъ и вообще деревенскимъ хозяйствомъ. (Хотя не к летамъ), но почитаю обязанностію устроить людей своихъ, поселя ихъ и себя на новой земле, где никто еще не жилъ. Нужны мнѣ семена льну, а какъ лутчія идутъ изъ вашей губерніи, то, ежѣли вамъ не затруднительно, доставить мнѣ хотя одинъ четверикъ для заведенія. С вашимъ благословеніемъ надеюсъ, что умножатся будетъ.

Указъ объ отставкѣ В. С. Шереметева.

По Указу Его Величества Государя Императора Николая Павловича, Самодержца Всероссійскаго и прочая, и прочая и прочая.

Предъявитель сего, Полковникъ Василій Сергѣевъ сынъ *Шереметевъ*, какъ значится по формулярному о службѣ его списку отъ роду имѣетъ 33 года, вѣроисповѣданія православнаго, изъ дворянъ, за родителями его состоитъ въ губерніяхъ: Московской, Тверской и Владимірской 2000 душъ крестьянъ и за женою его родоваго въ Тульской губерніи 1200 душъ крестьянъ; въ службу вступилъ Унтеръ-Офицеромъ въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ 1829 Февраля 11, переименованъ въ Юнкера того же года Февраля 18. Произведенъ: въ Корнеты тысяча восемъ сотъ тридцатаго года Іюля перваго дня, имѣя отъ роду девятнадцать лѣтъ, въ Поручики 1832 Апрѣля 10, назначенъ ко мнѣ Адъютантомъ 1835 Декабря 6, произведенъ въ Штабсъ-Ротмистры 1836 Апрѣля 21, въ Ротмистры 1839 Апрѣля 21, съ оставленіемъ при прежней должности. Былъ въ походахъ: 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ и Марта 5 дня, переправясь у г. Ковно чрезъ р. Неманъ, въ Царство Польское, гдѣ находился на безсмѣнныхъ ординарцахъ при Мнѣ, по званію Командира бывшаго Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, во все время похода и былъ

Мая 7 и 8 во время отступленія Гвардейскаго Корпуса отъ мѣст. Снядова чрезъ м. Тыкочинъ за рѣку Наревъ, 9 Мая въ дѣйствительномъ сраженіи подъ Жолтками, а потомъ при преслѣдованіи мятежниковъ къ Остроленкѣ, 13 Мая при стычкѣ подъ Старымъ Якацемъ, что близь Пыски, и 14 подъ г. Остроленкою и при завладѣніи мостами чрезъ р. Наревъ и разбитіи мятежниковъ на правомъ берегу сей рѣки, за что награжденъ Орденомъ Св. Анны 4 степ. съ надписью за храбрость, 7 Іюля переправился чрезъ р. Вислу, Августа 25 и 26 въ генеральномъ сраженіи и взятіи приступомъ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и Городоваго вала, за что награжденъ Орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ, 27 при покореніи г. Варшавы и вступленія въ оный съ 13 по 24 Сентября при преслѣдованіи остатковъ польской арміи чрезъ Гуро, Раціонзъ и Безунъ до Прусской границы и вогнаніи оной 23 Сентября въ Прусскія предѣлы, а по окончаніи кампаніи обратно въ Россійскіе границы. Раненъ и въ плѣну не былъ. Сверхъ настоящей обязанности, особыхъ порученій по Высочайшему повелѣнію и отъ своего начальства не имѣлъ. За отлично усердную и ревностную службу Всемилостивѣйше награжденъ: 1839 года въ 8 день Сентября Орденомъ Св. Владиміра 4 степ. и 1842 въ 6 день Декабря орденомъ Св. Станислава 2-й степени; имѣетъ серебренную медаль за взятіе приступомъ г. Варшавы 25 и 26 Августа 1831 года и польскій знакъ отличія за военныя достоинства 4-й степени и Иностранные Ордена: Сардинскаго Маврикія и Лазаря и Баденскаго Церингенскаго Льва 3-й степени; за смотры, парады, маневры и ученья удостоился въ числѣ прочихъ получить Монаршее благоволеніе, объявленное Высочайшими приказами: 1830 Сентября 4, 5; 1833 Февраля 22, Мая 10, Іюля 3; 1834 Января 27, Мая 11, Іюля 3, 14, 16, 18, 23, 30, Августа 30, Сентября 4; 1835 Апрѣля 12, Мая 29, Іюня 4, 6, 7, 8, 17, Іюля 4, 5; 1836 Мая 2, Іюня 16, Іюля 14, 15, 23, 29; 1838 Апрѣля 23, Іюня 11, Декабря 20; 1839 Мая 9, Іюня 14, 23, Іюля 15, 27, Августа 4, 7; 1840 Мая 4; 1841 Апрѣля 29, Іюня 17, 27, Іюля 2 за исправленіе должности Плацъ - Адъютанта въ г. Петергофѣ 9, 24, 25, Августа 27; 1842 Января 9, 22, Мая 6, Іюня 16, 27, 28, Іюля 16, 17,

Августа 2, 6, Декабря 31; 1843 Мая 4, 5, 7, 8, 11, 12, 15, и 1844 Января 8, Февраля 23 и Декабря 23; Всемилостивѣйшихъ рескриптовъ и похвальныхъ листовъ отъ своего начальства не получалъ. Знаетъ языки: русскій, французскій и нѣмецкій, математику, исторію, географію, фортификацію, артиллерію, военный слогъ, военное судопроизводство, военную топографію и Законъ Божій. Былъ въ отпуску: 1831 съ 3 Ноября на четыре мѣсяца; 1833 съ 8 Іюля на четыре мѣсяца; 1835 съ 19 Іюля на шесть мѣсяцовъ; 1838 съ 11 Сентября на два мѣсяца; 1840 съ 7 Мая на шесть мѣсяцевъ; 1843 съ 22 Мая на пять мѣсяцевъ; 1844 съ 3 Мая по 15 Октября, и на срокъ являлся, и 1845 съ 13 Апрѣля на десять мѣсяцовъ съ отсрочкою таковаго еще на восемь мѣсяцовъ, въ коемъ находился по день увольненія отъ службы по 17 Ноября 1846 года.—Въ штрафахъ по суду и безъ суда не бывалъ. Высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ не подвергался. Женатъ на дочери Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника князя Голицына, дѣвицѣ княжнѣ Варварѣ Павловой. Состоялъ при Мнѣ Адъютантомъ, а находился въ отпуску съ 13 Апрѣля 1845 года по день увольненія отъ службы. Къ повышенію чинамъ аттестовался достойнымъ. По выборамъ дворянства не служилъ. Отчеты по должности представлялъ въ срокъ. Жалобамъ не подвергался. Слабымъ за отправленіи обязанностей службы замѣченъ не былъ. Безпорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ. Оглашаемъ и изобличаемъ въ неприличномъ поведеніи не былъ. А прошлаго 1846 года, Высочайшимъ Его Императорскаго Величества приказомъ въ 17-й день Ноября отданнымъ, уволенъ отъ службы за болѣзнію, Полковникомъ и съ мундиромъ. Во свидѣтельство чего, по Высочайше предоставленному Мнѣ уполномочію, данъ ему Полковнику *Шереметеву* сей указъ за подписомъ Моимъ и съ приложеніемъ Герба Моего печати. Въ С.-Петербургѣ Марта „31-го“ дня 1847 года.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя Моего Генералъ-Адъютантъ, Главнокомандующій Гвардейскимъ и Гренадерскимъ Корпусами, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ, Генералъ-Инспекторъ по Инженерной части, Членъ Государственнаго Совѣта, Сенаторъ, Главный Начальникъ Военно-Учебныхъ Заведеній, По-

четный Президентъ Императорской Военной Академіи, Главный попечитель Чесменской Военной богадѣльни, Предсѣдатель Комитетовъ Высочайше учрежденныхъ для составленія Воинскихъ Пѣхотной и Кавалерійской службы Уставовъ, Шефъ полковъ: Лейбъ-Гвардіи: Уланскаго имени Своего, Московскаго, Литовскаго, Волынскаго и 1-й Артиллерійской бригады, имени Своего полковъ: Гренадерскаго, Армейскихъ: Кирасирскаго, Драгунскаго, Уланскаго, Гусарскаго, Егерскаго, и 2-го Сапернаго баталіона; числящійся въ полкахъ Лейбъ-Гвардіи: Преображенскомъ и Семеновскомъ, Лейбъ-Гвардіи въ Конной Артиллеріи, Лейбъ-Гвардіи въ Саперномъ баталіонѣ и во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ; Кавалеръ Орденовъ Россійскихъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени большаго креста, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-го класса большаго креста, Св. Анны 1-й степени, Бѣлаго Орла, Св. Іоанна Іерусалимскаго командоръ; Иностранныхъ: Австрійскаго — Св. Стефана; Французскаго — Св. Духа; Прусскихъ — Чернаго и Краснаго Орла; Испанскаго—Золотаго Руна; Сардинскаго—Аннунціады; Шведскаго—Серафима; Нидерландскаго—Военнаго ордена Вильгельма и Льва; Баварскаго—Св. Губерта; Виртембергской короны; Веймарскаго—Бѣлаго Сокола, Баденскаго—за вѣрность и Церингенскаго Льва Гессенъ-Дармштатскаго—Лудвига; имѣющій шпагу съ надписью за храбрость съ лаврами и алмазными украшеніями, Польскій знакъ отличія за Военныя достоинства 1-й степени, серебрянныя медали установленныя: за Турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ; за штурмъ г. Варшавы, и знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ. МИХАИЛЪ. (скрѣпа) Начальникъ штаба Генералъ-Лейтенантъ Витовтовъ.

Указъ объ отставкѣ уволенному отъ службы изъ Ротмистровъ Кавалергардскаго Ея Величества полка Адъютанту Его Императорскаго Высочества Главнокомандущаго Гвардейскимъ и Гренадерскимъ Корпусами Полковнику *Шереметеву.*

Liste der angekommenen Kur-und Badegäste in der Königl. Stadt Kaiser-Karlsbad im Jahre 1797.

№	Namen, Karakter, Wohnung.	Ankunft.	Abgang.
67.	Sr. Exc. Herr Graf Orlow-Chesmensky, General enchef	28 Mai	27 Juni.
68.	Fräulein Orlow, Hofdame Ihre russisch. Kaiserl. Majestät.		
69.	Herr von Chesmensky, Brigadier und		
70.	Frau Kammerherrin von Petrowska, sämtl. aus Russland, wohn. beim Hrn. Anton Gerber, auf dem Markte.		
	1798 r.		
109.	Sr. Exc. Herr Graf Alexei v. Orlow-Chesmensky General enchef S. R. K. M. nebst dessen Tochter		
110.	Comtesse v. Orlow, und		
111.	Herr von Chesmensky, Brigadier S. R. K. M. nebst Frau Gemahlin, dann		
112.	Herr Collegienrath Balla und		
113.	Madame Peche, aus Russland, wohnen sämtl. im Weissen Löwen auf dem Markte.	3 Juni	14 Juli.
	1799 r.		
59.	Herr Graf Alexis von Orlow-Chesmensky, russisch. Kaiserl. General, nebst dessen Tochter		
60.	Gräfin von Orloff und		

№	Namen, Karakter, Wohnung.	Ankunft.	Abgang.
61.	Herrn Brigadier v. Chesmensky, samt seine Frau Gemahlin, aus Russland, wohn. im Weissen Löwen auf dem Markte. .	30 Mai	6 Aug.
	1800 г.		
196.	Herr Graf Alexis von Orlow-Chesmensky, russisch. Kaiserl. General nebst dessen Tochter		
197.	Gräfin von Orlow, wohnt im Weissen Löwen, auf dem Markte	10 Juni.	

(Сообщено А. П. Сабуровымъ).

ВЫПИСКА

изъ

Annalen der privilegirten Schützen-Gesellschaft zu Karlsbad vom Jahre [illegible] bis [illegible]

[illegible] Im Jahre 1769 besuchten S. Exc. der Hochgeb. Graf Alexander G. von Orloff-Chesmensky, russ. Kaiserl. General en Chef (damals noch Obrister) Karlsbad zum Erstenmale und verehrten den 2[illegible] August 12 Spec.-Dukaten zu einem Schiessen, schossen auch selbst mit und nahmen bei Ihrer Abreise viele hier verfertigte Schiessgewehre mit nach Russland. Scheibe № 48.

Den 9 September verehrten Exc. Graf von Orloff-Chesmensky abermals 6 Dukaten zu einem Schiessen. Scheibe № 49.

Выписка изъ „Kurliste“ 1769 г. № 237. 13 August.

Ihro Gnaden Herr Oberstlieutenant von Orlow [illegible].

I. G. Herr Capitain von Orlow.

I. G. Herr Oberstlieutenant von Gersdorf.

I. G. Herr Lieutenant von [illegible], sämtl. in Russ. Kais. Diensten, wohnen bei der verwittw. Frau [illegible] auf dem Markt.

Kurliste 1770 г. № 7. 9 Mai. S. Exc. der Hochgeb. Herr General en Chef Graf Alexis von Orlow Zeschminsky, logirt bei 3 Mohren auf dem Markt.

---

* [illegible]

Im Jahre 1780 besuchten S. Exc. der wirkl. russische Kaiserliche General en Chef Graf Alex. von Orloff-Chesmensky Karlsbad zum Zweitenmale, nachdem Hochderselbe im J. 1770 am 7 Juli an der Küste von Natolien bei dem Fort Chisme eine merkwürdige Seeschlacht über die Türken gewonnen hatte, und wo nach dessen Eigener Aussage viel zu dem glücklichen Ausgange beitrug: dass S. Exc. mit einem im Jahre 1768 mitgenommenen Karlsbader Feuerrohr einen der wichtigsten feindlichen Steuermänner herabgeschossen haben; welcher Erzählung, S. Exc. noch beifügten: Sehet Karlsbader! so schiessen habe ich bei Euch gelernt. Hierauf verehrten S. Exc. am 15 Mai zu einem ritterlichen Freischiessen, welches auf der Wiese hinter der Allee abgehalten wurde, 12 Spec.-Dukaten. Стр. 46—48 1780 г.

Nebst dem verehrten S. Exc. 6 fl. als Preis zu einer 2-ten laufenden Figur (einen Mann vorstellend) und erhielten Hoch-dieselben hierbei den 1 Preis 3 fl.

Während diesem Schiessen gaben S. Exc. sämmtlichen Schützen Wein und Bier zu freiem Trunk.

Nach beendigtem Schiessen überreichten S. Exc. der Karlsbader Schützen-Gesellschaft zum bleibenden Andenken eine 1 Mark Silber haltende Denkmünze, welche Ihre Kais. russ. Majestät Catharina II in Folge dieser gewonnenen Seeschlacht prägen liessen, auf der einen Seite mit dem Bildniss Ihrer Majestät auf der anderen Seite mit einer Ansicht der Seeschlacht, nebst dreien Ihrer Ordensbänder und mit dem Wunsche, dass der Schützenhauptmann dieselbe bei jedem feierlichen Aufzuge an einem blaugewässerten oder auch pommeranzengelb und schwarzgestreiften Ordensbande auf der Brust tragen möge. Auch schenkte S. Exc. dem Jos. Gebhart, einem hiesigen Bürger und sehr geübten Schützen, welchen Sie besonders liebgewonnen, ein grosses weisstaffetenes Kaffeetuch, worauf eben dieses Seetreffen Abgedruckt ist und welches dieser sodann auch der Schützen-Gesellschaft zum Andenken übergab. Beide Geschenke werden in der Schützenlade sorgfältig aufbewahrt.

Sie bei dem vorbeschriebenen Freischiessen gebrauchte Stechscheibe, der laufende Hirsch und die männliche Figur sind bezeichnet mit № 73.

Den 30 Mai verehrten S. Exc. Graf Orloff abermals 12 Dukaten zu einem Schiessen. Hierbei gaben S. Exc. noch 2 Dukaten zu 2 laufenden Figuren (Türken vorstellend). Die im Schiesshause aufbewahrten Türken sind bezeichnet mit № 74 und 75.

Стр. 63—65. 1797 г. Den 28 Mai 1797 kamen S. Exc. der russ. Kais. General en Chef Graf Alexis Orloff-Chesmensky abermals nach Karlsbad und wohnten im Hause № 31 am Markte. Am 29 Abends bewillkommte Hochdenselben die Schützen-Compagnie mit einem feierlichen Aufzuge mit türkischer Musik und 2 Salven. S. Exc. hatten über die uniformirte Compagnie solch eine Freude, dass Sie derselben einen lauten Toast aus dem Fenster ausbrachten, und all sogleich jedem Schützen eine Flasche Melniker Wein verabreichen liessen; weiters liessen S. Exc. unverzüglich den Schneidermeister Franz Fiedler kommen und sich eine Schützen-Uniform anmessen und anfertigen. In dieser Schützen-Uniform stand S. Exc. mit allen Ihren Russ. Kais. Orden angethan, an dem offenen Fenster, während am 8 Juni die Frohnleichnams-Processions über den Markt an Hochdesselben Wohnung vorüberzog. Den 11 Juni am heil. Dreifaltigkeitstage verehrten S. Exc. zu einem ritterlichen Freischiessen, welches auf der Wiese neben dem Bräuhaus abgehalten wurde, 12 Spec.-Dukaten. Scheibe № 92.

S. Exc. beehrten den Schiessplatz in Begleitung von Hochderen Comtesse Tochter dann des Grafen Alexander Chesmensky, und führten Ihrer Comtesse Tochter die Schützen mit folgenden Worten auf: „Siehst du, diese Herren haben mich schiessen gelehrt, auch du musst es lernen!“ Den Schützen gaben S. Exc. dabei zu freiem Trunk 2 Fässer Bier und 2 Eimer Wein. Den 14 Juni veranstaltete die Schützen Compagnie unter dem Gartenhause (ehemals Pimper jetzt Panorama genannt) eine Illumination: „Vive la Comtesse d'Orloff!“ und vor Hochderen Wohnung eine türkische Musik; worauf die Comtesse mit eigener Hand 10 Dukaten den Musikern gab und S. Exc. den Zuhörern der Musik am Markte mehrere Eimer Melniker Wein zu freiem Trunke verabreichen liess.

Den 24 Juni gaben S. Exc. Herr Graf Alexis Orloff-Chesmensky etc. etc. zu einem ritterlichen Freischiessen, welches nächst

der Ziegelhütte gehalten wurde, 12 Spec.-Dukaten. An der Nebenscheibe (gewann) S. Exc. selbst den 1 Preis. Scheibe № 93.

S. Exc. besuchten mit Hochderen Angehörigen den Schiessplatz, schossen selbst mit, und bewährte sich Herr Graf Alexander Chesmensky als guter Schütze. Die ganze Schützengesellschaft hatte abermals während diesem Schiessen freien Trunk. Den 26 Juli reisten S. Exc. von Karlsbad ab und überreichten der Schützen-Gesellschaft noch 13 Stück Spec.-Dukaten zu einer freudigen Schützen-Mahlzeit.

Im Jahre 1798 kam S. Exc. Graf Alex. Orloff-Chesmensky Стр. 67—7 1798 г.
zum 4-ten Mal nach Karlsbad. Am 11 Juni abends bewillkommnete Hochdenselben die Schützen-Gesellschaft vor seiner Wohnung „zum weissen Löwen" mit einem feierlichen Aufzuge, und gab daselbst 2 Salven. S. Exc. erschien sogleich in der Schützen-Uniform beim offenen Fenster, dessgleichen auch Hochdesselben Comtesse Tochter und der Herr Graf Alexander Chesmensky, dann Hochdessen Frau Gemahlin und noch eine Dame in grünen, mit schwarzen Sammet aufgeschlagenen Reitkleidern, mit schwarzen Frauenhüten, welche grün und schwarze Federn schmückten. Nach der 2 Salve wurden alle 6 Schützen-Officiere in Sr. Exc. Zimmer gerufen, freundlichst empfangen und mit Wein bewirthet. Währendem erschien unter dem drei Kreuzberg die Beleuchtung:

„Vive le Comte et la Comtesse d'Orloff!"

Für die Schützen am Markte liessen S. Exc. schnell 4 Eimer Melniker Wein herbeischaffen, allen von Seiner eignen Dienerschaft die Gläser füllen und reichen. Für die dabei munter erschallende türkische Musik erhielten die Musiker 10 Spec.-Dukaten.

Den 17 und 18 Juni verehrten S. Exc. zu einem ritterlichen Freischiessen, dass nächst der Ziegelhütte abgehalten wurde, 12 Spec.-Dukaten und wurden dazu mittels gedruckter Karten auch alle Kurgäste geladen. S. Exc. sammt Familie wie auch Graf Alexander Chesmensky nahmen Theil. Beim Abzug von dem Schiessen erhielt die Schützen-Compagnie vor der Wohnung Sr. Exc. Abermals 2 Eimer Melniker Wein verabreicht. Scheibe № 95.

Den 9 und 10 Juli, nach dem russischen Kalender am 29 Juni feierten S. Exc. Graf Orloff-Chesmensky das hohe Namensfest S.

Kais. russ. Majestät Paul I, indem Hochdieselben ein grosses Freischiessen veranstalteten, das nächst dem Lusthause unterhalb des Laurenzberges abgehalten, und am 9 Juli früh eröffnet wurde.

Am 10 Juli vormittags gegen 11 Uhr erschien sammt Familie S. Exc. in Grösster Galla und in Begleitung Ihrer Durchlaucht der Frau Herzogin Dorothea von Curland, Hochderen Princessinen und vieler anderen vornehmen Kurgäste auf dem Schiessplatz, wo die Schützen-Compagnie unter Gewehr die hohen Gäste empfing. Durch einen Triumpfbogen gelangten dieselben in den Saal des Lusthauses, wo 19 weiss und roth gekleideten Knaben und 19 gleichgekleidete Mädchen (alle Kinder der Schützen) mit Blumenkränzen geziert, Kränze und Blumenkörbchen haltend, sie erwarteten. Kaspar Gebharts Tochter Josepha Anna hielt an den Herrn Grafen folgende Anrede: „Erlauchter Graf! Die vielen und grossen Gnaden, welche Eure Erlaucht seit Sie Karlsbad besuchen, und in diesem Jahre abermals unseren Vätern zufliessen liessen, erkennen dieselben mit von innigstem Danke gerührten Herzen! Aber auch selbst auf uns, Kinder dieser Väter, machen diese Gnaden einen so mächtigen Eindruck, dass auch wir uns gedrungen fühlen Euer Erlaucht für dieselben unseren Dank dadurch zu erkennen zu geben, dass wir Hochdieselben hier willkommen heissen und Blumen auf den Weg streuen der an diesen Ort führet, wo Hochderselben Grossmuth heute wieder den Bewohnern Karlsbads ein neues Vergnügen bereitet hat. Sind auch einst diese unsere Väter nicht mehr, welche von Euer Erlaucht so geliebt zu werden, das Glück haben, so sind wir Kinder derselben noch da, denen der Name Orloff und Hochdesselben Grossmuth und Liebe gegen die Bewohner Karlsbad in gutem Gedächtnisse bleiben und Gegenstände sein werden, welche wir auch in unsern spätesten Nachkommen wieder unvergesslich zu machen uns bestreben werden". Das schöne Mädchen trug diese Anrede trefflich vor, andere Kinder überreichten einem Jeden der Hohen mitgekommenen einen Blumenstrauss. In dem Saale war in einer Grotte des Herrn Generals Bildniss mit der Umschrift: „Unvergesslich bist Du uns!" darunter Clio, welche in eine Felsentafel die Worte eingrub: „Merkwürdigkeiten von Karlsbad": „Orloff". Mit anderen auf S. Exc. Bezug habenden Zeichnungen waren an

beiden Seiten des Saales Pyramiden angebracht, welche zugleich die Inschriften enthielten: „Ruhm dir Helden!“ „Segen dir Bürgerfreund!“ „Freude dir Vater!“ „Grösse Deiner Familie!“ S. Exc. äusserten über diesen Empfang ein grosses Vergnügen. Zu Mittag gaben S. Exc. im Hause zum weissen Löwen grosse Mittagstafel, wobei unter Abfeuerung von 34 Pöllerschüssen bei Pauken und Trompetenschall ein Toast auf Sr. russ. Kais. Maj. Wohlsein ausgebracht wurde, für die Schützen ebenfalls eine Tafel im Lusthause und nach derselben ebenda zum Vergnügen ihrer Frauen und Töchter, einen Freiball. Abends um 6 Uhr waren auch sämmtliche Kurgäste von S. Exc. in dem böhmischen Saal zu einem wahrhaft glänzenden Freiball und Souper geladen. Die ganze Allee vor demselben war mit mehr als 3000 Lampen und buntfarbigen Laternen beleuchtet, in dem mittleren Alleegange war der Name S. Kais. russ. Majestät, darüber die russische Kaiser Krone und unterhalb, der den St. Georgen Orden in sich fassende russische kaiserliche Adler, zwischen mit vielen Lampen gezierten Einfassungen, angebracht. Türkische Musik belebte anhaltend diesen Platz und wurde zum Schluss rechts von der Allee ein schönes Feuerwerk abgebrannt. Für die in der Allee Anwesenden, ohne Unterschied, wurden 3 Fässer Bier und 5 Eimer Melniker Wein ausgetheilt; auch liess S. Exc. den 11. Juli für sämmtliche Bewohner Karlsbads eine Frei-komödie geben. Ausser den zum Schiessen bestimmten 12 Dukaten erhielt die Schützen-Compagnie noch baare 60 Dukaten, jedes der vorerwähnten Kinder 2 fl. und Josepha Anna Gebhard, welche die Anrede hielt 1 Dukaten. Während dem glänzenden Balle im böhmischen Saale verliessen S. Exc. mehr als eine Stunde lang die dortige Gesellschaft und besuchten um 8 Uhr auch den Schützenball im Lusthause. Ausser den Kurgästen und Bewohnern Karlsbads strömte eine grosse Menschenmenge aus der Umgegend zu diesen Feierlichkeiten herbei und war auch das Schiessen sehr zahlreich besucht. Bei der Abreise S. Exc. den 14. Juli begleiteten Hochdenselben die Schützen-Officiere zu Pferde bis Buchau.

Den 16 Juni 1799 verehrten S. Exc. Graf Alexis Orloff Стр. 75—81. 1799 г.
Chesmensky, welcher nun zum fünften Male Karlsbad besuchte, und so wie immer von den Schützen freudigst bewillkommt worden war,

12 Spec.-Dukaten zu einem Freischiessen. Dasselbe wurde hinter der puppischen Allee abgehalten und hierzu eine Reihe grosser Waldlauben mit Bänken erbaut. S. Exc. Graf Alexander Chesmensky und viele andere Cavaliere schossen mit und wurden dabei insbesondere S. Exc. Herr Graf Panin, russ. Kais. Gesandter am berliner Hofe und Herr Baron von Hünerbein als die Ausgezeichnetsten Pistolen schützen bewundert, ohne Fehlschuss schossen sie nach sehr kleinen Scheiben, nach im Teplfluss schwimmenden Hölzchen, Blümchen, Schiffchen und dgl. Beim Auf- und Abzuge dieses Schiessens defilirte die Schützen-Compagnie jedesmal vor der Wohnung Ihrer Russ. Kais. Hoheit der Frau Grossfürstin. (Вел. кн. Анна Федоровна, супруга вел. кн. Константина Павловича). Auch bei diesem Schiessen hatten die Schützen Bier zu freiem Trunk. (Scheibe № 99).

Den 10 Juli 1799 feierten S. Exc. Herr Graf Alex. von Orloff-Chesmensky abermals Sr. Russ. Kais. Majestät Paul I. Allerhöchstes Namensfest. Hierbei überreichten Hochderselbe den Schützenvorstehern 15 Dukaten zu einem Festschiessen und forderten selbe auf, Ihre russ. Kais. Hoheit die Frau Grossfürstin dazu einzuladen. Am 9 Juli früh marschirte die Schützen-Compagnie vor die Wohnung Ihrer Kais. Hoheit, der Schützen-Hauptmann Seide machte ehrerbietigst die Einladung und bat Höchstdieselbe auf der mitgebrachten Scheibe den Stechpunkt zu bestimmen; sie zogen sodann auf den Schiessplatz hinter der Allee, wo zierliche Lauben und Zelte erbaut waren. Während nun das Schiessen begann, gaben S. Exc. im deimlischen (sächsischen Saale) für viele Kurgäste ein grosses Frühstück, wobei auch Ihre Kais. Hoheit zugegen war, Höchstwelche hierauf mit Eignem grossen Gefolge an der Seite S. Exc. des Herrn Grafen Orloff, um halb 12 Uhr die Schützen-Gesellschaft beim Schiessen, mit Höchst-Ihrer Gegenwart beehrte. Die Schützen machten Spalier und 40 Knaben und Mädchen empfingen auf gleiche Weise wie im vorigen Jahre die hohen Gäste. Anna Gerhart hielt an Ihre Kais. Hoheit folgende Anrede: „Kaiserliche Hoheit! die hier anwesenden Schützen, unserer Väter, schätzten sich über allen Ausdruck glücklich, das Höchste Namensfest eines Kaisers—nach ihrer Art feierlichst mit begehen zu können,—eines

Kaisers, der die Bewunderung der Welt hat und auch mit das Opfer unserer Herzen verdient; denn wie uns Kindern unsere Väter begreiflich machten, so ist ja S. rus. Kais. Maj. Paul I. die Mitursache, dass wir in unseren Gegenden der Ruhe süsse Früchte geniessen können und des Feindes Verherungswuth nicht fühlen dürfen. Kinder! sagten uns unsere Väter, Kaiser Paul in Russland ist auch unser Wohlthäther! Sein Allerhöchstes Namensfest ist daher uns, und muss auch euch ein Fest der Freude sein! Der heutige Tag ist uns ein Fest der Freude, und er ist es umsomehr, da wir dieses grossen Kaisers Schwiegertochter sammt Höchstderselben durch Eltern und Geschwistern an diesem Platze des Vergnügens unserer Väter vor unseren Augen sehen. Wir werden das Gedächtniss dieses hohen Glückes unseren Nachkömmlingen zu rühmen das Vergnügen haben. Eure Kais. Hoheit geruhen versichert zu sein, dass es uns Wonne ist mit dankbarem Herzen zu rufen (die Kinder alle riefen laut): Es lebe Russlands grosser Kaiser Paul!—Sein ganzes Kaiserliches Haus!—Eure Kaiserliche Hoheit- und das ganze durchl. Haus Coburg!

Mit wohlwollender und zufriedener Miene hörten die hohen Anwesenden die Anrede. Anna Gebhart überreichte der Fr. Grossfürstin, die Kinder den andern hohen Gästen, Blumensträuchen. (So wie im vorigen Jahre wurden auch diesmal die Kinder von S. Exc. dem H. Grafen Orloff reichlich beschenkt). Ein herannahendes Gewitter nöthigte die hohen Gäste schnell in den Deimlischen Saal zurückzukehren, wo bis Abends 5 Uhr getantzt wurde. Für das grosse Publikum gab Graf Orloff zu freiem Eintritt eine Kunstreiterei nächst der Allee, da eben eine Gesellschaft solcher Künstler angekommen war, Abends Conzert im deimlischen Saale, wobei die Sängerin M-lle Toliani, auf der Violine Herr Hofmeister und auf dem Waldhorn ein Musiker aus S. Exc. Capelle, sich hören liessen. Den 10 Juli früh wurde das Freischiessen fortgesetzt. Zu Mittag gaben S. Exc. im Hause zum weissen Löwen für einige hohe besonders russ. hohe Herschaften, Tafel, dann für sämmtliche Kurgäste im oberen Puppischen Saale einen Freiball, im untern ein grosses Souper. Die Allee vor dem puppischen Saale war innen und aussen mit mehr als 6,000 Lampen, der mittlere Alleegang mit

300 bunten Laternen beleuchtet, am Ende dieses mittleren Ganges ein buntfärbiger prächtiger 12 Ellen hoher, 10 Ellen breiter Tempel angebracht, zu welchem 100 Ellen Leinwand und sehr viel Atlas, der an den freien Stellen durchschimmerte, verwendet wurden. In der Mitte dieses Tempels zwischen Säulen prangten des Russischen Kaisers und der Kaiserin,— ringsumher in einem Kranze alle übrigen Namen des russischen Kaiserhauses. Obenan war eine Sonne, welche fort an gedreht wurde, dann die wahrhaft prächtig gearbeitete buntfärbige Tempeldecke. Der Anblick entzückte alle Anwesenden alle, welche weit und breit herbeigekommen waren, diess Fest zu sehen. Den 11 Juli früh wurde das Schiessen weiter fortgesetzt und Mittags beendet. Herr Graf v. Panin, Graf Alexander und Herr Baron Hünerbein erregten abermals durch die grosse Sicherheit im Pistolenschiessen die allgemeine Bewunderung.

(Scheibe № 100). Um 2 Uhr gaben S. Exc. den Schützen eine Tafel zu 150 Couverts, darauf eine Frei-Comödie, dann Freiball im Lusthaus-Saale und endete auch dieses Fest mit einem Feuerwerk, das eigends hiezu in Dresden verfertigt, hier auf der Bräuhauswiese abgebrannt worden ist.

Den 2 August 1799 als dem Geburtstage Ihrer Majestät der Kaiserin von Russland verehrten S. Exc. Herr Graf von Orloff zu einem 3. Freischiessen 15 Dukaten und wurde dasselbe abermals hinter der Allee abgehalten. (Scheibe № 101).

Abends liessen S. Exc. abermals ein Feuerwerk abbrennen. Da nach russischem Kalender der St. Annatag auf den 6. August fällt; veranstalteten die Schützen eine Illumination unterhalb des dreikreuzberges „Vive Anne d'Orloff!"

Als die Schützen-Officiere bei der Abreise S. Exc. nochmals für die vielen und grossen Beweise des gnädigsten Wohlwollens dankten, erhielten selbe für die Compagnie noch ein Geschenk von 55 Spec.-Dukaten. Zum Abschiede war die Compagnie an der Strasse nächst dem Prager Thor aufgestellt und geleiteten viele reitend und fahrend ihren hohen Gönner bis Buchau.

Стр. 82—83. 1800 г. Den 10 Juni kamen S. Exc. der russ. Kais. General en Chef Graf Orloff Chesmensky das Sechste- und Letztemal nach Karlsbad, verweilten aber nur bis zum 29. Juni. Den 12. Juni wurde

Hochderselbe von der Schützen-Gesellschaft so wie früher mit allen Ehrenbezeigungen bewillkommt. An eben diesem Tage, als am Vorabende von Prinz Antons (von Sachsen) Namensfeste, liessen S. Exc. Graf Orloff bei rauschender Musik auf dem Dreikreuzberge in grosser Schrift: „Vive P. Antoine et Son Epouse!" mit Lampen illuminiren. Der Schützen-Gesellschaft verehrten Hochdieselben zu einem ritterlichen Freischiessen 15 Dukaten. Es wurde den 23 und 24 Juni auf der Wiese hinter der Allee geschossen. S. Exc. der Herr General Graf Orloff und S. durchl. Prinz Anton von Sachsen beehrten mit Ihrer Gegenwart den Schiessplatz. Graf Alexander schossen abermals mit und sehr gut. Bei der Abreise beschenkten S. Exc. die Schützengesellschaft mit noch 150 Kaisergulden und wurde Hochderselbe so wie früher unter vielen Segenswünschen von den Officieren der Schützencompagnie, vielen Schützen und Bürgern bis Buchau begleitet. Die bei diesem Schiessen gebrauchte Stechscheibe stellt die Sprudelquelle vor und hat die Devise: Fervidus auxilium praebet mortalibus aegris. (Scheibe № 102).

Im Jahre 1801 wollten S. Exc. Graf Orloff-Chesmensky etc. etc. Karlsbad abermals besuchen, hatten bereits Wohnung zu 3 Lerchen am Markte bestellt, als nach der Thronbesteigung S. rus. Kais. Maj. Alexander I., S. Exc. ein eigenhändiges Schreiben von dem Kaiser erhielten und darin eingeladen wurden nach Russland zurückzukehren, demzufolge auch die Reise nach Karlsbad unterblieb. Dieses für S. Exc. ehrenvolle Ereigniss bewog die Schützengesellschaft ein Glückwunschschreiben abzusenden, darin nochmals ihren innigsten Dank und die Bitte auszusprechen: dass S. Exc. auch im fernen Russland der Stadt Karlsbad und ihrer Schützen-Gesellschaft wohlwollend eingedenk verbleiben mögen! — Hierauf folgte von S. Exc. die hier wörtlich angeschlossene Antwort: „Geehrteste Herrn! Vor die mir zugesendeten guten Wünsche sage ich Ihnen bestens Dank. Ich werde mich der Ehre, welche Sie mir immer bei meiner Anwesenheit erwiesen, mit Vergnügen erinnern. Es thut mir leid, dass ich von jetzt an das Vergnügen nicht mehr haben kann, an ihren Vergnügen Theil zu nehmen; ich hoffe zwar gewiss nach Verlauf einer Zeit, so Gott Leben und Gesundheit schenkt, die Zahl der werthen Schützencompagnie wieder zu ver-

Стр. 83—85. 1801 г.

mehren. Indessen wünsche ich, dass Sie allerseits recht gesund und vergnügt leben mögen und Sie allerseits bei der einstigen Wiederkunft eben in der Art wieder zu finden, das Vergnügen haben möge, und verbleibe allstets Einer Löbl. Schützencompagnie ganz bereitwilliger

Graf Alexis von Orloff-Chesmensky.

P. S. Die Schützen-Uniform werde ich zu ferneren einmaligen Gebrauch- und Andenken sorgfältig bewahren.

Als letztes Andenken erhielt die Schützengesellschaft von S. Exc. dem Herrn Grafen Orloff-Chesmensky eine neue Fahne. Da S. Exc. bemerkt hatten, dass die von Sr. Röm. Kais. Maj. Kaiser Karl VI im Jahre 1732 der Karlsbader Schützengesellschaft Allergnädigst geschenkte Fahne durch den langen Gebrauch schon Schaden gelitten hatte, liess Hochderselbe in Dresden eine neue, der Alten ganz gleiche Fahne verfertigen und selbe durch die Frau Gräfin Bachmetieff am 8 Juni 1801 zum Andenken überreichen. Dieselbe wurde das Erstemal bei dem feierlichen Kirchenaufzuge am 4. Oktober 1801 dem A. h. Namensfeste S. K. K. Majestät Franz II geführt und Joseph Heilingötter, des Schützen-Officiers Jos. Heilingötter Sohn, als Fähndrich dazu ernannt; die Kaiser Karls-Fahne war bei der ersten, die neue bei der zweiten Schützen-Abteilung eingetheilt worden. General Graf Alexis von Orloff starb zu Moskau am 5. Jänner 1807—alt 74 Jahre.

(*Сообщено А. П. Сабуровымъ*).
